БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – XIII.
СТЕПНАЯ ЕВРАЗИЯ:
КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

Улан-Удэ
2024

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – XIII

СТЕПНАЯ ЕВРАЗИЯ:
КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

Материалы Международной научно-практической конференции
(20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2024

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FSBEI HE «EAST SIBERIAN STATE INSTITUTE OF CULTURE»

BAIKAL MEETINGS – XIII

STEPPE EURASIA: CULTURAL UNITY AND DIVERSITY

Proceedings of the internationalscientific and practical conference
(20–21 September 2024, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city)

Ulan-Ude
Publishing department
FSBEI HE ESSIC
2024

УДК 008+930.85
ББК 71л0
Б 189

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

Ответственный редактор:
Е. Ю. Перова, кандидат экономических наук, доцент
Научные редакторы:
И. С. Цыремпилова, доктор исторических наук, доцент;
Н. Б. Дашиева, доктор исторических наук, профессор
Редакционная коллегия:
З. А. Серебрякова, доктор филологических наук, доцент; *Л. М. Хобракова,* кандидат филологических наук, доцент; *А. В. Ринчинова*, кандидат филологических наук, доцент; *Э. Г. Сангадиева,* кандидат филологических наук, доцент; *С. В. Шойбонова,* кандидат филологических наук, доцент; *Е.В. Матвеева,* кандидат социологических наук, доцент
Переводчики:
Л. М. Хобракова, кандидат филологических наук, доцент;
С. В. Шойбонова, кандидат филологических наук, доцент

Б 189 **Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия: культурное единство и многообразие** : материалы Международной научно-практической конференции (20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2024. – 372 с.

ISBN 978-5-89610-347-9

В издание включены материалы Международной научно-практической конференции «Байкальские встречи – XIII», состоявшейся в г. Улан-Удэ 20–21 сентября 2024 г. Конференция проводилась с целью обсуждения актуальных вопросов истории культуры народов степной Евразии, эффективных методов и способов сохранения и развития культурного наследия в современных условиях. В материалах конференции отражается специфика современной степной Евразии в ее культурном единстве и многообразии.

УДК 008+930.85
ББК 71л0

ISBN 978-5-89610-347-9
© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2024

УДК 008+930.85
ББК 71л0
Б 189

Approved for publication
by the Publishing Council of FSBEI HE
«East Siberian State Institute of Culture»

Chief editor:
Ye. Yu. Perova, Ph.D. in Economics, associate professor
Scientific editors:
I. S. Tsyrempilova, D. Sc. in History, associate professor
N. B. Dashieva, D. Sc. in History, professor
Editors:
Z. A. Serebryakova, D. Sc. in Philology, associate professor;
L. M. Khobrakova, Ph. D. in Philology, associate professor; *A. V. Rinchinova*, Ph. D. in Philology, associate professor; *E. G. Sangadieva*, Ph. D. in Philology, associate professor; *S. V. Shoybonova*, Ph. D. in Philology, associate professor;
Ye.V. Matveeva, Ph. D. in Sociology, associate professor
Translators:
L. M. Khobrakova, Ph. D. in Philology, associate professor;
S. V. Shoybonova, Ph. D. in Philology, associate professor;

Б 189 **Baikal meetings – XIII. Steppe Eurasia: cultural unity and diversity** : proceedings of the international scientific practical conference (20–21 September 2024, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city). – Ulan-Ude : Publishing department of FSBEI HE ESSIC, 2024. – 372 p.

ISBN 978-5-89610-347-9

The collection includes the proceedings of the international scientific and practical conference «Baikal meetings – XIII» held on 20-21 September 2024 in Ulan-Ude city. The conference has been held with the aim to discuss the actual issues of history of culture of the peoples of steppe Eurasia, effective methods and ways to preserve and develop cultural heritage in modern conditions. The specifics of modern steppe Eurasia in its cultural unity and diversity is reflected in the the materials of the conference.

УДК 008+930.85
ББК 71л0

ISBN 978-5-89610-347-9 © East Siberian state institute of culture, 2024

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)

125993, ГСП-3, Москва,
Малый Гнездниковский пер., д. 7/6, стр. 1, 2
Телефон: +7 495 629 10 10
E-mail: mail@mkrf.ru

19.09.2024 № 6928-06-1@

на № _____ от «___» _____

ПРИВЕТСТВИЕ

УЧАСТНИКАМ И ОРГАНИЗАТОРАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – XIII. СТЕПНАЯ ЕВРАЗИЯ: КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ»

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Министерства культуры Российской Федерации рада приветствовать и поздравить вас с началом работы международной научно-практической конференции «Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия: культурное единство и многообразие».

Объединение научного потенциала представителей разных стран и регионов России, собравшихся в эти дни, несомненно, будет способствовать всестороннему обсуждению актуальных вопросов истории и культуры народов степной Евразии, а также поиску эффективных способов сохранения и развития ее наследия. Многогранность традиций и культуры народов России определяет разнообразие исследовательских подходов, диктует необходимость обмена опытом между учеными и практиками.

Уверена, что конференция «Байкальские встречи», которая проводится Восточно-Сибирским государственным институтом культуры в солнечной и гостеприимной Республике Бурятия на берегах озера Байкал, станет успешной площадкой для открытых дискуссий и конструктивных решений!

Директор Департамента
региональной политики, образования
и проектного управления С.Д.Ермакова

ДОКУМЕНТ ПОДПИСАН
ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСЬЮ
Сертификат 73F058AA7190D5D92BA6D5ECBFDB0DBA
Владелец **Ермакова Светлана Даниловна**
Действителен с 07.09.2023 по 30.11.2024

Серов Олег Сергеевич
+7 495 629-10-10, доб. 1670

Общественная палата
Российской Федерации
CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION
Миусская пл., д. 7, стр.1, Москва, ГСП-3, 125993
Тел.: +7(495)132-59-99, www.oprf.ru, info@oprf.ru

_____ № 8ОПК-13/____
На № _____ от _____

**КОМИССИЯ ПО КУЛЬТУРЕ
И СОХРАНЕНИЮ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ**

Участникам Международной
научно-практической конференции
«Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия:
культурное единство и многообразие»

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые организаторы, участники и гости
Международной научно-практической конференции
«Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия:
культурное единство и многообразие»!

От лица Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по культуре и сохранению духовного наследия приветствую вас на этой конференции и поздравляю с ее открытием!

Общественная палата Российской Федерации оказывает активное содействие процессам развития научного, культурного и творческого потенциала евразийского региона, рассматривает объекты культурного наследия, как важный экономический ресурс, как фактор, формирующий национальное самосознание евразийских народов, как важный патриотический потенциал в образовательном и воспитательном процессах.

Государственная культурная политика в нашей стране, при поддержке широкой общественности, реализуется в едином культурном пространстве, включающем регионы Российской Федерации, с расположенными в них объектами культурного наследия, и является основой обеспечения культурного суверенитета нашей страны.

Актуальность разработки новых, более эффективных форм и методов сохранения и использования культурного наследия, в значительной мере определяется современной геополитической ситуацией, когда деятельность по

сохранению наследия народов России по праву отнесена к стратегическим приоритетам. Вызовы, стоящие перед российским обществом, актуализируют необходимость совершенствования механизмов сохранения и использования наследия. При этом возрастает важность осмыслении данных вопросов не только в академической и образовательной среде, но и в широком общественном сознании.

Необходимо формировать комплексный подход к современному использованию объектов наследия, проводить анализ практического опыта внедрения мер и способов сохранения исторического достояния народов нашей страны, что в конечном итоге создаст необходимую информационно-методическую базу для оптимизации процессов управления и координации деятельности региональных структур в сфере культуры и сохранения культурного наследия.

Уверена, что данная конференция, проводимая на гостеприимной бурятской земле, станет эффективной площадкой для обмена опытом и послужит платформой для сотрудничества между всеми участниками форума, заинтересованными в развитии научного, культурного и творческого потенциала гражданского общества в евразийском регионе!

Желаю гостям и участникам конференции успешной работы, плодотворных дискуссий и всего наилучшего!

С уважением,

Председатель Комиссии И.Я. Великанова

Уважаемые организаторы и участники
Международной научно-практической конференции
«Байкальские встречи — XIII.
Степная Евразия: культурное единство и многообразие»,
от Российской академии наук поздравляю вас
с началом работы научного форума!

Ваша Международная конференция проходит уже в 13 раз. Она собирает ученых из научных центров и вузов не только России, но и других стран и способствует консолидации научного сообщества, сохранению диалога и партнерства в деле поддержания культурного многообразия на евразийском пространстве. Научное раскрытие богатого исторического прошлого евразийского пространства является одной из важнейших задач современных гуманитарных наук. Разностороннее обсуждение актуальных вопросов истории культуры народов степной Евразии, эффективных методов и способов сохранения и развития культурного наследия в современных условиях позволит продвинуть наши знания об истории и культуре региона, обогатить научные представления о прошлом нашей страны и стран-соседей, накопленном историческом опыте взаимодействия различных культур, народов и государств. Обмен опытом позволит существенно расширить потенциал развития степной Евразии в сфере современного образования, туризма и цифрового информационного контента.

Желаю всем участникам «Байкальских встреч» успешной работы, интересных дискуссий, знакомств и, конечно, плодотворных научно-практических результатов.

Вице-президент РАН
академик РАН Н.А. Макаров

Министерство культуры Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»
(ВСГИК)

Дорогие друзья!
Уважаемые участники научно-практической конференции
«Байкальские встречи XIII. Степная Евразия:
культурное единство и многообразие»!

Разрешите от имени профессорско-преподавательского состава Восточно-Сибирского государственного института культуры поприветствовать вас и пожелать успешной и плодотворной работы. Международная конференция «Байкальские встречи» – это традиционное научное мероприятие нашего вуза! Мы рады, что в этом году в числе учредителей форума – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Москва), Общественная палата Российской Федерации, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (Якутск), Арктический государственный институт культуры и искусств (Якутск).

Заявленная тематика конференции «Степная Евразия: культурное единство и многообразие» заинтересовала широкий круг представителей научных организаций, высших учебных заведений, общественных структур, как видных ученых, так и начинающих исследователей из различных городов и регионов: Абакан, Астана (Казахстан), Барнаул, Иркутск, Казань, Камчатский край, Кызыл, Кызылорда (Казахстан), Кяхта, Лулео (Швеция), Москва, Новосибирск, Омск, Орел, Санкт-Петербург, Симферополь, Тюмень, Улан-Батор (Монголия), Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Чженьцзян (Китай), Чита, Элиста, Якутск и др.

Это тема логично вписывается в традиционные направления, разработкой которых более 60-ти лет занимается коллектив нашего института: изучение и сохранение образцов народного творчества, материального и нематериального культурного наследия народов, населяющих Восточную Сибирь, Дальний Восток, Север и арктические территории. Научное и культурное содружество народов наших регионов постоянно расширяется, как и тематика докладов и сообщений, предложенных участниками конференции.

Наша конференция – это отклик на современные реалии, отрадно, что в современных непростых условиях наука, образование и культура являются объединяющими факторами. Ведь научные мероприятия, общий разговор и конструктивное обсуждение создают платформу для обмена идеями, что, в свою очередь, приводят к новым возможностям и успешным проектам!

Ректор ФГБОУ ВО ВСГИК Е.Ю. Перова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

УДК 316.663.5(=512):303.4

Буркова В. Н., Семенова О. В., Бутовская М. Л., г. Москва, Россия
Амиргалина Г. Т., г. Кызылорда, Казахстан
Галимханов А. Б., г. Уфа, Россия
Егорова А. И., г. Якутск, Россия
Зинурова Р. И., г. Казань, Россия

Burkova V. N., Semyonova O. V., Butovskaya M. L., Moscow, Russia
Amirgalina G. T., Kyzylorda, Kazakhstan
Galimkhanov A.B., Ufa, Russia
Yegorova A.I., Yakutsk, Russia
Zinurova R.I., Kazan, Russia

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ РОЛИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (БАШКИРЫ, КАЗАХИ, ТАТАРЫ И ЯКУТЫ)

MALE AND FEMALE ROLES IN REPRESENTING THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES: CROSS-CULTURAL ANALYSIS (THE BASHKIRS, KAZAKHS, TATARS AND YAKUTS)

В рамках кросс-культурного исследования представлений о мужских и женских ролях был проведен анализ данных из четырех тюркоязычных групп – башкир, казахов, татар и якутов (общая выборка 734 студента). Исследование показало, что наибольшее влияние на фактор гендерного равенства оказывает пол – по всем вопросам женщины демонстрируют более профеминистские взгляды, чем мужчины. Наиболее традиционными в нашей выборке были казахи, а наиболее профеминистскими – якуты.

The analysis of data of four Turkic-speaking groups – the Bashkirs, Kazakhs, Tatars and Yakuts (734 students in total) has been made within the cross-cultural research of representations about male and female roles. The study has shown that sex has the greatest influence on the gender equality factor, in all issues women demonstrate more pro-feminist views than men. The Kazakhs have been the most traditional in our study, and the Yakuts – the most pro-feminist.

Ключевые слова: гендерное равенство, мужские и женские роли, тюркоязычные народы, башкиры, казахи, татары, якуты.

Keywords: gender equality, male and female roles, Turkic-speaking peoples, Bashkirs, Kazakhs, Tatars, Yakuts.

Вопрос гендерного равенства вызывает много дискуссий, и, с появлением данных о традиционных обществах и ранее недоступных для исследований культурах, антропологи все чаще обращают внимание на разделение мужских и женских ролей в них. Во многих культурах нормативные ожидания для мужчин и женщин различаются, более того, видится желательным, чтобы мужские и женские роли были разными. Зачастую, от данного распределения мужских и женских ролей в обществе зависит выживание популяции [1]. Гендерные ценности и стереотипы являются предметом исследований на протяжении десятилетий. Наиболее распространенный подход связан с представлением о социальных ролях мужчин и женщин, различия между которыми сконструированы и навязаны обществом [2]. Ценности, соответствующие мужским и женским ролям, формируются как социальные стереотипы, усваиваются в детстве и в более позднем возрасте трансформируются как личные ценности. Несмотря на социально-экономическое развитие и технологический прогресс, половые различия в ценностях имеют определенные базовые универсалии, сохраняющиеся и в современных обществах.

В рамках данной работы под гендером понимается совокупность социальных норм, определяющих допустимые и желательные проявления поведения для представителей мужского и женского пола в обществе, а под гендерным равенством – подразумевается равенство полов. Цель работы – сравнительная оценка представлений о мужских и женских гендерных ролях у представителей четы-

рех тюркских народов – башкир, казахов, татар и якутов; выявление взаимосвязей гендерного равенства с религиозной принадлежностью и уровнем личной тревожности.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2024 г. было осуществлено кросс-культурное онлайн-анкетирование на добровольной основе. Протокол исследования одобрен этическим комитетом Института этнологии и антропологии РАН (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.).

Выборка представлена студентами в трех российских регионах: Башкирия (г. Уфа), Татарстан (г. Казань), Саха-Якутия (г. Якутск); и в одном регионе Казахстана (г. Кызылорда). В совокупную выборку вошли только тюркоязычные этничности (734 человека) (табл. 1).

Таблица 1 – Социо-демографические характеристики выборок

Этничность	**Мужчины**	**Женщины**	**Возраст** (ст.откл.)
Башкиры	98	57	24,96 (10,84)
Казахи	59	100	21,54 (6,99)
Татары	137	203	26,85 (32,51)
Якуты	15	65	20,84 (3,72)
ИТОГО	**309**	**425**	**24,64** (23,06)

В исследовании использована короткая версия опросника «Отношение к женщинам», вопросы которой представлены в виде утверждений, описывающих роли и модели поведения во всех основных областях деятельности, в которых нормативные ожидания могли бы быть одинаковыми для мужчин и женщин [3]. Уровень тревожности определен с использованием опросника Генерализованного Тревожного Расстройства (ГТР-7) [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Однофакторный двусторонний дисперсионный анализ показал значимые главные эффекты переменных «этнос» ($F=13,961$; $p<0,001$), «пол» ($F=112,525$; $p<0,001$), «религия» ($F=19,907$;

p<0,001) и «тревожность» (F=3,113; p<0,001) для фактора «Равенство полов». Таким образом, наибольшую значимость для данного фактора имел пол респондентов, далее шли религия и этнос. Менее всего на данный фактор влияла личная тревожность респондента.

Общие медианные значения с распределением по половому признаку представлены на рис. 1 и демонстрируют более высокие баллы по шкале «Равенство полов» у женщин по сравнению с мужчинами во всех выборках. Мужчины мало отличались друг от друга в четырех исследуемых культурах.

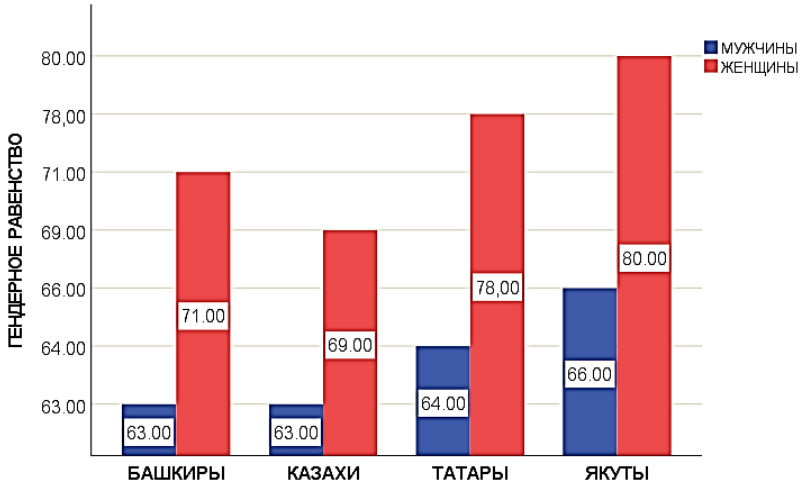

Рисунок 1 – Половые и этнические различия по фактору «Равенство полов»

Проведенный анализ отдельно по каждому из вопросов опросника «Отношение к женщине» показал значимые гендерные различия по всем утверждениям. У женщин по всем вопросам, касающимся как экономического и юридического характера, так и домашних и бытовых дел, продемонстрированы более высокие нагрузки, что указывает на стремление женщин к большему равноправию между полами по сравнению с мужчинами. Единственный вопрос, по которому различий не наблюдалось, «Инициатива предложения вступления в брак со стороны женщины должна быть столь же естественной, как и с мужской».

Больший интерес представляют этнические различия, которых было значимо меньше. У мужчин различия между группами наблюдались всего по двум вопросам: мужчины-якуты больше других считали, что женщины, зарабатывающие столько же, сколько их кавалеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются, тогда как чаще всех были против такой постановки вопроса казахи. Кроме того, якуты были и самыми терпимыми по вопросу отношения к добрачному сексу – мужчины-якуты чаще других отмечали, что это приемлемо, тогда как наиболее консервативные из четырех выборок – казахи – считали, что женщин следует поощрять к тому, чтобы они сохраняли невинность до замужества.

У женщин этнические различия наблюдались по 11 вопросам. Якутки чаще других считали, что мужчины должны наравне с женщинами нести бремя домашних забот, тогда как самыми патриархальными в данном вопросе были казашки. Татарки и якутки чаще других считали оскорбительным, что в семейной жизни сохраняется правило "повиноваться", тогда как казашки были более терпимы в данном вопросе. Также татарки и якутки полагали, что при назначении на работу и в карьере необходимо учитывать реальные заслуги работника без учета пола, тогда как меньше всех с этим утверждением соглашались казашки. Для якуток считалось более приемлемым поведение, когда женщины рассказывают пошлые анекдоты наравне с мужчинами, тогда как больше всех против были башкирки, а казашки и татарки заняли среднюю позицию. Якутки (также, как и мужчины-якуты) и казашки (напротив мужчин-казахов) чаще других считали, что женщины, зарабатывающие столько же, сколько их кавалеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются; башкирки были меньше всех согласны с этим. Якутки и татарки чаще ратовали за то, что женщина может работать на мужских должностях, казашки были противоположного мнения. Татарки, якутки и башкирки чаще не соглашались с тем, что женщина не должна ожидать, что будет иметь такую же свободу действий, как и мужчина, тогда как казашки больше других соглашались с этим утверждением. Татарки и якутки были наиболее терпимы к добрачному сексу, тогда как казашки чаще других были против этого. Татарки, якутки и башкирки, по сравне-

нию с казашками, считали, что закон не должен отдавать предпочтение мужу перед женой в распоряжениях семейным имуществом или доходом. Татарки и якутки чаще рассматривали женщин как способных вносить вклад в экономическое производство наравне с мужчинами, тогда как казашки снова были наиболее традиционны в данном вопросе. Якутки, и чуть меньше татарки и башкирки полагали, что женщина может строить карьеру, а не только заниматься детьми и домашними делами, тогда как среди казашек такие ответы встречались реже.

Таким образом, якутки и татарки были наиболее феминистски настроенными в вопросах равенства полов, башкирки занимали чуть более умеренную позицию, но в целом близкую к татаркам, тогда как казашки были значимо более патриархальных взглядов. Исследователь этнической истории и социальных проблем якутов Д.Г. Брагина отмечает, что тенденцией последнего десятилетия XX и начала XXI вв. становится многообразие форм семейной жизни среди якутов [5]. Хотя традиционно главой семьи был мужчина, всё больше появляется семей, официально возглавляемых женщинами, в особенности неполных, наблюдается «рост безработицы среди мужчин, феминизация социальных сторон жизни, нарушения прав ребёнка, а на почве алкоголизации, в том числе и среди женщин, наблюдается рост числа адюльтера, разводов, вдовства» [5, с. 63]. Данные Брагиной частично объясняют наши выводы о большем равноправии между полами у якутов. Тогда как среди татар большую роль, вероятно, играет эффект большого города: Казань – научный и образовательный центр региона с исторически высоким уровнем терпимости к разным традициям.

Более традиционный взгляд казахов в целом, и в частности казашек, также может быть обусловлен разными факторами. Современные процессы трансформации казахского общества обусловлены двумя основными тенденциями в отношении равенства полов, с одной стороны, участие женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни страны повышается, с другой стороны, особую роль играет сохранение исторической памяти, и именно женщины являются носителями и хранителями традиций своего народа, транслируя их в своих семьях и при воспитании детей [6].

Религия и гендерное равенство. Важным фактором при формировании представлений о мужских и женских ролях в семье и обществе является религия. Большинство тюркоязычных народов являются мусульманами, но также есть православные христиане (например, татары, как в нашей выборке). Среди наших респондентов как мусульмане указали себя 92% казахов, 67% башкир, 34% татар и 1% якутов. Больше всего православных было среди татар (36%), далее шли башкиры (9%) и якуты (6%). Среди якутов почти половина респондентов ответила, что придерживается традиционных языческих верований (тенгрианство) – 48%. Больше всего атеистов было среди якутов (44%), далее – татар (27%), башкир (24%) и немного среди казахов (7,5%). Таким образом, самой монорелигиозной группой в нашей выборке были казахи.

На представленном рисунке 2 показано, что респонденты, считающие себя атеистами, демонстрировали в своих ответах наиболее радикальное соответствие своих взглядов идеалам гендерного равенства. Далее по мере убывания следовали буддисты (их было всего по 1% у татар и якутов) и язычники (якуты). Православие и в особенности ислам стали наиболее традиционными в вопросах гендерного равенства и тяготели к более патриархальным устоям.

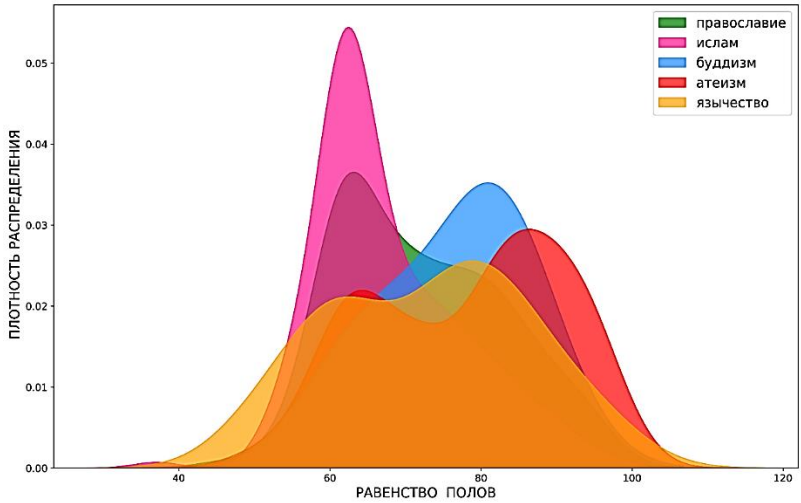

Рисунок 2 – Распределение значений фактора «Равенство полов»

в разных религиозных группах

В нашей выборке самыми патриархальными взглядами обладали казахи. Хотя исследователи отмечают, что в казахском обществе позиции ислама в отношении женщины были намного слабее, чем в других регионах Средней Азии [7], в нашей выборке казахи представляют собой мусульманское большинство, и надо полагать, отношение исламской традиции в отношении места мужчины и женщины проявляется ярче, чем в других трех группах. Некоторые авторы отмечают влияние тенгрианства на религиозное мировоззрение тюркских народов [8], которое обладает гораздо большим гендерным равенством по сравнению с исламом. В нашей выборке почти половина якутов продолжает в той или иной степени практиковать данный традиционный культ, что может объяснять их более феминистские взгляды по сравнению с другими группами наряду с другими факторами.

Тревожность и гендерное равенство. Для анализа направления связи между уровнем тревожности респондентов и фактора «Равенство полов» был проведен регрессионный анализ для мужчин и женщин. Полученные данные показывают, что значимая связь наблюдается только у мужчин (B=0,445; SE=0,168; t=2,654; p=0,009). Таким образом, мужчины, чьи ценности тяготели к более феминистскому взгляду на равенство полов имели более высокие баллы по личной тревожности, тогда как мужчины с более традиционными взглядами более спокойнее. При этом самыми тревожными были мужчины-якуты (средние = 4,93; станд.откл. = 4,62), далее следовали башкиры (средние = 3,05; станд.откл. = 4,36) и казахи (средние = 2,85; станд. откл. = 4,64). По всей видимости, мужчины сложнее переживают ломку традиционных ценностей и трансформацию общества в сторону большего равенства между полами. Исследования, проведенные в западных обществах, также показывают, что среди них наблюдается кризис мужественности на фоне движений за расовое и гендерное равенство, что приводит к повышенной агрессивности и тревожности [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе проведена сравнительная оценка преставлений о мужских и женских ролях у молодых представителей че-

тырех тюркских народов – башкир, казахов, татар и якутов. Полученные результаты показывают, что наибольшее значение на фактор равенства полов имеет пол – по всем вопросам женщины демонстрируют более профеминистские взгляды, чем мужчины. Данный фактор (пол) влияет на представления о равенстве полов и в ассоциации с религией и уровнем личной тревожности. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что наиболее традиционными в нашей выборке были казахи, как мужчины, так и женщины, а представления о гендерном равенстве нашли большее подтверждение у якутов. Татары и башкиры занимали средние позиции. Данное распределение сильно зависело от фактора религии – наиболее традиционными взглядами обладали мусульмане, далее – православные, тогда как наиболее феминистские ответы получены от атеистов.

Наблюдаемая только у мужчин связь между уровнем тревожности и фактором равенства полов может указывать на то, что изменения и перестройка традиционных взглядов несет в себе потенциальные риски для психологического здоровья, особенно у мужчин.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01639, https://rscf.ru/project/24-28-01639/.

Примечания

1. Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective // Sustainability. 2021. Vol. 13, № (3). P. 1-18

2. Zinkina J., Butovskaya M., Shulgin S., Korotayev A. Global Evolutionary Perspectives on Gender Differences in Religiosity, Family, Politics and Pro-Social Values Based on the Data from the World Values Survey // Social Evolution & History. 2024. № 23(1). P. 76-105.

3. Spence J. T., Helmreich R., Stapp J. A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // Bulletin of the Psychonomic society. 1973. № 2(4). P. 219-220.

4. Spitzer R. L., Kroenke K., Williams J. B. W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // Archive of Internal

Medicine. 2006. № 166(10). P. 1092-1097.

5. Брагина Д. Г. О проблеме отцовства в современной якутской семье // The Scientific Heritage. 2021. № 75. С. 62-64.

6. Джумагалиева К. В., Акмамбетова М. Е. Положение женщины в казахском обществе в исторической ретроспективе // Образовательная среда: теория и практика : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., (Астрахань, 28 мая 2021 г.). Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2021. С. 205-208.

7. Мир традиционной культуры казахов: (этнографические очерки) / Н. Шаханова ; отв. ред. Х. А. Аргынбаев. Алматы : Казахстан, 1998. 184 с.

8. Бегалинова К. К. Ислам и православие в поликонфессиональном Казахстане : учеб. пособие. Алматы : Казак ун-ті, 2019. 189 с.

9. Pease B. The rise of angry white men: Resisting populist masculinity and the backlash against gender equality // The challenge of right-wing nationalist populism for social work. Routledge, 2020. P. 55-68.

УДК 572.9-055.25(=512.156)

Бутовская М. Л., Адам Ю.И., г. Москва, Россия

Butovskaya M.L., Adam Ju.I., Moscow, Russia

ПАЛЬЦЕВОЙ ИНДЕКС КАК МАРКЕР ПРЕНАТАЛЬНОЙ АНДРОГЕНИЗАЦИИ И ЕГО СВЯЗЬ С ВОЗРАСТОМ МЕНАРХЕ У ДЕВОЧЕК-ТУВИНОК СЕГОДНЯ

DIGIT RATIO AS A MARKER OF PRENATAL ANDROGENIZATION AND ITS CONNECTION WITH THE AGE OF MENARCHE OF THE TUVAN GIRLS AT PRESENT

Проведено комплексное исследование девочек тувинок в рамках экспедиционных выездов 2018-2019 в г. Кызыл и Тоджинский район Республики Тыва. Цель исследования: оценить возможную ассоциацию между маркером пренатальной андрогенизации (пальцевой индекс на правой руке, R2D:4D) и возрастом менархе у девочек-тувинок. Высказана гипотеза о том, что для девочек с более низкими пальцевыми индексами возраст менархе будет более поздним. В качестве дополнительных независимых предикторов использованы показатели порядка рождения и силы кисти с контролем по возрасту. Результаты подтвердили исходную гипотезу. Показано также, что у тувинок с более высокими показателями силы кисти менархе наступает раньше.

The complex study of the Tuvan girls was carried out as a part of the expedition to Kyzyl city and the Todzhinsky district of the Republic of Tuva in 2018-2019. The purpose of the study was to assess the possible association between a marker of the prenatal androgenization (digit ratio of the right hand, R2D:4D) and the age of menarche of the Tuvan girls. It was hypothesized that menarche of the girls with lower digit ratios will start later. The indicators of the birth order and hand grip strength with the age control were used as

additional independent predictors of the time of menarche. The results confirmed the original hypothesis. It was also shown that the Tuvan girls with higher level of hand grip strength experience menarche earlier.

Ключевые слова: тувинцы, девочки, пальцевой индекс (2D:4D), пренатальная андрогенизация, возраст менархе, сила кисти.

Keywords: Tuvans, girls, digit ratio (2D:4D), prenatal androgenization, age of menarche, hand grip strength.

В.А. Бацевич с соавторами [1] убедительно продемонстрировали ускорение темпов созревания в тувинской группе, сравнив аналогичные показатели (разница между скелетным и хронологическим возрастом у детей и подростков, а также возрастом менархе у девушек и девочек, обследованных в 1976-1978 гг. по сравнению с 2018-2019 гг.) (таблица 1). Разница по возрасту менархе (далее, Me) равнялась примерно трем годам и находилась в интервале 15,59-15,98 гг. во время обследований 1976-1978 гг., тогда как в 2018 г. самый ранний возраст Me отмечался у школьниц г. Кызыла (12.65 г.), при этом снижение возраста Me наблюдалось также у девочек в сельской местности. Нами была исследована связь между скелетным возрастом и пальцевым индексом [2]. На тувинской выборке подтвержден выраженный половой диморфизм по пальцевому индексу, при измерении соотношений длин второго и четвертого пальцев непосредственно на руке и на рентгенограммах (мужской индекс был достоверно ниже женского), что в целом соответствует общим тенденциям, отмеченным в большинстве человеческих популяций [3-8]. Установлено, что между пальцевым индексом по прямым антропометрическим измерениям длин пальцев на руке и измерениям на рентгенограммах существует достоверная положительная корреляция. Наше исследование показало также, что пальцевой индекс был выше у девочек, чей скелетный возраст превосходил хронологический [2]. При анализе связи между антропометрическими показателями физического развития (рост, вес, сила кисти) было установлено, что пальцевой индекс на правой руке у юношей и девушек из тувинской популяции отрица-

тельно коррелировал с силой кисти, с контролем по индексу массы тела человека [9]. Таким образом, тувинские данные также подтверждают гипотезу о том, что пальцевой индекс может рассматриваться как маркер физической силы и здоровья человека. Хотя, важно помнить, что связь эта хотя и устойчивая, но слабая.

В нашем нынешнем исследовании также использованы материалы, полученные в рамках экспедиционных выездов в Туву (г. Кызыл и Тоджинский район) в 2018-2019 гг. в экспедиции под руководством В.А. Бацевича с участием одного из соавторов данной статьи (Ю.И. Адам). В соответствии с программой по нашему большому междисциплинарному проекту (рук. М.Л. Бутовская) мы продолжили изучение связи между показателем пренатальной андрогенизации – пальцевым индексом с возрастом Ме у девочек-тувинок. В качестве дополнительных независимых предикторов были взяты также сила кисти и порядок рождения.

Размер выборки, для которой в наличии имелись все указанные показатели, составил 174 человека. Средние значения пальцевого индекса по выборке составили 0,979±0,030, медиана – 0,981, минимум – 0,880, максимум 1,060. Таким образом, индивидуальный разброс по пальцевому индексу на правой руке был достаточно велик и варьировал от выраженных мужских значений до выраженных женских значений для популяции тувинцев, как следует из наших ранее опубликованных данных мужским и женским полом [2; 9]. Больше половины девочек в нашей выборке были первым ребенком в семье (54,9%), 26,9% – вторым, 13,1% – третьим, лишь 3,5% девочек были 4-6 ребенком в семье. Медианный порядок рождения – это первый ребенок. Средний возраст начала месячных для нашей единой выборки составил 12,4±1,1 г., медианный возраст 12,0 лет, размах изменчивости от 10 до 15 л. Наши данные в целом близки к цифрам, соответствующим возрасту Ме, представленным для школьниц г. Кызыл в работе Бацевича с соавторами [1, с. 25] (таблица 1).

Таблица 1 – Средний возраст начала менархе у тувинских женщин и девочек школьного возраста, обследованных в разные годы с 1976 по 2019 гг. [1: 25]

Место обследования	Год обследования	N	M	SD	Min	Max
Дзум-Хемчикский район	1976	111	15,59	1,6	11,3	19,1
Тоджинский р-н	1977	57	15,90	1,67	13,0	19,9
Монгун-Тайгинский р-н	1978	87	15,91	1,88	12,2	20,0
Эрзинский р-н	1978	119	15,98	1,49	11,1	18,4
г. Кызыл (студентки)	2018	130	13,31	1,24	10,33	16,57
г. Кызыл (школьницы)	2018	84	12,65	0,99	10,33	14,58
Тоджинский р-н (кожуун)	2019	107	13,32	1,47	10,0	18,0

Для оценки возможной связи между пальцевым индексом и возрастом Ме использовали несколько регрессионных моделей. В варианте с методом подгонки линейная и квадратичная модели описывают примерно одинаковый процент изменчивости (2,6%-3,6% соответственно) (рисунок 1). Он невелик, но достоверен в обоих случаях. Поэтому был сделан вывод о наличии слабой, но достоверной связи между этими показателями. На следующем этапе анализа мы использовали линейную модель, добавив к пальцевому индексу еще две независимые переменные – силу кисти на правой руке с контролем по возрасту и порядок рождения девочки (какой по счету ребенок в семье). Эти три независимые предиктора описывают 17,3% изменчивости по возрасту начала Ме у девочек-тувинок, достоверно значимыми оказались два из них: пальцевой индекс (B=-6,038, Бета=-0,180, t=-2,540, p=0,012, N=170) и сила кисти на правой руке с контролем по хронологическому возрасту (B=-0,397, Бета=-0,379, t=-5,356, p=0,0001, N=170). Мы использовали метод подгонки кривых для оценки линейной и квадратной связи между возрастом Ме и си-

лой кисти с контролем по возрасту девушек тувинок (рисунок 2). Результаты показали, что в этом случае линейная и квадратичная модель дают идентичные результаты. Для данной выборки достоверная связь между силой кисти с учетом возраста и пальцевым индексом на правой руке отсутствовала, хотя общая направленность ее соответствовала установленной нами в более ранней работе [9].

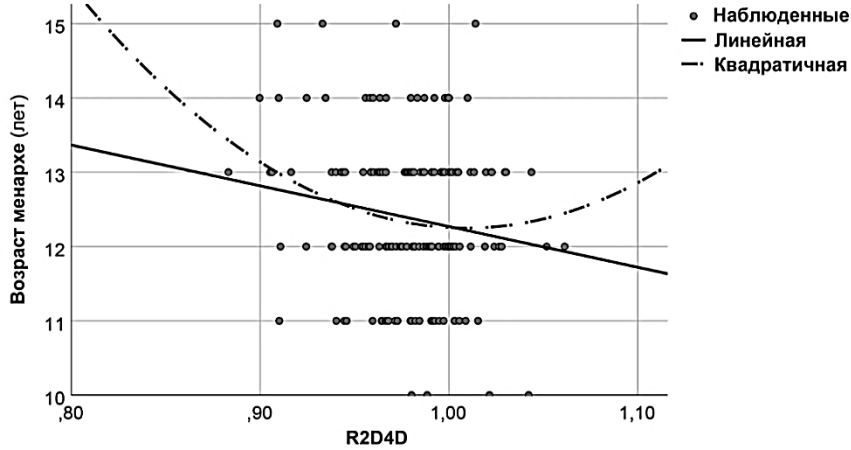

Рисунок 1 – Диаграмма рассеяния ассоциации между значением пальцевого индекса на правой руке (R2D4D) и возрастом начала месячных у девочек тувинок с учетом линейной (R^2= 0,026, $F_{(1,172)}$=4,589, p=0,034, t=17,75, b_1=-5,478) и квадратичная модели (R^2= 0,036, $F_{(2,171)}$=3,235, p=0,042, t=87,965, b_1=-150,026, b_2=74,316) регрессии

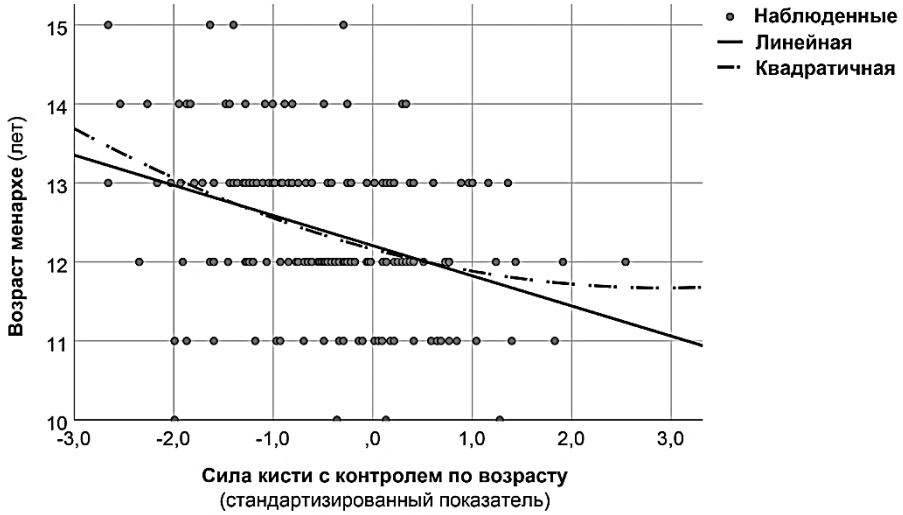

Рисунок 2 – Диаграмма рассеяния ассоциации между значением силы кисти с контролем по хронологическому возрасту девочек тувинок и возрастом начала месячных с учетом линейной (R^2= 0,065, $F_{(1,171)}$=11,818, p=0,001, t=13,597 b_1=-0,810) и квадратичная модели (R^2= 0,036, $F_{(2,170)}$=5,877, p=0,003, t=13,680, b_1=-0,921, b_2=0,036) регрессии.

Результаты представленной работы хорошо согласуются с данными, ранее полученными нами по прямым измерениям пальцев и рентгенограммах, а также данными о связи созревания (разность между скелетным и хронологическим возрастом) и пальцевым индексом у девочек-тувинок [2]. Чем больше скелетный возраст опережает хронологический, тем выше оказывался пальцевой индекс у девушек. Нынешний анализ свидетельствует о том, что у тувинок с более высоким пальцевым индексом начало Ме приходится на более ранний возраст. Кроме того, более ранний возраст Ме ассоциируется с лучшим физическим здоровьем девушек (индикатором в нашем случае является сила кисти). Обращает на себя внимание определенное противоречие полученных результатов. В нашей недавно опубликованной работе [9], по той же тувинской популяции, показано, что как юноши, так и девушки с более низким пальцевым

индексом демонстрировали более высокие показатели силы кисти. Обобщив все блоки данных, получается, что, с одной стороны, более высокий пальцевой индекс может являться предиктором более раннего возраста Ме у девушек-тувинок, с другой стороны, более ранний возраст Ме ассоциируется у них с лучшими силовыми показателями. Одним из возможных объяснений видится более весомый вклад средовых факторов в физическое развитие девочек в нашем случае. А именно лучшее питание, более благоприятные для роста и развития условия жизни, прежде всего, в городской среде у современных школьниц. О существенных социально-экономических и культурных трансформациях на территории Южной Сибири, в том числе и на территории Республики Тыва, в последние десятилетия пишут сегодня многие авторы [10-14]. Полученные результаты следует рассматривать как предварительные, они нуждаются в более детальном анализе, возможно, с добавлением новых морфологических предикторов. Данные по другим популяциям требуются для окончательных выводов в наличии и направленности связи между пальцевым индексом и возрастом Ме. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00277.

Примечания

1. Бацевич В. А., Ясина О. В., Степанова А. В. Изменение темпов биологического созревания коренного населения Тувы за 40 лет // Вестник МГУ. Сер. XXIII Антропология. 2022. № 4. 19-31.

2. Direct and radiographic digit ratio (2D: 4D) measurements of Tuvan children and adolescents from Southern Siberia: Sex differences and skeletal maturation / M. Butovskaya, Y. Adam, V. Batsevich, T. K. Shackelford, B. Fink // Early Human Development. 2023. № 184. DOI: 10.1016/j.earlhumdev.2023.105835.

3. Бутовская М. Л., Буркова В. Н. Пальцевой индекс как маркер пренатальной андрогенизации и его прогностическая ценность для антропологов и эволюционных психологов: "за" и "против" // Вестник МГУ. Сер. XXIII Антропология. 2020. № 2. С. 26-40.

4. The association between 2D: 4D ratio and aggression in children and adolescents: cross-cultural and gender differences / M. Butovskaya, V. Burkova, D. Karelin, V. Filatova // Early human devel-

opment. 2019. № 137. Ст. 104823. DOI: 10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006.

5. Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations / M. Butovskaya, V. Burkova, Y. Apalkova [et al.] // Scientific Reports. 2021. Vol. 11, № 1. DOI 10.1038/s41598-021-87394-6.

6. Fink B., Manning J. T. Direct versus indirect measurement of digit ratio: new data from Austria and a critical consideration of clarity of report in 2D:4D studies // Early Human Development. 2018. № 127. P. 28-32.

7. Manning J. T., Churchill A. J., Peters M. The effects of sex, ethnicity, and sexual orientation on self-measured digit ratio (2D:4D) // Archives of Sexual Behaviour. 2007. № 36 (2). P. 223-233.

8. Manning J. T., Fink B. Digit ratio (2D: 4D) and its relationship to foetal and maternal sex steroids: A mini-review // Early human development. 2023. № 183. DOI: 10.1016/j.earlhumdev.2023.105799

9. Butovskaya M., Adam, Y., Batsevich V., Shackelford T. K., Fink B. Associations between 2D: 4D from direct and radiographic measurements with handgrip strength in young adult Tuvans // Early Human Development. 2024. № 193. Ст. 106037.

10. Анайбан З. В. Этнодемографическая и социальноэкономическая ситуации в регионах Южной Сибири // Этнос и среда обитания : сб. этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова. М. : Старый сад, 2009. Т. 2. С. 57-78.

11. Анайбан З. В. Этнодемографическая ситуация и миграционные процессы в советской Туве / История Тувы. Новосибирск : Наука, 2016. Т. 3. С. 391-401.

12. Анайбан З. В. Динамика развития этногеографических процессов в постсоветской Туве // Вестник Института Востоковедения РАН. 2020. № 2. С. 284-293.

13. Будук-оол Л. К. Региональные особенности функционального статуса студентов, проживающих в Республике Тыва // Экология человека. 2008. № 1. С. 26-30.

14. Будук-оол Л. К., Айзман Р. И. Физическое развитие и здоровье студентов в дискомфортных климатогеографических условиях проживания // Казанский медицинский журнал. 2009. Т. 90, № 4. С. 567-569.

УДК 316.772.2+159.942

Мезенцева А. А., г. Москва, Россия
Mezentseva A. A., Moscow, Russia

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОВ: ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРАХ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

BEYOND WORDS: FEATURES OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN THE CULTURES OF SIBERIA AND EAST ASIA

В работе представлен обзор трендов в эмоциональной коммуникации некоторых восточноазиатских и сибирских культур, таких как японская, китайская, корейская и тувинская. Уделяется особое внимание различиям между ними и западными популяциями в отношении интенсивности проявления и распознавания ряда негативных эмоций (гнева, отвращения, страха, печали). Исследование подчеркивает необходимость учитывать культурный контекст при интерпретации эмоциональных проявлений.

The work presents the review of trends in emotional communication in some East Asian and Siberian cultures as Japanese, Chinese, Korean, and Tuvan. Special attention is paid to the differences between them and Western populations in terms of the intensity of expression and recognition of some negative emotions (anger, disgust, fear, sadness). The study emphasizes the necessity to consider the cultural context when interpreting emotional expressions.

Ключевые слова: эмоциональная коммуникация, экспрессивность, распознавание негативных эмоции, Восточная Азия, Сибирь.

Keywords: emotional communication, expressiveness, recognition of negative emotions, East Asia, Siberia.

Невербальная коммуникация представляет собой часть человеческого общения, выходящего за рамки речевого взаимодействия. В контексте невербальной коммуникации особое значение приобретает

мимическая экспрессия, которая, наряду с голосовыми характеристиками, является наиболее информативным средством эмоционального самовыражения [1]. Подавляющее большинство исследователей в области изучения эмоций сходятся во мнении, что, по крайней мере, некоторые эмоциональные выражения лица универсальны по своей природе, например, гнев, страх, счастье, отвращение, печаль [2; 3] и воспринимаются сходным образом кросс-культурно [2; 3; 4].

В то же время проявления эмоций обусловлены влиянием социокультурных норм. Они включают религиозные убеждения, традиции и обычаи, которые люди усваивают, начиная с детства [3, 5]. Таким образом, культурные предписания взаимодействуют с эмоциями, формируя то, как мы их выражаем и то, как воспринимаем эмоции других [6]. Как правило, люди моделируют свои эмоциональные реакции. В научной литературе этот феномен получил название “стратегии регуляции”, их несколько: «усиления» – выразить больше эмоций, чем ощущается; «экспрессия» – показать эмоцию как ощущаемую; «деамплификация» – выразить меньше эмоций, чем ощущается, «нейтрализация» – т.е. скрывать эмоции; «маскировка» – не показывать никаких эмоций и прикрыть их улыбкой [7, 8].

На культурном уровне стратегии регуляции эмоций могут коррелировать с культурными параметрами индивидуализма-коллективизма и особенностями мировоззрения [6; 9]. Например, поощрение коллективистских ценностей и принципов конфуцианства и даосизма часто ассоциировано с эмоциональным подавлением и комфортностью [9], что неоднократно подтверждалось исследованиями, проведенными в восточноазиатских культурах (японской, китайской, корейской) [5; 6; 10; 11]. Еще одна черта тех же популяций – за пределами близкого круга общения интенсивность не только негативных, но и положительных эмоций ослабевает, а также маскируются сильные эмоции в общении с партнером более высокого статуса [11; 12].

Упомянутые различия прослеживаются и в аффективных состояниях, которое люди стремятся испытывать [13]. Например, в восточноазиатских популяциях больше ценят позитивные аффективные состояния с низким уровнем возбуждения: описывают счастье как довольно спокойное и подобное дзен, в то время как в западных популяциях счастье часто описывается как волнение и крайний позитив [14]. Еще один пример, представители индивидуалистических культур

считают гордость желательной эмоцией, в то время как для представителей коллективистских культур более желательна вина [15]. Существуют культурные различия и в том, как люди переживают эмоциональные состояния. Китайцы и корейцы испытывают более сильную позитивную реакцию на грусть по сравнению с западноевропейскими респондентами [13; 16], те же и японцы более позитивно относятся к гневу, который чаще проявляют представители с более высоким социальным статусом, вероятно, подтверждая свой авторитет, в отличие от западных респондентов (США), где гнев чаще проявляют люди с более низким социальным статусом и из-за разочарования [13; 17].

Что касается распознавания эмоций, то между современными популяциями наблюдается достаточно высокий уровень согласованности в суждениях об эмоциональности тех или иных лиц [1; 2; 3]. Однако наблюдаются и некоторые межкультурные различия, в частности, между представителями азиатских и западноевропейских популяций, и это, в целом, соответствует правилам отображения в своей культуре [18]. Согласно исследованиям, существуют межкультурные различия в способности определять негативные эмоции по выражению лица. В частности, представители азиатских культур (включая тувинцев, японцев и китайцев) демонстрируют систематически более низкую точность в распознавании таких эмоций, как презрение, отвращение, страх и печаль [19; 20]. Это явление может объясняться двумя основными факторами. Во-первых, культурные нормы в азиатских обществах часто предписывают сдержанность в выражении негативных эмоций, что может влиять на способность их распознавания. Во-вторых, особенности визуального восприятия, характерные для представителей азиатских культур, такие как концентрация внимания преимущественно на области глаз при меньшем внимании к другим частям лица. Например, недостаточное внимание к движениям рта может затруднять различение между отвращением и гневом, а также между страхом и удивлением и приводить к систематическим ошибкам в классификации выражений лица [20].

При восприятии эмоций восточноазиатские популяции в целом чаще, чем европейцы, видят дополнительные, ненамеренные эмоциональные состояния и смешанные эмоции на лицах других людей [21; 22; 23]. Они также склонны преувеличивать уровень эмоционального переживания человека и оценивать его внешние проявления,

особенно эмоциональные выражения лица с низкой интенсивностью, как более сильные [24; 25].

Наконец, в некоторых случаях прослеживаются влияние полоспецифических культурных практик (предписания о контактах с противоположным полом, специализация труда) на способность различать эмоции через мимические экспрессии. Результатами исследования тувинской популяции эрзинцев показано, что женщины, по сравнению с мужчинами, склонны хуже различать эмоцию гнева на мужских лицах, что, скорее всего, вызвано относительно небогатым опытом взаимодействия с мужчинами в повседневности [19].

В заключение отметим, что проведенное исследование показывает различия в невербальной коммуникации между некоторыми восточноазиатскими, сибирскими культурами (японцы, китайцы, корейцы, тувинцы) и западными обществами. Эти различия особенно заметны в выражении и распознавании негативных эмоций. Результаты исследования дополняют базу знаний о культурных особенностях эмоциональной экспрессии и предлагают важные выводы для межкультурных исследований эмоций. Они подчеркивают необходимость учитывать культурный контекст при интерпретации эмоциональных проявлений и открывают путь для разработки более точных методов оценки эмоционального состояния в различных культурных средах. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00457.

Примечания

1. Lindquist K. A., Gendron M., Satpute A. B., Lindquist K. The cultural evolution of emotion // Nature Reviews Psychology. 2022. Vol. 1, № 11. P. 669-681.

2. Ekman P., Friesen W. V. Constants across cultures in the face and emotion // Journal of personality and social psychology. 1971. Vol. 17, № 2. P. 124.

3. Ekman P., Sorenson E. R., Friesen W. V. Pan-cultural elements in facial displays of emotion // Science. 1969. Vol. 164. P. 86-88. doi: 10.1126/science.164.3875.86.

4. Matsumoto D., Willingham B., Olide A. Sequential dynamics of culturally moderated facial expressions of emotion // Psychological science. 2009. Vol. 20, № 10. P. 1269-1275.

5. Safdar S., Friedlmeier W., Matsumoto D., Seung Hee Yoo. Variations of emotional display rules within and across cultures: A comparison between Canada, USA, and Japan / Safdar S., Friedlmeier W., Matsumoto D., Seung Hee Yoo // Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 2009. Vol. 41, № 1. P. 1.

6. Matsumoto D., Yoo S. H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // Journal of cross-cultural psychology. 2008. Vol. 39, № 1. P. 55-74.

7. Gross J. J., Sheppes G., Urry H. L. Emotion regulation: Conceptual and empirical foundations // Handbook of emotion regulation. 2014. Vol. 2. P. 3-20.

8. Kozubal M., Szuster A., Wielgopolan A. Emotional regulation strategies in daily life: the intensity of emotions and regulation choice // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1218694

9. Hutchison A., Gerstein L. Emotion recognition, emotion expression, and cultural display rules: Implications for counseling // Journal of Asia Pacific Counseling. 2017. Vol. 7, № 1. P. 19-35.

10. Bond M. H. Emotions and their expression in Chinese culture // Journal of nonverbal behavior. 1993. Vol. 17. P. 245-262.

11. Moran C. M., Diefendorff J. M., Greguras G. J. Understanding emotional display rules at work and outside of work: The effects of country and gender // Motivation and Emotion. 2013. Vol. 37. P. 323-334.

12. Diefendorff J., Morehart J., Gabriel A. The influence of power and solidarity on emotional display rules at work // Motivation and Emotion. 2010. Vol. 34. P. 120-132.

13. An S., Ji L. J., Marks M., Zhang Z. Two sides of emotion: Exploring positivity and negativity in six basic emotions across cultures // Frontiers in psychology. 2017. Vol. 8. P. 610.

14. Tsai J. L. Ideal affect: Cultural causes and behavioral consequences // Perspectives on Psychological Science. 2007. Vol. 2, № 3. P. 242-259.

15. Eid M., Diener E. Norms for experiencing emotions in different cultures: inter-and intranational differences // Journal of personality and social psychology. 2001. Vol. 81, № 5. P. 869.

16. Miyamoto Y., Uchida Y., Ellsworth P. C. Culture and mixed emotions: co-occurrence of positive and negative emotions in Japan and the

United States // Emotion. 2010. Vol. 10, № 3. P. 404.

17. Social status and anger expression: the cultural moderation hypothesis / J. Park, Shinobu Kitayama, Hazel R Markus [et al.] // Emotion. 2013. Vol. 13, № 6. P. 1122.

18. Ji E., Son L. K., Kim M. S. Emotion perception rules abide by cultural display rules: Koreans and Americans weigh outward emotion expressions (emoticons) differently // Experimental Psychology. 2022. Vol. 69, № 2. P. 83.

19. Sex differences in emotional perception: evidence from population of Tuvans (Southern Siberia) / A. A. Mezentseva, V. V. Rostovtseva, K. I. Ananyeva [et al.] // Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. doi: 10.3389/fpsyg.2022.924486.

20. Tan C. B. Y., Sheppard E., Stephen I. D. A change in strategy: Static emotion recognition in Malaysian Chinese // Cogent Psychology. 2015. Vol. 2, № 1. DOI:10.1080/23311908.2015.1085941.

21. Berrios R., Totterdell P., Kellett S. Eliciting mixed emotions: a meta-analysis comparing models, types, and measures // Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 428.

22. Fang X., van Kleef G. A., Sauter D. A. Revisiting cultural differences in emotion perception between easterners and westerners: Chinese perceivers are accurate, but see additional non-intended emotions in negative facial expressions // Journal of Experimental Social Psychology. 2019. V. 82. P. 152-159.

23. Larsen J. T., McGraw A. P., Mellers B. A., Cacioppo J. T. The agony of victory and thrill of defeat: Mixed emotional reactions to disappointing wins and relieving losses // Psychological science. 2004. Vol. 15, № 5. P. 325-330.

24. Matsumoto D. American-Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience // Cognition & Emotion. 1999. Vol. 13, № 2. P. 201-218.

25. American-Japanese cultural differences in judgements of emotional expressions of different intensities / D. Matsumoto, T. Consolacion, H. Yamada, Ryuta Suzuki // Cognition & Emotion. 2002. Vol. 16, № 6. P. 721-747.

УДК 572.9(=512)

Ростовцева В. В., Бутовская М. Л., Мезенцева А. А.,
г. Москва, Россия
Дашиева Н. Б., г. Улан-Удэ, Россия
Стручкова Н. А., г. Якутск, Россия

Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Moscow, Russia
Dashieva N. B., Ulan-Ude, Russia
Struchkova N. A., Yakutsk, Russia

ПОПУЛЯЦИОННЫЕ И ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ БУРЯТ, ЯКУТОВ И ТУВИНЦЕВ

POPULATION AND SEX DIFFERENCES IN THE CONSTITUTIONAL PARAMETERS OF MODERN YOUNG BURYATS, YAKUTS AND TUVANS

В настоящей работе представлены результаты сравнительного анализа популяционных и половых различий ряда антропометрических параметров, компонентного состава тела и силовых показателей современных молодых бурят, якутов и тувинцев. Результаты выявили устойчивые популяционные и половые различия, а также различия, в большей степени подверженные динамичным изменениям.

The article presents the results of the comparative analysis of the population and gender differences in a number of anthropometric parameters, body composition, and strength indicators of modern young Buryats, Yakuts, and Tuvans. The results revealed the consistent population and sex differences, as well as differences that are more susceptible to the dynamic changes.

Ключевые слова: популяционные различия, половой диморфизм, буряты, якуты, тувинцы, антропометрия, компонентный состав тела, пальцевой индекс, сила кисти.

Keywords: population differences, sexual dimorphism, Bur-

yats, Yakuts, Tuvans, anthropometry, body composition, digit ratio, hand grip strength.

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу параметров телосложения, силовых показателей и их полового диморфизма у представителей трех современных популяций Сибири: бурятов, якутов и тувинцев. Все три рассматриваемые этнические группы имеют как некоторый общий генетический субстрат [1], так и различия, связанные с особенностями этногенеза, культуры, а также спецификой экологических и социальных условий [2; 3; 4].

Буряты в нашем исследовании были представлены группами Забайкалья и Предбайкалья, проживающими в г. Улан-Удэ. Антропологически эти группы несколько различаются: буряты Забайкалья наиболее близки монголам, в то время как буряты Предбайкалья более метисированы [3]. Традиционно основной хозяйственной деятельностью у бурят Забайкалья было кочевое скотоводство, а у бурят Предбайкалья – полукочевое скотоводство, охота, рыболовство и земледелие. Большинство бурят сегодня живет современной городской жизнью. Бурятский язык относится к центральномонгольской подгруппе северомонгольской группы монгольских языков.

Якуты – самый северный скотоводческий тюркоязычный народ. Они относятся к центральноазиатскому варианту североазиатского антропологического типа азиатской ветви монголоидной расы. Традиционные формы хозяйства – скотоводство (разведение крупного рогатого скота) и коневодство. Якутский язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. По мнению исследователей этногенеза якутов, формирование современного облика якутов происходит в основном не ранее середины II тыс. н.э. на основе смешения пришлых и автохтонных этногрупп. Физический тип якутов испытал воздействие местных, в основном тунгусских племен [5]. Важным фактором, повлиявшим на данный процесс, является также адаптация к климатическим условиям Северной Азии. При этом из-за существовавшей на протяжении долгого времени географической изолированности считается, что якуты из всех тюркских народов

сохранили изначальный расовый тип древних тюрков. Представленное исследование физического облика современных якутов проводилось на территории Центральной Якутии среди населения, сформированного путем активной внутренней миграции.

Этнически тувинцы представляют собой неоднородную группу. Говорят, преимущественно, на тувинском языке, который относится к саянской группе тюркских языков алтайской языковой семьи. В настоящем исследовании рассматривается только современное население южных районов Тувы. Исследование проводилось в сельском поселении Эрзин, расположенном в государственном природном заповеднике «Убсуну́рская котловиина» на границе с Монголией. Географическая близость региона к монгольским территориям во многом определила специфику его населения. Тувинцы-эрзинцы обнаруживают сходство с монголами, территориально и в родственном отношении к ним близки [6]. Население Эрзина (около 3000 человек) ведет преимущественно оседлый образ жизни, занимается сельским хозяйством и животноводством (содержат крупный рогатый скот и овец).

Исследования антропологического облика современного населения Сибири являются чрезвычайно важными для получения представлений об эволюционной динамике, имеющей место в этом регионе, а также для изучения процессов адаптации к специфическим условиям среды.

Методы. Исследование проводилось в 2021-2024 гг. В нем приняло участие 484 человека в возрасте от 17 до 30 лет: буряты (г. Улан-Удэ; N=190, 94 мужчины, 96 женщин; средний возраст 20±2 г.), якуты (г. Якутск; N=205, 100 мужчин, 105 женщин; средний возраст 21±2,5 г.) и тувинцы (с. Эрзин; N=89, 50 мужчин, 39 женщин, средний возраст 24±5,8 л.). Прямые измерения 16 антропометрических признаков были проведены во всех исследуемых выборках по идентичной методике [7]. Рост измерялся с помощью антропометра GPM (Швейцария) с точностью 0,1 см. Масса тела (кг), мышечная (кг) и костная масса (кг), а также процентное содержание жировой массы измерялись с помощью биоимпедансного анализатора Tanita (Япония). Плечевой и тазо-гребневой диаметры (см) измерялись с помощью тол-

стотного циркуля GPM. Обхваты шеи, грудной клетки, талии, бедер и правого плеча измерялись с помощью сантиметровой ленты. Для измерения силы кисти (даН) использовался ручной динамометр ДМЭР-120 (Россия). Измерения диаметра запястья (мм), а также длин второго и четвертого пальцев правой руки (мм) проводились с помощью штангенциркуля с точностью 0,1 мм. На основе измеренных признаков были рассчитаны индивидуальные (индекс массы тела [ИМТ] и пальцевой индекс правой руки [R2D:4D]) и популяционный (коэффициент полового диморфизма [КПД]) показатели. ИМТ является стандартным показателем, позволяющим оценить степень ожирения, и рассчитывается как отношение массы тела к квадрату его длины (кг/м^2). Пальцевой индекс 2D:4D – это соотношение длин второго и четвертого пальцев руки. Согласно множеству исследований, пальцевой индекс является маркером степени пренатальной андрогенизации [8]. Чем он ниже, тем сильнее было воздействие андрогенов на человека во время внутриутробного развития. Коэффициент полового диморфизма (КПД) для каждой популяции и по каждому исследованному признаку рассчитывался по формуле, включающей разницу средних величин и дисперсий признаков с учетом размеров выборок [9]. Этот коэффициент также известен в статистической литературе как размер эффекта (d Коэна) [10]. Чем выше абсолютное значение КПД, тем сильнее выражены половые различия по тому или иному признаку в популяции. Статистический анализ проводился в программе SPSS v. 26 (IBM). Для оценки значимости популяционных различий по исследуемым признакам использовался тест Тьюки-Крамера.

Результаты. Результаты анализа популяционных различий по телосложению, составу тела и силовым показателям представлены на риснках 1 и 2.

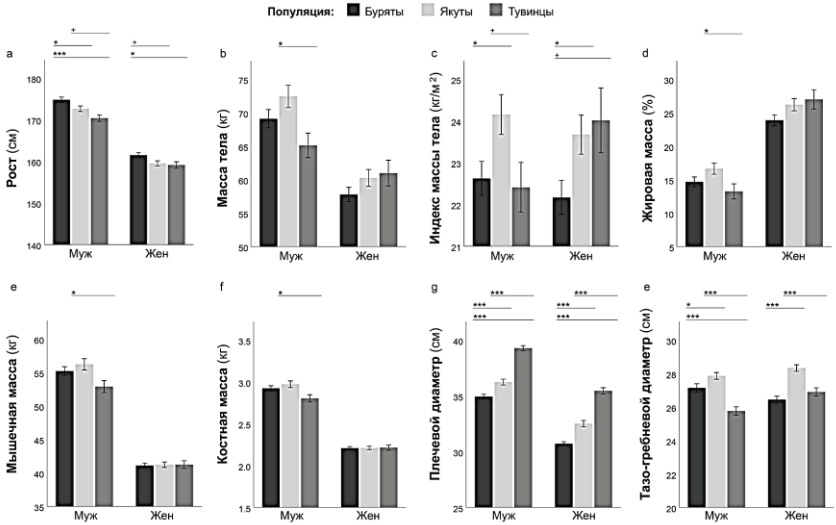

Рисунок 1 – Популяционные различия по росту, общей массивности, компонентному составу тела, плечевому и тазовому диаметрам.

На рисунке представлены средние значения, ± 1 ошибка среднего, а также статистическая значимость различий согласно тесту Тьюки-Крамера: $^{+}$ p<0,1, * p<0,05, ** p<0,01, ***p<0,001.

Молодые мужчины-буряты оказались наиболее высокорослыми из трех исследованных популяций. В свою очередь, мужчины-якуты отличались наибольшей массивностью тела согласно значениям ИМТ, наибольшими значениями тазо-гребневого диаметра, обхвата талии.

По значениям общей массы тела, жироотложению, мышечной и костной массе, а также обхвату бедер мужчины-якуты также занимали лидирующее положение среди исследованных мужских выборок, однако статистически значимыми были различия только между якутами и тувинцами, что указывает на б**о**льшую схожесть между значениями этих признаков у якутов и бурят. Мужчины-тувинцы оказались наиболее широкоплечими, а также имели самые высокие значения диаметра запястья при наиболее низких значениях роста, общей массы тела, жировой, мышечной и костной массы, обхвата бедер и тазо-гребневого диаметра. По сравнению с якутами, мужчины-

тувинцы демонстрировали более высокие показатели силы кисти.

Популяционные различия по исследованным параметрам в женских выборках были в общем выражены слабее, чем в мужских, о чем свидетельствует меньшее число выявленных статистически значимых различий. Бурятские женщины были наиболее высокорослы, отличались наименьшей массивностью, согласно значениям ИМТ, самыми низкими значениями плечевого диаметра, наименьшими значениями обхвата талии по сравнению с якутскими и тувинскими женщинами. Якутские женщины отличались самыми высокими значениями тазо-гребневого диаметра, а также самыми низкими значениями диаметра запястья и силы кисти.

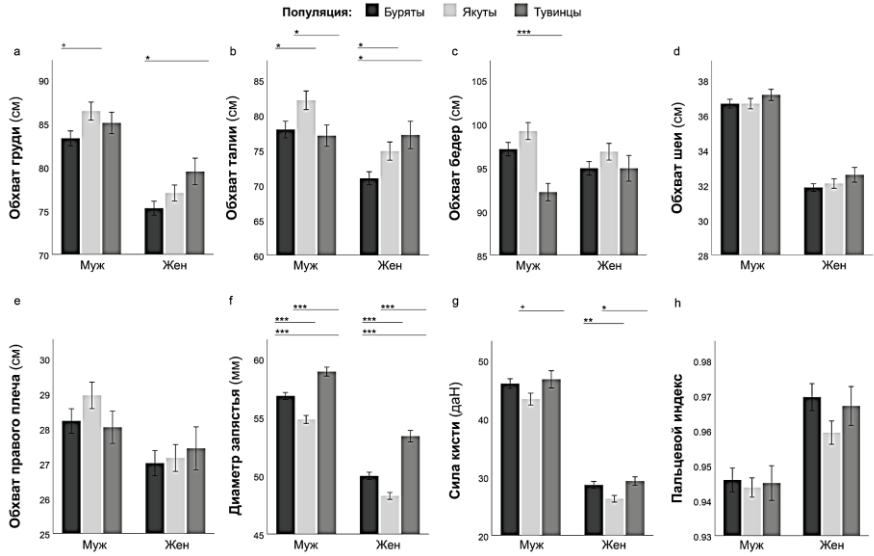

Рисунок 2 – Популяционные различия по обхватам тела и верхних конечностей, силе кисти и пальцевому индексу.

На рисунке представлены средние значения, ± 1 ошибка среднего, а также статистическая значимость различий согласно тесту Тьюки-Крамера: $^{+}$ $p<0,1$, * $p<0,05$, ** $p<0,01$, ***$p<0,001$.

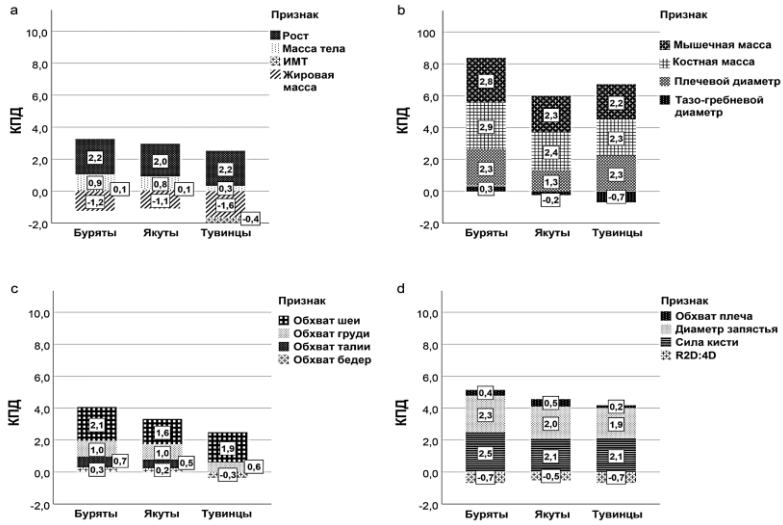

Рисунок 3 – Степень половых различий по 16 исследованным параметрам в популяциях бурят, якутов и тувинцев. КПД – коэффициент полового диморфизма; ИМТ – индекс массы тела; R2D:4D – пальцевой индекс правой руки. Обхват талии у тувинцев показал нулевой КПД.

Из рисунков 1 и 2 видно, что во всех исследованных популяциях мужчины имели б**о**льший рост, более высокие значения мышечной и костной массы, плечевого диаметра, обхвата грудной клетки и шеи, диаметра запястья и силы кисти, а также более низкие значения процентного содержания жира в теле и более низкие значения пальцевого индекса по сравнению с женщинами. Этот результат свидетельствует в пользу универсальности половых различий по этим признакам, мало зависящих от экологических и социальных условий. В свою очередь, половой диморфизм по таким признакам как масса тела, ИМТ, значения тазо-гребневого диаметра, обхватов талии и бедер продемонстрировали популяционную специфику. Количественная оценка полового диморфизма по каждому из признаков для трех исследованных популяций представлена на рисунке 3. Согласно полученным результатам наиболее высокий половой диморфизм как сумма коэффициентов по 16 признакам характерен для популяции бурят (∑КПД=22,7), по сравнению с якутами (∑КПД=18,6) и тувинцами

(∑КПД=19,7). Тувинцы показали самый высокий половой диморфизм по процентному содержанию жира, при котором женщины превосходили мужчин по значениям признака.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что современные буряты, по всей видимости, подвержены наибольшему воздействию меняющейся среды (в первую очередь, социально-экономической), что отразилось на особенностях их телосложения: более высокий рост, выраженная грацилизация, особенно представительниц женского пола, самые высокие показатели полового диморфизма, которые могут служить маркером активного воздействия факторов меняющейся среды [9] и изменения профиля питания. Якуты же наоборот продемонстрировали более стабильные соматические показатели, характерные для северного типа (или арктического адаптивного типа) телосложения [11]: более высокая массивность, более высокое содержание жировой, мышечной и костной ткани, б**о**льшие значения обхватов туловища и самые низкие значения кумулятивного коэффициента полового диморфизма. Это может свидетельствовать о доминирующем эффекте климата низких температур как стабилизирующего фактора на фоне других факторов среды (в т.ч. социально-экономических). Представители тувинской популяции показали наиболее специфические особенности телосложения, при которых мужчины-тувинцы отличались наименьшей общей массивностью, наименьшей мышечной и костной массой, а также наименьшим тазо-гребневым диаметром, по сравнению с мужчинами из других рассмотренных популяций. Однако при этом они имели самые высокие показатели развития пояса верхних конечностей: самые высокие значения плечевого диаметра, диаметра запястья и силы кисти. Женщины-тувинки при этом отличались довольно высоким жироотложением. Такое телосложение может быть следствием сочетания высокого экологического и социального стресса с особенностями жизни в сельской местности, чем тувинская выборка отличалась от студенческих выборок бурят и якутов. Мужчины из всех трех исследованных популяций имели более низкие пальцевые индексы, чем женщины, при этом наименьшие половые различия отмечены для якутов. Значимых популяционных различий в пальцевых индексах обнаружено не было. В одном из наших более ранних исследований было показано, что для мужчин-бурят характерны более

низкие значения пальцевых индексов, по сравнению с европеоидными популяциями [12]. Результаты настоящего исследования показывают, что, по всей видимости, более низкие значения 2D:4D являются характерными и для других монголоидных популяций Восточной и Южной Сибири.

Примечания

1. The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations / Pugach I., Matveev R., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I. [et al.] // Molecular biology and evolution. 2016. Vol. 33(7). P. 1777-1795.

2. Алексеев В. П. Избранное : в 5 т. Т.3 : Историческая антропология и экология человека. М. : Наука, 2008. 614 с.

3. Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2004. 633 с.

4. Якуты / отв. ред.: Н. А. Алексеева, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М. : Наука, 2012. 599 с.

5. Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993, 200 с.

6. Алексеева Т. И. Антропологические особенности современных тувинцев. Кефалометрия и кефалоскопия // Антропоэкологические исследования в Туве / под. ред.: Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М. : Наука, 1984. С. 75-114.

7. Негашева М. А. Основы антропометрии. М. : Экон-Информ, 2017. 222 с.

8. Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations / M. Butovskaya, V. Burkova, Y. Apalkova [et al.] // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. P. 8157.

9. Зимина С. Н., Гончарова Н. Н., Негашева М. А. Сравнение работоспособности показателей полового диморфизма (на примере антропологических исследований) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII Антропология. 2017. № 2. С. 4-11.

10. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences (2nd Edition). NY: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 579 p.

11. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977. 302 с.

12. Rostovtseva V. V., Butovskaya M. L., Mkrtchyan R. 2d: 4d, Big fives and aggression in young men of Caucasian, Ural and Asian origin // Social Evolution & History. 2019. Vol. 18(1). P. 110-126.

УДК 159.9-055.52-055.1:303.4

Семенова О. В., Буркова В. Н., Бутовская М. Л., г. Москва, Россия
Амиргалина Г. Т., г. Кызылорда, Казахстан
Галимханов А.Б., г. Уфа, Россия
Егорова А. И., г. Якутск, Россия
Зинурова Р. И., г. Казань, Россия

Semyonova O. V., Burkova V. N., Butovskaya M. L., Moscow, Russia
Amirgalina G. T., Kyzylorda, Kazakhstan
Galimkhanov A. B., Ufa, Russia
Yegorova A. I., Yakutsk, Russia
Zinurova R. I., Kazan, Russia

ОТЦОВСКАЯ ЗАБОТА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (БАШКИРЫ, КАЗАХИ, ТАТАРЫ И ЯКУТЫ)

THE TURKISH-SPEAKING PEOPLES' PATERNAL CARE: CROSS-CULTURAL ANALYSIS (THE BASHKIRS, KAZAKHS, TATARS AND YAKUTS)

В рамках кросс-культурного исследования отцовства был проведен анализ трех ключевых аспектов родительских действий отца. Исследование, охватившее мнения 734 студентов, показало, что большинство участников отметили активное вовлечение своих отцов в процесс воспитания. Тем не менее, опрошенные студенты из Башкирии и Казахстана отмечали значительно большую вовлеченность отца в воспитательный процесс по сравнению с их сверстниками из Татарстана и Якутии. Авторы исследования связывают данный феномен с увеличением количества разводов в Татарстане и Республике Саха-Якутия.

The analysis of three key aspects of the fathers' parenting activities was made within the cross-cultural study of fatherhood. The study in which 734 students had expressed their opinions, showed that the majority of the participants noted the active involvement of their fathers in the

upbringing process. However, the students surveyed from Bashkiria and Kazakhstan indicated greater involvement of their fathers in the educational process in comparison with their peers from Tatarstan and Yakutia. The authors of the research connect this phenomenon with the growing number of divorces in Tatarstan and the Republic of Sakha-Yakutia.

Ключевые слова: семья, воспитание, родительская забота, отцовский вклад, сравнительные исследования.

Keywords: family, upbringing, parental care, paternal contribution, comparative studies.

В отечественной историографии значительный вклад в изучение отцовства сделал Игорь Семенович Кон, российский антрополог и философ. Он сосредоточил свое внимание на трансформациях отношений мужчин и женщин в современном обществе. Эти изменения стали следствием разрушения устоявшихся стереотипов, связанных с делением труда – традиционно воспринимаемого как строго женские или исключительно мужские обязанности [1]. В настоящее время исследования изменения понятий маскулинности, мужественности и отцовства ведутся в рамках концепции родительского потенциала отца, раскрывающие его многогранный характер [2]. В работах Ю.В. Борисенко изучается специфика феномена отцовства в современной культуре, обобщаются обширные материалы метаисследований по проблеме психологической готовности к отцовству, выявляются факторы, влияющие на освоение отцовской роли на разных этапах жизненного пути мужчины, исследуются особенности родительской идентичности российских отцов [3; 4]. Психологическим основам, способствующим формированию полноценной роли отца, посвящена диссертация Ю.А. Токаревой, акцентирующая внимание на смещении отцовской роли в современном обществе. По ее мнению, эффективная воспитательная деятельность отца напрямую связана с его мотивацией, нацеленной на достижение высоких результатов в развитии ребенка [5]. Тематика супружества, отцовства и материнства рассматривается в работах А.Б. Синельникова, анализирующего кризис современной семьи и подчеркивающего важность присутствия фигуры отца в жизни ребенка [6].

Цель данной работы – кросс-культурное сравнительное ис-

следование отцовства в четырёх современных тюркоязычных популяциях: башкиры, казахи, татары и якуты.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2024 г. было осуществлено кросс-культурное онлайн-анкетирование на добровольной основе. Протокол исследования одобрен этическим комитетом Института этнологии и антропологии РАН (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.).

Выборка представлена студентами в трех российских регионах: Башкирия (г. Уфа), Татарстан (г. Казань), Саха-Якутия (г. Якутск); и в одном регионе Казахстана – г. Кызылорда. В совокупную выборку вошли только тюркоязычные этничности (734 человека) (табл. 1).

Таблица 1 – Социо-демографические характеристики выборок

Этничность	Мужчины	Женщины	Возраст (ст.откл.)	Кол-во разводов	Город/деревня
Башкиры	98	57	24,96 (10,84)	15,5%	61%/39%
Казахи	59	100	21,54 (6,99)	8,2%	50%/50%
Татары	137	203	26,85 (32,51)	25,6%	79%/21%
Якуты	15	65	20,84 (3,72)	23,8%	33%/67%
ИТОГО	309	425	24,64 (23,06)		

В работе была использована короткая версия опросника «Отцовская забота» [7]. В предлагаемых утверждениях респонденты оценивали заботу отца, включая ежедневную эмоциональную и инструментальную поддержку, ежедневные и единовременные родительские функции. Наиболее регулярное участие отца во всех оцениваемых мероприятиях получало максимальные баллы, которые в дальнейшем были объединены по изучаемым подгруппам, что позволило оценить усилие родителя в исследуемых доменах.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Повседневная отцовская забота. Наибольшие региональные отличия были выявлены в группе вопросов, относящиеся к ежедневным родительским обязанностям, которые в период детства и юности биологический отец выполнял и совершал как в отношении самих респондентов, а также и в отношении их братьев и сестер. Статистически значимые отличия исследуемых этнических

групп представлены на диаграммах (рис. 1 и рис. 2).

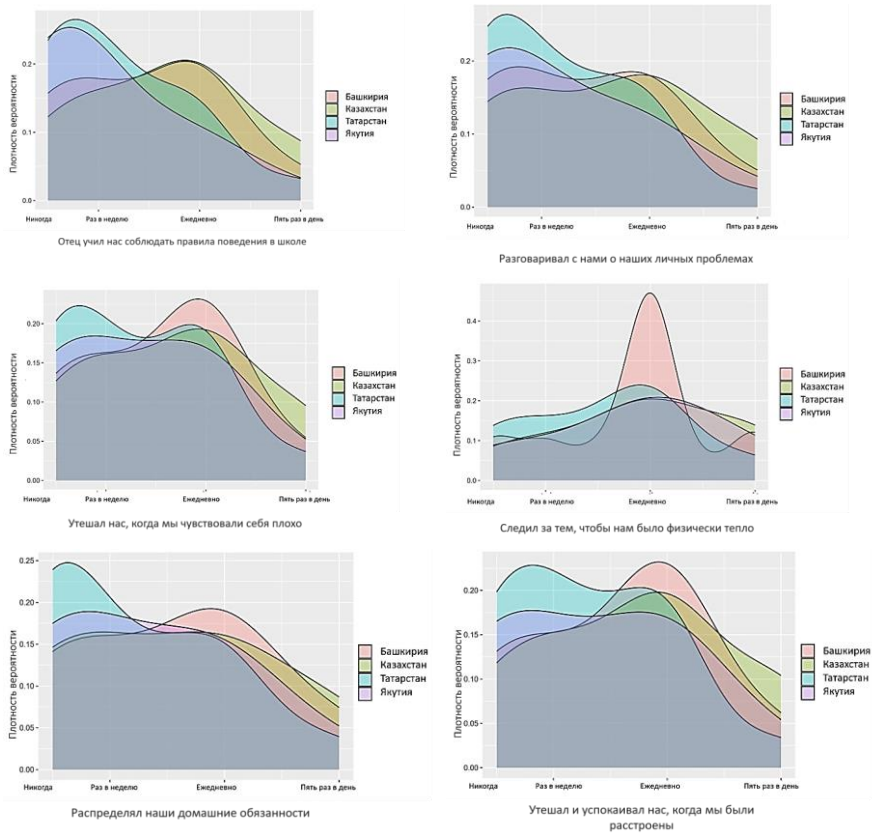

Рисунок 1 – Региональные особенности распределений ответов на вопросы, касающиеся ежедневной заботы отца о детях

Рисунок 2 – Скрипичное распределение ответов итоговой переменной «Ежедневые обязанности отца»

Таким образом, значительная часть респондентов из всех четырёх выборок сообщили о том, что отец ежедневно участвовал в воспитании детей. Среди башкир ответы были наиболее схожими: они чаще всего указывали на регулярную, ежедневную заботу отца о благополучии, успеваемости и самочувствии детей. В то же время у существенной доли опрошенных татар на ряд вопросов были получены отрицательные ответы: отцы фактически не участвовали в ежедневной заботе о детях.

Менее регулярные родительские обязанности (совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей и успеваемостью) получили схожие оценки у опрошенных из четырех выборок (Рис. 3).

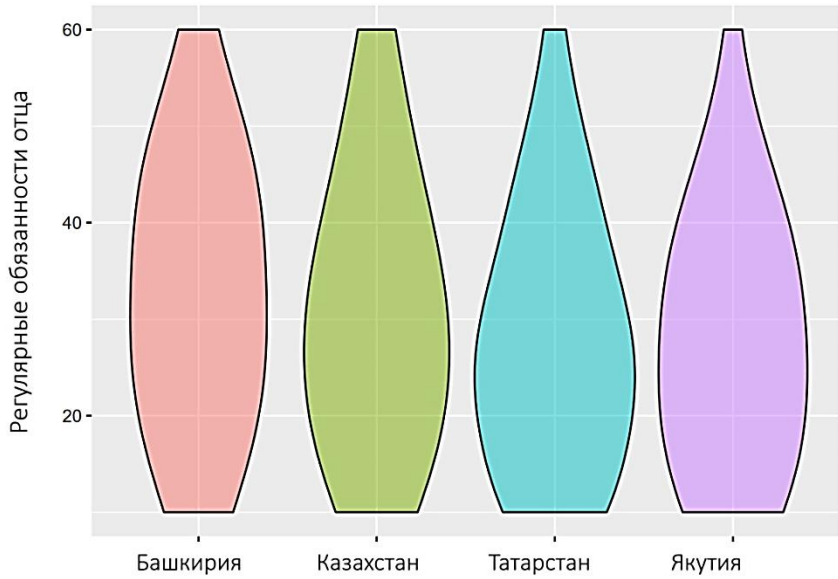

Рисунок 3 – Скрипичное распределение ответов итоговой переменной «Регулярные обязанности отца»

Детальный анализ ответов на эту группу вопросов показал, что повседневное участие отца в жизни ребенка (совместные прогулки, занятия спортом), как и рекомендация литературы для чтения, не входили в число повседневных обязанностей отцов, тем не менее подавляющее большинство сообщало о том, что отец ежемесячно проявлял такого рода интерес и заботу. Из 10 утверждений этой категории наибольшее отличие получили ответы, связанные с финансовым участием отца в повседневной жизни семьи и ребенка (рис. 4). Среди казахов и башкир преобладали ответы, свидетельствующие о ежедневной заботе отца об экономическом благополучии детей, тогда как у татар достаточно часто получены минимальные баллы заботы по экономической помощи детям (рис. 4).

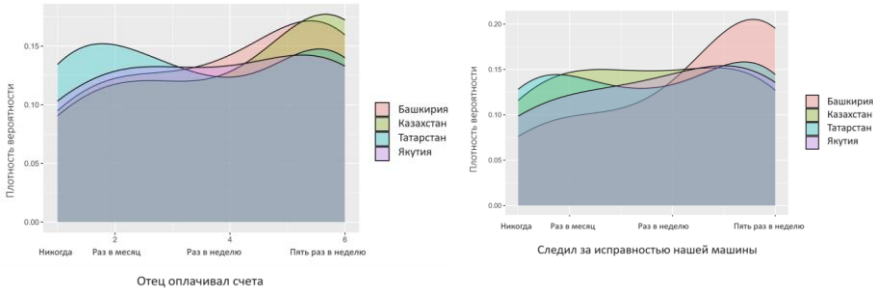

Рисунок 4 – Региональные особенности распределений ответов на вопросы, касающиеся финансового участия отца

Вневременные родительские обязанности отца предполагали оценку внимания и участия в воспитании и включали беседы о событиях в мире, о личных переживаниях детей, о вреде наркотиков, обучение манерам, планирование карьеры и будущего. Распределение суммы баллов на 10 ответов из этой части анкеты представлено на рис. 5, указывающее на высокую вовлеченность отцов в заботу об успешной социальной интеграции детей в общество, внимание к их карьере и будущему. В то же время можно выделить исключительную заботу казахских отцов (рис. 5).

Рисунок 5 – Скрипичное распределение ответов итоговой переменной «Вневременные обязанности отца»

Также были обнаружены некоторые региональные отличия в ответах на два вопроса, касающихся темы полового воспитания и направления карьеры ребенка (рис. 6). Существенная доля татар и якутов указали на то, что их отцы никогда не занимались планированием будущего детей, не уделяли время объяснению основ полового и социального поведения мужчин и женщин в семье и обществе (рис. 6).

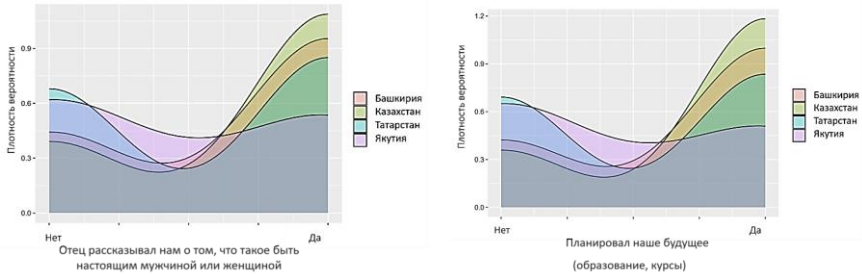

Рисунок 6 – Региональные особенности распределений ответов на вопросы, касающиеся вневременной заботы отца

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном сравнительном исследовании отцовства в четырех современных тюркоязычных популяциях башкир, казахов, татар и якутов были обнаружены как универсальные черты родительского поведения современных отцов, так культурные отличия в родительской заботе.

На основе детального анализа ответов 734 студентов можно сделать вывод, что подавляющее большинство респондентов из четырёх групп отметили активное участие своих отцов в процессе воспитания. Хотя совместные прогулки, занятия спортом, так же как и другие менее регулярные обязанности, не входили в число ежедневных занятий отцов, тем не менее, подавляющее большинство отцов ежемесячно проявляли такого рода интерес и заботу о досуге, успеваемости, благополучии детей в период взросления. Также показана высокая вовлеченность отцов четырех популяций в воспитательный процесс, их заинтересованность в успешной социальной интеграции детей в общество, внимание к их карьере и будущему.

Однако, студенты из Башкирии и Казахстана указывали на большую вовлеченность отца в воспитательный процесс по сравнению с ответами из Татарстана и Якутии. Существенная доля татар ряд утверждений анкеты оценила минимально: отцы этой подгруппы фактически не участвовали в заботе о детях – выросшие дети сообщали о том, что они никогда не участвовали в ежедневных, регулярных и вневременных формах заботы. Такая разница в уровне заботы отцов татар и отчасти якутов может быть, по нашему мнению, связана с большей долей разводов в исследованных нами семьях – процент разводов в татарской и якутской выборке в среднем был в три раза выше, чем у казахов. Подтверждением гипотезы о негативном влиянии разводов на размер отцовского родительского вклада служат результаты по Казахстану, где при минимальном количестве разводов проявляется максимум отцовского вклада. Наши результаты, таким образом, согласуются с выводами А.Б. Синельникова, в которых исследователь подчеркивает важность присутствия фигуры отца в окружении ребенка [6]. Наши результаты потенциально указывают на то, что разрыв родительских отношений оказывает крайне негативное влияние на отцовскую заботу, в результате чего во всех формах проявлений отцовства происходит снижение родительского участия в воспитании, разрывается связь мужчины со своими биологическим детьми, ставится окончательная точка на отцовских инвестициях.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01639, https://rscf.ru/project/24-28-01639/.

Примечания

1. Кон И. С. Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 703 с.

2. Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118-130.

3. Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М. : ИГ-СОЦИН, 2007. 220 с.

4. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовно-

сти к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения. Кемерово : Кузбасс-вузиздат, 2020. 552 с.

5. Токарева Ю. А. Психологические основания воспитательной деятельности отца : дис. … д-ра психол. наук / Курганский гос. ун-т. Екатеринбург, 2012. 475 с.

6. Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 4. С. 132-148.

7. Cabeza De Baca T., Figueredo A. J., Ellis B. J. An Evolutionary Analysis of Variation in Parental Effort: Determinants and Assessment // Parenting. 2012. Vol. 12, № 2. P. 94–104.

УДК 39(4/5)

Грот Л. П., Лулео, Швеция

Groth L.P., Luleå, Sweden

НЕФРИТОВЫЙ ПУТЬ И ПОДСОЛНЕЧНОЕ ЦАРСТВО В ЕВРАЗИЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

JADE ROAD AND KINGDOM OF THE SUN DEITY IN EURASIAN ANTIQUITY

В статье показаны древние связи Прибайкалья и Восточной Европы, начиная с эпохи бронзы. Уже с этого времени такой торговый путь как Великий Нефритовый путь связал Прибайкалье с Волго-Камьем на западе и с шан-иньским Китаем на востоке. В статье подчеркивается, что функционирование международной торговли на громадных евразийских пространствах требовало наличия хорошей социально-политической организации. Одной из опор здесь служила общая сакральная система верований поклоняться Солнцу как верховному божеству.

The article shows ancient ties between Pribaikalia and Eastern Europe starting from the Bronze Age. Since that time, such a trade route as the Great Jade Road had connected Pribaikalia with the Volga-Kama region in the west and Shan-Yin China in the east. The article emphasizes that a good socio-political organization was necessary for conducting international trade in the vast Eurasian spaces. The common sacred system of beliefs to worship the Sun as a supreme deity served as one of its pillars. **Ключевые слова**: эпоха бронзы, Нефритовый путь, Прибайкалье и Волго-Камье, Солнце как верховное божество, культ Волоса.

Keywords: Bronze Age, Jade Road, Pribaikalia and Volga-Kama region, Sun as a supreme deity, cult of Volos.

Земли Восточной Европы с глубокой древности были вовлечены в международную торговлю впечатляющих масштабов. К середине II тыс. до н.э. относится возникновение древнейшего торгового пути – Великого Нефритового пути, связавшего Прибайка-

лье с Волго-Камьем на западе и с шан-иньским Китаем на востоке. Великий Нефритовый путь был предшественником караванной дороги Великий Шелковый путь, связавшей со II в. до н.э. Восточную Азию и с Восточной Европой, и со Средиземноморьем [1].

Археологические исследования демонстрируют удивительные результаты. На протяжении многих столетий и до рубежа эпох из Восточной Европы велась торговля с Кавказом, древнегреческими полисами, с народами Средней Азии и Казахстана, на рубеже эпох в Прикамье появляется египетский фаянс, римские кастрюли, ближневосточные бусы, иранское серебро [2].

Но для конференции «Байкальские встречи» особо интересен тот факт, что в могильниках III-V вв. Среднего Прикамья обнаружены десятки раковин моллюсков – ракушек каури, добытых в тропических частях Тихого и Индийского океанов. Ракушки каури – одно из наиболее древних средств обмена из Тихого и Индийского океанов. Общеизвестно, что раковины тропических моллюсков типа *каури* использовались как разменная монета, как платежное средство в международной торговле, т.е. как валюта в течение тысячелетий и на огромных пространствах от Филиппин до Африки. Следовательно, области их распространения указывают хронологию и направление торговых путей для дальней торговли в древности.

Оговорюсь сразу, что прочее использование раковин различных видов (как украшения, как декоративный элемент женского костюма, как материал для создания декоративных предметов и пр.) известно чуть не с палеолита и едва ли не по всему миру. Об этом есть интересная книга Р.Н. Буруковского «О чем поют ракушки» [3].

В качестве денег эти раковины, как считается, стали впервые использоваться в Китае 3500 лет тому назад. В Индии они появились более 2000 тысяч лет тому назад. Наибольшего распространения в качестве денег раковины достигли в IV-XIV вв. В могильниках Среднего Прикамья, как было упомянуто выше, они обнаруживаются среди находок III-V вв.

Но на территории России известны археологические памятники, относящиеся к более древним временам, где обнаружены раковины каури. Прежде всего следует назвать могильник в Даге-

стане (селение Башлыкент Каякенского района, у реки Акяр), датируемый, примерно, концом II тыс. до н.э., где найдены и раковины каури.

Найдены раковины *каури* в Забайкалье, в так называемых плиточных могилах – особая культура, просуществовавшая с конца II тыс. до н.э. до первых веков н.э. В них также обнаруживаются раковины *каури.* Еще одним археологическим памятником, где обнаруживаются раковины каури, являются таврские могильники в Крыму с датировкой от VI-V вв. до н.э. Там они находятся среди богатого погребального инвентаря: оружия (кинжалов, стрел), конской сбруи скифских типов, многочисленных бронзовых украшений (кольца, браслеты, височные подвески, гривны, бляшки, серьги), бус.

Анализируя распространение *каури* в качестве платежного средства, следует отметить, что подобные находки на территории России очерчивают гигантский ареал международной торговли, начиная с эпохи бронзы. Данная проблема имеет непосредственное отношение к российской истории, поскольку возникновение международной торговли такого впечатляющего масштаба было естественным результатом миграций носителей индоевропейских языков или гаплогруппы R1a, шедших из Восточной Европы на Иранское нагорье, в Среднюю Азию, южную Сибирь, Индийский субконтинент. Одной из таких волн миграций, пришедшей в Южную Сибирь с запада, были афанасьевцы (середина III-II тыс. до н.э.), другой волной были носители андроновской культуры (XVI-XIV вв. до н.э.).

Считается, что именно андроновцы обеспечивали функционирование древнейшего торгового пути – Великого Нефритового пути, связавшего Прибайкалье с Волго-Камьем на западе и с шаниньским Китаем на востоке. Его возникновение, как было сказано ранее, относится к середине II тыс. до н.э. Это был путь, по которому распространялись шлифованные украшения из нефрита и бронзовые изделия. Он шел из Прибайкалья вдоль современной Транссибирской магистрали, проходил Уральские горы и достигал р. Камы, а также Волги близ устья Оки, соединяя Южную Сибирь и Восточную Европу. Другой отрезок пути шел на восток, в Китай, показывая, что импорт нефритовых изделий шел в Восточную Европу

именно из Сибири.

Это был, вероятно, тот изначальный путь, по которому пошел денежный поток «валюты-каури» из Китая в Восточную Европу: Китай – Прибайкалье (плиточные могилы) – Кавказ (могильник в Дагестане) – Крым (таврские могильники) и т.д. Но известно также, что данный торговый путь связывал Китай с Волго-Камьем уже с середины – конца II тыс. до н.э. Великий Нефритовый путь был предшественником караванной дороги Великий Шелковый путь, связавший со II в. до н.э. Восточную Азию и с Восточной Европой, и со Средиземноморьем. Древние торговые пути имели много ответвлений, связывавших Восточную Азию со странами Центральной и Передней Азии. Эти пути шли в Хорезм, Иран, Индию и уже своей, Южной дорогой соединяли эти страны с Восточной Европой [4].

Функционирование международной торговли на громадных евразийских пространствах от Прибайкалья до Волго-Камья и далее – до Балтики (туда тоже ведут находки ракушек каури – одного из наиболее древних средств обмена) на протяжении длительного периода, считая с эпохи бронзы и до средневековья, требовало того, чтобы названное пространство было организовано как социально-политическая система.

Элитные захоронения Аржана, «царские курганы» Алтая и Ананьинские могильники говорят о наличии институтов власти высокого статуса, а сходство погребального инвентаря, свидетельствовавшего о сходстве погребального обряда, говорит о том, что это пространство было объединено общей сакральной системой верований. В части моих исследований я показала, что такой единой сакральной системой было поклонение Солнцу в образе верховного божества, а распространителем этой системы верований были носители индоевропейских языков, т.е. согласно моей концепции, древние русы и арии [5].

Хочу напомнить, что в русских былинах сохранилось название этой политии – Подсолнечное царство, т.е. Царство под охраной великого Солнцебожества. Под влиянием культурных импульсов, идущих из этой политии, вполне целенаправленно должны были распространяться общие для всей политии сакральные принципы.

Для этого обратимся к вышеназванному источнику – былине «Царство Подсолнечное». В этой былине Подсолнечное царство характеризуется как царство великое, в котором правил Царь Подсолнечный, т.е. и царство, и его правитель находились под охраной великого Солнцебожества. В это царство, согласно былине, можно было долететь на орле самолетном, которого по заказу былинного царя Василия Михайловича сделал царский мастер.

Чем же эта былина интересна нам как источник в контексте данной статьи? А вот именно своим названием «Царство Подсолнечное», поскольку это название, как я уже сказала, означает: царство под охраной великого Солнцебожства. Тема поклонения Солнцебожеству как цельная древнерусская сакральная система не привлекалась к изучению. Во-первых, у ученых вызывает затруднение понятие «древнерусский», ибо с Древней Русью связываются восточнославянские княжества не ранее IX в., а IX в. в благоустроенных обществах относится к средневековью, а не к древности. Во-вторых, понятие «древнерусское» неизбежно наталкивается на вопрос о том, кто такие русы, и здесь большинство представителей науки не желают быть потревоженными в их в летаргическом убеждении, что русы – это выходцы из Скандинавии. Поэтому в современной науке вместо понятия «древнерусская сакральная система» ограничиваются безопасным понятием «восточнославянское язычество». Его рассмотрением занимаются уже пару столетий, и на сегодняшний день мы имеем только ворох разнообразных сведений, которые в систему сложить не удается.

В общем, в исследовании этой темы приходится идти по целине. А ведь ее системное изучение дает нам ключ к древнейшему периоду истории народов России. Древность данного периода определяется тем, что сакральная традиция поклонения Солнцу как верховному божеству была хорошо известна и у древних ариев.

Здесь уместно напомнить, что, согласно филогенетическим исследованиям, первыми насельниками Восточной Европы были носители ИЕ, которые начали мигрировать сюда в III-II тыс. до н.э. как представители гаплогруппы-субклада R1a-Z645. Гаплогруппа – это группа людей, имеющая одного родоначальника. В гаплогруппу выделяется группа людей, мужская линия в которой восходит к одному предку, у которого насчитывается минимум 100 миллионов

потомков. Представители супер-ветви R1a-Z645 мигрировали в виде двух дочерних ветвей Z93 и Z283>Z282>Z280. Носители Z93 продолжили миграции и появились на Иранском плато (авестийские арии), в Северной Индии (индоарии) и т.д. А носители субклада Z280 остались в Восточной Европе, и сейчас он выявляется у более половины русских, украинцев и белорусов. Носителей этого субклада в древности я, в соответствии с логикой и здравым смыслом, определила как древних русов, в силу чего начало древнерусской истории стало возможным относить к эпохе бронзы [6; 7].

Поклонение Солнцу как олицетворению главного божества или как главе пантеона богов как раз и известно с эпохи бронзы и может считаться «визитной карточкой» носителей индоевропейских языков. Благодаря трудам российских востоковедов и сибиреведов стало известно, что поклонение Солнцу как верховному божеству распространилось в Сибири и Центральной Азии в ходе миграций носителей индоевропейских языков, традиционно называемых как арийские миграции, в эпоху бронзы. У аборигенного же населения Центральной и Восточной Азии до появления в этих регионах носителей индоевропейских языков главным культом был культ Земли [8, с. 158].

Что это было за божество, которое возглавляло пантеон божеств древних русов и выступало в образе Солнца? Вопрос логически оправдан, поскольку у ведийских ариев, как известно, было несколько богов, связанных с солнцем. А что известно о богах, связанных с солнцем, в русской традиции? По летописным данным и данным памятников древнерусской церковной литературы, нам известен бог Солнца, именуемый Даждьбог или Дажбог, сын Сварога, известно божество Хорс или Хърс, также соотносимый с Солнцем. У балтийских славян Сварожичем, т.е. тоже сыном Сварога был Радогост/Радегаст.

Но как мне удалось установить, с Солнцем в древнерусском пантеоне было связано еще одно великое божество. Оно было известно под иносказательным именем Волос/Велес. Считается, что Волос являлся одним из самых известных и одновременно, самых загадочных божеств дохристианского пантеона богов древних русов. Обычно обращается внимание на его прозвание «скотий бог» и указывается на его функцию выступать оберегом крестьянского

двора и покровителем скота, а также отмечается множество других его функций. Но согласно моим выводам, главная функция этого божества заключалась в его связи с поклонением Солнцебожеству.

Это следует из рассказа «Повести временных лет» о каре, которая постигнет преступившего клятву, данную именем Волоса: «да будемъ золоти, яко золото...», что обычно переводится, как «да пожелтеем, как золото». Но золото известно и как один из символов солнца. Культу Волоса, его связи с солнцем, а также и связи князя Олега с культом Волоса посвящена часть моих работ [9]. Поклонение Волосу/Велесу составляло ядро древнерусских дохристианских верований. Это видно из «Повести временных лет», где ещё и князь Олег, и князь Святослав скрепляли договоры с Византией именем Волоса (наряду с именем Перуна).

Выше уже было отмечено, что эта тема поклонения Солнцебожеству как единая система к исследованиям не привлекалась. Но требуется внести уточнение. Собственно, солярные культы как в древнерусской традиции, так и в традициях народов Сибири и Севера, имеют достаточно богатую историографию. Но она отмечена некоторыми особенностями, на которые хотелось бы обратить внимание.

Так, древнерусская система поклонения Солнцебожеству изучаются в рамках общеславянских традиций (как, впрочем, и всё древнерусское) или в рамках общеславянской мифологии. Здесь славянство отождествляется с носителями славянской семьи языков, образование которой очень условно относится к середине – второй половине первого тысячелетия. Именно в силу данного подхода отсчет русской истории ведется не с начала миграций на Русскую равнину ариев и древних русов, а с того времени, когда на Русскую равнину пошла из Придунавья возвратная миграция словен/славян, как это описано в Сказании о Словене и Русе, а также в летописях.

Солярные культы у народов Сибири и Севера рассматриваются как исконные представления этих народов – первых насельников этих областей [10]. Родственные же черты в древнерусских и сибирских или северных солярных (даже шире – космологических) традициях, давно обратившие на себя внимание учёных, объясняются обычно как отголоски «общей для всех народов стадии мезо-

литическо-неолитического охотничьего и оленеводческого быта» [11].

Стадиальный подход к общечеловеческой архаике, безусловно, интересен, но с его помощью, на мой взгляд, не удаётся исчерпывающе объяснить как все многообразие архаичных представлений, сохранившихся в древнерусской традиции и традициях народов Севера и Сибири, так и ряд схожих черт, например, в северорусских дохристианских верованиях и космогонии северных и сибирских народов.

К этому следует добавить, что контакты между народами Сибири и носителями ИЕ устанавливались в лоне арийских миграций на юг и восток азиатского континента, начавшихся с конца III – начала II тыс. до н.э. Эти миграции привели на гигантские пространства Иранского нагорья, Средней Азии, Южной Сибири, Индийского субконтинента значительные группы нового населения. В ходе данных миграций носители ИЕ приносили с собой многие элементы своей духовной культуры, сложившейся в период единой общности ариев и древних русов в Восточной Европе.

Эти элементы предковой культуры сохранялись из поколения в поколение у индийских и иранских наследников этой общности, но также оказывали большое влияние на развитие духовной культуры тех народов, с которыми они соединялись в ходе миграций. В частности, исследователями традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока, а это труды Л.Р. Кызласова, Э.А. Новгородовой, Т.Д. Скрынниковой, Н.Б. Дашиевой и мн. других, было установлено, что проникновение культа Солнца как верховного божества в Южную Сибирь, Западную Монголию и даже в Китай было связано с носителями индоевропейских языков [12; 13; 14; 15; 16].

Изначально в мировоззрении населения этих областей, как уже было сказано, определяющим и главенствующим был культ Земли. Одним из археологических памятников, характерных для народов – носителей этого мировоззрения, считаются так называемые плиточные могилы, характерной чертой которых была их форма – прямоугольник или квадрат, что являлось символом или архетипическим знаком Земли, выраженного в числовой символике числом четыре. Как писала историк Т.Д. Скрынникова, изучение

традиционной культуры народов Центральной Азии и Южной Сибири (тюрков и монголов прежде всего) привело исследователей к выводу о неоднородности их культуры даже в границах одного этноса и позволило говорить о существовании на территории Южной Сибири и Центральной Азии двух типов культур, которые можно определить как восточноазиатскую, где верховными божествами выступали неизменно *Земля* и *Небо*, и южно-западноазиатскую (индоиранское единство), где в качестве ведущих отмечается *триада божеств*, включая Солнечное божество, возглавлявшее этот пантеон.

Эти различия у народов алтайской языковой семьи являются не случайным фактором, а определяются их сложным этно- и культурогенезом, связанным с тем, что формирование народов алтайской языковой семьи проходило на территории, где на протяжении тысячелетий наблюдались миграции носителей индоевропейских языков, определившие и современную этнолингвистическую карту Евразии. Выделяют три волны миграций: в начале III тыс. до н.э. было отмечено появление тазминской культуры скотоводов-европеоидов, для которой были характерны сакральные изображения на стелах и скалах, связанные с культом солнца; следующей волной, пришедшей в Южную Сибирь с запада, были вышеупомянутые афанасьевцы (середина III-II тыс. до н.э.); третьей волной европеоидного населения были также упомянутые выше носители андроновской культуры (XVI-XIV вв. до н.э.), с которыми было связано появление двухколесных повозок и боевых колесниц с парной конской упряжкой. Именно под влиянием пришельцев на гигантских пространствах Центральной Азии и Сибири развиваются солярные культы и богатая солярная мифология, проникшая даже в китайскую мифологию. Например, в китайской мифологии, это образ матушки Си-хэ – матери солнц, правящей солнечной колесницей. В западной части Центральной Азии культ Солнца символизировали оленные камни, которые ставились, как правило, с восточной стороны – наиболее сакральной в арийской традиции. Носителями этой традиции становились и некоторые тюркоязычные племена [17].

Традиции почитания Солнца, по наблюдениям исследователей, отразились на традиционной культуре и монголоязычных

народов. Так, влияние связанного с солнцем Хорса, имя которого сохранилось в древнеиранском *khors – солнце*, видно в названии кругового танца западных бурят *ехор*, семантика которого заключается в том, чтобы быть символом солнца. К такому выводу пришли многие исследователи традиционной культуры бурят [18, с. 114-141].

Таким образом, этнокультурная история России от южных пределов Евразии до Русской равнины была от самых древних истоков отмечена полиэтничностью – симбиозом урало-алтайских и индоевропейских народов.

Примечания

1. Латов Ю. В. Великий шелковый путь – пролог мировой экономики и глобализации // Историко-экономические исследования. Научный журнал Балтийского государственного университета. 2010. Т. 11, № 1. С. 123.

2. Грот Л. П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове : сб. ст. и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2012. С. 508-513.

3. Буруковский Р. Н., Подольская М. А. О чем поют ракушки. Казань, 2013. 304 с.

4. Грот Л. П. Судоходство у древних русов и развитие восточноевропейской торговли со II тыс. до н.э. // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. М. : Институт наследия, 2021. Т. 2. С. 324-338.

5. Грот Л. П. Древнейшие традиции этнокультурного взаимодействия на евразийском пространстве: солярные культы // Культура как ресурс социально-экономического развития. Улан-Удэ, 2010. С. 278-287.

6. Грот Л. П. Культ коня на Евразийских просторах и генезис российской полиэтничности // Байкальские встречи - IX : Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (14-17 сент. 2016 г. Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ - оз. Байкал). – Улан-Удэ, 2016. С. 110-139.

7. Грот Л., Клёсов А. Мифы норманской теории. М., 2023. 512 с.

8. Обряды в традиционной культуре бурят : монография / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова. М., 2002. 222 с.

9. Грот Л. П. Культ Волоса в Подсолнечном царстве. URL: http://pereformat.ru/2016/09/kult-volosa/ (дата обращения: 18.11.2024).

10. Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 108 с.

11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1997. С. 100.

12. Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят. М. : Наука : Восточная литература, 2015. 239 с.

13. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М., 1989. 384 с.

14. Скрынникова Т. Д. Архетипы древнеиндийской и западно-бурятской традиционной культуры. // Россия–Индия: перспективы регионального сотрудничества. М., 2002. С. 214-220.

15. Скрынникова Т. Д. Белый шаман в центральноазиатской традиции. // Сибирь: Этносы и культуры. Вып. 7 : Этническая культура: история и современность. М. ; Улан-Удэ, 2002. С. 92-105.

16. Скрынникова Т. Д. Космогонические мотивы бурятской мифологии. // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 1997. С. 87-88.

17. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 9-19.

18. Скрынникова Т. Д. Солнце и Земля в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // ALTAICA 6 : [сб. ст. и материалов]. С. 114-141.

УДК (392:256)(571.54)(=512.31)

Босхолова С. В., г. Улан-Удэ, Россия

Boskholova S. V., Ulan-Ude, Russia

ОСОБЕННОСТИ ШАМАНИЗМА ПРАВОБЕРЕЖНЫХ БУРЯТ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДЕЛЬТЕ РЕКИ СЕЛЕНГИ

FEATURES OF SHAMANISM OF THE RIGHT-BANK BURYATS LIVING IN THE DELTA OF THE SELENGA RIVER

В данной работе проводится исследование особенностей шаманизма этнолокальной группы правобережных бурят, проживающих в дельте реки Селенги. Для этого приводится описание географического положения места проживания данной группы бурят, вид хозяйственной деятельности, исследуется родоплеменной состав данной группы, сакральные элементы религиозных обрядов, общеродовые и родовые обряды.

The article studies the features of shamanism of the ethno-local group of the right-bank Buryats living in the delta of the Selenga river. For this purpose, the description of the geographical location of the place of residence of this group of the Buryats, the type of householding are given, the tribal composition of this group, sacred elements of the religious rites, ancestral and clan rites are studied.

Ключевые слова: шаманизм, обряд, буряты, дельта реки, племена, рода.

Keywords: shamanism, ritual, Buryats, river delta, tribes, clans.

В бурятоведении этнографы занимаются изучением различных этнических групп бурят, но этнолокальная группа, проживающая в дельте реки Селенги, не была предметом научных исследований.

Река Селенга впадает в Байкал, ее дельта является самой большой пресноводной дельтой в мире, площадь составляет 5000

кв.км. [1]. Количество островов, находящихся в дельте реки Селенги, в официальных источниках отсутствует. Сама дельта вдается в озеро Байкал на два десятка километра, по ширине растекаясь в два раза шире. Если учитывать заливы Провал и Сор-Черкалово, окаймляющие дельту по бокам, то ширина увеличится еще на 20 км, достигнув в итоге 60 км. В дельте реки Селенги сложно ориентироваться, так как следующие факторы оказывают достаточно препятствий: однообразный ландшафт, огромная площадь, сильное течение Селенги, большое количество островов, меняющиеся русла проток.

Все эти факторы повлияли на создание своеобразной культуры жизнеобеспечения островных бурят, например, у жителей островов сформировался хозяйственно-культурный вид деятельности – рыболовство [2], а также на формирование религиозных верований – шаманизма.

На сегодняшний день, родоплеменной состав бурят, проживающих в дельте реки Селенги в основном составляют племена эхиритов и булагатов, поселившихся здесь в период XVI-XVII вв. Данные фольклорно-песенного и этнографического материала подтверждают этот факт. Однако мы также видим и отличия местного населения от других бурятских племен, населяющих территорию современной Иркутской области и Республики Бурятия. По рассказам местных жителей [ПМА 1] и на основании вышеприведенных материалов, можно сделать вывод, что на островах в дельте реки Селенги в течение продолжительного времени, еще до миграции эхиритов и булагатов, проживали и другие племена.

Этнолокальная группа в улусе «Баруун Худар» представлена западно-бурятскими племенами и тунгусским родом:

эхириты – рода *шоно, абзай, галзууд, олзон*;

булагаты – рода *балтай, алагуй, хурамша*;

тунгусский род – *хайтал*.

Наиболее многочисленные из этих родов делятся на подрода («*эйл*»):

род *шоно – алмас, хэрэлдэй, шатуу, дайбан*;

род *галзууд – галзууд* и *нохой орык*.

Наименование отдельных подродов исходят из названия местности. Из материалов архива Халюевой Н.П. следует, что каждый подрод занимал отдельный остров в дельте реки, иногда остров

занимал весь род, некоторые малочисленные рода объединялись и селились вместе. Например: улус Часовено (*Хэрээлдэй*) рода *абзай, (шээргэ абзай)*, *шоно* (50 дворов); улус *ХҮхэ Шэгтэ* (Першинский) род *галзууд* (40 дворов); улус *Шатуу* (Галутовский) род *шоно* (более 20 дворов); улус *Дунда Хэлэнгэ* (Среднеустье) род *хайтал* (около 20 дворов); Бурлус (*ХҮдоое айл*) рода *шоно, абзай, олзон, нохой ураг, алагуй, хурамша, балтай, хайтал;* улус *Дайбан* (Адуновский или Новоселенье) род *олзон, шоно, абзай* (30 дворов); улус *Алмас* (Поперечный) род *шоно* (17 дворов), улус *Донохой* род *абзай [ПМА 2]*.

Возможно, названия местности давали местные жители, которые проживали здесь ранее до миграции племен эхиритов и булагатов. Подробно названия островов и родов описаны Борбоевым Леонтием Абзаевичем, верховным шаманом Республики Бурятия, который жил и работал в улусе Ранжурово [3]. В настоящее время указанные названия в официальных источниках отсутствуют, они сохранились только у местного бурятского населения.

Со слов Паткина Федора Борисовича, жителя улуса Ранжурово, 1927 г.р., бригадира рыболовецкой бригады, *сагааша*, известно, что буряты, проживающие на островах в дельте реки Селенги и на острове Ольхон, очень близко общались, постоянно навещали друг друга, вместе ходили на рыбалку [ПМА 3]. До настоящего времени жители помнят, что между ними сохранялись очень дружеские теплые отношения. Это также обусловлено видом хозяйственной деятельности – рыболовством и географическим положением: между островом Ольхон и улусом Часовено расстояние составляет всего около 27 километров по Байкалу.

Согласно версии известного этнографа Балдаева С.П. «Заселение устья Селенги происходило постепенно. Сначала, видимо, заселялся западный берег Байкала и остров Ольхон, где до этого не было никаких поселений. Затем с западного берега и Ольхона буряты стали перекочевывать в Кудару и Баргузин» [4].

По версии Хангалова М.Н., «...приход русских казаков застал булагатов, живущими по рекам Ангаре и Оке, а эхиритов – по реке Лене и около озера Байкал» [5].

Исторически сложилось, что Байкальский регион имеет богатую мифологию и сложные обряды [6]. Все эти факторы оказали влияние на формирование религиозных верований – шаманизма, ко-

торый в данном регионе имеет свои особенности и является «белым шаманством». Согласно версии Дугарова Д.С., «...можно предположить, что белое шаманство как особая форма религии сложилось еще у предков бурят – курыкан» [7, с. 5]. «Белые шаманы в большинстве случаев обходились без бубна, особого головного убора и шаманского плаща *орго*». Условия о «шаманской болезни» не было у белых шаманов, во всяком случае, она не являлась обязательным условием передачи им «шаманского» дара. Так, например, престарелый дядя Чингисхана был им возведен в этот сан на склоне лет без всякой предшествовавшей болезни. Есть и другие факты, подтверждающие нашу позицию в данном вопросе. Все это указывает на то, что так называемое белое шаманство генетически вовсе не было шаманством» [7, с. 27].

У островных бурят традиционно обряды делятся на общеродовые, родовые и семейные. Основные общеродовые обряды – *тайлганы*. Наиболее известны ежегодные обряды: *тайлган* «*Байгал Далээ*» – поклонение Байкалу, обряды «*Лусад бурхэдта*» – водным духам, хозяину Ольхона – «*Эйһаан Бабээ*», обряд поклонения земле – «*Дайда*». Также проводят тайлганы «*Ангарын эжиндэ*», «*Халюд бурхэдта*».

Родовые обряды проходят в специально отведенных родовых местах недалеко от мест проживания. Для проведения отдельных обрядов рода возвращаются на места, где проживали ранее (на острова). Если остров затоплен, обряд проходит на берегу реки Селенги или на берегу озера Байкал.

К родовым обрядам относятся также молебны «*Тодэдто*» (бабушкам). Семейные или домашние обряды: «*монголо идэлхэ*» – кормить монгола для благополучия и разведения домашнего скота; «*гал тахи»* – поклонение домашнему очагу; «*окта моргулхэ*» – семейный молебен; обряд «*сэржэм*» – для семейного благополучия; сюда также относятся обряды жизненного цикла: рождения, инициации, свадьбы, смерти.

Родовые и общеродовые тайлганы, как правило, проводят весной (май-июнь) и осенью (сентябрь-октябрь). Семейные обряды, такие как «*монголо идэлхэ», «окта моргулхэ» и «гал тахи»* проводят весной перед родовыми и общеродовыми *тайлганами*. Обряд «*гал тахи*» может проводиться и в другое время. *Сэржэм* проводится в

любое время года по мере необходимости.

Затем в подроде или роде проводится родовой обряд – *тайлган*. О проведении *тайлгана* оповещает *сагааша*. В каждом подроде имеется казначей, который объявляет, где будет проходить обряд, какую сумму необходимо сдать на проведение обряда. Обряды проводят водкой, молочными продуктами, рыбой: сорожка или омуль (с серебристой чешуей), бараном – *хониёр*. Молебен бараном считается более значительным, на нем стараются присутствовать все члены рода. *Тайлган* «*хониер*» проходит раз в три года, может быть и чаще на усмотрение *сагааша*. Этот обряд проходит в определенном месте в лесу, недалеко от деревни, где есть стол, скамейки, очаг. Вокруг деревни таких родовых мест 8.

Обряд начинается в 10-11 часов в назначенном месте и продолжается до 15-16 часов дня. Перед проведением обряда мужчины окуривают пришедших людей, принесённую ими пищу: разжигают костер от привезенных дров, берут одно из горящих поленьев, над дымом от полена, люди проносят принесенную еду. Процесс окуривания может также проходить по-другому: зажигают щепки, когда огонь начинает угасать, на угли бросают высушенную траву «*ая гангу*» (ее собирают в определенное время в период цветения, в июле). Для окуривания в домах применяют кору дерева пихты *«йодо*». Процесс окуривания применяют для избавления от «негатива», плохих мыслей. Затем присутствующие рассаживаются на скамейки, привезенные стульчики, женщины выставляют принесенную пищу.

На обрядах используют сакральные продукты:

- обрядовая пища *моргэл эдеэн*: кипяченное молоко, свежезаваренный чай, саламат, сметана, творог, *тарак* – подобие кефира. Эту пищу готовят обязательно в день проведения обряда рано утром. Готовит ее «чистая» женщина, обычно жена *сагаааши*, у которой нет менструаций. После приготовления данную пищу никто не пробует, не трогает, она складывается в сумку и открывается только на обряде. Такую пищу нельзя ставить на пол. Пища предназначается для моления всего рода.

- обрядовая еда от семьи, готовится по таким же правилам и используется для моления отдельной семьи;

- простая пища «*мин эдеэн*», которую едят после проведения обряда. Эта повседневная пища приготовлена обычным способом из

любых продуктов.

Если обряд проводится бараном, специально обученные люди-мужчины разделывают барана и укладывают части (голову, ноги, все крупные кости, внутренности, шкуру) на поленья определенным образом, имитируя строение животного. Кишки моют женщины для дальнейшего изготовления кровяной колбасы. Когда происходит сжигание частей животного, одновременно в котле варится мясо, кровяная колбаса, внутренние органы и сплетенные кишки. Котел используется только для ритуальных целей. Для проведения обряда имеются предметы: стол, посуда – поварешки, тазы, ведра, блюдца, которые используется только для ритуальных целей и в повседневной жизни хранятся отдельно у *сагааши*.

Обряд начинается, когда *сагааша* и другие мужчины рода (главы семейств), помощники *сагааша* выходят впереди всех, за костер и встают в одну линию. В руках они держат небольшие керамические блюдца, в них наливают водку, молоко и чай. *Сагааша* говорит призывания, мужчины за ним повторяют, когда он произносит «*соок*», мужчины кидают блюдца в траву впереди себя, все остальные молятся. В определенное время *сагааша* говорит: «*моргэл табахты*», тогда все сидящие выходят, встают на колени и кланяются.

Во время сжигания части барана на костре оставшаяся часть готовится в котле, затем разделывается и преподносится духам. Еще одна часть приготовленного мяса и внутренностей ложится в металлическое ведро, из которого выходит наружу часть внутренностей барана – половые органы. После этого *сагааша* с ведром подходит к каждому присутствующему по очереди, человек кланяется и прикасается тыльной частью ладоней к низу металлического ведра. После этой процедуры считается, что благословение духов получено. *Сагааша* говорит «*дуургээ*» – закончили обряд. Всем присутствующим раздают обрядовую еду и монетки.

После завершения родового тайлгана к *сагааша* могут подходить члены рода для совершения молебна за благополучие, здоровье, удачу их и членов их семей в связи с каким-либо событием (рождение ребенка, продвижение по работе, уход в армию, поступление в институт, поездка в другой город и т.д.). *Сагааша* продолжает молиться за каждого обратившегося человека по его просьбе. Для этого необходимо также приготовить водку, чай, молоко, саламат.

После обряда люди не расходятся, выпивают, кушают, угощают друг друга. Теперь можно кушать всю принесенную простую пищу и оставшуюся после обряда еду. Дети соревнуются между собой, бегают, борются. Казначей награждает победителей, женщины поют и танцуют.

Иногда после обряда местные жители приглашают к себе домой, где родственники продолжают общаться до вечера. На родовых *тайлганах* посторонним присутствовать нельзя, на общеродовых *тайлганах* допускается присутствие знакомых и гостей. Категорически запрещены споры и ссоры во время проведения обряда и после него. Необходимо максимально сохранить благословение духов. Пищу, полученную во время обряда, увозят домой поделиться с родными, кто не смог приехать. Монетки с обряда хранятся в течение трех дней или до следующего обряда на усмотрение хозяина. После проведения обряда в течение трех дней нельзя ничего отдавать от себя и из дома, чтобы не потерять полученное благословение.

В момент проведения обряда и после люди внимательно наблюдают за природой и ищут знаки, подтверждающие, что боги услышали их молитвы. Например, если было пасмурно, может выглянуть солнце или тучи полностью разойдутся. Прилетают птицы. Если прилетели сороки и вороны, значит, собрались бабушки – наши предки. Большие хищные птицы своим присутствием показывают, что духи приняли молитву. После этого говорят: «*Бурхэт эрэ*» («пришли высшие духи»). Если человек долго не приезжает на свою родину, и ему на пути домой попадаются большие хищные птицы, это означает, что духи его заждались и рады встрече с ним. Если человек умер, считается, что он также может прилетать к своему дому в виде большой птицы в течение нескольких дней после смерти. Каждый подрод имеет свои особенности. Например, когда род *абзай* отмечает какой-то праздник или молится, всегда бывает непогода: идет дождь или снег, сильный ветер и пасмурно.

Общеродовые обряды проводят также, как родовые, только с участием всех родов. Общеродовой казначей объявляет, какой обряд и где будет проводиться, какая сумма необходима для проведения обряда, собирает деньги. Если обряд проводится в незнакомом месте, сбор объявляют в деревне и потом все совместно выезжают. В отличие от родовых обрядов, на общеродовых присутствуют все желаю-

щие, в том числе дети. Люди располагаются со своими стульями, столами и продуктами. Если обряд проводится бараном, то кишки моют и начиняют кровью только мужчины, женщин не допускают.

Основными организаторами и исполнителями общеродовых и родовых обрядов являются шаманы, которых называют: *сагааша*, *боо*, *дарханы*. Согласно классификации Базарова Б.Д. [6, с. 28-32], существует 13 видов посвящения в шаманы, при каждом посвящении круг полномочий и прав расширяется. Если следовать указанной классификации, *сагааша* в улусе «Баруун Худар» имеют 3-4 уровень посвящения, после которого «шаман приобретает право общаться с племенными онгонами – предками, бурханами долины, бурханами соседних племен; *Боо* – пятый и выше уровень.

Сагааша – шаман, которого выбирает подрод или род. К нему есть определенные требования: он должен быть здоровым, женатым, иметь сына. Этот человек получает одобрение от главного шамана *боо*, после чего *эйл* (род) готовится к обряду посвящения. Для этого сообща приобретают необходимые вещи и предметы (одежда, котел, баран и пр.). После обряда посвящения, *сагааша* имеет право решать не только обрядовые: когда и где необходимо провести молебен, какая сумма необходима для проведения тайлганов; но и хозяйственные вопросы: выезд на рыбалку, строительство объектов, приобретения имущества, проведение праздников, поездки на конкурсы и т.д. *Сагааша* должен обладать определенными знаниями: знать родословную до начала его основания, каждую семью своего рода. *Сагааша* взаимозаменяемы, в случае отъезда или болезни семья может позвать другого для проведения обряда. Предполагаю, что название *сагааша* имеет в своем значении перевод «светлый, чистый человек с хорошими помыслами» и имеет своими корнями «белое шаманство», описанное Д.С. Дугаровым [7, с. 57]. «Основной жертвенной пищей белого шаманства была молочная, «белая» пища: кобылье молоко, кумыс, молочная водка, сметана, саламат».

Также выбирают помощника *сагааша*. Со временем, когда шаман входит в определенный возраст, он отходит от дел и передает свои полномочия помощнику. Помощник не связан возрастом своего предшественника, получив необходимые знания: как технически исполнять обряд, правильные призывания и др.; он совершает обряды

наравне с *сагааша* и имеет такое же звание. Процесс обучения происходит постепенно и может занимать очень длительное время. Ученик может и не стать шаманом, так и останется помощником. Этот процесс зависит от многих факторов: от желания самого человека, его возможностей, насколько успешно учится и самое главное – доходят молитвы до тех духов и богов, которым предназначены. Последний момент определяется на протяжении нескольких лет. Знания имеют большую пользу, этот человек может молиться своей семье, выступать помощником на других обрядах, разделывать барана или коня, заниматься подготовкой к обрядам, объяснять людям, как правильно себя вести на обрядах, зачем это нужно и т.д. *Сагааша* выбирают только из своего рода, то есть человека, которого хорошо знают с детства, знают его родителей и всю семью. Постороннему человеку или зятю стать *сагааша* невозможно.

Боо – шаман, которого выбирают *сагааша*, как главного над собой. После того как *сагааша* наберется сил, его молитвы становятся сильнее, люди чаще к нему обращаются. У таких шаманов проявляется дар ясновидения, предсказывания. К нему начинают обращаться не только с молитвами и просьбами умилостивить духа, но и предсказать какое-либо событие, посодействовать решению вопросов, найти человека и т.д. Считается, что *боо* – избранник духов. *Боо* решает все вопросы, связанные с проведением обрядов.

Дархан – это шаман-кузнец, который работает с огнем и железом. Если *сагааша* может стать любой человек рода, то стать *дарханом* может только человек, рожденный в семье *дарханов*, это право передается по наследству. *Дарханский* род также выбирают своего *сагааша*, который подчиняется *боо*. В роду *дарханов* почти все работают с железом, каждый род имеет свою кузню. *Дарханы* также могут лечить людей. «Шаманом-кузнецом является тот, кто унаследует шаманское и кузнечное утха. Кузнечное наследие – это волшебное наследие – *утха* от *тэнгэринов*, ремесленное и магическое волшебство заклинаний...» [6, с. 33].

Базаров Б.Д. также указывает в своей книге, что шаманы с каждым посвящением приобретают определенные предметы «символы власти»: кнут, бубен, трость, корону, плащ-накидку [6, с. 29]. В описываемом регионе шаманы: *сагааша, боо* и *дарханы* не входят в транс, не имеют бубна, трости и еще каких-либо атрибутов, кроме

пояса, ножа, шапки и толи. Все обряды совершаются в доме, в ограде, либо на природе. *Дарханы* проводят свои обряды и в кузне. Шаманы призваны защищать свой род. Члены рода заинтересованы, чтобы всегда был человек, к которому можно обратиться за поддержкой.

Род Хурамша и Алагуй – *Боо* Помишин Карл Александрович.

Род Абзай – *Боо* Борбоев Виктор Леонтьевич.

Род Шоно: *сагааша* подрода *Алмас* – Романов Владимир, *сагааша* подрода *Хэрэлдэ* – Тахинаев Зориг, *сагааша* подрода *Шатуу* – Хамуев Александр проводит обряд поклонения *Галтани басаган* (*Нэмалжи тодэ*), *сагааша* подрода *Дайбан* – Федоров Федор Алтаевич.

Род Галзууд – дарханы, делится на два подрода – *галзууд* и *нохой орык*, *сагааша* рода *Галзууд* – Сушнеев Дмитрий, *сагааша* рода *Нохой орык* – Сотнич Баир Иннокентьевич.

Род Балтай – *сагааша* Гиргушкин Юрий Казанович.

Род Олзон – дарханы, *сагааша* Антропов Анатолий, помощник *сагааша* (держатель кузницы) Антропов Леонид.

Род Хайтал *боо* Мангутов Семен Константинович, совершает обряд поклонения богине «*сагаан тоодэ*», которая покровительствует маленьким детям и женщинам, проживали ранее в среднем устье реки Селенги в местности «багаа араал» – небольшой остров.

Из вышеперечисленных родов: Галзууд, Олзон и Хурамша являются *дарханами*. *Боо* и *сагааша*, являющиеся *дарханами*, проводят дополнительно обряды очищения «*Тарим*» – облизывание раскаленного железа, «*угалхаа*» – обряд омовения листьями березы и другие обряды в кузнице. Рода Алагуй и Хурамша немногочисленные по своему составу, объединились и проводят обряды вместе. Род Абзай дополнительно поклоняется также богине Аляй-изи, которая покровительствует беременным женщинам и помогает им при родах.

Таким образом, обособленность проживания, географическое расположение, вид хозяйственной деятельности отразились на уникальности шаманизма островных бурят: выборность шаманов, отсутствие регалий и предметов, определяющих статус и возможности шамана, не входят в транс, участвуют во всех сферах жизнедеятельности социума. Однако обособленность проживания имеет свои минусы, в настоящее время численность населения быстро сокращает-

ся, носители самобытной уникальной культуры исчезают, в связи с чем необходимо исследовать и передавать данную информацию своим потомкам.

Система шаманизма, описанная в статье, действует до настоящего времени в улусе Ранжурово – «*Баруун худар*».

Примечания

1. Дельта Селенги – на страже чистоты Байкала / Л. Д. Радаева, Л. М. Сороковикова, В. Н. Синюкович, Е. Ж. Гармаев [и др.] // Мир Байкала». 2019. 17 дек. URL: https://world-of-baikal.ru/index.php/zhurnal-mir-bajkala/priroda/8-delta-selengi-na-strazhe-chistoty-bajkala (дата обращения: 10.09.2024).

2. Босхолова С. В. Традиционное рыболовство в культуре этнолокальной группы левобережных бурят низовья реки Селенги // Культурное пространство России и Монголии: традиционные духовные ценности и смыслы культуры в современных условиях : материалы X междунар. науч.-практ. конф., (27-29 сент. 2023 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2024. С. 258-263.

3. Борбоев Л. А. Легенды и воспоминания о Кударинской земле. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 40 с.

4. Балдаев С. П. Предания о расселении Кударинских и Кабанских бурят // Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры. Записки. Т. 25. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 152-177.

5. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ : НоваПринт, 2021. 558 с.

6. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ : Респ. тип, 2003. 280 с.

7. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М. : Наука, 1991. 297 с.

Полевые материалы автора

1. Пиноев Николай Хабшанович, глава МО СП «Ранжуровское»

2. Халюева Надежда Петровна, музей «Енхолог» п. Новый Энхалук Кабанский район

3. Паткин Федор Борисович, улус Ранжурово

УДК 391.7(=512.31)“17/20”

Асалханова Е. В., п. Усть-Ордынский, Россия

Asalkhanova Ye. V., Ust-Ordynsky village, Russia

СВАДЕБНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

WEDDING JEWELRY OF THE WESTERN BURYATS OF THE XVII – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

В статье исследуются архаичные свадебные украшения западных бурят. В настоящее время они вышли из употребления, их можно увидеть только в коллекциях музеев. В данной статье автор исследует старинные свадебные украшения западных бурят из коллекций Российского этнографического музея, Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского, Национального музея Республики Бурятия. Автор уточняет названия этих украшений, описывает их и рассказывает о том, что они продолжают жить в произведениях современных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства.

The article considers the archaic wedding jewelry of the Western Buryats. At present they are out of use and can only be seen in the museum collections. The author considers the old wedding jewelry of the Western Buryats from the collections of the Russian ethnographic museum, Irkutsk regional local history museum of N.N. Muravyov-Amursky, National museum of the Republic of Buryatia. The author clarifies the names of these jewels, describes them and tells that they are found in the works of modern artists and masters of decorative and applied art.

Ключевые слова: буряты, свадебные украшения, юбун, хоолобшо, саажа, заяши.

Keywords: Buryats, wedding jewelry, yubun, khoolobsho, saazha, zayashi.

В нашей статье мы хотим рассмотреть архаичные свадебные украшения западных бурят. К сожалению, в настоящее время они

вышли из употребления, их отголоски можно выявить лишь в некоторых элементах свадебных обрядов. Между тем, они представляют исключительный интерес и обладают ценностью не только как предметы, использовавшиеся в обрядах жизненного цикла (свадебных), но и как оригинальные произведения декоративно-прикладного искусства.

В публикациях последних лет возникли разночтения в названиях некоторых старинных свадебных украшений западных бурят, поэтому мы уточняем их названия. В этой работе большую помощь мне оказал Народный мастер Иркутской области Э.А. Куклин, который на протяжении более чем десяти лет изучал старинные украшения западных бурят, на основе старинных фотографий и редких сохранившихся в музеях экземпляров выполнил реконструкцию многих украшений; создает новые произведения ювелирного искусства, а также декоративные панно.

У западных бурят девочкам заплетали одну косу *шанха* на макушке, часть волос на затылке сбривали. При достижении половой зрелости в 13-15 лет волосы отращивали, ниже затылка заплетали косу *гэзэгэ*, на висках заплетали две косы *һаншаг*. В целом мелкие косички в прическе невесты носили название *һабига*. Наиболее своеобразным девичьим украшением западных бурят являлось налобно-теменное украшение *юбуун*. Этимология этого украшения: *юбуу (н)* – отметина, звездочка на лбу животного [1, с. 686]. *Юбуун* носили на темени, вдоль пробора, изготавливали его из серебра или посеребренной пластины стреловидной, несколько вытянутой формы. Украшение прикреплялось к косичкам при помощи трех шнуров: два вплетали в височные косички *һаншаг*, один – в косу, заплетенную на затылке *гэзэгэ*. *Юбуун* маркировал статус девушки, что она совершеннолетняя, и к ней можно присылать сватов. Обычно девушки носили одну косу *гэзэгэ* [2, с. 19]. Украшение *юбуун* с древних времен бытовало у верхоленских и кудинских, а начиная с XVII-XVIII вв. получило распространение у баргузинских бурят.

Молодая женщина носила налобное стреловидное украшение *юбуун* до рождения первого ребенка. Стрела в ее волосах несла в себе семантику плодородия, напоминая фаллический символ. Пробор же в волосах женщины символизирует материнскую утробу, поэтому бурятские женщины всегда носили головные уборы, закрывая про-

бор. «Пробор на голове (разделение волос на две косы было составной частью свадебной обрядности) являлся сущностным знаком фемининности (vagina)» [3, с. 32]. В эхирит-булагатском варианте эпоса «Гэсэр» в записи Маншуда Имегенова Гэсэр появляется на свет из макушки головы матери:

«Ибии, малгаяа абыш! – гэжэ
Мэнэн ХҮҮрээ хэлэбэ,
– ҮтҮгӨӨ хата – гэжэ
Малагаяа гҮдҮргэн хаялсана бэлэйл.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр ХҮбҮҮ лэ
Ороёорон гараба…» [4, с. 27].

Стреловидное украшение является одним из аспектов архаической семантики стрелы. Стрела – главный атрибут богини плодородия Умай. Стрела призывания счастья – атрибут буддийских божеств Молха (тиб. mo-lha – Мать-божество), Васудевы и др. Стрелохранилище *хэһэнэг* со стрелами вносили в юрту во время свадьбы: «Привезли колчан, полный стрел, привезли меру, полную сулдэ». Б.Я. Владимирцов считал, что *сулдэ* – это душа, точнее, одна из душ [2, с. 67]. Стрелохранилище, символ плодородия, затем стояло в изголовье супружеской кровати. Уникальное стрелохранилище *хэһэнэг,* украшенное вышивкой с изображением бараньего рога (символа плодородия, богатства, благополучия) находится в Национальном музее Усть-Ордынского Бурятского округа. Экземпляр украшения *юбуун* хранится в Российском этнографическом музее (кон. XIX в. Длина – 12,0. Восточная Сибирь. Собиратель – Руденко С.И. РЭМ 4041-30).

В 14-16 лет к задней косе *гэзэгэ* девушки прикрепляли наспинно-накосное украшение *сааҗа*. Этимология: *сааҗа* – это коса (о волосах) [1, с. 127]. В некоторых исследованиях это украшение ошибочно называют *нархинсаг* [5, с. 41; 6, с. 60, 62]. Однако, *нархинсаг* – это височно-нагрудное украшение. Различали три вида украшения *сааҗа*: *мунгэн сааҗа* (из серебряных пластин), *уһэн сааҗа* (в состав украшения входили шелковые нити черного цвета, имитирующие волосы) и *шураг сааҗа* (из коралловых бус). Экземпляры украшения *сааҗа* находятся в собрании Иркутского краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского (186-70 МК 528; А-374-1 МК

541), в Музее истории Республики Бурятия (ОФ 7260/1 (93х7 см), ОФ 7260/2 (95,5х9,5 см).

В настоящее время у западных бурят мать невесты делает жениху косу *(сааже)* из ткани (ленты) красного цвета и нашивает на нее несколько монет. Монеты у западных бурят – символ плодородия. Первоначально вместо монет нашивали кусочки олова. «У баргузинских бурят жених привозил в селение невесты живого барана. Здесь он его резал и поклонялся огню очага, после чего сторона невесты заплетала жениху косу (*сааже*)» [7, с. 72].

Хоолобшо – ожерелье, которое подносилось невесте во время обряда сватовства. Этимология: *хоолойбшо*, от слова *хоолой* – горло, шея [1, с. 444-445]. Впоследствии замужняя женщина носила эти украшения в комплексе нарядного традиционного костюма. На старинных фотографиях конца XIX – начала XX вв. мы видим на женщинах украшения *хоолобшо* в виде золотой или серебряной монеты на цепочке или снизке из коралловых бусин. Есть *хоолобшо* в виде коралловых бус с симметрично чередующимися монетами (по три, пять или более штук). Женщины носили по несколько рядов таких бус (обычно в три яруса). В Музее истории Бурятии хранится архаичная модификация украшения *хоолобшо* (137х5,8; ширина нагрудной части – 23,5 см; диаметр подвески 9,2 см. Инв. ОФ 2881).

В нашей семье хранится *хоолобшо* – австрийская золотая монета 4 дуката 1905 года с изображением императора Франца-Иосифа (1830-1916) в серебряной оправе бурятской работы на старинной цепочке. Это украшение подарила моя бабушка со стороны отца Ханхасаева Екатерина Александровна моей матери Асалхановой Светлане Иннокентьевне. Украшение выполнено, предположительно, моим прадедом-дарханом (кузнецом) Асалхановым Адухаем в улусе Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области.

Свадебным, не входившим впоследствии в комплекс украшений замужней женщины, являлось височно-нагрудное украшение *нархинсаг* [8]. Этимология: предположительно, от слова *нарьяха* – греметь, трещать, шуметь и *саг* – время, период [1, с. 596, 131]. Это украшение девушки надевали на праздники. Состояло из двух симметричных частей. Мы опускаем здесь описание украшения. В некоторых изданиях опубликованы изображения *сааже* и ошибочно

подписаны как *нархинсаг* [6, с. 60-64].

Архаичное наспинное украшение невесты *заяши* в некоторых публикациях ошибочно именуется как *сааж*а [6, с. 63] или *нархинсаг* [6, с. 64]. *Заяши* представляет собой украшение, почти полностью закрывающее спину. Экземпляр украшения з*аяши* (53х19 см) хранится в Музее истории Бурятии (Инв. ОФ 7265). Это украшение несет в себе охранные функции, напоминая воинские доспехи, защищающие спину. Известно, что в старину девушки и молодые женщины принимали участие в междоусобных стычках между различными племенами наравне с мужчинами. «Современный этнографический материал сохранил представление о Заяши как личном покровителе человека. Заяши – это и божество чадородия. Заяа, заяаша первоначально воспринималась как особая сила, которая способствует рождению, а впоследствии поддерживает жизнь» [2, с. 64]. Каждый год в день рождения человека западные буряты обязательно до заката солнца проводят обряд *заябартай*, т.е. подношение водки, молока покровителю человека, сотворившему его Заяа, Заяши с просьбой оберегать и поддерживать его в дальнейшем. Определение слову дзаягачи (заяши) дал Д. Банзаров: «Дзаягачи есть разумная, чистая, девственная природа человека, которого она старается отвлечь от всего дурного, противного природе; *которого защищает от покушения злых людей и духов* (курсив мой – Е.А.)» [2, с. 286]. Следовательно, в украшении *заяши* заключена защитная функция.

Современные художники используют мотивы женских свадебных украшений западных бурят в своих произведениях. Так, художник-декоратор Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов В.В. Ажунова в 2014 г. выполнила коллекцию авангардных женских костюмов «Нархинсаг», затем сделала из элементов этих костюмов одноименное панно-триптих (дерево, войлок, сукно, металл, конский волос. 142х62). Э.А. Куклин, внимательно изучив традиционные украшения, реконструировал свадебное нагрудное украшение *хоолобшо* (2018. Монеты, имитация коралла, металл), наспинное украшение бурятской невесты *заяши* и накосное *сааж*а (2020. Кожа, замша, металл). Художник выполнил несколько вариантов панно «Украшение прошлого» (2017. Дерево, металл, конский волос. 93х60; 112х52) по мотивам женского наспинного украшения *заяши*: на деревянную основу прикреплены метал-

лические детали, конские волосы заплетены в мелкие косички, напоминающие девичьи косы, по поверхности дерева методом выжигания линейно нанесены геометрические и зооморфные орнаменты (*хусын эбэр* – «бараний рог»), использовавшиеся для декорации старинных сундуков и др. Охристо-коричневатые тона дерева контрастируют с серебристым светом металла и жесткой фактурой конского волоса. Весь образ наполнен теплотой и напоминает о прошлом.

Таким образом, мы рассмотрели свадебные украшения западных бурят *юбуун, хоолобшо, саажа, нархинсак* и *заяши*, уточнили их названия и этимологию, характерные особенности. Все эти свадебные украшения, кроме *хоолобшо*, не входили впоследствии в комплекс украшений замужней женщины. Также рассмотрели, как используют современные художники мотивы старинных украшений в декоративно-прикладном искусстве.

Примечания

1. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. Т. 2. 708 с.

2. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 154 с.

3. Николаева Д. А. Женский костюм бурят Предбайкалья (XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. 80 с.

4. Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (эхирит. булагат. вариант) / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова ; записаны Ц. Жамсарано у сказителя М. Имегенова. Иркутск : Время странствий, 2020. 300 с.

5. Алсаткина А.Б. Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят (ремесла и промыслы). Иркутск : Риэл, 2002. 110 с.

6. Банаева В. А. Художественная обработка металла Предбайкальских бурят XIX – начала XX вв. Иркутск : Оттиск, 2010. 115 с.

7. Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционность обрядность монгольских народов. Новосибирск : Наука, 1992. С. 71-89.

8. Федорова М. В. Семиотика свадебных украшений бурят // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, Вып. 1. С. 160-168.

УДК 821.161.1.09

Серебрякова З. А., г. Улан-Удэ, Россия

Serebryakova Z. A., Ulan-Ude, Russia

ЛАНДШАФТ В РОМАНЕ И. КАЛАШНИКОВА «ЖЕСТОКИЙ ВЕК»

LANDSCAPE IN THE NOVEL OF I. KALASHNIKOV «CRUEL AGE»

В статье рассматриваются особенности ландшафта в романе И. Калашникова «Жестокий век». Отмечается доминирование степного пространства, отображенного во множестве зрительных, слуховых и иных деталей, сопряженного с картинами гор и вод, природными стихиями над ландшафтами соседних с монголами народов. Обосновывается адекватность и художественная убедительность воспроизведения писателем менталитета кочевников.

The article considers the features of landscape in the novel «Cruel Age». The dominance of steppe space portrayed in a multitude of visual, auditory and other details, conjugated with the pictures of mountains and water, natural elements over the landscapes of neighboring peoples with the Mongols, is noted. The adequacy and artistic persuasiveness of the writer's reproduction of the nomads' mentality is substantiated.

Ключевые слова: ландшафт, степь, горы, воды, стихии, кочевник, монголы, менталитет, роман, Калашников.

Keywords: landscape, steppe, mountains, water, elements, nomad, Mongols, mentality, novel, Kalashnikov.

Вершиной творчества народного писателя Бурятии Исая Калашникова является роман «Жестокий век» (1978), одно из выдающихся эпических полотен позднесоветского периода, которому, благодаря масштабности повествования и художественному ма-

стерству автора, суждено, в отличие от многих сочинений советских литераторов, подвергшихся переоценке в новых условиях, попрежнему пользоваться любовью читателей и быть объектом интереса исследователей.

К числу недостаточно изученных аспектов данного произведения И. Калашникова относится изображение им природы разных уголков Азии и Европы, на фоне которых особенно выделяются картины природы родных мест большинства персонажей, представителей различных монгольских племен.

Основное пространство, на котором разворачивается действие, развиваются сюжетные линии, проходит жизнь героев – бескрайние монгольские степи. Этот ландшафт предстает перед читателем в самых разнообразных ракурсах.

Чаще всего, в виде обширного континуума, где под вечным синим небом простирается мир неживой природы, обитают животные и люди, а последние – в стремлении достичь поставленных ими целей.

Автор воспроизводит степь в огромном разнообразии визуальных, слуховых, тактильных деталей, запахов, в совокупности составляющих множество впечатляющих и достоверных целостных образов. Он показывает ее заснеженной, покрытой пылью, моросящим дождем или седой изморозью, сероватой, серо-желтой, пронизанной ярким светом, сочно-зеленой, с окрашенным ранним утром в мягкий розовый цвет небом над нею.

Среди степной растительности на песчаной или каменистой почве проглядывают цветы или искрятся огоньками капли росы, мелькают представители животного мира, пламенеют ягоды брусники и молодые кусты черемухи. Она бывает безлюдной на протяжении нескольких дней пути и шумной во время боевых стычек, праздников и сбора племен. Кое-где там стоят поодиночке и группами юрты, над которыми курятся голубые дымки очагов.

Степь в художественном мире романа наполнена стрекотом и жужжанием насекомых, криками и пением птиц, шелестом листвы, травы, крыльев, журчаньем родников и рек, скрипом снега, колес, стуком копыт, звоном сбруи и оружия, свистом летящих стрел. Читатель может почти ощущать теплоту и твердость прогретой земли, веяние великой Гоби, свежесть утреннего воздуха, колкость

инея, сухих растений, валежника, терпкий запах травы, прелой хвои, смолы, дыма.

Порой степь предстает в сочетании с мощными природными стихиями: грозой, пургой, песчаными бурями, суховеями, бураном, беспощадным горячим солнцем, трескучими морозами.

Особенно остро чувствуется несоизмеримость могучей стихии и огромного безлюдного пространства и противостоящих ей обитателей ветхой юрты, в которой была вынуждена прятаться, спасая сыновей от беспощадных и сильных врагов, овдовевшая мать главного героя-подростка. «Бураны катились по степи, поднимая снег, гудели над одинокой юртой» [1, с. 83], – пишет автор, подчеркивая уязвимость гонимых судьбой людей перед неудержимостью и мощью природной стихии.

Но и набирающий силу улус будущего властителя половины мира тоже несет немалый урон от порушенного хозяйства и потери скота: «Песчаная буря разгульно гудела над кочевьями две ночи и два дня. Такой бури не помнили и старики» [1, с. 304].

Г. Д. Гачев верно отмечал динамизм, свойственный зрительным впечатлениям кочевников [2, с. 71], но в приведенных метафорах наряду с визуальной содержится и лаконичная слуховая характеристика стихий.

В такой интерпретации степи чувствуются, наряду с влиянием русской классической прозы, и особенности формирования писателя в сходном с героями его романа географическом ареале, в тесном соприкосновении с представителями одного из кочевых в прошлом народов, бурятского, что и обусловило убедительность воспроизведения им менталитета кочевников с его «стремлением к шири, дали, свободе перемещений» [3, с. 8].

На чуткость и восприимчивость автора «Жестокого века» к этому менталитету и его умение «открыть для себя другой мир» указывают и другие ученые [4, с. 271], но стоит учитывать, что мир кочевой культуры, в том числе его ландшафт, не был для Калашникова чужим и незнакомым. Как правильно писала М. Н. Ломунова, в описываемом в романе пейзаже ему все ведомо с детства [5, с. 81].

Близость, даже родственность и других русских писателей, коренных жителей Бурятии, с монгольским миром обсуждается в

филологическом дискурсе [6, с. 67].

Степные просторы пересекают чистые прозрачные реки с низинными лугами, окруженные осокой, кустарником, невысокими деревцами и даже небольшими перелесками, там встречаются светлые озера, похожие на то, на берегу которого родилась Оэлун, будущая мать главного героя Тэмуджина-Чингисхана: окаймленное высокими зарослями камыша, окруженное скудной растительностью с белыми пятнами солончаков [1, с. 12].

Именно с этим женским образом, одним из самых проникновенных в повествовании, связаны многие образы природы [1, с. 26, 29, 31, 33, 103].

Степь в романе «Жестокий век» вовсе не однообразна и потому, что степные дали обычно окаймлены синеющими горами и лиловыми холмами, называемыми в Забайкалье сопками (и это наименование встречается в тексте произведения), которые соседствуют с поселениями, окружают водоемы, и так или иначе вовлечены в жизнедеятельность персонажей. Издали они кажутся плывущими над землей.

Отроги то и дело перемежаются степью, создавая величественный и живописный ландшафт. Некоторые горы, такие, как Бурхан-Халдун, имеют сакральное значение, являются объектом поклонения, и герои неоднократно посещают их.

Опираясь на сформулированные Г. Д. Гачевым положения о «невидимых силовых линиях» пейзажа и «вихревом движении» сил природы [7, с. 69-70], М. Д. Данчинова определяет, что в романе «Жестокий век» функции этих линий выполняют, в частности, горы, святые места и дождь [8, с. 128].

Следует также согласиться с утверждением исследователя о значимости в романе символики неба [9, с. 21], которая выражается и в обращении персонажей к вечному синему небу, и в мастерстве создания соответствующих образов.

Повествование изобилует вихревыми линиями между небом и землей, небом и водоемами, горами и степью во время пурги, вьюги, бурана, бурь, в форме завихрений нередко текут и речные воды, иногда такие очертания писатель придает небесным просторам и земной поверхности.

Если воды и горы дополняют степь, то леса на отдаленной

северной оконечности монгольских земель, где живут хори-туматы, выполняет иную функцию, выступая в основном ее антитезой.

Дремучие дебри и глухие распадки кажутся темными, опасными и тесными степнякам, но для привычных к ним местных уроженцев бескрайняя тайга, богатая дичью и дикоросами, бронзовые стволы сосен, крутые скалы и глубокие водоемы воспринимаются как прекрасные и величественные, а пружинящий под ногой толстый слой мха, листвы и хвои – удобный и приятный.

Еще более чуждыми кажутся героям-монголам более дальние земли, присоединяемые к империи Чингисхана. Сплошным безотрадным миражом, состоящим из раскаленного песка, камней, высохших рек, редких жестких трав и зарослей саксаула, выглядят в глазах потерявшего свое ханство Тогорила тангутские земли. Мутные, грязновато-желтые теплые воды тангутских, китайских и других рек заставляют воинов тосковать о чистых быстрых ручьях и реках родины. «Чужая природа… не помогает жить», – утверждал Л. Н. Гумилев [10, с. 54].

Как видим, отображение ландшафта в романе во многом сходно со стилем мышления литераторов, выходцев из кочевых в прошлом этносов, с раскрытыми Г. Д. Гачевым его атрибутами, в том числе стереоскопичностью и объемностью [7, с. 37].

Таким образом, основное внимание автора романа «Жестокий век» уделено особенностям степного ландшафта, представленного в огромном разнообразии составляющих, в сочетании с горами, водами, природными стихиями и, благодаря знанию менталитета кочевников, воспроизведенного достоверно и художественно убедительно. Калашников показал также, что большинство его героев совершенно по-разному воспринимают родной и чуждый ландшафт.

Примечания

1. Калашников И. К. Жестокий век : роман / предисл. М. Н. Ломуновой ; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1985. 768 с.

2. Гачев Г. Д. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе : Адабият, 1989. 488 с.

3. Гармаева С. И. Типология художественных традиций в

прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 170 с.

4. Болдонова И. С., Санжиева Т. Е. Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2012. Вып. 6. С. 268-273.

5. Ломунова М. Н. Исай Калашников. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. 88 с.

6. Березкина Е. П. Ценностные компоненты концепта «дом» в лирике А. Г. Румянцева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. Вып. 3. С. 61-68.

7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 448 с.

8. Данчинова М. Д. Художественное пространство и время («Жестокий век» И. Калашникова) // Интегративные связи филологии. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1996. С. 126-137.

9. Доржиева Э. С. Жанрообразующие факторы сюжета в романе-эпопее И. Калашникова «Жестокий век» // Современное искусствоведение : теоретические концепции художественные практики : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, (10 июня 2020 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2020. С. 19-22.

10. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1989. 766 с.

УДК 316.614:796.11

Матвеева Е. В., г. Улан-Удэ, Россия

Matveeva Ye. V., Ulan-Ude, Russia

ДРАМАТУРГИЯ ДЕТСКИХ ИГР С КУКЛОЙ

DRAMATURGY OF THE CHILDREN'S GAMES WITH A DOLL

Игра является прообразом и имитацией социального взросления человека. Первые представления о социальных ролях человек получает в раннем детстве в играх с предметами, игрушками, с куклами.

Кукла в культуре народов подобна божественному творению, слепку с человека, созданного творцом, демиургом. Одновременно с тем, в игры, разыгрываемые с куклой, вкладывают драматический сюжет, содержащий в себе завязку, конфликт, кульминацию и развязку.

В данной статье сделан функциональный анализ куклы и ее значения в культуре в трех аспектах – мифологическом, обрядовом и игровом, тем самым проведена связь между ранними представлениями об игровых сюжетах с куклами, имеющими сакральное назначение и драматургией игровых сюжетов с куклой в современной практике.

The game is a prototype and imitation of the person's social maturation. The person gets his/her first ideas about the social roles in the early childhood in the games with objects, toys and dolls.

In the peoples' culture a doll is like a divine creation, a human cast made by the creator, demiurge. At the same time, the games played with the doll have a dramatic plot with exposition, conflict, climax and denouement.

The article makes a functional analysis of the doll and its significance in culture in three aspects − mythological, ceremonial and gaming, thereby making a connection between the early ideas about the plot of the games with the dolls which are of sacred importance and their

dramaturgy in modern practice.

Ключевые слова: кукла, драматургия, сюжет, игра, роль, ребенок.

Keywords: doll, dramaturgy, plot, play, role, child.

В религиозных и мифологических представлениях народов о сотворении мира главным творцом является высшее существо, которому подвластны магические действия с предметами. Творение человека – акт высшей силы, однако творение всегда происходит из подручных средств – глины, песка, земли, камня, дерева. Актом творения человека является действие с первородными, то есть сделанными ранее самого человека, веществами – глиной, водой, как, например, в библейских сказаниях. Эти вещества не наделяются сами по себе магическими силами. Лишь вдохнув жизнь в созданное существо, творец производит акт оживления, придания жизненных сил своему творению. Причем, созданный из подручной первоосновы, из глины, человек может обладать характером, свойственным этой первооснове. В мифологических сказаниях разных народов первооснова оказывает на характер людей свое воздействие, мы можем находить указания на крепость камня, могучесть дерева, мягкость и податливость глины, текучесть и изменчивость воды, как на качества характера, присущего человеку.

В ритуальных действиях, сопровождающих земную жизнь человека, есть множество примеров того, как прообразы человека, изготавливаемые из подручных средств – веревки, дерева, глины, шкуры животного – способствуют удаче, сопровождая охотника в поисках добычи, отводят болезни от детей и взрослых, беря на себя все их недуги, создают предпосылки для прироста богатства и плодородия. Ритуалы с куклой становятся воплощением вожделенных мыслей человека о здоровье, благополучии, привлечении удачи. Впоследствии рукотворные куклы из объектов ритуальных, наделенных сакральными свойствами, становятся предметами для обыгрывания сюжетов, изготавливаются для забавы, для игры.

Куклы, создаваемые для магических ритуалов, в историческом прошлом не имели лица, в особенности глаза считались символом ее оживления и куклам могли приписываться разные антагонистические по отношению к человеку действия, как существам,

оживление которых произведено не божественным способом.

«Говоря о кукле, - пишет И.А. Морозов, - мы имеем в виду любые антропо- и зооморфные фигурки, употреблявшиеся в традиционных обрядовых и необрядовых практиках и способные в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции, а также их аналоги в современном быту, в т.ч. в детских играх» [1, с. 10].

Среди наиболее часто встречаемых образцов в прошлом мы находим упоминания о куклах, изготовленных из полешка, веточек, глины, мочала (травы) и пр. В самом раннем детстве куклы детям дарили близкие и горячо любимые люди – мамы и бабушки, отцы и братья. Такие куклы были самыми памятными подарками для детей, становились дорогими воспоминаниями детства.

В азбуке Л.Н. Толстого (1872) мы находим такой рассказ: «Была у Насти кукла. Настя звала куклу дочка. Мама дала для ее куклы все, что надо. Были у куклы юбки, кофты, платки, чулки, были даже гребни, щетки, бусы. У Груши не было куклы. Она взяла сена, свила из сена жгут и это была ее кукла; звала она ее Маша. Она взяла эту Машу на руки. «Спи, Маша! Спи, дочка! Баю, баю, бай» [2, с. 50].

Драматургия игры с куклой – первооснова будущих социальных ролей, которые будут исполнять дети, ставшие взрослыми. Драматургическая основа игры – это наличие сюжетной линии, героев, наделенных определенной ролью, завязыванием сюжета, его кульминационным развитием, зачастую основанным на конфликте идеологий, которым следуют герои и последующая затем развязка игрового действия.

Как пример – драматургия литературных сюжетов. Самый известный сказочный сюжет о перевоплощении игрушки в принца в пересказе рождественской истории ожившей игрушки Эрнеста Амадея Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» (1816).

В рассказе Бориса Житкова «Как я ловил человечков» (1934) история, рассказанная от лица мальчика Бори, повествует об извечном желании детей находить в игрушках живые существа, чьи желания и действия становятся игровым сюжетом, созданным самим ребенком.

В сказочной истории Джанни Родари «Путешествие Голу-

бой стрелы» (1954) игрушки оживают, чтобы стать подарком для детей, которые очень хотели бы с ними играть.

В мультипликационном сериале «История игрушек» (1995) основная сюжетная линия сформирована на конфликте о любимой и нелюбимой игрушке, а возникшие вслед за тем повествования нашли свое воплощение в истории о том, что движет поступками игрушек, которые, несомненно, оживают и затем помогают любимым хозяевам преодолевать страхи, воспитывая их, одаривая счастьем.

Такие примеры литературных историй об оживающих игрушках, написанные взрослыми – свидетельство того, что игрушки продолжают воздействовать на умы и воображение не только детей, но и взрослых.

Автор книги «Очерк психологии ребенка дошкольного возраста», приват-доцент Московского университета К.Н. Корнилов (1879-1967) замечает, что «Природная склонность девочек к игре в куклы, при соответствующем культивировании, могла бы сделаться прекрасным воспитательным средством, ибо здесь, в этой игре в куклы, в этом одевании, раздевании, изготовлении платьев, нарядах, в мелких разнообразных заботах – кормлении, хождении в гости – одним словом, в этом игрушечном повторении жизни взрослых в девочках развиваются многие исключительно ценные моральные качества: опрятность, аккуратность, настойчивость, терпение, умение изготовлять одежду, эстетический вкус, любовь к детям, уважение к чужой личности и т.п. – одним словом, лучшие черты будущего члена семьи и общества» [3].

Корнилов К.Н. постарался сконструировать образ куклы на основе результатов исследования мнений девочек: это довольно большая кукла, блондинка, с длинными и вьющимися волосами, которые легко причесывать и укладывать, с большими голубыми закрывающимися глазами с длинными ресницами, с носиком небольшим, губами припухлыми и чтобы были видны мелкие жемчужные зубки; голова, руки и ноги такой куклы должны быть подвижными, одежда – платьица нежных оттенков.

Возможно, что сегодня образ куклы был бы несколько иным, в нем бы сочетались черты куклы Барби, куклы Монстер Хай, куклы Кинди Кидс и других брендовых образов, популярность

которых возникает и пропадает вместе с поколениями быстро растущих детей, которые непроизвольным образом включаются в модные тренды, продиктованные рынком детской игрушки.

Однако, как верно подметил Фредерик Кейра: «Мы безусловно отрицаем слишком отделанные и законченные игрушки, которые не дают достаточной свободы ребенку, мешают ему проявлять его изобретательность, стесняют его подражательные наклонности, стесняют его игры. Чем проще будет игрушка, тем она будет ценнее, тем более она будет давать пищи для фантазии ребенка, который будет черпать в ней идеи для своих игр» [4].

В детских играх игровой сюжет возникает и разыгрывается детьми спонтанно. Дети в силу недостаточного жизненного опыта берут сюжеты для своих игр из жизненных наблюдений за взрослыми. В сюжетных играх детей, как в зеркале, отражаются особенности взаимоотношений между взрослыми – отцом и матерью, бабушками и внуками и др.

Приведем в пример раннее стихотворение Марины Цветаевой «Скучные игры» [5], где в детских переживаниях мы улавливаем непростые отношения между ее отцом и матерью, которая была намного младше своего мужа и не была вполне довольна своей личностной самореализацией в этом браке.

«Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть — надоело!

Не поднимаясь со стула,
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть — надоело!»

Сюжетные игры – показательный пример того, что дети погружаются в игровую реальность с большим удовольствием и могут играть подолгу, в течение дней и недель, в одну игру.

В качестве примера приведем описание одной, наблюдаемой в течение одной недели, сюжетной игры. Игра не имела названия, но в ней были распределены роли на двоих детей, впоследствии, на троих.

Зачин игры состоял в постройке из подручных материалов некоего строения, похожего на автомобиль. В течение двух дней мальчики пяти и шести лет со всей квартиры по разрешению матери собирали предметы, которые, по их мнению, больше всего соот-

ветствуют игровой цели. В итоге посреди детской комнаты было воздвигнуто сооружение из диванных подушек, деревянных кубов и других подручных предметов, напоминающих руль и колеса. Дети долго трудились, чтобы сооружение было устойчиво, чтобы в него можно было влезать и находиться там, исполняя роль водителя.

Спустя два игровых дня дети не только создали по своему замыслу импровизированное передвижное устройство, максимально сымитировав внешний вид и внутреннее пространство автомобиля, но и создали две или три игровые ситуации.

На третий игровой день дети оставили постройку посреди комнаты, ничего в ней не изменяя, и перешли к следующему игровому сюжету, заключающемуся в исполнении роли директора зоопарка, который приходит в офис к состоятельному бизнесмену и просит средства на содержание зверей.

Неизвестно, что послужило толчком к развитию именно этого игрового сюжета, однако, исполнение ролей по замыслу состояло в следующем:

Офис. За столом сидит человек, что-то старательно пишет. Он очень занят. Он в очках.

Стук в дверь. Человек, сидящий в офисе, вежливо говорит: войдите. В офис входит директор зоопарка. Он пришел просить бизнесмена оказать благотворительную помощь зоопарку. Он вежливо здоровается. Бизнесмен очень вежливо, но деловито приглашает его рассказать о своей проблеме.

Происходит диалог между ними, который обязательно заканчивается передачей некоей суммы денег на содержание зверей. Подписываются документы. Они расстаются, пожав руки друг другу.

Этот игровой сюжет развивался два или три дня. Роли, которые были придуманы и исполнены детьми, несомненно, калька с сюжетов, почерпнутых из фильмов или телепередач. Но разворачивающийся сюжет игры требовал от них импровизации, подчиненность игровым правилам, соблюдение не только внешней стороны, но и внутренней мотивации разворачивающегося сюжета. То есть, погружение в игровую ситуацию требовало мобилизации некоторых познаний, концентрации внимания, умения коммуницировать,

находить приемлемое решение для обоих игроков и, вместе с тем, не нарушить общий игровой замысел.

Из целого ряда описываемых в литературе детских игр, обратимся к детским воспоминаниям игры в куклы известного драматурга Евгения Шварца. «У девочек в комнате стояла этажерка, каждый этаж которой был превращен в комнату – там жили куклы. Я обожал играть в куклы, но всячески скрывал эту постыдную для мальчика страсть. И вот я вертелся вокруг этажерки и ждал нетерпеливо, когда девочек позовут завтракать или обедать. И когда желанный миг наступал, то бросался к этажерке и принимался играть наскоро, вздрагивая и вглядываясь при каждом шорохе» [6, с. 58]. Также Шварц говорит в своих воспоминаниях о том, что мама знала о его страсти к куклам, но вместе с сыном хранила этот секрет.

Сюжеты и драматическая основа детских игр с куклами включают роли и характеры, которые раскрываются в поступках играющих. Вот как описана игра в куклы у М. Клоковой в стихотворении 1940 года «У кукол в доме» [7].

«Куклы спят, шуметь не буду,
Я им вымою посуду.
Уберу ее в буфет
Приготовлю всем обед.
Все почищу, все помою,
Настежь форточку открою.
Платья с полу подберу,
Подмету и пыль сотру».

Драматургия игры с куклой развивается с помощью предметов, имитирующих предметы взрослого мира. Одним из способов научить и поддержать игру с куклами является наличие у ребенка вспомогательных аксессуаров и игрушек. Гардероб, набор нарядов, кухонная игрушечная утварь, предметы гигиены, игрушечная мебель и другие предметы зримо расширяют и украшают игровой сюжет.

Но все-таки, детская фантазия остается важнейшим источником веселых и занимательных игр. Так, например, описывается игра в повести Евгении Диц «Из Жизни Леночки» (1912). Леночка и ее сестра играли в игру в дочки-матери в домике, который они придумали сделать из натянутой над головами простыни. «Подушка моя будет стол, а твоя – давай ее сюда – будет диван. Стульев не надо. Мы будем думать, что они тоже стоят… Теперь давай еще одну маленькую подушечку. Она будет…что же она будет? – Ах,

знаю. Свернем ее, и она будет наш мальчик» [8, с. 11-12].

Роли, которыми наделяются герои игрового сюжета «Дом», «Дочки-матери», «В свадьбу» и др., с одной стороны, отвечают тем ролевым позициям, которые дети наблюдают в жизни взрослых. С другой стороны, каждый играющий волен привносить в сюжет свое видение в соответствии с личным жизненным опытом и актерским талантом. Тогда общая игра становится абсолютной непредсказуемой импровизацией. Дети огорчаются, если сюжет игры в какой-то напряженный момент иссякает по вине отдельных исполнителей, привносящих в общую игру слишком отличающийся от замысла контент. Так случилось в выше описываемом сюжете игры двух мальчиков, играющих в игру с «бизнесменом-дарителем» и «директором зоопарка». В какой-то из дней в игру поиграть попросился другой мальчик, гораздо старше, имеющий совершенно другой опыт жизненных наблюдений, который решил стать рэкетиром. Игра сразу разладилась, у младших детей потерялся к игре интерес, гармония взаимодействия исчезла.

В заключение хочется сказать, что, несмотря на тенденции глобальных изменений игровой ситуации детства, поскольку теперь дети больше увлечены играми электронными, сюжетные игры остаются одним из путей возрождения интереса детей к играм на свежем воздухе с участием других реальных детей, а не их электронных аватаров. Реальные игры позволяют детям обучаться, импровизировать, улучшать свои показатели социального взаимодействия и созидать память детства, которая согревает человека на протяжении всей взрослой жизни.

Примечания

1. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма). М. : Индрик, 2011. 352 с.

2. Толстой Л. Н. Новая азбука. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1916. 108 с.

3. Корнилов К. Н. К психологии детской игры в куклы. URL: https://dob.1sept.ru/view_article.php?ID=200901513 (дата обращения: 16.11.2024).

4. Кейра Ф. Детские игры: Исследование о творческом

воображении у детей / пер. Марии Пичета. 1908. 112 с. URL: https://dob.1sept.ru/article.php?ID=200500911 (дата обращения: 16.11.2024).

5. Цветаева М. Скучные игры (стихотворения 1906-1920). М. : Инфра-М, 2015.

6. Шварц Е. Л. Живу беспокойно. Из дневников. М. : Совет. писатель, 1990. 786 с.

7. Клокова М. П. У кукол в доме : [стихи] : [для мл. возраста] / [ил.: В. В. Бочкарев]. М. : Центр. ин-т сан. просвещения, 1940. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005217895?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.11.2024).

8. Диц Е. К. Из жизни Леночки : повесть для детей мл. возраста : [пересказ с фр.]. СПб. : Изд. А. С. Суворин, 1912. 170 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003790264?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 39(=512.122)(=512.157)“18/20”

Жанатаев Д. К., г. Якутск, Россия
г. Астана, Казахстан

Zhanatayev D. K., Yakutsk, Russia
Astana, Kazakhstan

СРАВНИТЕЛЬНО–ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОГО СЕДЛА В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ И ЯКУТОВ (САХА) XVIII–XX ВВ.

COMPARATIVE TYPOLOGICAL ANALYSIS OF THE TRADITIONAL SADDLE IN THE CULTURE OF THE KAZAKHS AND YAKUTS (SAKHA) IN THE XVIII–XX CENTURIES

В рамках данного исследования автор работы привел результаты первичной обработки объекта изучения. Основной акцент был направлен на поиск общих тенденций и аспектов в изучении. Однако, в ходе работы были выявлены существенные различия и дана авторская теория об их возникновении. Выявленные результаты требуют дополнительного изучения с применением всестороннего подхода. Дальнейшее внимание автора будет сосредоточено на количественном и качественном показателе.

The author of the work has presented the results of the object primary processing within the framework of the study. The research has been focused on finding common tendencies and aspects in its studying. However, the significant differences have been identified in the course of the work and the author’s theory of their occurrence has been given. The identified results require additional study with the use of the comprehensive approach. The author’s further attention will be focused on the quantitative and qualitative indicator.

Ключевые слова: традиционное седло, казахи, якуты, Казахстан, Якутия.

Keywords: traditional saddle, Kazakhs, Yakuts, Kazakhstan,

Yakutia.

Традиционное седло в материальной культуре казахов и якутов имеет только утилитарное назначение, но и несет смысловую нагрузку. Исследования показали, что в истории якутов и казахов можно выделить три вида седла: мужское и женское [1, с. 33-34; 2, с. 4441-4444].

Женское седло казахов и якутов в структурном и конструкционном плане схожи за рядом исключений. Якутские женские седла имели переднюю луку в форме трапеции или реже прямоугольника. Характерной чертой является наличие крючка в виде головы коня или коновязи для подвешивания поводьев. Обязательным является богатое оформление и декор. Седло такого типа мы можем наблюдать в Сеймчанском краеведческом музее. Примечательно, но до гендерного разделения седла якуты (саха) использовали седла с прямоугольной передней лукой [3, с. 178]. Для казахских женских седел характерна округлая передняя лука и более богатое оформление кожей, металлом и камнями. Подобное мы можем наблюдать на женском седле из коллекции РЭМ 9906–1/1.

Материалом для изготовления деревянной основы мужского традиционного седла казахов и якутов составляют мягкие, но прочные породы дерева (береза, джид, тальник, тополь) [2, с. 4441]. Однако, у якутов основным материалом для изготовления служит береза [1, с. 34]. Материалом во внешней обделке седла служила кожа, сафьян и другие материалы [4, с. 54; 2, с. 4442].

Изготовлением седел в основном занимались специализированные мастера-седельщики [2, с. 4441; 1, с. 35]. Помимо этого, у казахов оформление декора мог осуществлять либо мастер-седельщик, либо мастер-ювелир (*зергер ұста*) [5, с. 29].

Конструкция и технология изготовления у мужских якутских и казахских седел имеет довольно схожую композицию, но с рядом отличий. Казахское седло *(по-казахски – ер)* состоит из двух лук (задний и передней), двух бортов (левого и правого), центральной части (мостика или островка). Соединяют элементы седла при помощи специального клея, гвоздей, шпеньков, резных пластин и кожаных ремешков [5, с. 30-31]. Якутское мужское седло *(по-якутски – ыҥыыр или эр киһи ыныыра)* делится на два вида: вьюч-

ное и верховое. По своей структуре и технологии производства данные виды седла схожи. Седла изготавливались из двух досок в наклонном положении, соединенных на обоих концах дугами, таким образом, дуги образуют переднюю высокую луку и нижнюю заднею. Подобная конструкция похожа на корыто без дна и бортов. В образованном пустом пространстве от луки к спине натягивают кожаный ремень сиденья, а на верх кладется подушка [6, с. 370-371]. Однако существует мнение, что подобная конструкция характерна больше для женских седел, а для мужских исключительно кожа. Тем самым седло закрепляется на коне посредством одного ремня, что служит износоустойчивости и упругости седла [1, с. 34]. О значимости езды верхом в седле пишет В. Л. Серошевский, указывая, что в якутском эпосе олонхо герои и героини всегда ездят верхом на коне [6, с. 370].

Седло казахского производства в большинстве случаев является составным (в упрощенном варианте состоит из 4-10 частей, а в более сложном из 18-20). Вариант с простой конструкцией мы можем наблюдать в музейной коллекции Национального музея им. А. В. Анохина «Седло казахское №22155709». Подобный вид седел именуется *«ер тоқым»* или *"құранды ер»,* что дословно с казахского переводится как *«составное седло»* или *«седло с чепраком-потником».* Однако, существует и вид седла *«бітеу ер» (битеу ер)*, состоящий из цельного бруска дерева [5, с. 30-32]. Седло якутского производства *«ыҥыыр»* или *«эр киһи ыныыра»*, как уже описывалась выше, имеет так же составную конструкцию упрощенного типа не более 4-10 частей.

Навершие передних лук у казахских седел в большинстве случаев имитируют конечности животных, например: *«үйрек бас ер»* (утиная голова) или уткоголовое седло, *«шошақ бас ер»* или *«құс ағаш ер»* (остроконечная голова) или голова в форме водоплавающей птицы, *«балдақ ер»* т. е. седло с головой архара и т.д. Именно от формы передних лук и происходят названия казахских традиционных седел. Задняя лука расположена горизонтально и установлена под крутым наклоном назад [5, с. 33]. У якутских седел передняя лука имела кругообразную форму и наклонена назад. Еще одним отличаем служил крючок *«хоҥсуоччу»,* расположенный по центру на лицевой стороне передней луки. Крючок имел форму ко-

ня и на нем закреплялись поводья [1, с. 34-35; 8]. Сам крюк изготавливался из железа, бронзы и латуни. Описанный экземпляр можно встретить в Якутском музее под номером №184. В казахском варианте отсутствует крючок и поводья устанавливались на навершие передней луки.

В плане художественного оформления и декорирования мужских седел казахи и якуты (саха) во многом имеют общие тенденции. Во-первых, внешний вид, структура, материалы изготовления, декор, внешняя облицовка и др. признаки седла зависели от материального положения владельца. Мужское традиционное седло служило показателем социального статуса владельца [4, с. 55–56; 5, с. 27; 8]. Во-вторых, мужские седла оформлены скромнее, что скорее всего обусловлено регулярной эксплуатацией и практичностью в ведении кочевого образа жизни [2, с. 4442; 3, с. 177]. Для казахских седел в качестве украшения использовали костяные или металлические (золото, серебро, латунь) накладки. В целом композиция седла была украшена простейшим геометрическим, растительным, расписным и лировидным орнаментом [4, с. 55-56]. Мужские седла якутского производства в художественной композиции представляют украшенные луки, имеющие полную аналогию с казахскими, но со специфическим особенностями [7, с. 48-49].

Итогом сравнительного изучения традиционного седла у казахов и якутов (саха) является следующее:

1. для казахов и якутов (саха) общим является наличие мужского и женского седла;

2. женские седла в визуальном плане были различны, но сходны в конструкции и структуре, общей тенденцией выступает богатое ювелирное украшение, декор и отделка седел;

3. мужские седла так же были различны во внешнем виде, но и имели общую структуру и конструкцию, внешнее оформление имеет сходство;

4. материалы и технология изготовления довольно схожи, но зависели от географического фактора проживания.

Автор склонен считать, что традиционные седла в культуре казахов и якутов относятся к азиатскому типу седел. Различия и специфические признаки сформировались под влиянием локальных особенностей региона проживания казахов и якутов (саха).

Примечания

1. Семенов А. А. Конское убранство народа Саха // Аллея Науки. Т. 5. № 15. 2017. С. 33-37. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32357399 (дата обращения : 04.12.2023).

2. Жанатаев Д. К. Седло как элемент материальной культуры казахов // сб. Междунар. XVII науч. конференция студентов и молодых ученых «ǴYLYM JÁNE BILIM - 2022». Астана, 2022. С. 4440-4444.

3. Семенов А. А. Женское конское седло якутов (по материалам погребений) // 300-летие Российской академии наук - археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия : материалы LXIII Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд. Рос. акад. наук, 2023. С. 177-179.

4. Столярова Т. С., Образцов В. Н. Реставрация казахского седла из коллекции Государственного Эрмитажа // Terra artis. Искусство и дизайн. 2022. № 1. С. 52-58.

5. Кукашев Р. Конское убранство у казахов // Altyn Art. 2020. № 2(2). С. 27-38.

6. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М., 1993. 713 с.

7. Семенов А. А. Техника изготовления и орнаментации луки конского седла // Этнография : материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф., (22–27 апр. 2018 г.). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 48-49.

8. Попов В. В. Конское седло XIX – нач. XIX века саха эр киһитин атын ыҥыыра (Горнай улус) // ГБУ РС(Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского». URL: http://yakutmuseum.ru/metodicheskaya-pomoshh-v-sostavlenii-nauchnogo-opisaniya-konskogo-sedla/ (дата обращения 04.12.2023).

УДК 745.522.2(=512.31)(091)

Махачкеева Г. В., г. Улан-Удэ, Россия

Makhachkeeva G. V., Ulan-Ude, Russia

БУРЯТСКОЕ КОВРОТКАЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

BURYAT CARPET WEAVING: TO THE ISSUE OF ORIGIN

Статья посвящена вопросу происхождения бурятского ковроткачества, истоки которого до сих пор не установлены. Рассматривается версия возникновения ткацких традиций у западных бурят, впервые высказанная в 1955 г. исследователем А. А. Поповым. На большом фактологическом материале автор подтверждает эту гипотезу.

The article is devoted to the issue of the Buryat carpet weaving origin, the roots of which have not been established yet. The version of the appearance of the weaving traditions among the western Buryats, firstly suggested by the researcher A.A. Popov in 1955, is considered. The author confirms this hypothesis on the basis of a large amount of the factual material.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Предбайкалье, аларские буряты, хакасы, ткачество, ковры, гобелен, конский волос, шерсть.

Keywords: Southern Siberia, Cisbaikalia, Alar Buryats, Khakass, weaving, carpets, tapestry, horsehair, wool.

В этнографической литературе, начиная с XVIII в., есть много упоминаний о бурятских тканых коврах *таарах*. И. Г. Георги в «Замечаниях о путешествии по Сибирскому краю» (1772-1774) очень высоко оценивал бурятское ткачество и использование в нем окрашенной шерсти. В 1895 г. М. Т. Поротов писал, что аларские буряты «ткут шерстяные половики (тары), очень прочные и в то же время тяжелые, которые служат и для покрышки возов, и для постилки на пол, и для тканья» [1, с. 32]. По описаниям исследовате-

лей И. А. Молодых и П. Е. Кулакова (1896 г.), ковры сшивались из отдельных таров: «1 аршин тара шириною 5 вершков стоит 15-20 коп, целый ковер – 3-4 рубля». Ими «прикрывали перевозимые вещи и хлеб на возах» [2, с. 202]. В 1920-е гг. аларский краевед П. П. Баторов сообщал, что таар и войлок, не бывшие в употреблении, считались у бурят священными. Их изготовление сопровождалось особыми обрядами, когда мастера обращались к духам – покровителям войлока и таара. Говорили, что «первые образцы этого товара, т.е. войлока и таара, были спущены с неба на землю» [3, с. 227]. Также в первой половине XX в. Р. С. Мэрдыгеев вспоминал, что в юртах аларских бурят «сразу же бросались в глаза красиво расписанные орнаментом «бараны» – ящики с ножками, открытые с верхней и с нижней стороны, расставленные у стены юрты» (*бараан* – деревянная подставка для сундука у аларских бурят. *Прим. автора*). На них складывали «белые, как снег, войлоки», на которых лежали овчинные одеяла, покрытые бумажной материей, и подушки. «Внизу, между ножками «барана», вкладывали тары из волос, сложенные складками, заполняя, таким образом, все пустое пространство» [4, с. 189]. Также он писал, что «лет 20 тому назад в Алари вязали кошмы (тары) одной иглой из гривы лошадей и яманьей (козьей) шерсти», а также «ткали тары на своеобразном станке, называемом ныхур, наподобие верхнего деревянного решета веялки». Позже стали «давать русским крестьянам ткать на кроснах (станках), но тары получаются слабые» [4, с. 197].

В 1955 г. появилась монография А. А. Попова о плетении и ткачестве народов Сибири. В ней впервые подробно была рассмотрена малоизученная тема народных промыслов сибирских аборигенов, а также собран фактический материал, который до сих пор остается уникальным собранием. Исследователь пришел к выводу, что ткацкие станки бурят и сибирских тюркских народов имеют поразительное сходство с дальневосточными айнскими, но при этом самостоятельное происхождение тех и других станков кажется совершенно неоспоримым [5, с. 144]. Опираясь на устное сообщение Л. П. Потапова, А. А. Попов считал, что относительно бурятского станка есть все основания думать, что он был заимствован у хакасов: «Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что ткачество было только у западных бурят» [5, с. 146].

Но гипотеза А. А. Попова современными бурятскими исследователями не была принята к рассмотрению: не отвергалась, но и не подтверждалась. Тем не менее вообще без каких-либо аргументов сегодня утверждается, что бурятский текстиль начал развиваться под влиянием «европейской школы гобелена», в частности, французского (А. С. Ринчинов, 2019 г.; Т. И. Жамбаева, 2021 г.).

Так откуда и как появились ткацкие традиции в Южной Сибири, в частности, у западных бурят? Своими корнями ковроткачество уходит в Древний Египет. В Западную Европу оно пришло с мусульманского Востока через Испанию. Ранние работы появились в XI в. и только с конца XIV в. ткачество широко распространилось по всей Европе [6]. В Сибири, и в Западной, и в Восточной, в 1786 г. И. Г. Георги были зафиксированы тканые холсты из крапивы, льна, конопли у башкир и татар оренбургских, тобольских и т.д. Качинцы в Хакасско-Минусинской котловине «пряли шерсть и крапиву, ткали толстое сукно и холст на татарских станках» [7, с. 101, 102, 151]. Знали ткачество и тюркские предки саха [8, с. 97].

По данным археологов ткачество в Южной Сибири зародилось еще в эпоху мезолита, о чем свидетельствуют найденные сети из растительных волокон [9, с. 14]. В Приангарье, в Обусинских могильниках (эпоха позднего железа), были найдены пряслица [10, с. 386; 11, с. 372]. Древнейший ворсовый ковер (около V в. до н. э.) был обнаружен в 1949 г. на Пазырыкских курганах в Горном Алтае. Ковер был изготовлен из овечьей шерсти техникой узлового плетения с применением прочных натуральных красителей, а качество исполнения является свидетельством очень высокого уровня ковроделия того периода. Установлено, что найденный ковер не был изготовлен на Алтае: его соткали в Передней Азии, предположительно в Иране [12]. Существуют разные гипотезы его появления на Алтае.

Но, независимо от них, из новейших данных известно об иранском следе в истории Сибири. С конца эпохи бронзы пазырыкская культура, в основе своей этнически самодийская, начинает длительное взаимодействие с пришедшим с запада населением бегазы-дандыбаевской либо близкой ей культуры, и становится этнически ирано-самодийской [13]. Затем, в конце III – начале II вв. до н.э., в результате нашествия гуннов, двигавшихся из Центральной

Азии на север, начинается миграция пазырыкцев на север через зоны обитания родственного (самодийского) населения, т.е. на территорию, раскинувшуюся от Оби до Байкала. Параллельно ей двигалась вытесняемая из Присаянья волна ирано-самодийских тагарцев. В последующем миграция самодийского и ирано-самодийского населения на север связана с тюркизацией обитателей Южной Сибири, которая вызвала ассимиляцию или «выдавливание» отдельных групп на Север [13].

Южное Приангарье имеет прямое отношение к южным самодийцам, восточные племена которых в эпоху неолита были расселены в предгорье Саян. А северо-восточнее, на юге балаганских степей, обнаруживаются следы европеоидов определенного расово-этнического типа – таджикско-согдийского, проживавших в эпоху бронзы и раннего железа. Их среднеазиатская культура сочеталась с тюркской кочевой [14, с. 38, 40]. Добавим, что до сих пор в Аларской долине сохранилась самодийская топонимика: речка Сит, урочище Сит-Барабан, речка и деревня Ноты. Кроме того, в культуре бурят Предбайкалья известны иранские элементы (песенно-танцевальные традиции, в частности ёхор, верования и обряды и т.д.). Все эти факты дают основание предположить, что ткацкие традиции, привнесенные из Передней Азии, были известны сибирским аборигенам.

Рассмотрим теперь версию А. А. Попова, которая была основана, прежде всего, на географическом соседстве хакасов и бурят. Действительно, исторически, ввиду обособленности территории, культурное влияние на жизнедеятельность бурят Предбайкалья всегда шло с запада [15]. Для енисейских народов ближайшими соседями являлись левобережные приангарские буряты. До XVIII в. они жили на восточных землях современного Красноярского края [16, с. 19]. Также в своей работе А. А. Попов достаточно подробно описал и особенности работы на бурятском станке, и само устройство. В целом оно мало чем отличалось от аналогов других сибирских народов. Но при этом известно, что станки хакасов, северных алтайцев и шорцев представляли одинаковое устройство [17, с. 118]. А бурятский имел дополнительную деталь: раму с зубцами, имеющими значение не берда, а нитеразделителя, предохраняющего от спутывания нити основы. Эти зубцы ничем не отличались от

берда хантыйского станка, также «подобное приспособление имело такое же значение и на айнских станках» [5, с. 129]. Станок бурят также напоминал русские кросна, но тоже не был его аналогом, с более узкими и толстыми бердами [5, с. 128]. Но в целом это незначительные различия.

Связь хакасского и аларского ткачества демонстрирует обнаруженное нами лексическое сходство. Ткацкий станок у бурят называется *нэхуур* от слова *нэхэхэ*, что в аларском говоре означает: 1) давить, нажимать (рукой, ногой), утрамбовывать; 2) преследовать, домогаться, требовать, взыскивать; 3) ткать. Любопытно, что первое значение этого слова в бурятском литературном языке отсутствует, но данный аларский диалектизм имеет сходство с хакасским *ныхы* – с силой надавливать, нажимать, утрамбовывать [18, с. 289]. Также термином «*таар*» в хакасском языке, как и в бурятском, называется грубое сукно, полушерстяная ткань [18, с. 566]. Любопытными являются в данном случае наглядно отражающие локальную ткацкую деятельность обнаруживающиеся в аларской ономастике антропонимы Нехуров, Таров (русские аналоги – Ткачев, Ковров). Ведь, как известно, для аларских бурят была характерна традиция в фамилиях указывать принадлежность человека или его рода к какому-либо виду занятий, например, Таряшинов (*таряшин* – сеющий пшеницу), Дарханов (*дархан* – кузнец).

Ковер-таар в Алари ткали из конского волоса, соединяя его с козьей или овечьей шерстью. Таким сырьем пользовались только буряты, у угров, шорцев и алтайцев «материалами для ткачества служили крапива и кендырь, позже конопля», «у айнов крапива и волокно вяза» [5, с. 119]. Хакасы ткали полушерстяные тары, а из конского волоса – материал для изготовления сита [17, с. 122]. Конский волос был сложным, но популярным материалом у аларцев: они использовали его в качестве ниток, плели поводья, подпруги, дужки для ведер змееобразным способом *могээшэлха*, ошейники и веревочки для привязывания телят, сита, сетки-москитки, рыболовные сети и т.д. Также вязали особую обувь типа лаптей *пантла* – унты-дождевики [4, с. 197]. Незаменимые во время дождей и местной черноземной слякоти эти грубые колючие дождевики русские переселенцы Приангарья называли крипотками и надевали их на шерстяные носки, поскольку ноги в них не потели. Они совсем не

пропускали влагу, которая выводилась наружу, но при этом дышали. «В них можно было провалиться в воду, а потом просто отряхнуться и пойти дальше» [19]. Отметим, что такой эффект дают современные инновационные, так называемые мембранные, ткани с водоотталкивающими свойствами, из которых шьют экипировку для спорта и экстремальных профессий. Переселенцы с западных областей страны отмечали, что работа с конским волосом была тяжелая – тугой материал плохо скручивался, а «за москитку из конского волоса готовы были отдать дорогой расшитый рушник – традиционное белое полотенце, настолько сложно было овладеть мастерством» [19]. Итак, версия А. А. Попова, объясняемая соседством этносов и сходством станков (без учета их небольшого различия), подтверждается и выявленной нами некоторой основной общей терминологией.

Далее бурятское ткачество, по данным сотрудников Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ), занимавшихся сбором экспонатов в советское время, от аларских бурят было заимствовано правобережными приангарскими бурятами, боханскими и осинскими, а затем распространилось по всему Предбайкалью [ПМА, 2020]. В коллекциях данного музея аларские ковры появились в начале 1970-х гг., когда из с. Аляты Аларского района энтузиастом Э. П. Нархиновой была передана в дар музею усадьба аларской мастерицы А. М. Махачкеевой со всеми постройками и предметами быта, среди которых находилось несколько ковров-тааров – работ, изготовленных ею самолично. Эти экспонаты сегодня составляют основу музейной коллекции, представляющей бурятское ткачество. После их появления в Бурятии стали ткать ковры и называть их таарами. И с этого времени можно отсчитывать появление бурятского гобелена, известного сегодня как вид искусства. Инициатором внедрения нового направления в декоративно-прикладное искусство в Республике Бурятия стала С. П. Ринчинова. В 1990-1991 гг. Государственным комитетом СССР по изобретениям и открытиям основательнице бурятской школы гобелена были выданы соответствующие патенты. Следовательно, здесь мы наблюдаем, как локальные традиции, распространившись на большом пространстве, приобретают магистральный характер [20, с. 84].

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что в Южной Сибири технологии ковроткачества, привнесенные в древности иранскими племенами, были известны задолго до появления европейских традиций, которые, в свою очередь, тоже имеют восточные корни. Кроме того, подтверждается версия А. А. Попова о том, что ткачество было воспринято аларскими бурятами от хакасов. Но при этом, позаимствовав технологии, аларцы не стали применять популярное у соседей растительное сырье, а внесли свои новшества, адаптировав конский волос в сочетании с шерстью. Зародившиеся в их среде традиции со временем стали основой для зарождения бурятских гобеленов.

Примечания

1. Поротов М. Т. К антропологии бурят. Буряты-аларцы. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1895. 184 с.

2. Молодых И. А., Кулаков П. Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 246 с.

3. Баторов П. П. Материалы по ораторскому творчеству бурят // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. М. ; Иркутск : Репроцентр, 2013. С. 227-230.

4. Мэрдыгеев Р. С. Изделия из шерсти и войлока в Аларском аймаке // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. М. ; Иркутск : Репроцентр, 2013. С. 189-197.

5. Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Л., 1955. Т. XVI. С. 41-146.

6. Газизова А. Т. История развития ручного ткачества от гобелена до таписерий // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 1(4). С. 989-991. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ruchnogo-tkachestva-ot-gobelena-do-tapiseriyhttp://kronk.spb.ru/library/rudenko-si-1951.htm (дата обращения: 20.05.2024).

7. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб. : тип. Имп. Акад. Наук, 1799. 178 с.

8. Гоголев А. И. Этногенез якутского народа // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) : коллективная моногр. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С.90-111.

9. Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М. : 1993. С. 8-35.

10. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. 2. 300 с.

11. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2013. 390 с.

12. Руденко С. И. Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. Вып. XXXVII. М. ; Л., 1951. С. 106-116. URL: http://kronk.spb.ru/library/rudenko-si-1951.htm (дата обращения: 06.05.2024).

13. Молодин В. И. Население Горного Алтая раннего железного века как этнокультурный феномен. Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. URL: http://www.nsc.ru /win/sbras/rep/rep2002/t1-2/81/81.htm (дата обращения: 06.05.2024).

14. Окладников А. П. История и культура Бурятии : сб. ст. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.

15. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М. : Наука, 1991. 300 с.

16. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). 2-е изд. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2001. 266 с.

17. Бутанаев В. Я. Домашнее ткачество хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XXI. Сер. Историческая. 1977. № 6. С. 115-123.

18. Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. С. 566.

19. Луканина А. О быте жителей Приангарья XIX—XX веков расскажут школьникам в ремесленном подворье Иркутского областного Дома народного творчества // Копейка. 2016. № 4. URL: http:// http://baikal-info.ru/uroki-proshlogo (дата обращения: 05.04.2023).

20. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрОРАН : Волот, 2009. 496 с.

Полевые материалы автора

ПМА – информант Л. Г. Ракшаева, 2020.

УДК 069.5(571.66):392(=551.3)

Руденко А. И., с. Тигиль, Россия

Rudenko A. I., Tigil village, Russia

РИТУАЛЬНАЯ КУКЛА «ГИЧГИЙ», ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В ОБРЯДАХ ОЛЕННЫХ КОРЯКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТИГИЛЬСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 2012-2019 ГОДОВ)

THE RITUAL DOLL «GICHGIY» USED IN THE RITUALS OF THE KORYAK REINDEER BREEDERS (ON THE MATERIALS OF THE TIGIL DISTRICT LOCAL HISTORY MUSEUM OF 2012-2019)

В статье рассматривается опыт проведения обрядов «Каюю \ Килвэй» («Рождение оленёнка / Рогов») оленных коряков с использованием ритуальной деревянной куклы «Гичгий», охранителя оленей и рода, в Тигильском районном краеведческом музее с 2012 по 2019 гг. Поставлена цель – уточнить некоторые аспекты проведения музейного обряда с применением куклы «Гичгий» в сравнении с описаниями в этнографической литературе, выявить этапы обрядовых действий, выяснить к какой классификации обрядов относятся праздники «Каюю\Килвэй». Изучение объекта будет способствовать актуализации темы данного исследования.

The article considers the experience of carrying out the rituals Kajuu / Kilvey («The young deer's birth / The antlers») by the Koryak reindeer breeders with the use of the ritual wooden doll «Gichgiy», a defender of deer and family line in the Tigil district Local History Museum from 2012 to 2019. The aim has been set to clarify some aspects of conducting the museum ritual with the use of the doll in comparison with the descriptions in the ethnographical literature, identify the stages of the ritual actions, find out which classification of the rituals the holidays «Kajuu/Kilvey» refer to. The study of the object will promote the actualization of the research theme.

Ключевые слова: коряки, оленеводы, Камчатка, семья, обряд, традиции, Гичгий, «кормление».

Keywords: Koryaks, reindeer breeders, Kamchatka, family, ritual, traditions, Gichgiy, «feeding».

В Тигильском районном краеведческом музее (ТРКМ) накоплен опыт проведения обрядов оленных коряков при помощи «Гичгия» с 2012 по 2019 гг. Чавчувены (оленные коряки) проживают в Тигильском районе Камчатского края. Музей был открыт в 1998 г. Первые экспонаты поступали в учреждение из национального села Седанка, находящегося в 30 км от села Тигиль. Оленевод Интаят, сдавая родовые куклы «Гичгий» в фонд музея, обратился с просьбой к сотрудникам проводить ежегодное их «кормление». Таким образом, в фонде музея хранятся 4 комплекта «Гичгий» из рода Интаята Якъентовича Икавава и рода Акея Оллича.

Целью исследования является выявление особенностей проведения обрядов при помощи куклы «Гичгий» в музейной практике. Задачи изучения – уточнить некоторые аспекты проведения музейного обряда «пробуждение куклы Гичгий» в сравнении с описаниями в этнографической литературе, выявить к какой классификации обрядов относятся праздники «Каюю\Килвэй, определить виды предметов, входящих в состав экспоната «ритуальная деревянная кукла «Гичгий» рода Якьенто. Такие обряды не проводились в муниципальных музеях Камчатки. Кратко обратимся к понятию «обряд» – это совокупность установленных обычаем действий, в которых воплощаются религиозные представления или бытовые традиции [1, с. 1217]. В ТРКМ обряд ежегодно проводила хранитель музейных предметов О. К. Алексеева (1953-2022), владевшая корякским языком, с детства наблюдавшая его проведение. Музей, таким образом, чтил традиции «пробуждения куклы «Гичгий», «кормление» калаков (антропоморфные фигурки, представляющие добрых охранителей, предков), по завету Интаята. Со дня образования музея сотрудники проводили корякский обряды с Гичгием. Нужно отметить, что с 2012 по 2015 гг. обряд именовали «Каюю» (оленёнок), в котором будили «Гичгий» (фото 1) и его проводили в феврале, а потом с 2016 года – «Килвэй» – он проводился в апреле. Было замечено, что О. К. Алексеева ждала сообщения из табуна о

рождении первого оленёнка. Первоначально возник вопрос: почему в начале назывался обряд «Каюю», а потом «Килвэй». Они были совмещены друг с другом. Оказывается, как указывает В. В. Горбачёва: «Почти у всех групп оленных коряков праздник молодого оленя – Каюю –постепенно слился с праздником рогов Килвэй/Кэлвай. Весной, в апреле, большинство оленей (молодые телята, яловые важенки, старые олени) сбрасывают свои рога» [2, с. 50]. В. Н. Малюкович отмечает, что праздники чавчувенов (оленные коряки) были непосредственно связаны с оленеводством и исходили от него, например, отёл оленей, ему соответствуют декабрьский и февральский кильвей [3, с. 38-44]. Автор отметил, что угощение у оленеводов на праздниках готовилось исключительно только из оленины [3, с. 36].

Описание экспоната «Кукла «Гичгий». Кукла представляет собой антропоморфное существо (по представлению коряков – это хозяин домашних оленей, мужчина). Выполнена из деревянной доски. Она плоскостная, хорошо отшлифована. В верхней части на ее «лице» просматриваются прорези: по две черточки – брови и глаза. Слегка обозначен рот в нижней части личика в виде миниатюрного диагонального крестика. Туловище предмета имеет в верхней части покатые плечи. Что касается нижней части, то она оформлена в виде ласточкиного хвоста (здесь используем наименование элемента архитектуры). Вдоль туловища посредине проходит 6 крупных круглых углублений. Имеются мелкие углубления с левой и с правой сторон от второго углубления, расположенного посредине туловища. От мелких углублений проходят вниз по туловищу тонкие линии, имитирующие одежду, украшенную бахромой. В целом мастер изготовил изящную куклу по сравнению с теми, которые мы можем наблюдать на иллюстрациях в этнографической литературе, но и не только. Например, в ТРКМ имеется другой экспонат куклы более грубой работы. К остову Гичгия прикреплены два чаута (аркана), собранные в круг. К ней подвешены лучок со сверлом для добывания огня, ложечка, скульптурки рыб, нерп, 2-хвильчатые палочки, человечки остроголовые, ровдужная (замшевая) верёвка, с завязанными на ней узелками, табакерка, изготовленная из рога оленя. Хранитель О. К. Алексеева отмечала, что в комплект ритуальной куклы Гичгий входят предметы, которыми

повседневно «пользовался» Гичгий. Женщины шили культовые предметы. Мужчины мастерили из дерева и оленьего рога скульптурки малых форм, которые были перечислены выше. Оленеводы, владельцы Гичгия, обожествляли его, проводя обряд камлания/общение с духами (кор. «энъянвата») с помощью «священной еды» (кор. «инэлвет»). Ритуальный предмет кормят «священной едой», состоящей из оленьего жира и заячьего пуха. *Выделены этапы проведения обряда:* 1. Приготовление угощения – варили шурпу из оленины, отваривали язык оленя (когда не было оленьего, то стали использовать говяжий). 2. Вынос нарты (или стола), с покрышкой из оленьей шкуры. 3. Размещение на нарте или столе ритуальных предметов – куколок, треногу, куклу «Гичгий», корытца с жиром из костного мозга ног оленя, с заячьим пухом, деревянного блюда с кусочками оленьего (говяжьего) языка для подношения гостям. 4. Перед совершением обряда добывания огня и на этапах проведения ритуалов обряда «Пробуждениея «Гичгий» рассказывается о назначении родовой куклы. 5. Информирование посетителей о назначении куклы Гичгий. Звучит рассказ о том, что в далекие времена корякские женщины разговаривали с куклой тихим голосом. Они просили её об удачной зимовке для оленей, благополучного отёла, удачной охоты. К кукле «Гичгий» обращались за помощью, когда случались отколы (убегание) оленей и эта часть стада терялась. Куклу «кормили» и снаряжали на поиски оленей, прежде надев на неё кухлянку, выносили из юрты, размещая её в той стороне, куда предположительно убежали олени. Женщины садились вокруг костра, одна из них брала кусок сухожилий из ног оленя, совершая обход очага, держала над ним сухожилья и произносила слова по-корякски: «Хой, хой, епп, эч, гатка, к, оявлен к, лэги элнветын» – «Хой, Хой, ещё не рассвело, олени, придите на выгон!». Ведущая объясняла, что старые люди говорили, если сухожилья начинали скручиваться от огня и трещать, то это могло означать: у сбежавших оленей сводило ноги и они возвращались домой [4]. 6. Проведение обряда «добывание» огня сверлением лучком. 7. Демонстрация обряда «пробуждение куклы «Гичгий». 8. «Кормление» куклы при помощи оленьего костного мозга и заячьего пуха.

Описание обряда «Пробуждения куклы Гичгий». Перед зрителями демонстрируется кукла-огниво, объясняется, что на ней вы-

сверлены углубления, и чем их больше, тем древнее кукла. Подчеркивается, что в обряде участвовали женщины, они садились в круг, напевая песню-заговор о защите оленей. Перед всеми присутствующими демонстрировался древний способ «добывания» огня при помощи лучка и акцентировалось внимание на том, что так предки коряков путем непрерывного трения лучка добывали огонь. О. К. Алексеевой отмечала, что огонь добывал только мужчина, он «будил» куклу Гичгий. Она рассказала: в 30-е годы, когда в стойбище были репрессированы мужчины и огонь добывать было некому, то его добывал мальчик. Факт «добывания» огня мужчинами не подтверждается в этнографической литературе. Например, В. В. Горбачева подчеркивает, что женщины разжигали огонь с помощью гычгыев [2, с. 48]. В музейной практике к обряду «добывания» огня привлекались мужчины – сотрудники музея. Видимо, у седанкинских чавчувенов огонь добывали мужчины.

Участники мероприятия. На мероприятие приглашались старожилы села, подростки, участники конференций. В давние времена в обряде участвовало всё селение или семья.

Результаты исследования: обряд Каюю/Килвэй с помощью «пробуждения куклы Гичгий» относится к календарным, промысловым, семейным, общественным, регулярным, коллективным праздникам [3, с. 38-44]. В. В. Антропова предположила, что производственные праздники чавчувенов устраивались не отдельными, а всеми семействами стойбищами [5, с. 85]. У чавчувенов стойбищные объединения создавались как правило из родственников по крови и браку [5, с. 93]. Далее исследователь отметила, что внутри стойбищные связи скреплялись родственными связями и брачными узами и поддерживались древними традициями и обрядами [5, с. 85]. На этот факт обратил внимание и В. И. Иохельсон: «Территориальные группы состояли из семей, связанных кровными и брачными узами, или экономическими отношениями» [6, с. 767-768]. Следовательно, как указывают исследователи, обряды проводили и в кругу семьи. С семейным культом теснейшим образом было связано стадо домашних оленей [2, с. 28]. «Пробуждение Гичгия» могло происходить в любое время года. Обращались к объекту с разными заклинаниями, касающимися семейного благополучия, удачной зимовки и отела оленей, защиты от вредоносных существ, из-

гнания духов болезней у оленей и людей [3, с. 37]. В. В. Горбачёва отметила: «В большой патриархальной семье оленеводов имелось несколько деревянных приборов для добывания огня. Каждый прибор был связан с определённой частью домашних оленей, принадлежащей членам малой семьи» [2, с. 28]. «Гичгий» передавался по наследству младшему сыну, а если наследника не было по мужской линии, то дочери, а также если муж дочери оставался в семье её родителей [2, с. 28]. Отметим, что в музее при проведении обрядов Каюю / Килвэй хранителем музейных предметов не отмечалось, что это праздники. Целью проведения этих обрядов заключалось в том, чтобы накормить куклу «Гичгий» и привязанных к ней божков-охранителей, сохранить традиции оленеводов, сдавших в музей своих семейных охранителей в виде антропоморфного существа «Гичгия». Стало очевидным, что кукла Гичгий – это не просто экспонат, а вещь, которая бытует в экспозиции, её используют, она «оживляется» и с помощью неё молодому поколению транслируются культура чавчувенов, их семейные и общественные традиции. Доктор философских наук Д. М. Угринович дал определение обряду: это «особый способ передачи новым поколениям определенных идей, норм поведения, ценностей и чувств» [7]. Ученый отметил специфику обряда – его символическую природу [7]. Таким образом, с демонстрацией обрядов молодому поколению передаются традиции семьи и рода, осуществляется связь поколений: дедов, отцов, детей и внуков. В целом ритуальная коллекция «Гичгий» и материалы о нем являются источником изучения семейных традиций оленных коряков Камчатского края, что способствует актуализации данной темы.

Примечания

1. БЭС. Новейший энциклопедический словарь. 120 000 словарных статей / [гл. ред. С. М. Снарская ; науч. ред. Н. Л. Баженов и др.]. М. : РИПОЛ классик, 2010. 2144 с.

2. Горбачёва В. В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.

3. Малюкович В. Н. Мелодия северного рассвета. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2023. 448 с. (Сер. «Из фондов музея»).

4. Отчет о деятельности музея за 2019 год // Тигильский районный краеведческий музей. URL : https://tigil-museum.ru/ ?s=%D0%BE%D1% 82%D1%87%D0%B5%D1%82+2019 (дата обращения 07.10.2024).

5. Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л. : Наука, 1971. 216 с.

6. Iohelson W. The Koryak. Material culture and social organization / W. Iohelson // The Jesup North Pacific Expedition. Leiden – New York, 1908. part. 2. P. 767-768.

7. Определение понятий обряда и обрядности. URL: https://studfile.net/preview/9495314/page:2/ (дата обращения: 07.10. 2024).

Фото 1 – Обрядовая кукла оленных коряков «Гичгий». Из фонда ТРКМ Тигильский район, Камчатский край.

УДК 378.6-051(571.54)

Дылгырова А. С., г. Улан-Удэ, Россия

Dylgyrova A. S., Ulan-Ude, Russia

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ ДАШИНИМЫ САНЖИЕВИЧА ДУГАРОВА

TO THE MEMORY OF THE TEACHER DASHINIMA SANZHIEVICH DUGAROV

В статье описана научно-педагогическая деятельность профессора Дашинимы Санжиевича Дугарова, дана характеристика основных трудов и вклада известного ученого Д.С. Дугарова в исследование и научное описание этнографии и музыкального фольклора бурят.

The article describes the scientific and pedagogical activity of the professor Dashinima Sanzhievich Dugarov, provides a description of the main works and contribution of the famous scientist D.S. Dugarov to the study and scientific description of the ethnography and musical folklore of the Buryats.

Ключевые слова: музыкальный фольклор бурят, этнография бурят, Д. С. Дугаров, педагог, изучение бурятского фольклора.

Keywords: musical folklore of the Buryats, ethnography of the Buryats, D. S. Dugarov, teacher, study of the Buryat folklore.

15 сентября 2024 года исполнилось бы 95 лет со дня рождения Дашинимы Санжиевича Дугарова, ученого-этнографа, этномузыковеда, заслуженного работника культуры России и Бурятии, лауреата Государственной премии Республики Бурятия, члена Союза композиторов России, члена Международной организации «Европейский семинар по этномузыкологии» (ESEM), доктора исторических наук, кандидата искусствоведения, профессора.

Круглый стол «Фольклор и этнография народов Азиатско-Тихоокеанского региона», посвященный его 95-летию, прошел в Восточно-Сибирском государственном институте культуры 7 февраля 2024 года в рамках Дня Науки. В работе Круглого стола приняли участие ученые, композиторы, преподаватели, работавшие с ним в

разные годы в Бурятском научном центре, в Союзе композиторов, в Кяхтинском культурно-просветительском училище (1954-1960 гг.), в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова (2002-2005 гг.), в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (1991-2006 гг.).

Своими размышлениями и воспоминаниями поделились также магистранты кафедры этнологии и народной художественной культуры ВСГИК, ученики и родственники Д.С. Дугарова. Всего вниманию участников Круглого стола было представлено 20 докладов, часть из них было посвящено памяти Д.С. Дугарова.

От ректората ВСГИК с приветственным словом выступила И.С. Цыремпилова, д.и.н., профессор, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры». Она представила видео-обзор трудов Д.С. Дугарова, подготовленный научной библиотекой ВСГИК.

Д.А. Николаева, д.и.н., заслуженный работник культуры РБ, профессор ВСГИК в докладе «Мужество думать своей головой» отметила значимость научно-педагогической деятельности профессора, его роль в крупных культурных мероприятиях, направленных на укрепление культурной идентичности бурят на основе их традиционной культуры, в частности он стоял у истоков возрождения международного этнокультурного фестиваля «Ердынские игры».

О.В. Новикова, канд.искусствоведения, доцент Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, научный сотрудник Института филологии СО РАН, обозначила значительный вклад Д.С. Дугарова в формировании теории бурятского музыкального фольклора, связанный, в первую очередь, с этнодиалектным подходом к систематике музыкально-фольклорного материала. Этот подход, став впоследствии методологической основой для дальнейших научных изысканий этномузыкологов, позволил увидеть четкую систему внутрикультурных музыкально-языковых противопоставлений и связей жанровых традиций и этнолокальных музыкальных стилей. Среди других значимых наблюдений − связь фольклорных ладовых систем с этнолокальными и жанровыми традициями бурят, обусловленность музыкальной ритмики бурятских песен и улигеров системой народного стихосложения и мн. др.

Б.Ц. Гомбоев, к.и.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН

«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН представил доклад «Под флагом 1000-летия Гэсэриады (к 95-летию д.и.н., проф. Д.С. Дугарова)» о результатах проведения фестиваля. В частности, в докладе он отметил, что «при подготовке студентов к конкурсу улигершинов Д.С. Дугаров не только передавал свой опыт, но и укреплял веру в достижение успеха. В конкурсе участвовали знаменитые сказители, такие как Рыгзын Эрдынеев – представитель хори-бурятской школы улигершинов, который занял I место, и после него мы, студенты ВСГАКИ, поделили призовые места». Дашанима Санжиевич сам был носителем традиционной культуры, в 1995 г. воспроизводил улигеры на 7-м Международном Вавилонском фестивале в Багдаде.

Л.Д. Дашиева, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН сообщила радостную весть, что все материалы 18 экспедиций (188 единиц хранения) каталогизированы и оцифрованы (более 30 тыс. фоно-единиц) и доступны всем, кто занимается бурятской народной музыкой, этнографией.

Л. С. Дампилова, д. филол.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН подчеркнула роль одного из самых значимых трудов Д.С. Дугарова «Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят» в сложении научных основ изучения и описания традиционной культуры бурятского этноса. Также она отметила востребованность сборников народных песен, расшифрованных ученым и ставших основополагающими исследованиями в области изучения бурятского музыкального фольклора. Сегодня расшифровки песен Д. С. Дугарова признаны у этномузыковедов образцовыми, поэтому ученые постоянно обращаются к ним для сравнительного анализа.

Деятельность Дашинимы Санжиевича интересна не только ученым и педагогам, но и композиторам, исполнителям. Композитор В.А. Усович рассказал о своем друге, наставнике: «Дашинима Санжиевич – добрый, отзывчивый человек. После окончания Свердловской консерватории был призван в армию. Служба на флоте для Дашинимы Санжиевича была хорошей школой. Он был очень дисциплинированным человеком, занимался физкультурой, йогой, голода-

ниями. С 1967 года Д.С. Дугаров – член Союза композиторов, он всегда поддерживал молодых, его уважали, обращались за советом. Можно с уверенностью сказать, что Д.С. Дугаров – основоположник бурятской фольклористики…». Многие композиторы, такие как Б. Дондоков, В. Наговицын, Б. Майзель, В. Усович, Л. Санжиева, использовали для своих сочинений материал из сборников бурятских народных песен Д. С. Дугарова.

В. Усович обработал некоторые из этих песен для пианистов и композиторов, которые затем вошли в его сборник «Напевы родного края» («Буряад дайдын аялга»).

Продолжением бесед об Учителе стал Круглый стол «Персоналии в исследованиях этнокультурного наследия Евразии» международной научно-практической конференции «Байкальские встречи – XIII: степная Евразия: культурное единство и многообразие», где мой доклад был посвящен Д.С. Дугарову – основоположнику изучения, собирания, исследования музыкального фольклора и этнографии бурят, человеку безгранично преданному своему делу. На Круглом столе удалось представить фигуру выдающегося бурятского исследователя, ученого с разных сторон.

Первая, незабываемая встреча с моим Учителем состоялась на его лекции в институте культуры. Слушать Учителя было одно удовольствие, ведь Дашинима Санжиевич сам был носителем фольклора, традиционной культуры, всегда бодрый, зажигательный, неунывающий. Именно благодаря его умению не только учить, но и вести за собой, быть рядом, мы были в гуще научной деятельности. Под его руководством студенты проводили полевые исследования, благодаря которым многие его ученики впоследствии связали свою жизнь с наукой, педагогикой. Рядом с Дашинимой Санжиевичем, слушая его, впитывая глубинные знания, невозможно не влюбиться в бурятский фольклор и самобытную народную культуру. Под его руководством защитили диссертации: Ж. Энэбиш, Г.Д. Фролова, А.Г. Демин, С.Б. Самбуева, С.Б. Болхосоев, А.С. Дылгырова.

Дашинима Санжиевич был щедрым учителем, бескорыстно передавал свой опыт своим ученикам; с удовольствием делился воспоминаниями о поездках в районы Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края, Горного Алтая, Тувы, Якутии, Хакасии, Монголии с целью собирания фольклорных источников. «С

двумя чемоданами (с катушечным, бобинным магнитофоном «Яуза»), со спальным мешком на попутке (на тракторе, на телеге) передвигался он из одного села в другое, желая собрать больше материалов от информантов». Для сельчан Дашинима Санжиевич был своеобразным марсианином со своим магнитофоном, и каждому было интересно послушать свой же голос в записи. Он с каждым находил общий язык, желающие выстраивались в очередь. Ему удалось собрать и записать большое количество фольклорного материала (сказки, легенды, предания, песни), которые составляют основу последующих научных изысканий. Благодаря Дашиниме Санжиевичу мы сумели сохранить один из примеров – песню «Нэрьеэнэй дуун», которая могла бы уйти из памяти народа навсегда.

Дашинима Санжиевич навсегда заразил нас своей любовью к этнографии, приучил к научной обработке материала; мы с увлечением изучали, систематизировали народные песни, не только проводили музыкальные расшифровки, но рассматривали с точки зрения синкретизма, анализировали в историко-сравнительном аспекте и выявляли семантику их текстов. Приходилось погружаться в музыковедение, филологию, лингвистику, этнографию, культурологию… Работы Учителя фундаментальны, они не просто о песнях, мелодиях, но и о многогранности и глубине Слова, бытующего в этнографическом и культурном контекстах.

Дашинима Санжиевич был Человеком широкой души, он бескорыстно делился с нами своими знаниями, записями, книгами. Как-то, готовясь к научной конференции, я с волнением обратилась к нему за консультацией, так как думала, что про скотоводческие заговоры «тээгэ» все знают, уже достаточно много опубликованных материалов, а Дашинима Санжиевич меня успокоил: «В научном обороте еще нет исследований, посвященных скотоводческим заговорам закаменских бурят, пишите», – вселил уверенность и поделился своими записями, сделанными в Тыве, чтобы я продолжила проводить параллели.

Дашинима Санжиевич до последних дней, несмотря на свои регалии, почтенный возраст, всегда оставался в душе любопытным юнцом: бесстрашно осваивал “новые технологии” – будь то компьютер, фотоаппарат… Он и нас учил не бояться и осваивать новое.

Мы приходили к Учителю домой, занимались в домашней

библиотеке. Нас поражало, что каждая книга была с его пометками, комментариями, у него было большое количество словарей. В гостях у Учителя мы видели пример его удивительных теплых семейных отношений с супругой Евгенией Романовной. Дашинима Санжиевич всегда находился в кругу близких – супруги, дочерей, внуков. Его всегда отличали такие важные человеческие качества, как доброжелательность, целеустремленность и постоянное самосовершенствование.

Для меня Дашинима Санжиевич – это не только ученый, но и добрый мудрый белый Старец, к которому я испытываю глубокую благодарность, Человек, сыгравший огромную роль в моей творческой судьбе. Бесценные советы и рекомендации Учителя помогают мне в разработке методических, рабочих программ, так на его трехтомнике как первоисточнике основана преподаваемая мною дисциплина «Областные певческие стили».

Светлая память о замечательном ученом, посвятившем всю свою жизнь сохранению бурятского фольклора, будет жить в сердцах его коллег, единомышленников, учеников.

Список научных трудов Д.С. Дугарова. Монографии и статьи

1. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни хори бурят. Улан-Удэ, 1964. 443 с.

2. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1969. 342 с.

3. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ, 1980. 280 с.

4. Дугаров Д. С. Песенное творчество селенгинских бурят. Музыкально-этнографическое и теоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1969. 24 с.

5. Дугаров Д. С. Буряты поют о Ленине. М. : Сов. композитор, 1974. 67 с.

6. Шейкин Ю. И., Дугаров Д. С. О музыке эхиритбулагатского эпоса // Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск : Наука, 1991. С. 38-54. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; [Т. 2]).

7. Дугаров Д. С. К этимологии терминов юурэн, уур, уури //

СЭ. 1981. № 1. С. 98-102.

9. Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // СЭ. 1983. № 5. С. 104-113.

10. Дугаров Д. С. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста : Калм. НИИ истории, филологии и экономики, 1983. С. 36-51.

11. Дугаров Д. С. Онгон Ягша // Этническая ономастика. М. : Наука,1984. С.169-172.

12. Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. С. 207-234.

13. Дугаров Д. С. Об одной современной лирической песне // Роль фольклора в коммунистическом воспитании, Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967.

14. Дугаров Д. С. Бурятские песни периода Великой Отечественной войны // Музыкальная культура Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. С 86-100.

15. Дугаров Д. С. О первой музыкальной записи бурятской песни // Музыкальная культура Бурятии : [сб. ст.] / [отв. ред. канд. филол. наук В. Ц. Найдаков]. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967.

16. Дугаров Д. С. Свадебные песни селенгинских бурят // Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1970. С. 34-51.

17. Дугаров Д. С. Народные песни о великом вожде // Байкал. 1980. № 2. С. 43-50.

18. Дугаров Д. С. Бурятская музыка // Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1974. Т. 2.

19. Дугаров Д. С. Бурятские версии «Джангара» // Типология и художественные особенности «Джангара». Элиста, 1978.

20. Дугаров Д. С. Музыкальный фольклор бурят // Актуальные проблемы истории Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. ин-т обществ. наук, 1987.

21. Дугаров Д. С. Об исполнении бурятских улигеров // Музыка эпоса. Йошкар-Ола,1989, С. 158-160.

22. Дугаров Д. С. Круговой хороводный танец: проблема древних историко-культурных связей племен Центральной Азиис протоарийцами // Борбад и художественные традиции народов Цен-

тральной Азии: история и современность : сб. тез. междунар. симп., (Душанбе, 23–29 апр. 1990 г.). Душанбе, 1990. С. 145-146.

23. Дугаров Д. С. Песенное заклинание овцы «Тээгэ» // Филолгические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (16). С. 69-72.

24. Дугаров Д. С. О происхождении этнонима “бурят” // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур : тез. Междунар. науч. конф., (Новосибирск, Академгородок, 26-30 июня 1995) ; отв. ред. А. А. Мальцева. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. Т. 1. С. 94-96.

25. Дугаров Д. С., Куницын О. И. Буряты // Музыкальная культура Сибири. Т. 1 : Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Новосибирск, 1997. С. 336-404.

26. Дугаров Д. Бурятский народный певец Цырен Хоборков // Вопросы современного искусства Бурятии / БКНИИ ; ред. кол. В.Ц.Найдаков (отв. ред.) и др. Улан-Удэ : [б. и.], 1961. С. 75-86.

27. Дугаров Д. С. Генеалогия сказителя П.Петрова (к истории рода хангин (?)) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 4 : История. Философия. Социология. Филология : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2000. С. 89-95.

28. Дугаров Д. С. Песенное заклинание овцематки «тээгэ» // Культурно-досуговая деятельность и народное художественное творчество: парадигмы XXI века : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию РЦНТ. Улан-Удэ, 2006. С. 76-81.

29. Дугаров Д. С. Песенное заклинание овцематки «тээгэ» у хори-бурят // Традиции и современные процессы в фольклоре и литературе : материалы науч. конф. Улан-Удэ, 2006. С. 54-60.

30. Дугаров Д. С. Круговой хороводный танец в Европе и Азии. К проблеме культуро- и этногенеза // Традиционный фольклор в полиэтнических странах : материалы II Междунар. науч. симп. Улан-Удэ, 1998. С. 103-107.

31. Дугаров Д. С. К проблеме происхождения жанра песен “ай дон” и гетерофонного многоголосия у западных бурят // Песенное многоголосие народов России : тез. докл. науч.-практ. конф., (г. Воронеж, 24-29 сент. 1989 г.). М. : [б.и.], 1989. С. 72-75.

32. Дугаров Д. С. Напевы бурятских улигеров // Абай Гэсэр

могучий : бурятский героический эпос. М. : Вост. лит., 1995. С. 505-524.

33. Дугаров Д. С. Опыт реконструкции напева эхирит-булагатского варианта эпоса «Гэсэр» // Гэсэриада - духовное наследие народов Центральной Азии : материалы конференции. Улан-Удэ : Сибирское отделение РАН, 1995. С. 92-96.

34. Дугаров Д. С. Обновление национальных традиций в песенном творчестве бурят // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири : тез. докл. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : [б. и.], 1966. Вып. 1. С. 49-50.

Публикации о Д. С. Дугарове

1. Чагдуров С. Коновалов П. Он дал крылатое имя «загалмай» знаменитым оленным камням // Бурятия. 1999. 16 сент.

2. Ройтерштейн М. О. О сборнике из серии «Коллекции фольклориста» // Советская Музыка. 1976. № 7.

3. Болхосоев С. Б. Профессор Дашанима Санжиевич Дугаров (1929-2020 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 4(16). С. 90-93.

4. Цырендоржиева Ц.-Д. Заншалаа ургэһэн заяата эрдэмтэмнай // Буряад Унэн. 2005. № 10(415), 17 марта. (Духэриг № 29).

5. Гончикова Н. Собиратель народных песен // Бурятия. 2009. 14 окт.

6. Санжиева Л. Дашанима Дугаров: служение бурятскому музыкальному фольклору // Бурятия. 2009. № 168(4546), 15 сент.

7. Николаева Д. А. Ученый, педагог, личность (памяти Д. С. Дугарова) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2023. № 3 (27). С. 96-102.

8. Дугаров Дашанима Санжиевич // Союз Композиторов РБ (к 60-летию со дня основания (1940-2000)) / сост. О. И. Куницын. Улан-Удэ, 2000. С 55-59.

9. Куницын О. Чудесный профессор // Бурятия. 1996. 9 февр.

10. Тогоноев Ц. Волшебство улигершина // Бурятия. 1993. 16 марта.

11. Намжилов Г. Знаток белого шаманства // Бурятия. 1992. 18 апр.

УДК 001.32(571.54)

Николаева Д. А., Содномпилова М. М., г. Улан-Удэ, Россия

Nikolaeva D. A., Sodnompilova M. M., Ulan-Ude, Russia

Г. Р. ГАЛДАНОВА – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

G. R. GALDANOVA – SCIENTIST, TEACHER, RESEARCHER OF TRADITIONAL CULTURE OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Галина Ринчиновна Галданова – это один из ярких представителей советско-российской, бурятской этнографии. Занимаясь поисками собственной идентичности, она ввела в научный оборот большой объем оригинальных полевых материалов, разработала немало дискуссионных вопросов по истории зарождения, развития шаманских и дошаманских верований, культов, обрядов, традиций в различные исторические эпохи.

Galina Rinchinovna Galdanova is one of the brightest representatives of the Soviet-Russian, Buryat ethnography. While searching for her own identity, she introduced a large volume of the original field materials into scientific circulation and developed many controversial issues on the history of the origin and development of shamanic and pre-shamanic beliefs, cults, rituals, and traditions in various historical eras.

Ключевые слова: этнография тюркомонгольских народов, шаманские, дошаманские верования, культы.

Keywords: ethnography of the Turkic Mongolian peoples, shamanic, pre-shamanic beliefs, cults.

Г.Р. Галданова – кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки РБ, с.н.с. ИМБиТ, преподаватель кафедры этнологии и фольклора ВСГАКИ, крупный ученый-этнограф, занимаясь научной, педагогической и общественной деятельностью, она внесла

значимый вклад в исследование этнокультурного наследия и развитие бурятской традиционной культуры. Ее труды стали основополагающими не только в отечественной, но и в мировой науке. Человек удивительной эрудиции, бесконечно влюбленный в этнографию, интересный собеседник, внимательный слушатель, высочайшей степени порядочности и такта, готовый всегда поддержать и прийти на помощь любому человеку.

Родилась Галина Ринчиновна 19 апреля 1942 г. – время великого потрясения, с одной стороны, – тяжелый период Великой Отечественной войны, но с другой, в этот знаменательный год, на базе Баянгольского угольного месторождения Закаменского района Бур АССР была запущена в эксплуатацию электростанция (ЦЭС) и линия электропередачи Баянгол – Городок.

Ее семья, как и многие другие, столкнулась с грандиозными переменами, кардинальными преобразованиями в российском обществе. Они были крестьянами-скотоводами, их образ жизни после революции 1917 г. и Гражданской войны полностью изменился. Оставшись без хозяйства, родители, люди честные и трудолюбивые, нашли работу в п. Джидастрой (в будущем райцентр г. Закаменск), бурное строительство которого началось в 1932 г., затем семья перебралась в только строящийся п. Баянгол, располагавшийся в местности, где охотник-следопыт Шампи Ямпилов обнаружил залежи угля. Для рабочих и шахтеров, приехавших из различных уголков СССР, и было заложено строительства посёлка Баянгол. Отец Ринчин Цыренович участвовал в строительстве шахты, а мать Долгоржаб трудилась на строящейся ЦЭС. Я обращаю внимание, что они, как работящие люди, одни из первых построили дом на правом берегу р. Мылинки, где впоследствии и разросся шахтерский поселок Баянгол – место рождения Галины Ринчиновны.

В этот же трагический 1942 год отец ушел на фронт и не вернулся. Дети остались на попечении матери и бабушки Хандажап. Старший брат Николай Галданов с 13 лет трудился на Баянгольской угольной шахте, а старшая сестра Александра и маленькая Галя помогали бабушке по хозяйству. Тем не менее, несмотря на суровые условия жизни, дети росли в атмосфере старинных бурятских сказаний, преданий и песен, а их дом всегда был полон гостей,

среди которых были известные в районе сказители, певцы.

Не зря существует выражение, что именно в семье формируется человек как личность. Видимо, тогда у нее выработался принцип, согласно которому она постаралась выстроить свой жизненный путь – ни при каких обстоятельствах не быть приспособленцем.

Это проявилось у Галины Ринчиновны в сложных, кризисных, но ярких условиях переломного периода страны. Именно семья, семейное воспитание, семейные ценности наложили отпечаток на всю жизнь и помогли в становлении исследовательской стратегии большого ученого.

О её природных способностях и потенциале свидетельствует то, что она, выдержав большой конкурс, поступила в Ленинградский государственный университет. По окончании в 1971 г. восточного факультета монгольского отделения (специальность «монгольская филология», квалификация «востоковед-филолог»), у нее началась трудовая деятельность в БИОН СО РАН сначала в должности старшего лаборанта, затем научного сотрудника сектора буддологии.

Практически сразу же ей была поручена работа по такому новому направлению как исследование содержания традиционных мировоззренческих установок шаманистических доламаистских верований у бурят.

С этого момента она проводила длительные научные экспедиции по многим районам этнической Бурятии (Тункинский, Баргузинский, Закаменский, Селенгинский, Джидинский, Хоринский), собирая бесценные этнографические и религиоведческие материалы.

Со свойственным для нее упорством, она скрупулезно записывала благодатный, не тронутый в то время материал, когда носителей было много. Собирая, анализировала архаическую систему культов, выявляла их генезис, трансформацию их функций, обосновывая тем самым идею дошаманистских тотемических верований и материнского начала природных сил. Обосновывая свой научный подход, она, наряду с экспедиционными источниками, прекрасно владея монгольским и старописьменным монгольским языками, использовала широкий круг архивных монголоязычных источни-

ков. Это помогло ей, когда она, работая хранителем в ОПП ИМБиТ СО РАН, привела в порядок огромный монгольский фонд, а также подготовила к публикации обширное архивное наследие бывшего монаха-ламы Генин-Дармы Нацова. Большой труд вышел в 2-х частях (Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят) в 1995 и 1998 гг.

Помимо этого, Галина Ринчиновна ввела в научный оборот большой объем оригинальных полевых материалов и, разработав немало дискуссионных вопросов по истории зарождения, развития шаманских и дошаманских верований, культов, обрядов, традиций и их функциональной роли в различных исторических эпохах. Она, обосновывая свой теоретико-концептуальный подход в исследованиях этнокультурного наследия, продемонстрировала свое профессиональное мастерство, а также, используя современные научные методы, раскрыла потрясающий сакральный мир духовной культуры древних бурят.

В постсоветское время, уже будучи не ограниченной рамками советской идеологии, Галина Ринчиновна широко репрезентировала свои знания, сформированные и фундаментальной ленинградской школой, и добросовестной научной работой – в педагогической и общественно-просветительской деятельности. Работая ведущим преподавателем в БФ НГУ и ВСГИК, она читала студентам курсы и спецкурсы по этнографии монгольских народов, народов Центральной Азии, Восточной Азии, по монгольскому языку и старомонгольской письменности. Ее трудолюбие, ответственность, доброжелательность и талант сохранились в светлой памяти коллег и учеников.

В разгар поисков российскими народами собственной идентичности круг научно-практических интересов ученого значительно расширился. Для общественно-просветительской деятельности ее приглашали к работе в различных комитетах, организациях, инициативных группах разного уровня (от республиканских до детских, школьных и т.д.). Здесь она, используя весь полученный багаж знаний и опыт работы, принимала участие в написании ряда учебных пособий, программ и т.д., посвященных развитию национальной школы, проблемам консолидации и духовного возрождения бурятского народа.

Нет сомнения в том, что память о Г.Р. Галдановой, одной из ярких представителей советско-российской, бурятской этнографии, сохранится на долгие годы. Ее наследие вызывало и вызывает глубокий интерес, а труды остаются актуальными и востребованными.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Г. Р. ГАЛДАНОВОЙ

1. Галданова Г. Р. Культ огня у монголов // Бурятский институт общественных наук. Труды. Вып. 27. Исследования по истории и филологии народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1976. С. 149- 154.

2. Галданова Г. Р. К вопросу об изучении верований тункинских бурят // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1974-1976, 26-29 сентября 1977 г. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленингр. отд-ние. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1977.

3. Галданова Г. Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // Советская этнография. 1980. № 3. С. 150-156.

4. Галданова Г. Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980. С. 56-69

5. Галданова Г. Р. Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. – Новосибирск : Наука : Сибир. отд-ние, 1981. С. 46-55.

6. Le Culte de la chasse chez less bouriates stude // Studes mongoles et siberiennes cahier. Paris, 1981.

7. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят Забайкалья по данным этнографии : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1981. 20 с.

8. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят Забайкалья : по данным этнографии XIX-XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Л., 1981. 200 с.

9. Галданова Г. Р. Сагаалган - древний народный праздник монголов и бурят // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. М., 1983. Ч. 1. С. 40-49.

10. Ламаизм в Бурятии XVIII-начала XX века : Структура и социал. роль культовой системы / [Г. Р. Галданова, К. М. Герасимо-

ва, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов ; отв. ред. В. В. Мантатов]. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1983. 235 с.

11. The cult of Dayan Derkhe in Mongolia and Buryatia // Journal of the Id mongolian society. Cambridge, 1984.

12. Галданова Г. Р. Традиционные верования и обычаи Забайкальских бурят в рукописях Г.-Д. Нацова // Исследования по исторической этнографии монгольских народов / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил. Ин-т общ. наук. Улан-Удэ, 1986. С. 112-130.

13. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии : материалы и исследования / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук ; отв. ред. канд. ист. наук К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986. С. 131-159.

14. Галданова Г. Р., Жуковская Н. Л., Очирова Г. Н. Культ Даян Дерхе в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири, XIX – начало XX в. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии ; отв. ред.: канд. ист. наук И. Н. Гемуев, канд. ист. наук А. М. Сагалаев. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1987. С. 52-64.

15. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / отв. ред. Л. П. Потапов ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1987. 115 с.

16. Галданова Г. Р. Ламаизированный культ родоплеменных тэнгриев // Тезисы всесоюзной буддологической конференции, (Москва, 05–06 ноября 1987 г.). М. : Наука, 1987. С. 167-168.

17. Галданова Г. Р. Возрастные переходные обряды у монголов и бурят // V международный конгресс монголоведов : доклады советской делегации, (Улан-Батор, 14-19 сентября 1987 г.). Т. 3 : Археология, культура, этнография, филология. М. : ГРВЛ, 1987. С. 44.

18. Очир А., Галданова Г. Р. Традиционная семейная обрядность мингатов МНР // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Ин-т общ. наук. Улан-Удэ, 1988. С. 109-128.

19. Галданова Г. Р. Относительно "тэнгри" - божества тюрко-монголов // Тюркология-88 : тез. докл. и сообщений V Всесоюзной тюркологической конф., (7-9 сентября 1988 г.). Фрунзе : Илим, 1988.

20. Галданова Г. Р. Элементы тюркских влияний в традиционных верованиях бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1989. С. 120.

21. Галданова Г. Р. О некоторых традиционных лечебных средствах бурят // Цыбиковские чтения : тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 33-34.

22. Галданова Г. Р. Этнографические интересы Цыбена Жамцарано // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность : Докл. и тез. науч. конф., посвящ. 110-летию выдающегося ученого, обществ. и науч. деятеля бурят-монг. и халха-монг. народов Ц. Ж. Жамцарано / [редкол.: Найдаков В. Ц. (отв. ред.) и др.]. Улан-Удэ : [б. и.], 1991. С. 5-11.

23. Очир А., Галданова Г. Р. Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние РАН, 1992. С. 24-56.

24. Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние РАН, 1992. С. 71-89.

25. Галданова Г. Р. Личность шамана // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции : материалымеждунар. науч. конф. (15-22 августа 1992 г.). Якутск : ЯГУ, 1992. С. 70.

26. Галданова Г. Р. К вопросу о верованиях ранних монголов // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, авг. 1992 г.) М. : Ин-т востоковедения, 1992. (0,2 п.л.).

27. Галданова Г. Р. Закаменские буряты : ист.-этногр. очерки (Вторая пол. XIX – первая половина XX вв.) / отв. ред.: Л. П. Потапов, К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука, 1992. 183 с.

28. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Изд. 2-е. Закаменск, 1993. 186 с.

29. Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов : сб. ст. / ред. кол.: Б. Р. Зориктуев, Г. Р. Гал-

данова, Т. М. Михайлов. Новосибирск : Наука, 1993. С. 141-150.

30. Галданова Г. Р. Базар Барадин - один из первых бурятских буддологов // Базар Барадин: Жизнь и деят. : докл. и тез. науч. конф., посвящ. 115-летию выдающ. учен., общественного деятеля бурятского народа Базара Барадиевича Барадина. Улан-Удэ : РАН БНЦ ИОН, 1993. С. 46-48.

31. Цыренжап Сампилов : этногр. зарисовки / вступ. ст. к альбому Г. Р. Галданова ; отв. ред. И.И. Соктоева. Новосибирск : Наука, 1995. [10] л. цв. ил. (Из культурного наследия Бурятии / Респ. Бурятия. М-во культуры. Бурят. респ. худож. музей им. Ц. Сампилова, Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Бурят. ин-т обществ. наук. Отд. памятников письменности Востока).

32. Нацов Генин-Дарма Цыренович. Материалы по истории и культуре бурят : [в 2 ч.]. Ч. 1. / Г.-Д. Нацов ; Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Бурят. науч. центр, Ин-т обществ. наук. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. –155, [1] с.

33. Галданова Г. Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии, письменные, источники. Улан-Удэ, 1995. С. 94-107.

34. Галданова Г. Р. Хонгодоры - хонгираты? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 83-93.

35. Галданова Г. Р. Вопросы воспитания и социализации в традиционном бурятском обществе // Проблемы развития национальной школы: Методологические основы этнопедагогики. Улан-Удэ : Бэлиг, 1996.

36. Михайлов В. А. Религиозная мифология / предисл. и введ. к тексту монографии, примеч.: Г. Р. Галдановой, А. З. Хамарханова. Улан-Удэ : Соiел, 1996. 111 с.

37. Галданова Г. Р. Ритуал шаманского посвящения и культ дерева в бурятском шаманизме // Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты, (20-26 июня 1996 г. Улан-Удэ, оз. Байкал) : Междунар. науч. симп. Улан-Удэ, 1996.

38. Галданова Г. Р. Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм : История и идеология / РАН. Сиб. отд-ние. Бурят. науч. центр. Ин-т обществ. наук ; отв. ред. д-р

филос. наук, проф. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 1997.

39. Галданова Г. Р. Традиционные ценности бурят и современность // Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия-Восток-Запад в судьбе народа. Международный симпозиум. Тезисы и доклады. Улан-Удэ, 1997.

41. Галданова Г. Р., Дашибалов Б.-Ц. Рукописное наследие Ц. Самданова // Культура Центральной Азии : письменные источники. Улан-Удэ, 1997. Вып. 2. С. 145-166.

42. Образ идеального человека сквозь призму пословиц и поговорок бурят // материалы Междунар. конф. «Байкальские встречи». Улан-Удэ, 1998.

43. Сибирь: этносы и культуры : [сб. ст.]. Вып. 3 : Традиционная культура бурят / Г. Р. Галданова, Н. Б. Дашиева, Т. Д. Скрынникова ; отв. за вып. Н. Б. Дашиева ; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств. М. ; Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1998. 162 с.

44. Галданова Г. Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культуры (традиционная культура бурят). – М. ; Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1998. Вып. 3. С. 5-46.

45. Образование и воспитание на фоне национально-культурного возрождения // Сибирь: этносы и культуры. Традиции и инновации в этнической культуре. Вып. 5. М. ; Улан-Удэ, 1999.

46. Галданова Г. Р. Значимость традиционного мировоззрения в системе воспитания бурят // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф., (Улан-Удэ, 02–03 июля 1999 г.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. С. 89-90.

47. Сэргэ как феномен традиционной культуры бурят. Улаанбаатар, 1999.

48. Герасимова К. М., Галданова Г. Р., Очирова Г. Н. Традиционная культура бурят : учебное пособие / М-во образования и науки Респ. Бурятия. Улан-Удэ : Бэлиг, 2000. 143 с.

49. Галданова Г. Р. Окинский край: История, обычаи и традиции по полевым материалам // Край поднебесных долин : сб. ст. и материалов / Администрация Окинского района Республики Бурятия ; [сост.: Б. С. Дугаров, К. Д. Тулуев]. Улан-Удэ : ИПК ВСГА-

КИ, 2000.

50. Галданова Г. Р. Популярное вероучение монгольского буддизма как фактор ценно-нормативного регулирования в обществе // Цырендоржиевские чтения - 2000 : сб. науч. ст. Киев : [Стилос].

51. Галданова Г. Р. Цэдэгэ Самданов о ламаизме агинских бурят // Культура Центральной Азии: письменные источники : научное издание / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2000. Вып. 4. С. 101-110.

52. Обряды в традиционной культуре бурят / [Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова] ; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. М. : Вост. лит., 2002. 222 с.

53. Галданова Г. Р. Материалы экспедиции в Закаменский, Тункинский, Баргузинский р-ны Бурятской АССР. 1974 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ОФ. Оп. 1. Д. 2265. 221 л.

54. Герасимова К. М., Ванчикова Ц. П., Содномопилова М. М. Памяти Галины Ринчиновны Галдановой – заслуженного деятеля науки Республики Бурятия // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 5 : сб. ст. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 3-19.

УДК 130.2

Савелова Е. В., г. Хабаровск, Россия

Savelova E.V., Khabarovsk, Russia

ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ О КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

GEORGY GACHEV ABOUT THE NOMADIC CULTURE IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH

В статье представлены некоторые идеи философа и культуролога Г.Д. Гачева о кочевой культуре. Г.Д. Гачев, с одной стороны, является продолжателем идей цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского, а с другой, развивает его мысли в своем оригинальном ключе. На примере культуры кочевников показаны особенности понимания Г.Д. Гачевым цивилизации и культуры.

The article presents some ideas of the philosopher and culturologist G.D. Gachev about the nomadic culture. G.D. Gachev, on the one hand, is a continuer of the ideas of the civilizational approach of N.Ya. Danilevsky, and on the other hand, he develops his thoughts in his own original way. On the example of the nomadic culture, the features of G.D. Gachev's understanding of civilization and culture are shown.

Ключевые слова: кочевая культура, цивилизация, цивилизационный подход, концепция Г.Д. Гачева, концепция Н.Я. Данилевского.

Keywords: nomadic culture, civilization, civilizational approach, G.D. Gachev’s conception, N.Ya. Danilevsky’s conception.

Цивилизационный подход – направление в зарубежной и отечественной гуманитарной мысли, возникшее не так давно, в XIX в., но оказавшее существенное влияние на концепции ряда выдающихся современных мыслителей. История развития цивилизационного подхода включает много имен, таких как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, Л.Н. Гумилев, К.Н. Леонтьев.

Однако до сих пор дискуссии о специфике этого подхода не утихают, подчеркивая проблемный характер его теоретического определения. В XX в. исследователи в области культуры, философии, истории, социологии продолжают спорить о целях и задачах цивилизационного подхода, методологии его осуществления, прогностическом потенциале, корреляции с историко-культурным и другими подходами. Даже отнесение или самоотнесение того или иного автора к цивилизационному подходу является до сих пор дискуссионным.

Одним из «столпов» цивилизационного подхода в XIX в. является известный русский ученый, историк Николай Яковлевич Данилевский, разработавший концепцию «культурно-исторических типов», которые действуют в истории и влияют на ее ход [7]. Эта концепция с самого начала вызвала бурные дискуссии, вплоть до полного неприятия, особенно в российской гуманитарной мысли. Однако, тем не менее, многие европейские мыслители уже XX в. (О. Шпенглер [9], А. Тойнби [8] и др.) формировали свои идеи на ее основании.

Так, представляет большой интерес исследовательский опыт российского культуролога, литературоведа, философа-эстетика Георгия Дмитриевича Гачева, который рассматривал варианты национальных культур, оценивая их своеобразие через созданный им метод описания «образов мира» как «метаязыка четырех стихий». Работы Г.Д. Гачева [1; 2; 3; 4; 5], при всем их своеобразии и эвристичности, являются продолжением и развитием цивилизационной логики Н.Я. Данилевского, представленной им в книге «Россия и Европа». Г.Д. Гачев высоко ценил размышления Н.Я. Данилевского и считал их актуальными и непревзойдёнными сегодня («попытался именно умом Россию понять (в нарушение тютчевского запрета), и неоценимо его усилие в этом направлении»). Г.Д. Гачевым написано несколько этюдов о наиболее значимых русских религиозных философах. К ним он относит и Н.Я. Данилевского, называя его «толковым реалистом и деятелем, неутомимым шелкопрядом ткани русской цивилизации» [6, с. 37]. Как отмечает Г.Д. Гачев, в силу собственной национальной ограниченности, нам трудно дается понимание культуры другого народа, другой логики, другого национального Логоса. И тем самым Г.Д. Гачев продолжает размышления Н.Я. Данилевского, но уже в своем неповторимом ключе. А многие проблемы, над которыми размышляет Г.Д. Гачев, оказываются не только

актуальными в свое время, но и перекликаются, почти провидчески, с проблемами сегодняшнего дня. «Национальное – стало жгучей проблемой в современном мире. Политики разжигают национализм и торопятся практически «решать», не подозревая, с какой многослойной толщей бытия и культуры тут приходится иметь дело...» [2, с. 5].

В 1988 г. была напечатана знаменитая книга Г.Д. Гачева «Национальные образы мира» [4], после которой исследователь продолжил работу по анализу этнических моделей культур (их было создано более 20). Каждую выбранную этническую культуру Г.Д. Гачев рассматривает как сложно организованную систему, содержательными характеристиками которой являются ментальность народа, его язык, индивидуальный образ его этно-национального мышления и т.д.

Философско-культурологический исследовательский метод Г.Д. Гачева (названный им Космософией) предполагает изучение национальных образов мира, данных через а) особенности ландшафта, флоры и фауны; б) конкретные смыслы терминов; в) идеи науки и философии; г) образы литературы и искусства; д) быт. Можно проследить пересечение некоторых идей Г.Д. Гачева с О. Шпенглером, изучавшим стили культуры и первым описавшим прасимволы различных народов. Однако Г.Д. Гачев вместо стилей, т.е. готового произведения, изучал то, что обуславливает их появление, – мироощущение народа.

Культуры можно классифицировать согласно четырем вариантам КОСМОСА. У Гачева эти космосы выглядят так.

Космос Бытия – Европа. «Человек – мера всех вещей». Уют, комфорт, приспособление бытия к человеку, познание бытия, как оно есть.

Космос При-бытия – Америка. В Америку все при-были, и стремится она к при-были. Человек живет ради прибавления к Бытию денег, имущества и т.д.

Космос Пре-бытия – Восток. Поклонение силам, которые выше Бытия и которые определяют собой Бытие, прославление сверх-Бытия. Несколько измерений мира, трансцендентность, трансперсональность.

Космос У-бытия (Из-бытия, рассеянного Бытия) – Россия.

Всего много, поэтому ничего не жаль. Нужно из-быть жизнь, расплескать горе-тоску. Люди ищут расслабления, рассеяния, истаянья в периферии в ничто... Люди хотят делать Ничего. Инициатива наказуема.

При этом каждая культура есть КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС, т.е. триединство ландшафта, национального характера и мышления. В каждой культуре выделяется ПРИРОДИНА (Природа + Родина), КЕСАРЬ (государство, верх) и НАРОД (низ). Каждая культура состоит из четырех элементов, расположенных по-разному, т.е. с различным преобладанием этих элементов. Далее Г.Д. Гачев анализирует каждую конкретную национальную культуру, используя при этом множество параметров и приводя в пример огромное количество тончайших деталей, подробных описаний культурных артефактов, ситуаций, религиозных и художественных процессов, наблюдений за языковыми особенностями.

По мысли философа, элементы национального образа мира: пространство и время, вертикальное и горизонтальное измерения, ориентировки, мужское и женское, растительный и животный символизм, «ургия» и «гония», основные вопросы и прочее существуют в каждом конкретном варианте. Можно присовокупить и другие важные элементы, по которым различаются национальные миросозерцания.

Так, например, даже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди разных народов выражают свои «символы веры», подчеркивают, что ценно для них в существовании. Для русских – здоровье («Здравствуйте!» – «Желаю вам здоровья»), для англичан и американцев – работа, труд («How do you do?» – «Как вы делаете?»), для иудеев – мир («Шалом!» – «Мир!»), для итальянцев – стабильность, статика, вертикальное измерение бытия («Come sta?» – «Как стоишь?», «Wie geht' s?» – «Как идется?»), для французов и германцев – движение, динамика («Comment ça va?» – «Как это (нечто) идет?», «Wie geht' s?» – «Как идется?»).

Обращаясь к особенностям культурологических идей Г.Д. Гачева о кочевой культуре, приведем важные, на наш взгляд, слова: «Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления: какой «сеткой координат» данный народ

улавливает мир и, соответственно, какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, и составляет национальный образ мира. Плодами истории являются как цивилизация, общая для всех и способная переноситься и строиться, так и культура, которая вырастает. Цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, возможность взаимопонимания, а с другой – красота разнообразия» [5, с. 44].

Итак, культурное различие кочевого и земледельческого образов жизни заключается в особом мировоззрении и складе мышления, определяется своей шкалой ценностей и понятий, своей символикой даже обычных бытовых вещей. Приведем примеры некоторых характерных черт кочевой культуры, отмеченных Г.Д. Гачевым.

Так, например, кочевники-скотоводы длительное время сохраняли уклад жизни, поведения и миропонимания, которые еще с первобытных времен были основой их культуры. У народов-скотоводов «модель-образец» культуры – животное, а у земледельцев – растение, и соответственно у кочевников значительна «не земля, а надземие, не вертикаль, но горизонталь-плоскость, по которой снуют, по нагорьям-плоскогорьям срединного пояса Азии» [3, с. 156]. Г.Д. Гачев приводит суждение этнографа, изучавшего культуру бедуинов, о месте верблюда в их жизни и сознании: «...классификация этих животных по возрасту, полу и качеству включает свыше ста терминов, а слова “верблюд” и “красота” происходят от одного корня» [3, с. 176]. Эти слова подтверждают зооморфный характер скотоводческой культуры, ее тесную связь с живой природой, утраченную другими народами в ходе их развития и выбора цивилизационного пути.

Г.Д. Гачев отмечает как плюсы, так и минусы кочевой культуры, в сравнении с оседлой, привязанной к земле. «Кочующий коллектив отличается от земледельческого, как животное, которое обладает самодвижением и свободно от окружающей среды, отличается от растения, которое навеки приковано к своему месту. Кочевой народ – это “перекати-поле”: действительно, “все свое носит с собой”» и ни от чего в этом смысле не зависит... Вот почему кочевые

племена представлялись последующему сознанию оседлых народов как символ свободы» [3, с. 127-128].

Но эта свобода кочевого народа от окружающих обстоятельств, продолжает Г.Д. Гачев, является одновременно величайшей несвободой и рабством. У него ничего нет, и он, пусть через стадо, пасется и зависит от плодов природы. Кочевникам свойственно движение в пространстве, но не во времени, и это движение не останавливается, не закрепляется, не дает пустить корни и развиваться. Дольше всего кочевое бытие сохранялось в армии.

Народы, ведущие кочевой образ жизни, были далеки от цивилизационного пути с его территориально закрепленными и очерченными крепостными ограждениями городами, монументальной архитектурой, системой управления, образования и обучения ремеслам, повседневным городским бытием. Кочевье предполагало иную структуру жилища – мобильную и легкую (юрта, повозка, кибитка). Поэтому изба и юрта представляют собой совершенно разные модели мира.

В искусстве кочевых народов присутствовала только мелкая скульптура, прикладное и ювелирное искусство, связанное с воинской одеждой, оружием, убранством коней. Отдельную важную часть художественной культуры кочевников представляло искусство изготовления ковров из войлока с использованием техники аппликации. Их изготавливали отнюдь не в эстетических целях, а в прагматических: для убранства внутри жилищ, завешивания стен, покрытия полов, то есть они имели исключительно прикладное значение. Однако эти особенности искусства приобретают совсем другой смысл, если учесть, что сознание кочевника, как и кочевое общество в целом, полностью свободно, произвольно в отношении к природе, и в то же время находится в рабской зависимости от нее, поскольку, как пишет Г.Д. Гачев, «они еще не связаны друг с другом конкретно, через третье – через созидание остающейся (а не потребляющейся) вещи» [3, с. 131]. Также и бесписьменность у кочевых народов объясняется тем, что практическое обучение основам скотоводства и воинского дела не нуждалось в текстовой фиксации, а в связи с образом жизни отсутствовала возможность хранения этих текстов.

Таким образом, в основных характеристиках кочевой культуры, данных Г.Д. Гачевым, мы видим ее обособление от культуры оседлой, земледельческой, отсутствие признаков цивилизации, раз-

витие по своему особому историческому пути.

В заключение отметим, что свою философию культуры Г.Д. Гачев разрабатывал на протяжении всей жизни. Вводя понятие «большого симфонического оркестра» народов мира, Г.Д. Гачев акцентирует мысль о культурной миссии каждого, отдельно взятого народа, чья судьба и исторический путь уникальны, своеобразны. Однако все эти народы взаимно дополняют друг друга, создавая культурное единство человечества. Поэтому у них нет причин для конфликтов и вражды. Из этого следует, считает Г.Д. Гачев, что мы должны любить другие народы не потому, что они такие, как мы, а за то, что они другие, чем мы. Познавать чужую культуру нужно так, чтобы узнавать в ней новое, непохожее и, принимая это «не моё» как своё, становиться душевно богаче, гармоничнее и счастливее, «питать друг друга смыслами» [1, с. 423].

Примечания

1. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М. : Акад. проект, 2007. 510 с.

2. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М. : Эксмо, 2008. 541 с.

3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.

4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. М. : Академия, 1998. 432 с.

5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М. : Советский писатель, 1988. 455 с.

6. Гачев Г. Д. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М. : Новости, 1991. 272 с.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и комм. А. В. Белова ; отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М. : Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

8. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. В 2 т. Т. 1 : Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. 666 с.

УДК 378.6(571.54-25)

Перова Е.Ю., г. Улан-Удэ, Россия

Perova E.U., Ulan-Ude, Russia

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

TRADITIONAL CULTURE IN THE THEORY AND PRACTICE OF HIGHER EDUCATION

Вузы культуры, в тесном взаимодействии с другими образовательными организациями и научными учреждениями, активно реализуют принципы этнокультурного образования через научно-исследовательскую, творческо-исполнительскую и общественную деятельность. В их числе: участие в работе общественных объединений, экспертная деятельность по разработке документов в области этнокультурного образования, создание научно-методической и учебно-методической базы, участие в различных программах и проектах этнокультурной направленности и многое другое.

Cultural universities, in close collaboration with other professional educational organizations and research institutions, actively implement the principles of ethnocultural education through research, creative, and social activities. These include participation in public associations, expert activities in the development of documents in the field of ethnocultural education, the creation of scientific-methodological and educational-methodological resources, participation in various ethnocultural programs and projects, and much more.

Ключевые слова: государственная национальная политика, традиционная культура, этнокультурное образование, образовательные программы, творческие проекты.

Keywords: state national policy, traditional culture, ethnocultural education, educational programs, creative projects.

Поддержание этнополитической стабильности сегодня является ключевым вызовом для России, который осложняется не только геополитическими трансформациями, но и внутренними факторами, среди которых миграционные процессы и проблемы в межнациональном и межконфессиональном диалоге.

Основными задачами государственной национальной политики России определены: обеспечение равноправия граждан и реализации их конституционных прав, укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации, обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений, содействие этнокультурному и духовному развитию народов нашей страны.

Очевидна прямая связь между целями государственной национальной политики, положениями Стратегий национальной безопасности и культурной политики России. В этих стратегических документах выделены угрозы, связанные с утратой традиционных ценностей и единства нации. Именно поэтому, межнациональное согласие и этнокультурное многообразие являются сегодня ключевыми факторами, обеспечивающими стабильность и безопасность государства. Достижение целей государственной национальной политики возможно только при условии системной и сбалансированной работы, в которой принимают участие все заинтересованные субъекты.

Особая роль в этом процессе отводится системе образования как важному институту формирования ценностей, культурной и гражданской социализации молодежи. Это закреплено за направлением государственной национальной политики – в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ: совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности; совершенствование системы обучения в образовательных организациях в целях сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре,

мировым культурным ценностям; подготовка, профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров с учетом этнокультурных и региональных особенностей [1].

Многонациональный состав Республики Бурятия (более 120 национальностей по переписи 2020 года) и длительный процесс межэтнической интеграции основных групп населения (русские, буряты, татары, украинцы) способствовали сохранению и взаимообогащению их культур, что стало важным фактором поддержания межнациональной стабильности в регионе. Значительная роль в поддержании этнокультурного многообразия и развитии уважительного отношения к представителям различных национальностей принадлежит системе образования.

Восточно-Сибирский государственный институт культур уделяет особое внимание работе с молодежью, направленной на изучение, сохранение и популяризацию традиционной культуры и этнокультурного наследия, укрепление межнационального диалога и пропаганду гражданских и традиционных ценностей.

Создание первого регионального вуза культуры – Восточно-Сибирского библиотечного института в 1960 г. (сегодня Восточно-Сибирский государственный институт культуры) являлось важнейшим этапом реализации государственной программы культурного строительства на территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера. Необходимо подчеркнуть, что это было взвешенное государственное решение, направленное как на подготовку кадров, необходимых для создания сети учреждений культуры, так и на формирование региональных национальных элит, поддержание и сохранение традиционной культуры коренных народов [2, с. 108]. С этими задачами вуз успешно справляется на протяжении 65 лет, играя весомую роль в сохранении и развитии уникального социокультурного пространства обширной части региона Евразии, включающей в себя как национальные республики – Бурятия, Тыва, Хакассия, Саха (Якутия), так и Алтайский, Забайкальский края и Иркутскую область. Многие годы вуз готовил специалистов для Монголии, а в последние десятилетия – Китайской Народной Республики.

Значительный опыт ВСГИК в изучении и популяризации традиционной культуры народов Бурятии успешно интегрирован в

образовательные программы и различные виды деятельности, включая научные исследования, творческие проекты и воспитательную работу.

В рамках образовательной деятельности большое значение отводится содержанию реализуемых образовательных программ. При этом, переход на уровневую подготовку и ФГОС ВО нового поколения и упразднение понятия «национально-региональный компонент» не привели в вузе к отмене потребности в этнокультурном образовании и исключению из учебных планов дисциплин и модулей, предметом изучения которых является традиционная культура. Подготовка конкурентоспособных кадров, обладающих компетенциями в сфере национально-культурных различий, представляет собой одну из приоритетных задач, решаемых вузом посредством реализации образовательных программ, научно-исследовательских и творческо-исполнительских проектов.

Сегодня во ВСГИК реализуется 58 образовательных программ по 37 направлениям подготовки и специальностям по всем уровням высшего образования. В образовательных программах бакалавриата и специалитета, где особое внимание уделяется балансу теоретической и практической подготовки к будущей профессиональной деятельности, значительный объем этнокультурного компонента предусмотрен по направлениям подготовки: 50.03.04 Теория и история искусств, 51.03.02 Народная художественная культура, 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного и наследия, 52.03.01 Хореографическое искусство, 53.03.02 Музыкально-инструментальное искусство, 53.03.04 Искусство народного пения, 54.03.02 Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы, 52.05.04 Литературное творчество. Во всех других образовательных программах вуза этнокультурный компонент также присутствует, но, как правило, внутри тем и разделов.

Образовательные программы предусматривают изучение буддийского искусства, обрядовой культуры, народных праздников и народного песенно-танцевального творчества русских, бурят, якутов, эвенков, хакасов, тувинцев и других народов, народных музыкальных инструментов и традиционных костюмов, а также фольклорно-этнографическая (экспедиционная) практика, ведется внеурочная и проектно-исследовательская деятельность, включая

курсовые проекты и выпускные квалификационные работы, посвященные региональной проблематике.

Магистратура во ВСГИК является своеобразной научной лабораторией, где студенты с первых лет обучения включены в научно-исследовательскую работу по изучению различных аспектов теории, истории и практики традиционной культуры. Сегодня по этой научной проблематике ведется обучение по таким образовательным программам, как «Теория и история искусств», «Региональная культурная политика и социокультурное проектирование», «Образование в области декоративно-прикладного творчества и руководство организацией НХК», «Культура Азиатско-Тихоокеанского региона», «Проектирование музейных рекреационно-образовательных программ», «Проекти-рование по реконструкции историко-культурного наследия», «Декоративно-прикладное искусство в буддийской культуре».

Проблемы сохранения и развития уникального этнокультурного пространства нашего региона исследуются кафедрами культурологии и искусствоведения, музеологии и наследия в рамках реализации образовательных программ по подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научным специальностям: 5.10.1 Теория и история культуры, искусства, (руководитель программ – д.культурологии М. В. Амгаланова), 5.10.2 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов и 5.6.1 Отечественная история (руководитель программ – д.и.н. И. С. Цыремпилова).

Сегодня вузом обозначены новые перспективы в подготовке профессиональных кадров, которые позволяют отвечать региональным потребностям и задачам по созданию креативного кластера в республике. Вузом запущены новые образовательные программы, такие как: «Проектирование туристского продукта в креативной индустрии», «Креативные технологии сервиса в индустрии гостеприимства», «Арт-бизнес», «Технологии креативных индустрий», «Информационно-аналитическая деятельность в цифровой среде», «Цифровой дизайн», «Художественное проектирование изделий ДПИ», «Проектирование по реконструкции историко-культурного наследия», «Декоративно-прикладное искусство в буддийской культуре». Содержание этих программ предусматривает формирование

профессиональных компетенций по созданию креативного продукта, в котором сочетается тот или иной предмет традиционной культуры и новые технологии его проектирования, создания, продвижения и т.д.

ВСГИК имеет опыт практической подготовки и проектной деятельности студентов кафедры декоративно-прикладного искусства на базе Центра прототипирования, который создан в вузе в 2022 году в рамках федерального проекта «Придумано в России». Результаты этого сотрудничества уже представлены на различных региональных и федеральных площадках и получили самые положительные отзывы в республике и за ее пределами. Одним из значимых проектов стало создание реквизита для кинопроекта «Коралловые бусы» в виде набора женских украшений. Эскиз, в основе которого были использованы элементы традиционных бурятских орнаментов, был разработан студенткой 3 курса направления «Декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы» Ланиной Анастасией. Под руководством ст.преподавателя кафедры Б. В. Надмитова, специалистов Центра студенты отрабатывали навыки работы с металлом при изготовлении национальных украшений, получили ценный опыт практики в ручной ювелирной обработке от эскиза до готового изделия.

За последние три года преподавателями вуза подготовлено собрание уникальных учебных пособий по этнокультурной тематике («Культура и фольклор народов Центральной Азии», «Искусство Бурятии», «Фольклористика», «История кино Бурятии», «Бурятский танец», «Бурятский язык» и др.). Региональная специфика отражена в темах курсовых и выпускных квалификационных работ студентов, результаты которых успешно применяются в региональных учреждениях культуры.

Одним из ключевых направлений в научно-исследовательской работе является изучение традиционной культуры народов Восточной Сибири с целью сохранения и дальнейшего развития их лучших образцов. Среди тем исследования выделены генетические и социологические проблемы художественной культуры, проблемы исполнительства в традиционной художественной культуре (музыкальной, хореографической, инструментальной, обрядово-праздничной и др.), место и функции традиционной культуры в

современном культурном и образовательном процессе и др. Под руководством д.и.н., проф. Н.Б. Дашиевой научно-исследовательская лаборатория истории и теории культуры провела комплексную оценку сохранности танцевальной, певческой, обрядово-праздничной и игровой культуры Бурятии, включая этнографический анализ традиционного календаря. Результаты исследований отражены в 15 монографиях и 13 выпусках совместного с Институтом этнологии и антропологии РАН издания «Сибирь: этносы и культуры» [3, с.26] . Монография Н.Б. Дашиевой «Календарь в традиционной культуре бурят. Опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования» удостоена Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники за 2016 год в номинации «Гуманитарные науки». К наиболее значимым научным мероприятиям следует отнести международные научно-практичес-кие конференции «Байкальские встречи» и «Культурное пространство России и Монголии», интеграционный международный проект по исследованию и сохранению культуры, быта и истории кочевых народов «Древо культуры» (Южная Корея, Монголия, Россия) и др.

Этнокультурное разнообразие России – важная культурно-историческая особенность страны, и творческие проекты вуза играют ключевую роль в ее региональном представлении. Современные и экспериментальные работы творческих коллективов вуза способствуют сохранению и популяризации этнокультурных традиций, демонстрируя богатство культурного наследия на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

К популярным и известным музыкальным коллективам ВСГИК относятся: концертный русский оркестр «Забайкалье» (создан в 1993 г.), в репертуаре которого оригинальные сочинения для русского оркестра, обработки народных мелодий; оркестр бурятских народных инструментов **(**основан в 1995 г.), занимающий свою нишу в деле популяризации этнической музыки, оригинальных сочинений бурятских композиторов; ансамбль народной музыки и танца «Сибирский сувенир», своеобразие которого определяется тем, что он обращается к фольклорным традициям, идущим от разнообразного музыкального и танцевального творчества народов Восточной Сибири (бурят, тувинцев, хакасов, эвенков, алтайцев, русских казаков и старообрядцев); студенческий фольклорный коллектив «Ульгэр» в репертуаре которого бурятские народные песни

разных регионов Бурятии, Иркутской области, Забайкальского края, а также шэнэхэнских бурят, проживающих на территории Китая.

Многонациональный состав студенческого сообщества ВСГИК является определяющим фактором в организации воспитательной работы, в рамках которой проводятся фестивали, конкурсы, концертные мероприятия и программы, посвященные национальным праздникам и традициям. Для различных возрастных групп, включая детскую аудиторию, преподаватели и студенты разрабатывают и реализуют творческие проекты, среди которых «Сагаалган», «Масленица», «Байкальский хоровод», «Троица». Среди студенческих проектов выделяется молодёжный этнофорум «Сибирский каравай» как образовательная, просветительская этнокультурная площадка для творческого общения молодежи Бурятии.

Этнокультурное образование это процесс становления, социализации, воспитания личности на этнокультурных традициях, сочетающий моноэтническую глубину и полиэтническую широту постижения родной культуры. Содержательная основа этнокультурного образования базируется на комплексном освоении этнокультуры с доминантой на ее системообразующих элементах - языке и народной культуре.

В республике остро стоит проблема сохранения бурятского языка, признанного ЮНЕСКО в 2005 году к категории исчезающих языков. ВСГИК принимает активное участие в реализации мероприятий по сохранению бурятского языка и культуры через подготовку кадров, разработку учебных изданий, включение в олимпиадное движение и участие в различных мероприятиях. Так, по заказу Правительства Республики Бурятия на базе института ведется подготовка целевой группы студентов по специальности «Литературное творчество» специализация «Литературный работник, переводчик художественной литературы». Подготовлены и изданы: «Бурятский язык: учебник для русскоязычных студентов нефилологических вузов» (И. Б. Нимаева, к.п.н., доцент), «Угалза: сборник упражнений по бурятскому языку: учебно-методическое пособие» (Э. С. Доржиева, к.филол.н., доцент), «Бурятский исторический фольклор: учебное пособие» (А. В. Исаков, преподаватель, аспирант отдела литературоведения и фольклористики ИМБиТ СО РАН). Отдельно хочется отметить сборник переводов «Бурятская детская драматургия». Над

переводами пьес, вошедших в сборник, работали студенты и преподаватели кафедры литературы и языкознания ВСГИК. Автор обложки и иллюстраций – художница Саяна Бато-Очировна Цыренова. В книгу вошли переводы избранных произведений бурятской детской драматургии конца XX – начала XXI века.

Таким образом, содержание реализуемых во ВСГИК образовательных программ, наука и творчество, процесс воспитания молодежи позволяют организовать обучение в вузе как целенаправленный педагогический процесс приобщения обучающихся к этнической культуре народов, проживающих в регионе. Многоплановая деятельность вуза свидетельствует о наличии эффективных механизмов, форм и методов, направленных на сохранение и изучение традиционной культуры, популяризацию гражданских и традиционных ценностей в молодежной среде.

Примечания

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL:// https:// ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:0 (дата обращения: 19.09.2024).

2. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Исторический опыт подготовки профессиональных кадров для сферы культуры и искусства в региональном вузе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 25. С. 106-115.

3. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Роль вуза культуры в сохранении этнокультурного многообразия региона // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5. С.22-28.

УДК 316.614:379.8

Бояк Т. Н., г. Улан-Удэ, Россия

Boyak T. N., Ulan-Ude, Russia

ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

POTENTIAL OF A TRADITIONAL FOLK HOLIDAY IN THE PERSONALITY'S SOCIALIZATION: POSSIBILITIES OF IMPLEMENTATION IN MODERN SOCIO-CULTURAL CONDITIONS

В научной статье освещается потенциал традиционного народного праздника в процессе социализации личности, осмысливаются возможности реализации данного потенциала в современных условиях посредством деятельности учреждений социально-культурной сферы. Необходимость приобщения молодого поколения к традиционной культуре рассматривается как важное условие сохранения стабильности, духовных, общечеловеческих ценностей в обществе.

The article highlights the potential of a traditional folk holiday in the process of socialization of the personality, and comprehends the possibilities of realizing this potential in modern conditions through the activities of the institutions of the socio-cultural sphere. The necessity to introduce traditional culture to younger generation is considered as an important condition for maintaining stability, spiritual, universal values in the society.

Ключевые слова: традиции, традиционный праздник, культура, общество, ценности, социализация, воспитание, личность, молодежь.

Keywords: traditions, traditional holiday, culture, society, val-

ues, socialization, education, personality, youth.

Вопросы социализации личности, поиска и внедрения эффективных технологий, способных оказать на нее положительное влияние являются значимыми во все времена, но требуют особого внимания в условиях динамично развивающегося информационного общества, испытывающего неоднозначное влияние не только цифровизации, но и ценностей рыночной экономики, процессов глобализации, урбанизации. В этих реалиях актуализируется задача сохранения общечеловеческих, традиционных этнических ценностей, как условия дальнейшей трансляции культурного наследия, сохранения самобытности, духовной целостности народов, страны.

Понятие «социализация» в обобщенном значении рассматривается в науке как процесс приобщения личности к нормам, ценностям общества, позволяющий успешно жить, самореализовываться в соответствии с принятыми в нем правилами, образцами [1, с. 478].

Характер процесса социализации личности определяется многими факторами, прежде всего, объективными. Первостепенность роли объективной реальности общества в процессах формирования ценностей, социализации индивида подчеркивается, в частности, Э. Дюркеймом [2].

Поэтому в контексте поиска и внедрения действенных механизмов воспитания, социализации личности, особенно необходимым является анализ объективно существующих реалий ее жизнедеятельности (осмысление состояния, проблем, задач, оптимальных путей решения).

В современном обществе все более выраженное влияние на социализацию личности оказывает интернет. В научной статье А.И. Ковалевой, И.А. Полуэхтовой отмечается, что «количество мобильных подключений по отношению к общей численности населения России составило 156,7%» (многие применяют более одного устройства) <...> «в среднем каждый российский интернет/пользователь проводит в сети ежедневно 7 ч 54 мин» [3, с. 198]. Являясь данностью времени, интернетизация носит как положительное, так и отрицательное влияние на жизнедеятельность,

мировоззрение, ценности индивида. Наряду с широкими возможностями в (коммуникация, обмен информации, доступ к культурным ценностям, удаленное ведение бизнеса и др.) интернет-пространство содержит в себе и существенные угрозы, дистанцирует человека от общества, углубляет индивидуализацию его сознания, препятствует формированию качеств коллективизма, социальной активности, ограничивает опыт общения, взаимодействия с людьми в реальном мире, что негативно отражается не только на характере деловой, межличностной коммуникации, но и на ценностях личности, ее психическом, моральном, физическом здоровье. А.В. Непомнящий, например, пишет, что влияние интернет обуславливает опасную тенденцию замещения в сознании личности естественного жизненного контекста цифровыми моделями, возникновения опасной (особенно для детского возраста) психологической зависимости от средств информационно-коммуникационных технологий [4, с. 9]. В качестве одного из следствий информатизации ученые фиксируют ослабление действенности механизмов трансляции обществом социальных норм, снижение целенаправленности, упорядоченности процесса социализации, появление новых видов девиации [3, с. 196].

Интерненизация во многом обуславливает и ориентированность современной молодежи на внеинституциональную досуговую самореализацию. Например, результаты анкетирования, проведенного нами в 2023 г. среди студенческой молодежи, обучающейся в вузах Бурятии, показывают, что наиболее практикуемыми в свободное время занятиями респондентов являются: общение с друзьями – 70%, прогулки – 60,5%, общение в интернет – 59,5%, поиск необходимой информации в интернет – 50,7%. Доля тех, кто, как правило, посещает учреждения культуры, ниже – 24,1% (хотя студенты ВСГИК, в силу специфики вуза, посещают учреждения культуры более активно – 43,9%). Еще меньше доля тех, кто проявляет выраженную социальную активность, качества коллективизма, занимаясь в свободное время общественной деятельностью – 12,9%.

В связи с имеющимися проблемами индивидуализации сознания молодежи, обращение к традиционной праздничной культуре, применению ее потенциала в социализации, воспитании

личности сегодня особенно важно.

Традиционный праздник представляет собой уникальный устойчивый социально-культурный институт, выполняющий многие социально-полезные функции: интеграция, сплочение людей, развитие и реализация творческих способностей, удовлетворение потребностей личности в общении (по данным опроса видно, что для молодежи общение со сверстниками является доминирующей досуговой ценностью), формирование качеств толерантности, уважения к старшему поколению, культурному наследию своего и других народов, повышение уровня коллективизма, нравственности, гражданственности, коммуникативной культуры личности. Осмысление положительного влияния праздника на личность и общество находит отражение в трудах многих ученых: М.М. Бахтина, А.И. Мазаева, А.Я. Флиера и др. Освещая социально-полезные функции, А.С. Ляховец, Н.Д. Мостицкая верно отмечают, что концентрированно представленные в празднике системообразующие механизмы способствуют сохранению, развитию культуры, а также созданию благоприятных условий для успешной социализации [5, с. 97].

Данные наших опросов студенческой и сельской молодежи Бурятии, проведенные в разные годы, показывают положительное отношение респондентов к ценностям традиционной культуры. Подавляющее большинство соблюдают так или иначе традиции, отмечают традиционные праздники в кругу семьи, проявляют к ним интерес. Это очень важно в контексте перспектив сохранения праздничных традиций, поскольку утрата интереса свидетельствовала бы об утрате интереса к лежащим в их основе ценностям [6].

Однако, многие традиции сегодня забылись, посещение молодежью организованных в условиях поселений традиционных праздников не характеризуется высокой степенью активности.

Важными задачами в связи этим являются системное планомерное приобщение личности к праздничной культуре народов, формирование привычки посещать мероприятия, основанные на традициях, с раннего детства. Существенную роль в реализации данной миссии предстоит выполнять учреждениям социально-культурной сферы (прежде всего, образовательным, культурно-

досуговым).

Одним из факторов успешной работы по приобщению молодого поколения к традиционной культуре выступает, на наш взгляд, компетентное привлечение учреждениями семьи в данный процесс, поскольку, с одной стороны, именно семья – ведущий, наиболее авторитетный для личности институт социализации, а с другой стороны, современная семья не всегда способна самостоятельно передать в должной мере знания о традициях народа, в связи с процессами их секуляризации в обществе, забвением многих традиций на семейно-бытовом уровне. Тут необходим поиск наиболее подходящих форм задействования семьи: привлечение к участию всех поколений семьи в народных праздничных играх, выполнение семейных заданий в рамках подготовки к праздничным мероприятиям, совместное приготовление традиционных праздничных блюд с информированием о истории традиций и др.

Организация традиционных праздников на высоком профессиональном уровне с широким убедительным информированием населения с помощью яркой выразительной рекламы также имеет важное значение.

Проводимые учреждениями традиционные праздники должны быть интересны современной молодежи, побуждать ее не к созерцательному (в качестве зрителей), к деятельному участию в мероприятиях. Поэтому программа праздника может включать в себя площадки, где молодые люди могут проявить себя, свои таланты: например, выставки фотоконкурсы работ молодежи по теме красоты родного села, региона, города, молодежные квесты-состязания, литературные челленджи по праздничным народным традициям и др.

Применение достижений цифровизации, световых инсталляций, декораций, технологий match moving (синтеза реального и виртуального миров) способны придать празднику особую выразительность, привлечь внимание молодежи, способствовать лучшему усвоению информации о традициях представителями данной динамичной прогрессивной группы.

Таким образом, традиционный народный праздник обладает существенным социализирующим, воспитательным потенциалом, компетентное применение которого учреждениями социаль-

но-культурной сферы способно оказать положительное влияние на сохранение, трансляцию традиционных, общечеловеческих ценностей в обществе.

Примечания

1. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : НОРМА-ИНФРА. 1999. 672 с.

2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. 4-е изд., испр. М. : Юрайт, 2019. 308 с.

3. Ковалева А. И., Полуэхтова И. А. Социализация личности в информационном обществе // Информационное общество. 2022. № 3. С. 195-206.

4. Непомнящий А. В. Роль цифровых моделей жизненного контекста в процессе социализации личности // Культура. Наука. Интеграция. 2017. № 1(37). С. 9-15.

5. Ляховец А. С., Мостицкая Н. Д. Праздник в малом городе как институт социализации // Вестник МГУКИ. 2011. № 4. С. 96-101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-v-malom-gorode-kak-institut-sotsializatsii (дата обращения: 06.06.2024).

6. Жигульский К. Праздник и культура. М. : Прогресс, 1985. 336 с.

УДК 394.2(571.54)(=161.1)

Назаров В. К., Добрынин С. А., г. Улан-Удэ, Россия

Nasarov V. K., Dobrynin S. A., Ulan-Ude, Russia

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

FESTIVE CULTURE OF THE OLD BELIEVERS (SEMEYSKIYE) OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

В статье рассматриваются особенности праздничной культуры старообрядцев (семейских), при этом отмечается, что старообрядцы, волей царских властей высланные в Забайкалье, принесли с собой и сохранили традиционную культуру, которая уходит своими корнями в допетровские времена. В тексте представлена аналитическая оценка роли праздника в сохранении традиционной культуры семейских, проживающих в Республике Бурятия.

The article examines the features of the festive culture of the Old Believers (Semeyskiye) noting also that the Old Believers, having been exiled to Transbaikalia by the tzar, brought and preserved the traditional culture dating back to pre-Peter times. The article presents the analytical assessment of the holiday role in preserving and developing the festive culture of the Semeyskiye living in the Republic of Buryatia.

Ключевые слова: старообрядцы (семейские), праздничная культура, народный праздничный календарь.

Keywords: Old Believers (Semeiskiye), festive culture, folk holiday calendar.

Россия занимает большую часть Евразии, ее население – это синтез более 160 этносов. Среди них немаловажное место принадлежит русским, чья ведущая роль в формировании российского государства и уникальной национальной культуры несомненна. Этому феномену неоднократно посвящали свои исследования выдающиеся российские мыслители и ученые, такие как, Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, М.С. Каган, Д.С. Лихачев, П.А. Сорокин и другие.

Огромную роль русские сыграли в освоении Сибири в XVII-XVIII вв., она значима не только в военно-политическом отношении, но и в отношении культурного развития автохтонных народов этих обширных территорий. Как свидетельствует история, после появления русских первопроходцев, в Сибири, разумеется, имели место различные по масштабу столкновения между коренным населением и вооруженной силой казаков, осваивающих эти земли. Но, по мере крестьянской колонизации края, устанавливались добрососедские отношения, что во многом объясняется ментальностью русских и коренного населения, и тем, что в обстановке суровых природных условий люди могли выжить только при поддержке друг друга. Поэтому, между коренными жителями и русскими первопроходцами формировались взаимопомощь, стремление жить в мире. Существенное значение имели торговые отношения, взаимообмен хозяйственным опытом, взаимопонимание духовных смыслов и ценностей.

Русские привнесли в Забайкалье свою, в первую очередь, земледельческую и ремесленную (производственную) самобытную культуру, оказавшую существенное влияние на традиционный образ жизни аборигенов. С другой стороны, длительное взаимодействие с местным населением – эвенками, сойотами и бурятами, привели к появлению в русской культуре специфических особенностей. В дальнейшем все это получило статус сибирской культуры русских.

Заселение русскими Забайкалья началось в XVII в. Первыми представителями русского этноса здесь стали казаки. Они основали Баргузинский, Удинский, Селенгинский и другие остроги, которые определяли закрепление русских первопроходцев на новых землях.

Другое сообщество русских, называемое семейскими, появилось здесь в результате гонений на приверженцев древлеправославной (старообрядческой) веры, которые были высланы Екатериной II из Польши, Белоруссии и других мест их проживания в XVIII в. Основной целью властей было наращивание численности на осваиваемых территориях земледельческого, хлеборобского населения для обеспечения потребностей служилых людей в хлебе. Высылались они семьями, отсюда и закрепилось это название «семейские». Семейские отличаются физическим и духовным здоровьем, необыкновенным трудолюбием и творческой одаренностью, стойкостью и

упорством в преодолении жизненных невзгод. Они высоко ценят надежность и верность в дружбе, проявляют отвагу и смелость в борьбе с врагом [1, с. 5].

Следует отметить, что семейские успешно адаптировались и закрепились в новых местах проживания. В настоящее время в Бурятии семейские составляют особые ареалы их проживания в Тарбагатайском, Бичурском, Мухоршибирском, Заиграевском районах. Многие семейские, уже в советское время, закрепились в столичном центре республики – Улан-Удэ.

Главной особенностью этого субэтноса является то обстоятельство, что семейские выступают как носители изначального пласта русской культуры, имеющего свои истоки в Московской Руси, задолго до реформ патриарха Никона. Это было время, когда все население исповедовало изначальные византийские каноны православия, которые, в свою очередь, диктовали уклад жизни. Никонианские реформы привели к расколу русской православной церкви, часть которой, во главе с протопопом Аввакумом, не приняла нововведений и отстаивала право жить по «древней вере». «Раскольники», так называли (и называют) русских старообрядцев, сохранили религиозные смыслы, ценности и нормы, получившие название «древлее православие». «Древлее православие или старообрядчество – совокупность религиозных организаций и течений в русле русской православной церкви, отрицающие предпринятую церковную реформу в 1650-1660-х гг. патриархом Никоном при поддержке царя Алексея Михайловича. По итогам реформ все было приведено к единообразию структуры и формы богослужебного чина Русской церкви. Сторонники старых обрядов принадлежали к малочисленной религиозной конфессии, не являющейся господствующей в стране. Она подвергалась жестоким гонениям» [2, с. 78].

В связи с гонениями, которые осуществляли никонианцы при абсолютной поддержке властей, в XVII в. старообрядцы вынуждены были переселиться на территорию Белоруссии, Польши и Украины. Здесь они начали осваивать новые земли, развивать соседские отношения с местными жителями. Однако, в XVIII в. с ними произошли судьбоносные и радикальные перемены экзистенциального характера. С целью освоения и заселения Сибири русскими, императрица Екатерина II насильственным путем, в сопровождении военных, от-

правила старообрядцев в эти суровые края. Переселение осуществлялось целыми семьями, поэтому в народе их стали называть «семейские». В словаре В. Даля это слово так и объясняется: «Забайкальские раскольники, переселенные семейно».

Оказавшись в новых условиях жизни, среди представителей других этносов и конфессий, семейские досконально сохраняли свои обычаи, традиции и обряды. В то же время, в XIX в. – начале XX в., под воздействием социально-культурных трансформаций, происходивших в Российской империи, жизнь этого субэтнического сообщества русских так же испытывала изменения во внерелигиозной сфере, при этом основные религиозные устои, в целом, сохранялись, что и отличало их от основной массы русского старожильческого населения края, не говоря уже о коренных этнических социумах.

В жизни семейских самым главным оставался труд ради сохранения жизнеспособности семьи. Однако, староверы не только старательно трудились, но также, от всей души, отмечали праздники. В основном, праздничные события происходили по окончании полевых работ, уборки урожая, забоя скота и т.д. Большинство праздничных акций совпадало с датами религиозного календаря.

В праздничных действах семейских особая роль отводилась хоровым песнопениям и религиозного, и светского характера. «Певческое искусство старообрядцев Забайкалья (семейских) – одна из ярких страниц отечественной музыкальной культуры. Оно имеет ярко выраженный самобытный характер, характеризуется многовековой устойчивостью музыкально-фольклорных типов (мелодических, ритмических, ладовых, фактурных), способов исполнения. Все, кто впервые сталкивается с пением семейских, отмечают его оригинальность, отсутствие прямых аналогов в русском народном музыкальном творчестве [3, с. 65]. Вполне логично, что решением ЮНЕСКО народно-певческая культура старообрядцев Тарбагатайского района Бурятии была объявлена в 2012 г. «шедевром устного нематериального культурного наследия человечества».

Праздничный календарь старообрядцев практически совпадает с основными событиями народного и религиозного календаря русского народа, где четко обозначены соответствующие дни для работы и отдыха. Следует отметить, что в XVIII в., после переселения старообрядцев в Сибирь, в их праздничном календаре произо-

шли некоторые изменения, которые определялись новыми условиями жизни. Ниже описаны большие и малые праздники семейских. Все они изначально носят религиозный характер. При анализе календарной праздничной культуры семейских была использована научная работа Ульяновой О.Н. «Народный календарь семейских» [4].

Стабильная часть календаря

Самый известный праздник в мире **Новый год** отмечается почти у всех народов. Безусловно, в зависимости от религиозных традиций или светских решений государства, он отмечается в разное время. Главное, что народы мира через этот праздник фиксируют летоисчисление своей истории.

Семейские так же отмечали Новый год, однако он проходил в строгих традициях допетровских времен. Во-первых, они не наряжали елку, она вообще отсутствовала. Во-вторых, не встречали Новый год именно в двенадцать часов ночи, как это было принято у русских старожилов и казаков. Праздник проходил у семейских ближе к вечеру и без церемоний и ритуалов, которые в свое время внедрил Петр I. На Новый год у семейских был богатый стол с вкусной и обильной пищей. Такой стол являлся символом хорошей и обеспеченной жизни в течение всех последующих двенадцати месяцев. Накануне прихода Нового года семейские осуществляли гадания на воде. В какую-нибудь емкость наливали несколько ложек воды. Если к утру вода испарялась полностью, то предполагалось, что кто-нибудь может покинуть дом: или уйдет, или умрет. Соответствующие процедуры гадального характера, именно в это время, осуществляли девушки. Так, в прорубь они опускали рукав верхней зимней одежды, затем поднимали его. Если рукав оставался просто мокрым, то суженый у этой девушки будет бедняк. Если же на рукаве появлялась белая изморось, то он будет богатым.

Следует отметить, что перед Новым годом, у семейских проводились так же другие обрядовые действия, установленные обычаем. Большую роль во встрече Нового года у семейских играл день недели, на который он выпадал. Самым плохим днем, в этом смысле, у них считался понедельник, предполагалось, что сам по себе год будет тяжелым, считалось, что за это время может случиться немало неприятностей, особо опасались смерти близких людей. Подобное

отношение к понедельнику уходит своими корнями в глубокую старину. У славян считалось, что понедельник связан с темной стороной жизни. Это был день, который «принадлежал» ведьмам, русалкам, лешим и другим представителям нечистой силы.

Целым праздничным комплексом были **Святки**, так называемые, святые дни, связанные с Рождением и Крещением Христа. Это первый праздник по окончании старого и начала нового года. Семейские начинали отмечать этот праздник с проведения сочельника. Как и Новый год, святки у семейских имеют языческие корни. Они определялись главным трудовым процессом старославянских предков русских – земледелием. Празднуя Святки, семейские использовали заклинания, магию и другие ритуальные действия (с их помощью они пытались определить свое будущее на ближайший год, повлиять на получение богатого урожая, обеспечить себе хорошую жизнь). **Сочельник** был связан с окончанием поста. Канун Рождества отмечался скромной трапезой. Также в этот день проводились шуточные обрядовые действия с участием подростков и взрослых. Особо больших мероприятий в сочельник не проводилось. **Праздник Рождества Христова** считается одним из главных двунадесятых православных праздников. Первый день рождественских торжеств принято было проводить дома, гулять было «грех». В этот день женщины занимались приготовлением вкусной и обильной еды. Гулянья начинались только на следующий день. Особо веселилась молодежь: парни катались с нарядно одетыми девушками на лошадях, запряженных тройкой. Катанье происходило, в основном, в богатых селах. Еще одной приметной традицией было проведение в доме вдовы или солдатки, веселых молодежных игрищ. Девушки дарили хозяйке по ведру пшеницы, парни же обеспечивали дом дровами. Святки заканчивались праздником **Крещения Господня**. Ранним утром люди шли к проруби и брали из нее воду. Если же освящение воды осуществлял уставщик или поп, то воду брали непосредственно из молельного дома или церкви. После того как все молитвы заканчивались, принесенной водой «разговлялась» вся семья. После этого оставшуюся воду в специальном туеске убирали в подполье. В течение года эта вода применялась для очищения членов семьи, если в этом возникала необходимость, так же она применялась для «очищения» разного рода предметов, мебели, частей дома, если они оказы-

вались «порченными». Закаленные мужики, с целью очищения, опускались непосредственно в прорубь. В **Сретенье,** помимо религиозного смысла, отмечалась, по народному поверью, «встреча» зимы и лета. Считалось, если в Сретенье было тепло, то ожидалась хорошая весна, а следом и солнечное лето.

Далее следовали праздники православного календаря, связанные с различными народными приметами и наблюдениями, отражающими земледельческие циклы.

К примеру**, Власьев день** был посвящен Святому Власию, покровителю домашних животных, относящихся к крупному рогатому скоту.

День Евдокии, по преданию, определяет погодные условия в весеннее время года. Если в этот день будет стоять тепло, то и вся весна будет теплая и мягкая. Отмечая **«Сороки»,** вспоминают сорок великомучеников христианской церкви. Этот период считается временем прилета птиц. Если они прилетают к этому дню, то считалось, что весна будет солнечной и теплой. В «Сороки» день по времени становится одинаковым с ночью. **День Святого Алексея** был знаком негативных примет: если к «Алексею» люди не успевали обеспечить себя дровами, то зима будет холодной. Если в день «Алексея» нет «воды», растаявшего снега, то лето будет засушливым. Существовало поверье, что , будучи божьим человеком, «Алексей» пригонял воду с гор. **День Святой Дарьи** отмечали важным хозяйственным мероприятием: в этот день хозяйки расстилали холсты на ровных площадках и начинали их отбеливать. **Благовещенье** считалось важным православным праздником, которым открывались весенне-летние полевые работы. Однако, если в Благовещенье было холодно, то этой приметой предвещались утренние заморозки. Предполагалось, что в это время медведь покидает свою берлогу. В День **Преподобной Матери Марии** на реках начинается половодье. Весна входит в свою силу, зима окончательно уходит с полей и огородов. Примечательным был **Егорьев день.** К этому дню приурочивался первый выпас скота на пастбище. Кроме этого, все кто мог, шли в лес добывать березовый сок. Именно в Егорьев день начинались посевные работы. В **Ильин день** лето оставалось позади, начинались сенокосы. Ильин день известен также тем, что с этого времени купание в реках и озерах запрещалось, поскольку за этот «грех»

Илья-пророк мог и наказать, чем пугали детей и подростков. Бедные или кем-то обиженные люди на **Николу вешнего** ходили в молельные дома и молились за себя и своих детей, чтобы они были богатые, и чтобы их не обижали. В **День Богородицы-порушницы** высаживали огурцы, редьку и гречиху. Мужики ходили в церковь или молельный дом, брали с собой вино и распивали его там. В **День царя Константина** начинали посев овса и ячменя. На **Еремея-распрягальника** происходило окончание посевных работ. В день **Петра-солнцеворота** очищали огороды и посевы от сорняков. Для этого использовали косы, серпы или просто вырывали руками. На **Аграфену-купальницу** приступали к заготовке лекарственных трав и других растений для использования в народной медицине. Стирать белье в этот день считалось грехом. В ночь на **Ивана Купалу** мужики шли в лес, где искали цветущий папоротник. Именно этот папоротник указывал место, где зарыты несметные богатства. В этот день молитвами и заговорами люди предохраняли свой дом, родных и близких, а также домашних животных от нечистой силы. Лето подходило к концу, и на **Петров день** заканчивались все летние праздники. Следует отметить, что в этот день особое внимание уделялось девушкам. Считалось, что в **Прокопьев день** перестает куковать кукушка. На лугах, полях и в лесах постепенно исчезают насекомые, бабочки и т.д. С этого дня начиналась вторая стрижка овец. **День Кирика и Улиты** посвящен представительницам прекрасного пола. У семейских именно эти святые являются заступниками женщин перед Всевышним. Именно они сохраняют женское благонравие и красоту. На этот день приходится активный пик сенокоса. На время **Первого Спаса (медового)** начинался сбор меда и его освящение, исчезали комары. Если на Первый Спас нет заморозков, теплая погода будет стоять до начала осени. **Второй (яблочный) Спас-Преображенье –** день, с которого, согласно поверьям, природа разворачивалась от лета к осени и зиме. В этот день деревенские жители дружно собирались по грибы и ягоды, запрещено было ссориться и злословить. **Успенье Пресвятой Богородицы** посвящено воспоминанию кончины Божьей Матери. Нельзя грустить, жаловаться на жизнь. Оканчивалась пора сенокоса, созревал урожай пшеницы, ячменя, овса, в лесу начинают добывать кедровый орех. В **День Натальи и Андриана** все оказывают друг другу безвозмездную помощь.

Зажиточные крестьяне кормили и поили бедняков, маленьких детей. Можно было получить бесплатную медицинскую помощь от женщин-знахарок. **Иван Постный** дает старт хлебоуборочной страде. Крестьяне выезжали на уборку урожая всей семьей. Молодые крестьянки брали с собой маленьких детей прямо в люльке. Дети находились в тени, женщины занимались изготовлением обеда, все остальные – сбором урожая до позднего вечера. В день **Рождества Богородицы** основное время крестьян уделялось работе в огороде. На подходе уже был сбор урожая картофеля. На **Покров** с полей вывозилось все, что там оставалось с лета. В первую очередь, это были копны сена. В это время могло похолодать и мог пойти первый снег. **Дмитриев день** был датой забоя скота на мясо, так как наступала уже минусовая температура, что необходимо для сохранения продукта. **День Кузьмы и Демьяна-покровителей кур –** девичий праздник, знаменуемый посиделками, угощением куриной лапшой. Женщины принимались за зимнюю пряжу и обращались к святым с просьбой помочь не отстать с работой от тех, кто начал ее раньше. После **Спиридона-солнцеворота** начинает понемногу прибывать день. Если в этот день много солнца – лето впереди, зима позади. Пора готовиться к весенним работам.

В праздничном календаре семейских отдельной группой выделяется его подвижная часть. Среди них **Масленица**, наверное, самый веселый праздник субэтносов русского народа. Он широко отмечается и поныне и длится целую неделю. Семейские пекли блины, готовили яичницу, шаньги с творогом, пирожки с яйцом и др. Семейская молодежь каталась на санях с горок, играла в снежки, в догонялки. В завершение Масленицы наступал «прощеный день», когда родные, близкие, знакомые ходили друг к другу в гости и просили прощения за «прегрешения вольные или невольные», ответом была фраза: «Бог простит и я прощу». Люди были благодушны и открыты друг для друга. После поста надо было восстанавливать силы, чему и служил **«Большой мясоед»,** поэтому в этот день ели различные мясные блюда. При этом соблюдались религиозные ритуалы.

Пасха – главнейший христианский праздник, символизирующий Воскрешение Христа, который свято соблюдается семейскими. Преддверием его является **Вербное воскресение, Чистый четверг.** В сам праздник проводился крестный ход, угощались кулича-

ми, бились крашеными яйцами. Старообрядцы привержены различным течениям-согласиям, отсюда отличия в праздновании Пасхи. Например, у беспоповцев в обряде не участвует священник. Пища у семейских освящается только после ночного богослужения. Кстати, они могут провести пасхальное богослужение дома. Один из самых популярных праздников у семейских был **Троицын день,** посвященный весне и ее символу – молодой березке. Березку срубали и приносили в деревню, здесь ее украшали разноцветными лентами. На следующий день вокруг березки девушки водили хороводы и пели красивые семейские песни. После всего этого березку в обязательном порядке топили в реке. Взрослые в этот день выезжали в лес и под березой устраивали праздничный обед. Если во время Троицы расцветала черемуха, обязательно делали из нее букеты и украшали праздничные столы.

Подводя итоги, необходимо отметить, что семейский календарь насчитывает около пятидесяти самых различных праздников. Безусловно, что одни из них имели большое значение в их жизни и поэтому отмечались торжественно, другие носили более скромный характер, но их значение также было непреходяще. Ко всем праздникам, большим и малым, семейские относились (и относятся) очень серьезно и с почтением, потому что старообрядческая вера несла в себе идею о том, что от отношения человека к праздникам, к «святым дням» зависело его будущее как на земле, так и на небе.

Праздничная культура традиционно передается у семейских от поколения к поколению, поскольку люди старшего поколения – отцы и матери, дедушки и бабушки – стараются придерживаться заветов предков. Однако, время берет свое и все больше и больше традиционных праздников, обычаев и ритуалов уходит в небытие. Изначальные смыслы, ценности и нормы религиозного характера безвозвратно утрачиваются. Немаловажную роль здесь сыграла деятельность государственных органов, всей системы воспитания и образования в СССР по искоренению религиозных убеждений населения, в том числе и у семейских. Однако, несмотря на активную деятельность государства в этой сфере, семейским все-таки удалось сохранить базовые ценности своей культуры. В настоящее время они ориентируются на традиционные ценности и нормы и многое делают для возрождения и сохранения своего культурного наследия, своего

этноконфессионального самосознания.

Таким образом, в Республике Бурятия «идет активный процесс возрождения древлеправославия и развития культуры семейских-староверов» [5, с. 226].

В настоящее время все старообрядцы, включая семейских Бурятии, впервые за много лет, живут в обстановке религиозной свободы. В 1971 г. и в 1988 г. Русская Православная Церковь своими решениями окончательно сняла запреты на старообрядческое вероисповедование. Несмотря на очень непростые проблемы настоящего времени, есть надежда на то, что русское древлеправославие будет жить и развиваться, а вместе с ним и праздничная культура семейских.

Примечания

1. Калашников П. Ф. Были прожитых лет: очерки о современниках и минувших событиях. Улан-Удэ : Буряад Унэн, 2007. 320 с.

2. Ковальченко О. И. Новый взгляд на старообрядчество в праздничной культуре Бурятии // Студенческая наука в вузе культуры – 2020 : сб. ст. студентов. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2021. С. 78-80.

3. Рещиков Н. И. Певческие традиции семейских в образовательном процессе ВСГИК (на примере направления подготовки 05.03.04. Искусство народного пения) // Проблемы сохранения музыкального и хореографического своеобразия культур народов России и Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Всерос. научно-прак. конф. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2023. С. 65-68.

4. Ульянова О. Н. Народный календарь семейских // Краеведческий портал. URL: http://selorodnoe.ru/history/show/id3629626/ (дата обращения: 19.04.2024).

5. Петров С. П. Староверы на перекрестке времен (штрихи истории) // Семейские староверы Забайкалья: история, культура и современность : материалы межд. науч.-практ. конф., (17-18 июня 2011 г.). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2011. С. 226.

УДК 008:392

Татарова С. П., г. Улан-Удэ, Россия

Tatarova S. P., Ulan-Ude, Russia

РИТУАЛЫ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

RITUALS IN THE CULTURE OF MODERN SOCIETY

В статье рассматривается значимость ритуалов в жизни общества, раскрываются их функции и классификации. Автор раскрывает динамику изменений, происходящих с ритуалами в современном обществе, показывает, как меняется символическое значение ритуальных действий. В работе подчеркивается, что в условиях крупных изменений и общественного кризиса происходит индивидуализация ритуальных действий, изменяется их значение для человека.

The article considers the importance of rituals in the society, their functions and classifications are revealed. The author shows the dynamics of changes taking part with the rituals in modern society, how the symbolic significance of the ritual actions is changing. The work emphasizes that there is individualization of ritual actions in the conditions of major changes and social crisis, change of their significance for a person.

Ключевые слова: ритуал, церемонии, традиционная культура, культура современного общества.

Keywords: ritual, ceremony, traditional culture, culture of modern society.

Существование этнических культур тесно переплетается с ритуалами и обрядами, которые имеют большое практическое значение для сохранения этноса. Значимость ритуалов осознавалась нашими предками с давних времен. Как правило, все архетипические события сопровождались обрядовыми действиями, вписанными в систему общественных отношений и обеспечивающими важный трансформационный смысл происходящего. Ритуалы особенно ценны тем, что формируют и сохраняют чувства общности народа, со-

храняют его ценности, способствуют передаче от поколения к поколению этнически значимых событий, ритуальных действий. Каждый член общества в течение всего периода жизни вступая в те роли, которые предписаны ритуальным сценарием, испытывал личную ответственность за сохранение мира в обществе. Именно потому ритуал стоит особняком от остальных видов деятельности человека, имел особый статус в традиционной культуре.

Наиболее значимые формы ритуалов сохраняются и в культуре постиндустриального общества. Ритуалы по-прежнему имеют большое значение в жизни современников, влияют на поведение индивидов, способствуют социализации личности, а также выступают значимым механизмом этнизации молодёжи и обеспечения единства нации. При этом содержание, смысл и используемые символы при реализации ритуалов в современном обществе значительно меняются. Исчезновение традиционных, религиозных ритуалов, как предметов нематериального культурного наследия, повышает значимость не только сохранения данных объектов, но и их изучения, популяризации их современной практике учреждений культуры и образования.

В современном обществе в связи с распространением культуроохранных технологий, ориентированных на сохранение культурного наследия народов, становятся актуальными вопросы обращения к традиционной культуре, в частности, к исследованию обрядов и ритуалов. Динамика осуществления ритуалов, их смысловое наполнение являются важным объектом для научной рефлексии. В связи с этим к изучению ритуалов как значимому явлению традиционной культуры обращаются представители разных наук и интерпретируют их по-своему. В разное время к изучению ритуала обращались как зарубежные, так и российские авторы: Э. Дюркгейм [1], Б. Малиновский [2], Ж. Бодрийяр [3], Р. Коллинз [4], И. Д. Митина, Т. С. Митина, Мартыненко А. В. [5], О. Т. Лойко [6], А. В. Рубель [7] А. К. Байбурин [8], В. Н. Нечипуренко [9] и В. Н. Топоров [10] и др.

Во многих научных изданиях понятие «ритуал» рассматривается как утверждённый порядок обрядовых действий при совершении определённого религиозного акта. Кроме того, ритуал понимается как некая церемониальная процедура, выработанная обычаем, определяющая порядок совершения чего-либо [11].

В одних исследованиях акцент делается на стандартности и

устойчивости последовательных действий церемониального характера, в других исследованиях в большей степени учитывается определённая стереотипная форма поведения. В обыденном понимании ритуал раскрывается как определённая процедура, формальная игра, правила которой разделяют все её участники. При всём многообразии определений, за основу многие авторы берут некую последовательность действий исторически выверенных, социально санкционированных, вкладывающихся в символическое поведение с целью реализации конкретных действий.

Известно несколько классификаций ритуалов. Так, в частности, Э. Дюркгейм разделяет их на негативные (аскетические), позитивные. Примером отрицательных ритуалов можно рассматривать многочисленные табуированные действия у многих народов. В частности, запрещалось потребительское отношение к природе (например, охота и истребление животных и рыбы сверх потребностей своей семьи, с целью наживы), неподобающее поведение в священных местах (запрещалось громко кричать, сорить), запреты на определённые действия рядом с природными объектами. Положительные ритуалы напротив, дают дозволения к выполнению чего-либо, которые разрешают и благословляют людей на какие-либо действия (например, начало или окончание сельскохозяйственных работ).

А. Ван Геннеп разделяет ритуалы исходя из жизненных циклов и событий календаря. В связи с этим, выделяют большую группу ритуалов, отражающих последовательное продвижение человека по жизненному пути от рождения до смерти (в современном обществе это могут быть крестины, милан, дни рождения, юбилейные даты, похороны, поминальные обеды) [12].

В традиционных культурах достаточно распространены ритуалы родства, причём не только по крови или по браку, а родственных отношений на основе функциональных взаимосвязей (кумовство, обмен кушаками, угощение на свадьбе как символ признания родства с новыми родственниками). В постиндустриальном обществе подобные ритуалы сохраняются, и по-прежнему через специальные действия вызывают сильные эмоции, способствуют укреплению родства и отношений членов рода, выступают символом движения и перехода человека с одного этапа жизни к другому.

Значительную группу составляет ритуалы, определяющие

поведение членов коллектива, социума по отношению друг к другу, многие из которых важны не только в традиционной, но и современной культуре, в частности, ритуалы презентации, приветствия, приглашения, комплименты. Есть целый ряд однотипных, повторяющихся, однообразных действий, выступающих как невербальный способ коммуникации, однозначно и адекватно воспринимаемых представителями разных культур (например обмен дарами, приветствия, поклоны и т.д.). Это определённые модели поведения, способствующие поощрению взаимодействия между людьми.

Многие авторы рассматривают ритуал как отход от повседневного и выход в сферу сакрального, где преобладают иные пространственные и временные нормы. В условиях современного общества ритуал в меньшей степени связан с магическим, религиозным сознанием человека. Основными функциями ритуала сегодня являются: коммуникация, консолидация социума, формирование и сохранение культурных символов значимых для него.

Наиболее важным компонентом в любом ритуале является наличие символов. Каждый ритуал имел своё уникальное символическое значение. В научных источниках отмечается, что даже примитивные в хозяйственном отношении племена, имели достаточно сложную и развитую систему обрядов, наделённых определённым символическим смыслом. Очевидно, что для любого общества важно наличие символических ритуальных ценностей. К сожалению, в современном обществе значимость символов несколько ниже, более того, присутствует иное чем в прошлом толкование определённых символических знаков и ритуальных действий. Так, например, в современном обществе по сей день сохраняются религиозные ритуалы и даже не будучи воцерковленными людьми, мы нередко выполняем их по семейной традиции, по привычке, не всегда вдаваясь в смысл осуществляемых действий, что приводит к их обмирщению (так, например, освещение вербы в Вербное воскресенье, приготовление кулича и крашение яиц на Пасху, освещение и пробы яблок, меда в Яблочный или Медовый Спас и т.д.). Показателем же поверхностного, безответственного поведения и отношения к обрядовым и ритуальным действиям можно отнести венчание в церкви. Будучи не верующими, молодые люди считают, что это просто красивый обряд, игра, необычный антураж, а потому и не накладывает на брачую-

щихся никаких обязательств, и мы нередко становимся свидетелями легкого расторжения брачного союза, даже скрепленного обрядом венчания.

Даже изменив форму, ритуалы существуют и влияют на повседневную жизнь людей. В качестве примера исчезновения ряда ритуалов может быть приведён тот факт, что издавна на Руси костюмы девушки и замужней женщины у многих народов имели принципиальное различия. Сегодня мы наблюдаем как сглаживаются такие отличия не только между статусными позициями женщины, но и утрачивают половую принадлежность. Так, например, представительницы женского пола носят футболки, джинсы и другие наряды, стирающие их половую принадлежность. При этом, когда девушка отправляется на свидание она все же стремиться нарядиться в платье.

Многие украшения в прежние времена имели сакральную символику: отгоняли злых духов, оберегали от сглаза и от дурного взгляда, могли свидетельствовать о благосостоянии человека. Сегодня украшения выполняют такую утилитарную функцию как привлечение внимания и проявления вкуса их обладательницы. Ряд ритуалов у наших потомков был связаны с приёмом пищи. Рядом с усопшим клали воду и немного пищи «в дорогу»; свадьба и другие торжества сопровождались обильными угощениями, смысл которых не только сытно угостить гостей, но и выполняло такую цель, как объединение родов, отображение доверительных отношений. На сегодняшний день, несмотря на отсутствие смыслового значения, традиция продолжает существовать: свадебные и юбилейные застолья по-прежнему хлебосольные и изобильные; мужчина после знакомства приглашает женщину в кафе для совместного принятия пищи, что позволяет познакомиться и глубже узнать друг друга.

Несмотря на утрату изначального символического значения, сохранение единства понимания и толкования наиболее значимых символов позволяет ритуалам выполнять важную консолидирующую роль в обществе.

На сегодняшний день ритуал сохранился в нескольких отдельных религиозных сообществах и народностях, но в жизни среднестатистического россиянина в жизни классических ритуалов не много. Однако потребность в них достаточно велика, а потому человек создаёт и привносит в свою жизнь новые ритуалы. Безусловно,

они менее символичны и лишены обязательного осуществления и религиозного сопровождения. Примером такой ритуальной традиции, распространённой во многих культурах, является принесение даров. По сей день встречаются подношения божествам в обмен на защиту от неприятностей, болезней, в качестве просьбы о благословении на успешную жизнь. Сегодня данная архетипическая модель работает во многих областях (например, в семейно-брачных отношениях перед заключением брака мужчина одаривает женщину подарками, сигнализируя о своих чувствах, и если женщина принимает дары, она соглашается на подобный обмен и подчеркивает, что она согласна с таким обменом; жених в бурятской культуре преподносит родителям невесты хадак, подчеркивая значимость своих намерений, и после осуществления данного ритуала девушка считается его невестой). Таким образом, одной из важных функций ритуалов выступает упорядочение жизни, внесение в нее новых архетипических смыслов и значений. Ритуалы, лишённые утилитарной функции, как и прежде выступают значимыми вехами психологической жизни человека.

В условиях нестабильности, переживаемых в обществе кризисов, иногда человеку необходимо придерживаться определенных правил и канонов поведения, доставшихся нам от предков, либо создавать собственные ритуалы, способствующие обретению спокойствия, достижению равновесия и душевной гармонии. Современный образ жизни детерминирует создание новых ритуалов, символизирующих решение проблем человека, реализацию его желаний и потребностей. Ритуалы по сей день выступают значимым фактором самоидентификации человека, способствуют восстановлению после интенсивных эмоциональных и физических нагрузок. Кроме того, ритуальные действия значимы для соблюдения баланса, осуществления перезагрузки, заземления и чувства стабильности. Повседневные рутинные дела поддерживают человека в ситуации, когда он чувствует свою невозможность управления жизнью.

В связи с этим, можно говорить об индивидуализации ритуалов: для ряда людей в качестве ритуала может выступать даже утренняя церемония заваривания кофе или чая. Процесс приготовления и наслаждения напитком становится своеобразным ритуалом, символизирующим начало дня, настрой на него, наслаждение моментом отдыха, фокусирование на себе или планах на день.

Таким образом, очевидно, что несмотря на то, что многие ритуалы утратили свое первоначальное значение, они продолжают существовать, обеспечивая консолидацию общества, благоприятствуют эмоциональному равновесию людей, выступают значимой частью культуры народа.

Примечания

1. Дюркгейм Э. Коллективный ритуал // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии. М. : Аспект пресс, 1996. С. 775.

2. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.

3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Библион-Русская книга, 2003. 227 с.

4. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 27-39.

5. Митина И. Д., Митина Т. С., Мартыненко А. В. Специфика изучения ритуалов и обрядов в этнокультурной традиции // Симбирский научный вестник. 2018. № 4. С. 71-77.

6. Лойко О. Т. Ритуал в социальной памяти // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 4. С. 151-156.

7. Рубель А. В. Основные направления трансформации религиозного ритуала в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. ст. / под ред. Е. А. Попова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. Вып. 2. С. 77-83.

8. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 242 с.

9. Нечипуренко В. Н. Ритуал (опыт социально-философского анализа). Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. 279 с.

10. Топоров В. И. О ритуале. Введение в проблематику // Исследования по этимологии и семантике. М. : Языки славянских культур, 2005. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. С. 484-538.

11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 2310 с.

12. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М. : Вост. литер. РАН, 1999. 198 с.

УДК 174:021

Езова С. А., г. Улан-Удэ, Россия

Ezova S. A., Ulan-Ude, Russia

ЭТИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ETHICAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A SPECIALIST OF LIBRARY AND INFORMATION SPHERE IN THE DIGITAL CIVILIZATION

В статье затрагивается проблема повышения значимости коммуникации в информационном обществе, раскрываются попытки автора уточнить важнейшую характеристику коммуникативной личности на примере будущего специалиста библиотекаря – этико-коммуникативную компетенцию. Акцентируется внимание на особенностях этической составляющей коммуникации, обусловленной процессами ее цифровизации. Раскрываются пути развития у студентов ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» специальности «Библиотечно-информационная деятельность» этико-коммуникативной компетенции.

The article touches the problem of increasing the importance of communication in the information society, reveals the author's attempts to clarify the ethical and communicative competence as the most important characteristic of a communicative personality on the example of a future librarian. The attention is focused on the features of the ethical component of communication determined by the processes of its digitalization. The ways of development of ethical and communicative competence of the students of the FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» majoring in «Library and Information Activities» are revealed.

Ключевые слова: профессиональная этика, этико-

коммуникативная компетенция, педагогические технологии в этико-коммуникативной подготовке студентов, примеры синквейна.

Keywords: professional ethics, ethical and communicative competence, pedagogical technologies in the students' ethical and communicative training, examples of cinquain.

Известный специалист в сфере коммуникации И.М. Дзялошинский считает, что «она представляет собой необходимое универсальное условие жизнедеятельности человека и одну из фундаментальных основ общества…» [1, с. 6].

Специалисты в сфере коммуникации отмечают, что в условиях цифровой цивилизации в связи с доминированием мультимедийных средств и каналов происходит повышение роли и значимости коммуникативной культуры и коммуникативной компетенции личности.

М.В. Стурикова считает коммуникативную компетенцию значимой характеристикой личности специалиста, в частности, ее профессионально-этической направленности, содержание которой определяют принципы профессиональной этики [2].

На мой взгляд, фундаментальное определение этого явления дал И.М. Дзялошинский: «… коммуникативную компетенцию в самом общем виде можно определить как способность личности нормально (т.е. в пределах диапазона, заданного соответствующими социальными нормами) функционировать в качестве коммуникативного актора» [3].

Учитывая значимость этического компонента в коммуникативной компетенции, нами сделана попытка уточнить ее как этико-коммуникативную компетенцию. Под ней мы понимаем «готовность и способность специалиста применять знания в сфере профессиональной этики (кодексы и правила поведения (этикета), умения, навыки, личностные качества для успешной организации библиотечного общения в профессиональной (библиотечной деятельности в конкретной ситуации)» [4, с. 311].

Новая идентичность библиотек проявляется в создании на их базе информационных, медийных центров, подключение их к государственной системе информации «Национальная электрон-

ная библиотека», к электронным и мульти-медиаресурсам федерального уровня.

Содержание этико-коммуникативной компетенции специалиста меняется под воздействием трансформации его профессиональной деятельности, внедрения информационно-компьютерных технологий в библиотечно-информационную отрасль.

Традиционная этика проходит постоянный процесс трансформации, обусловленный теми изменениями, которые происходят в глобальном информационном пространстве. Возникают следующие виды этики: сетевая этика, виртуальная, компьютерная, инфоэтика, киберэтика и др. Как отмечается в одном учебном пособии по этике, в настоящее время активизируется процесс разработки различных кодексов информационной этики [5]. Например, в 2023 году сотрудниками НИЦМП был создан «Этический кодекс нейросетевой эпохи», регламентирующий использование достижений искусственного интеллекта в гуманистических целях [6]. Этические кодексы ориентированы на повышение эффективности функционирования людей с современными информационно-коммуникационными технологиями.

О возрастании роли профессиональной этики в развитии и функционировании личности библиотечного специалиста можно судить по профстандарту «Специалист по библиотечно-информационной деятельности» (2023 г.), в котором прописана ее специфика в отношении каждой трудовой функции работника библиотеки.

Профессиональная этика библиотекаря является регулятором отношений и поведения специалиста в процессе коммуникации, происходящей как в реальном, так и в цифровом пространстве. В реальном пространстве отношения библиотекарей регулируются «Кодексом этики российского библиотекаря» (2011 г.), «Кодексом этики школьных библиотекарей Российской федерации (2007 г.) и др. Библиотеки разрабатывают свои «кодексы корпоративной этики и служебного поведения». Поведение библиотекарей в реальном пространстве регулируется «деловым этикетом».

В цифровом пространстве регулятором отношений явля-

ются кодексы цифровой этики, а регулятором поведения служат правила, разработанные в цифровом этикете (см. Рис. 1).

В рамках специальности «Библиотечно-информационная деятельность» у студентов (магистрантов и бакалавров) всех форм обучения формируется и развивается этико-коммуникативная компетенция (ОПК-4 «Способен соблюдать требования профессиональных стандартов и нормы профессиональной этики», ПК-6 «Готов к эффективному общению с различными группами пользователей в библиотечно-информационном обслуживании») [7].

Как показывает опыт, наиболее эффективны в преподавании такие формы, как мастер-класс по деловому этикету (в его структуре уделяется внимание сетевому, цифровому этикету, новой этике), интеллект-карты, посвященные таким темам, как: «Я – коммуникатор, «Я – коммуникатор в библиотечно-информационной сфере», кейсы, содержащие проблемные ситуации взаимодействия библиотекарей и пользователей, обусловленные нарушениями этических норм и другие. Использование Декартовой прямоугольной системы координат помогает студенту выявить взаимосвязи значимых этических и коммуникационных составляющих в процессе взаимодействия библиотекаря и читателя [7].

Делается попытка освоить метод синквейна, методического приема, целью которого является развитие критического мышления, способности кратко и четко выразить сущностные характеристики понятий этико-коммуникативного содержания. Методика разработки синквейнов изложена в Интернете . Примеры синквейнов студентов:

1. Этикет Воспитанный, приятный. Знает, соблюдает правила поведения. Важная составляющая коммуникативной культуры. Манеры.

2. Общительный, доброжелательный. Коммуницирует, понимает, уважает. Устанавливает связь, объединяет людей. Лидер.

В заключение отмечу, что данный опыт формирования этико-коммуникативной компетенции убеждает в целесообразности синергии явлений этическая и коммуникативная компе-

тенция и соответственно формировании понятия этико-коммуникативная компетенция.

Примечания

1. Дзялошинский И. М. Коммуникация и коммуникативная культура : учеб. пособие. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2022. 606 с.

2. Стурикова М. В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 27-32.

3. Дзялошинский И. М. Формирование коммуникативной культуры личности с помощью инструментов медиаобразования // Медиа. Информация. Коммуникация. 2023. Т. 37, № 3. URL: http://mic.org.ru/vyp/37-3/37-3-dzyaloshinsky.pdf. (дата обращения: 07.02.2024).

4. Езова С. А., Кучмурукова Е. А. Этико-коммуникативная компетенция студентов: пути формирования и развития // Библиотековедение. 2019. Т. 68, № 3. С. 311-319.

5. Тема 9: Этические проблемы в сфере информационных технологий // StudFiles : файловый архив для студентов. URL: https://studfile.net/preview/7725609 / (дата обращения 7.02.2024).

6. Этический кодекс нейросетевой эпохи // Homo Cyberus. URL: http://journal.homocyberus.ru/sites/default/files (дата обращения 15.03.2024).

7. Езова С. А. Этико-коммуникативные аспекты в подготовке библиотечных кадров : хрестоматия для обучающихся по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК. 2023. 136 с.

Рисунок 1.

Профессиональная этика как регулятор коммуникации
в реальном пространстве
в цифровом пространстве
отношения
поведение
отношения
поведение
Кодексы библиотечной этики
Деловой этикет
Кодексы цифровой этики
Цифровой этикет

УДК 026/027:[908:004.9](571.54)

Кучмурукова Е. А., г. Улан-Удэ, Россия

Kuchmurukova Ye. A., Ulan-Ude, Russia

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕК БУРЯТИИ)

LOCAL HISTORY INFORMATION RESOURCES (ON THE EXAMPLE OF THE LIBRARIES IN BURYATIA)

В статье характеризуются созданные библиотеками Бурятии краеведческие информационные ресурсы, анализируются их тематика и содержательное наполнение, рассматриваются поисковые возможности.

The article characterizes the local history information resources created by the libraries of Buryatia, analyzes their subject matter and content, considers the search opportunities.

Ключевые слова: краеведческая деятельность библиотек, краеведческие информационные ресурсы, библиотеки Бурятии, краеведческие проекты библиотек.

Keywords: local history activities of the libraries, local history information resources, libraries of Buryatia, local history projects of the libraries.

Современный этап развития человечества связан со стремительным распространением информации посредством активного использования цифровых технологий. Интернет, постепенно вытесняя традиционные источники, становится основным средством для поиска необходимых материалов по разнообразным темам. В то же время достоверность и полнота представленных в сети ресурсов зачастую вызывает сомнение и требует тщательного отбора. Среди множества доступных пользователю

сайтов особое внимание необходимо обратить на деятельность библиотек. Информационные ресурсы, созданные ими, являются ценным источником краеведческой информации. Включая уникальные архивные документы, опубликованные издания, сохранившиеся зачастую в единичном экземпляре, редкие фото- и видеоматериалы, они позволяют познакомиться с неизвестными страницами из истории и культуры страны, получить доступ к богатейшим, в том числе полнотекстовым, коллекциям, включающим издания по разнообразным темам. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации, в частности статьи Е. Б. Артемьевой и Ч.В. Сарыглар [1], С.В. Максимовой [2], М.Л. Сухотиной [3], Е.А. Кучмуруковой и Г.А. Шаньгиновой [4] и др. авторов, отражающие различные аспекты деятельности библиотек в этом направлении.

Не остаются в стороне и библиотеки Бурятии, которые активно реализуют краеведческие проекты. Ими создаются и предоставляются пользователям электронные библиотеки и разнообразные базы данных собственной генерации. Большая часть из них размещена на официальных сайтах библиотек, таких как Национальной библиотеки РБ [5], Республиканской детско-юношеской библиотеки [6] и ЦБС г. Улан-Удэ [7]. Остановимся на их характеристике.

Национальная библиотека Республики Бурятия является флагманом в реализации проектов краеведческой направленности и создании информационных ресурсов. Особого внимания заслуживает размещенная на ее сайте электронная библиотека «Бурятика», которая ведется, начиная с 2008 г. В нее включены оцифрованные редкие и ценные документы конца XIX – начала XX вв., различные виды документов, в том числе неопубликованные, тематически посвященные истории и культуре республики, развитию ее экономики, освещению экологических проблем. В ЭБ представлены документы как на русском, так и на бурятском языках.

Информационные ресурсы Национальной библиотеки «Бурятия в периодической печати» отражает содержание 200 журналов и 500 газет, которые представлены в ее фонде. При отборе документов составители обратились к разнообразным по

тематике периодическим изданиям, начиная от фронтовых, заканчивая общественно-политическими. Достоинством ресурса является то, что большая часть материалов доступна пользователям в полнотекстовом режиме. Издания расположены в алфавитном порядке и снабжены аннотацией. Для поиска информации в изданиях необходимо воспользоваться поисковой строкой. После чего необходимо перейти на газету и получить доступ к ее полному тексту. Коллекция постоянно пополняется.

В 2023 г. Республика Бурятия праздновала 100-летию со дня образования. В преддверии ему Национальная библиотека реализовала целый ряд проектов, итогом которых выступило создание информационных ресурсов. Одним из них является «Сквозь призму времени. Бурятия 100 лет назад». Проект является долговременным и преследует цель ознакомить жителей республики со значимыми событиями республиканского масштаба, которые произошли в первые годы советской власти в 1918-1923 гг.

Ресурс включает 6 разделов, в каждом из которых представлен один год. Материал внутри разделов систематизирован в порядке обратной хронологии. В качестве наглядных иллюстраций представлены сканы официальных документов, научных статей, карты и пр. Ссылка на ресурс находится на главной странице Библиотеки в разделе «Проекты».

Два следующих проекта реализованы республиканской детско-юношеской библиотекой Республики Бурятия. Среди них мультимедийный краеведческий проект «Весь Батожабай» и просветительский сайт «Бурятская литература 100 лет назад». Первый информационный ресурс получил грантовую поддержку Министерства культуры РБ и посвящен 100-летию со дня рождения писателя Даширабдана Батожабая. Он включает разнообразные по содержанию материалы, среди которых полные тексты произведений автора, архивные документы, опубликованные издания, статьи в научной периодике, образовательные ресурсы, фотографии и иллюстрации. Особой популярностью пользуются разработанные библиотекой стикерпак, приуроченные к юбилею писателя. К реализации проекта библиотекой были привлечены деятели науки, культуры и искусства, дочь писателя Сэсэгма Ба-

тожабай. Так, созданием иллюстраций и оформлением информационного ресурса занималась художница Д. Кантакова, аудиозаписи произведений автора были озвучены актерами театра «Ульгэр» и пользователями библиотеки.

В ноябре 2023 г. Республиканской детско-юношеской библиотекой был презентован просветительский сайт «Бурятская литература 100 лет назад», который содержательно охватил 1920-е гг. (расцвет литературы бурятского просветительства). Проект получил грантовую поддержку Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации главы и Правительства Республики Бурятия.

Сайт включает 8 разделов: «О проекте», «Литература», «Жанры», «Писатели», «Произведения», «Карта», «Около литературы», «Тесты» и содержит информацию не только о писателях и их произведениях, но и о тех населённых пунктах, где они работали. На сайте размещена литературная «карта-путешествие». Она снабжена перекрёстными ссылками для перехода на соответствующие материалы электронного ресурса (статьи, лекции, занимательные тесты, фотографии и мн. др.).

Бурятия является одним из популярных туристических маршрутов России. Поэтому ряд проектов, реализуемых библиотеками Бурятии, ориентировано на гостей столицы. Успешна в этом направлении деятельность Центральной библиотечной системы г. Улан-Удэ. Для удобства пользователей на сайте ЦБС все проекты объединены в единый раздел «О Бурятии/Улан-Удэ». В их ряду можно отметить ресурсы «Ожившая история», интерактивная карта «Топонимы Улан-Удэ», «Литературная карта».

«Ожившая история» – интерактивный проект, в реализации которого принимали участие ЦБС города Улан-Удэ, АНО «Клуб интеллектуальных игр Улан-Удэ» и Музей истории города Улан-Удэ. Проект получил грантовую поддержку Министерства культуры Республики Бурятия. Аудиогиды, размещенные на ресурсе, позволяют любому желающему совершить самостоятельную экскурсию по музею или улицам города и его микрорайонам.

Следующим проектом, который интересен как для гостей города, так и его жителей, является интерактивная карта «Топонимы Улан-Удэ». Карта составлена на основе изучения опубликованных и неопубликованных источников. Ее создатели предлагают пользователям совершить прогулку по улицам и узнать об официальных и неофициальных названиях наиболее значимых мест. На карту нанесены интерактивные метки, при нажатии на которые осуществляется переход на страницу с характеристикой конкретного места.

Нельзя обойти стороною проект ЦБС «Литературная карта». Цель проекта – развитие литературного туризма, повышение интереса к литературной культуре республики, привлечение внимания к малоисследованным темам. Ресурс состоит из 5 разделов: «Писатели», «Литературные объединения», «Полнотекстовые материалы», «Библиотеки», «Музеи». В разделе «Писатели» приводится информация о писателях Бурятии, удостоенных литературной премии имени народного писателя Бурятии И.К. Калашникова и памятных литературных местах города. Познакомиться с литературными объединениями, функционирующими на территории города, позволяет специально выделенный раздел. В нем содержится краткая информация об объединениях и Союзах писателей, характеризуется их персональный состав, приводит список литературы, подготовленный ими. Одноименные разделы позволяют познакомиться с библиотеками и музеями города.

Необходимо отметить активность ЦБС г. Улан-Удэ в разработке проектов исторической направленности. Среди них проект «Этот день в истории. События, факты, люди», «На благо родного города – от Верхнеудинской думы до наших дней», «Страницы столицы», «Моя Бурятия», «Я иду, шагаю по Улан-Удэ», «Буквальный Улан-Удэ» и др. Каждый проект представлен самостоятельным информационным ресурсом. Так, проект «Этот день в истории: события, факты, люди. Верхнеудинск – Улан-Удэ» знакомит пользователей со знаменательными событиями городского масштаба. Выбрав необходимую дату в представленном календаре, пользователь попадает на страницу с описанием событий, происходивших в разные исторические периоды, начи-

ная с дореволюционного.

К 145-летию Верхнеудинской думы и 25-летию Улан-Удэнского городского Совета депутатов в 2020 г. был подготовлен информационный ресурс «На благо родного города – от Верхнеудинской думы до наших дней». Он состоит из 5 разделов. Раздел «Главы Верхнеудинска и Улан-Удэ» содержит их перечень в порядке прямой хронологии. Наиболее известные персоналии снабжены фотографиями. В разделах «История» и «Современность» характеризуются основные направления работы городского Совета депутатов в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Раздел «Медиа» содержит видеосюжеты и презентации. С полными текстами статей по теме ресурса можно ознакомиться, обратившись к разделу «Литература».

Интерес представляет исторический путеводитель «Их имена в названиях улиц Улан-Удэ», который включает информацию о героях Великой Отечественной войны, Героях СССР и РФ. Особо ценным на ресурсе является раздел «Карта», позволяющий увидеть расположение улиц, названных именами героев. Путеводитель позволяет познакомиться с биографией представленных в нем личностей, списком источников, посвященных им, фото- и видеоматериалами.

Таким образом, библиотеки Бурятии активно формируют цифровой контент краеведческого характера, реализуя проекты и представляя в Интернет информационные ресурсы разной тематики. На основе оцифрованных коллекций ими создается уникальная продукция, позволяющая получить доступ к материалам, отражающим различные стороны жизни республики.

Примечания

1. Артемьева Е. Б., Сарыглар Ч. В. Информационные ресурсы национальных библиотек республик: сохранение и трансляция письменного наследия народов // Образование и культурное пространство. 2023. № 3. С. 124-140. DOI 10.53722/27132803_2023_3_124.

2. Максимова С. В. Новая стратегия развития цифровой интегрированной системы Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) // Научные и технические библиотеки. 2024. №

3. С. 127-141. DOI 10.33186/1027-3689-2024-3-127-141.

3. Сухотина М. Л. Электронные ресурсы национальных библиотек субъектов Российской Федерации, популяризирующие культуру титульных этносов // Научные и технические библиотеки. 2021. № 7. С. 63-86. DOI 10.33186/1027-3689-2021-7-63-86.

4. Кучмурукова Е. А., Шаньгинова Г. А. Электронные ресурсы Национальных библиотек субъектов Российской Федерации: анализ контента // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. № 2(22). С. 90-102. DOI 10.31443/2541-8874-2022-2-22-82-93.

5. Национальная библиотека Республики Бурятия : офиц. сайт. URL: https://nbrb.ru/?ysclid=m2jsnooguq379513507 (дата обращения: 18.10.2024).

6. Республиканская детско-юношеская библиотека : офиц. сайт. URL: https://baikalib.ru/?ysclid=m2jsl523vc910728393 (дата обращения: 18.10.2024).

7. Муниципальные библиотеки города Улан-Удэ : офиц. сайт. URL: https://cbs-uu.ru/ (дата обращения: 18.10.2024).

УДК 37(470+571)

Николаева Д. А., г. Улан-Удэ, Россия

Nikolaeva D. A., Ulan-Ude, Russia

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

ETHNOCULTURAL HERITAGE IN THE FIELD OF EDUCATION IN RUSSIA

Автор полагает, что современная сфера образования ориентирована на интеллектуальное развитие и профессиональную подготовку молодежи. В результате упускается важнейший аспект в образовании – нравственное воспитание, которое основывается на ценностях этнокультурного наследия.

The author believes that modern sphere of education is focused on the intellectual development and professional training of youth. As a result, the most important aspect in education is missed − moral education, which is based on the values of ethnocultural heritage.

Ключевые слова: сфера образования, нравственное воспитание, ценности этнокультурного наследия.

Keywords: sphere of education, moral education, values of ethnocultural heritage.

В настоящее время довольно часто можно встретить споры насчет системы образования в Российской Федерации. Кто-то считает, что образование в стране явно ухудшилось в сравнении с советскими временами. Другие, наоборот, утверждают, что российское образование стало более точным и качественным. Несомненно, современное российское образование имеет множество положительных и отрицательных аспектов, и нет смысла их перечислять. Следует отметить, что оно является следствием потрясающих исторических процессов – развал СССР, появление новых государств, новых идей: глобализация, суверенизация, миграция, интеграция и пр., а также фантастические достижения в сфере технологий: авиа-

космос, нейросеть, искусственный интеллект, робототехника и т.д.

Современная цивилизация, стремительно развиваясь, требует углубленных знаний в образовательной сфере, отсюда, требования к профессиональному обучению и интеллектуальному развитию подрастающего поколения. Например, организация образовательных центров в 12 регионах РФ для школьников и студентов, способствующих их реализации в таких сферах как государственное управление, наука, экология, спорт, сельское хозяйство и т.д.

Широкомасштабные школьные конкурсы, олимпиады (им. Вернадского, Ломоносова), где между собой соревнуются дети из разных регионов. Несомненно, что эти дети войдут в «Золотой фонд молодежи» России, т.к. целью создания этих центров, а также конкурсов, олимпиад, является подготовка будущей **элиты** нашей страны.

Но одновременно существует еще одна грань европейской идеологии, которая, зародившись еще в античные времена, распространилась по всему миру и сейчас подходит к переосмыслению в общественной мысли. А.В. Чебунин в своем исследовании (2023) формулирует эту ситуацию, когда осознание человеком себя как «свободная личность», трансформировалась в начале в позицию «человекобога», которая приводит ко вседозволенности [7].

Эта тенденция наблюдается в современной молодежной субкультуре: шоу-бизнес, западная масс-медиа культура, утилитаризм, интернет-коммуникации с вовлечением молодежи в сомнительные деструктивные сообщества и т.д.

В информационно-образовательном пространстве молодежь получает определенные профориентированные знания, но не **осознание** нравственных критериев: добро и зло, честь, справедливость, долг, совесть, ответственность и др. Поэтому нередко присутствует сознательное нарушение социальных и нравственных норм («ничего личного – это бизнес», «все продается и все покупается»).

В отечественной образовательной сфере есть попытки решения этих серьезных проблем. Так, опираясь на законодательные документы «Стратегии национальной безопасности РФ», в ФГБОУ ВО ВСГИК этот аспект представлен в «Рабочей программе по воспитанию обучающихся», где прописаны разные стороны и направ-

ления воспитательной деятельности (гражданское, патриотические, духовно-нравственное, волонтерское и т.д.) и Календарным планом воспитательной работы, в котором по этим направлениям в модулях прописаны соответствующие мероприятия, где отражены следующие духовно-нравственные ценности:

- приоритет духовного над материальным;
- защита человеческой жизни, прав и свобод человека;
- семья, созидательный труд, служение Отечеству;
- нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм;
- историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

Как видим, Программа ориентирована на формирование системы нравственных регуляторов в процессе подготовки будущих граждан нашей страны.

В качестве показателя эффективности этой работы можно привести социологическое исследование Т.Н. Бояк о нравственных ценностях современной студенческой молодежи (г. Улан-Удэ). Сравнивая показатели с 2016 по 2023 гг., она выявила, что молодежь осознает конкретные ценности своего микромира (семья, друзья, отсюда здоровье, благополучие и т.д.) и более размыто – ценности мезо- и макромира. При этом она отметила, что в их массовом сознании превалируют тенденции к материальному достатку (77,1 %), гедонизму, индивидуализму.

Естественно, в первую очередь, человек получает представления о нравственных понятиях в семье, институте, передающей ему определенные ценности, обеспечивающей первичную социализацию и адаптацию ребенка в окружающей среде бытования.

Существуют и другие социальные институты, которые также принимают участие в этом процессе, например, школа, вузы, кружки и т.д.

Считается, что в совокупности эти институты должны объединять усилия. Но, нередко, в силу объективных и субъективных причин, наблюдается их разбалансировка. Например, позиция родителей, которые заявляют: «мы отдали детей в школу, пускай она учит и воспитывает!».

Выходом из этого порочного круга является опора в образо-

вательной сфере на **воспитательную основу**, где, с одной стороны, **ядром** является наследие классической культуры, в которой через духовно-нравственную призму поэты, писатели, философы, религиозные деятели остро ставили вопросы нравственности по отношению человека к обществу, государству и наоборот. Эта тема рассматривалась в контексте представлений об образованности, нравственности, ответственности и гражданственности.

Например, епископ Иннокентий Иркутский и Нерчинский в своих «Поучениях» еще в 1829-е г. писал, что «образованность без нравственности ведет ко вредности ... дать образование бесстыдному человеку все равно, что нож неразумному ребенку … Такие грамотеи чрезвычайно вредны для общества и, в особенности, для Отечества [6, с. 17].

Таким образом, в российской культуре мыслители, опираясь на высказывание Т. Карлейла, «Революции готовят гении/теоретики, исполняют романтики, а плодами пользуются проходимцы», выделяли в обществе безнравственных, но образованных людей, хорошо подкованных идеями гуманизма и либерализма, осознающих свои права и собственную свободу.

Со временем мыслители стали рассматривать нравственность в аспекте осознания меры ответственности Человека перед Природой, Богом, обществом, Человека перед самим собой (Р. Рождественский). Эта тема глубоко и болезненно звучала у Ч. Айтматова, более того уже тогда он вывел образ манкурта – молодого человека, лишенного нравственности в результате потери исторической памяти.

Что касается традиционных этнокультурных ценностей. Вся история нашей страны и каждого этноса пронизана духовным миром человека. А **традиционные ценности** – это выработанный веками исторический опыт: во-первых, **понимания** сути добра и зла, заключающаяся в идее жизнеутверждения; и, во-вторых, **воспитания** подрастающего поколения в соответствии с нравственными принципами. Человек должен пройти неизбежные этапы становления личности, и научиться, по мере своего взросления, брать на себя ответственность перед богом, природой, обществом, предками и потомками, т.е. перед прошлым и будущим в настоящем, чтобы «не позорить предков и не опозориться перед потомками». Таким обра-

зом, в традиционной культуре был сформирован универсальный механизм реализации у молодежи жизненных программ, основанный на формировании нравственных критериев, прежде всего, духовного мира и, как следствие, создании парадигм и санкций социального поведения членов общества. Это способствовало делать осознанный выбор между добром и злом на разных уровнях (физическом, ментальном, нравственном).

И, наконец, проблема в сфере образования. Мы сталкивались и сталкиваемся с ее несовершенством, периоды перехода с советской системы образования на болонскую с большим трудом справились с внедрением соровской системы и т.д. Кроме того, проблема заключается в отношении педагога к своей работе и отношение к нему со стороны государства и общества.

Во-первых, некомпетентность и невежество педагогов, которые встречаются практически в любых учебных заведениях, куда приходят молодые специалисты (а это дети перестройки и соровского образования), нацеленные только на получение диплома, но не знаний. Для решения этой проблемы, например, в СПб создан образовательный Центр «Учим тех, кто учит».

О. Пешель еще в 1866 г. писал, что «войны выигрывают не генералы, а школьные учителя и священники» [5], т.е. специалисты, формирующие духовно-нравственные основы человека и общества, а, именно, понимающие и осознающие ответственность перед учениками, обществом и государством. В Иране существует специальная комиссия, которая рассматривает молодого педагога именно с духовно-нравственных позиций (посещает ли мечеть, как ведет себя дома, в обществе и т.д.), прежде чем допустить его к детям, педагогической деятельности, а квалификацию и профессионализм он получит с опытом работы.

Во-вторых, как сказал О. фон Бисмарк «Отношение государства к учителю свидетельствует либо о силе государства, либо о его слабости» [1]. Необходимо вернуть уважение и статус педагога на государственном уровне, в том числе пересмотреть не только требования к профессионализму и нравственности педагога, но и его стимулирование.

Сегодня молодой и перспективный специалист ищет работу с более высокой оплатой труда и меньшими затратами времени на

бумажную волокиту. Опрос наших выпускников показал, что бумажная волокита занимает более 70% времени, тогда как менее 30% на конкретную работу с детьми.

В настоящее время общество стремится сформулировать современную центростремительную идеологию, которая бы объяснила все происходящее вокруг, и в соответствии с этим выстроила т.н. логистику в сфере образования. А пока она носит спонтанный характер (переиздаются учебники, уроки о главном, которые реализовывает классный руководитель или куратор, который выбирает тему на свое усмотрение).

Д.С. Лихачев полагал [3; 4], что необходимо, чтобы вся сфера образования, в первую очередь, базировалась на воспитании человека, который, с одной стороны, знает и понимает нравственное наследие российской культуры и искусства, и при этом сам создает культуру.

А с другой, опирается на нравственные ценности этнокультурного наследия, особенно в таких понятиях как **Родина** (место, где человек родился), **Отечество** (память/ могилы предков), страна (территория с географическими, культурными, историческими границами) и государство (политическая структура).

Перефразируя И. Канта [2], что просвещение (т.е. образование) – это мужество думать «**своей** головой», следует сказать, что каждая этническая традиционная культура была сформирована только своей головой. Отказываясь от ценностей своего этнокультурного наследия даже из самых благих побуждений, мы думаем уже «**чужой** головой», что приводит нас к манкуртизму и предательству.

Если раньше борьба шла **за умы**, то сегодня, борьба идет **за поколение,** нашу молодежь, теперь и детей. С древних, языческих времен, люди понимали эту угрозу. Невоспитанная и развращенная молодежь предаст и погубит свой народ и свою страну. И, наоборот, воспитанная в рамках ценностей этнокультурного наследия, молодежь, спасет свой народ и свою страну.

Итак, образы, сформированные в сфере российского образования в соответствии с нравственными представлениями:

- гражданин (дворянин) XVIII-XIX вв. «сердце отдать даме, жизнь – царю и отечеству, честь – никому»;

- советский человек должен быть «национальным по форме, но социалистическим по содержанию»;

- сейчас формируется образ человека, которого надо воспитать как свободную личность с мощным духовно-нравственным стержнем.

В настоящее время наблюдается тенденция разрыва связей между поколениями и неопределенность в понимании жизненных ориентиров. Перед современным обществом стоят конкретные задачи не только по интеллектуальной и профессиональной подготовке молодежи, которая должна знать и гордиться историей своей страны и своего народа, но и по нравственному воспитанию, формирующему мировоззрение будущих граждан своей страны, осознающих ценности этнокультурного наследия.

Примечания

1. Бисмарк фон О. Цитаты о политике и политиках. URL: https://c itater.ru (дата обращения: 30.03.2024).

2. Кант И. Ответ на вопрос. Что такое просвещение // Berlinische Monatsschrift. 1784. IV,.S. 481-494. (На русском языке издается впервые. Пер. Ц. Г. Арзаканьяна).

3. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. 1985. 575 с.

4. Лихачев Д. С. Раздумья : [для сред. и ст.шк.возраста]. М. : Дет. лит., 1991. 316 с.

5. Пешель О. Народоведение. Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1890. 580 с., 1 л. табл.

6. Митр. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи : 992-1892 : [каталог] : в 3 т. / М. : Изд. Сретенского монастыря, 2002. Т. 1 : Аарон-Иоаким. 543 с.

7. Чебунин А. В. Обличение гуманизма. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2023. 208 с.

УДК 008:39(571.54)

Русинова О. А., г. Улан-Удэ, Россия

Rusinova O. A., Ulan-Ude, Russia

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

MODERN PRACTICES OF PRESERVATION OF FOLK CULTURE TRADITIONS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

В статье рассматривается практика сохранения, трансляции, популяризации и развития этнокультурных традиций народов, проживающих в Республике Бурятия. Выявлены и подвергнуты анализу основные направления реализации Государственной культурной политики по сохранению народной традиционной культуры: исследовательское, образовательное, художественно-творческое, социокультурное. Ранее данные направления рассматривались дискретно. Акцентируются существующие «белые пятна»: необходимость практического освоения жанра протяжной песни и танца bielhe.

The article analyzes the practice of preservation, transmission, popularization and development of ethno-cultural traditions of the peoples living in the Republic of Buryatia. The main directions of the State cultural policy implementation for the preservation of folk traditional culture are identified and analyzed: research, educational, artistic and creative, socio-cultural. Previously, these directions have been considered discretely. The existing «white spots» are emphasized: the necessity for practical mastering of the genre of lingering song and dance bielhe.

Ключевые слова: Бурятия, традиционное декоративно-прикладное искусство, музыкальный и танцевальный фольклор, национальные фестивали, творческие проекты.

Keywords: Buryatia, traditional decorative and applied arts, musical and dance folklore, national festivals, creative projects.

Традиционная культура является мощным многофункциональным механизмом социокультурного развития общества, обладая огромным потенциалом воздействия на сознание его членов. Безусловна ее значимость в передаче новым поколениям нравственных, моральных, этических ценностей, в развитии художественно-творческих ресурсов личности, но поскольку народная традиционная культура составляет основу национальной самобытности, важнейшей ее функцией, на наш взгляд, является влияние на процесс национальной и гражданской идентификации.

Осознание индивидуумом того значения, которое государством придается развитию культурного наследия народа, к которому он себя относит, как и всех населяющих Россию народов и этносов, очевидность практических действий государства для осуществления этого развития укрепляет патриотическое отношение к нашей общей стране и единство народов России. Особенно важную роль приобретает необходимость сплочения нашего народа в современной ситуации информационного и геополитического противостояния со странами Запада и США.

Практика сохранения этнокультурных традиций в Республике Бурятия охватывает несколько направлений: исследовательское, образовательное, творческое, социокультурное, что соответствует интерпретации термина «сохранение» в документах, раскрывающих содержание и направления государственной культурной политики [5].

Реализацию Государственной культурной политики по изучению разных аспектов истории и практики народной традиционной культуры осуществляют научные институты, отдельные историки, этнологи, философы, культурологи вузов Бурятии. Широтой охвата и глубиной анализа выделяется изданная в текущем году монография Л. С. Дампиловой «Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая». Результаты исследований публикуются в региональных, федеральных, международных изданиях, проводятся всероссийские и международные научные конференции. Традиционными стали коллективные научные сборники.

Защищены диссертационные исследования по философии

традиционной культуры, семантике традиционной обрядности, фольклорных сюжетов и образов, жилища и костюма, предметов декоративно-прикладного искусства. Научное осмысление фольклорного музыкального наследия охватило проблемы исторической эволюции певческих традиций хори-бурят, закаменских бурят, западных бурят, семейских (старообрядцев) Восточного Забайкалья; жанровой и стилистической структуры музыкального и танцевального фольклора.

Темы, образы, язык традиционной культуры лежат в основе деятельности творческих коллективов республики. Заслуженной славой пользуются выступления Национального театра танца «Байкал», Национального оркестра бурятских народных инструментов, народных фольклорных ансамблей «Магтаал», «Уряал», «Ольхон», «Тоонто», детских хореографических ансамблей «Булжамуур» и «Жемчужины Бурятии», хора «Семейские янтари», муниципального Театра народной музыки и танца «Забава».

Характерной особенностью деятельности многих коллективов является изменение жанровой структуры их выступлений: от дискретности обособленных концертных номеров к континуальности сюжетного действия с привлечением современных сценических эффектов. Поэтому закономерным представляется их определение, как «театр», заменяющее неактуальное уже определение «ансамбль».

Безусловным лидером движения возрождения этнокультурных традиций в республике стал Национальный театр танца «Байкал». Начало третьего тысячелетия ознаменовалось ежегодным созданием целого ряда красочных шоу-спектаклей, реконструирующих историю, обряды и ритуалы различных субэтнических групп Бурятии.

Руководителям ансамбля «Семейские янтари» Н. И. Рещикову и В. С. Рещиковой пришлось не только реконструировать включающуюся в сценические композиции ансамбля обрядово-ритуальную практику семейских, субэтнической группы русского народа, сложившейся по принципу конфессионального единства старообрядчества, но и восстанавливать почти совершенно забытую практику семейского многоголосного распева.

Кропотливое изучение немногих сохранившихся грамзапи-

сей позволило понять и обобщить принципы и приемы распева и создать подходы к их внедрению в деятельность ансамбля. Подвижническая деятельность преподавателей ВСГИК возрождает уникальное фольклорное наследие семейских Забайкалья, включенное ЮНЕСКО в список шедевров устного нематериального культурного наследия человечества. Сейчас репертуар «Семейских янтарей» составляет более двухсот концертных номеров, среди которых песни исторические, свадебные, колыбельные, сиротские, солдатские, казачьи, любовные, лирические.

Ансамбли песни и танца, ансамбли народных инструментов, репертуар которых основан на фольклорном наследии бурят, эвенков, сойотов, семейских и казаков, есть во всех вузах Улан-Удэ. За пределами республики известны «Сибирский сувенир», «Байкальские волны», «Раздолье», «Белый день», «Коробейники», участие которых в творческих соревнованиях разного уровня отмечено присуждением Гран-при, дипломов и званий лауреатов.

Фольклорные ансамбли функционируют в колледжах и училищах республики. Детские школы искусств также могут похвастаться оркестрами и ансамблями бурятских и русских народных инструментов, фольклорными вокальными ансамблями.

Задача сохранения народной традиционной культуры решается во всех районах республики. В каждом районе функционируют: районный культурно-досуговый центр, национально-культурный центр, сельские дома культуры и сельские клубы, детская школа искусств. Многие районы обладают музеями с историко-этнографическими экспозициями, созданными по инициативе жителей.

В последнее время популярность приобретает жанр исторических реконструкций. Приведем лишь один пример: фольклорные коллективы Окинского района «*Уулзалга*» и «*Бадма ямбуу*» реконструируют традиционные обряды, изучая этнографические источники и собирая материал у знатоков родного края, используя подлинные старинные предметы домашнего обихода, включая в реконструкцию элементы национальной игры, народное пение, круговой танец *ёхор*, местный диалект.

Национальное самосознание и толерантность воспитываются при подготовке к участию в международных, всероссийских, ре-

гиональных, городских, районных конкурсах, репертуар которых включает, наряду с произведениями отечественной и зарубежной классики, образцы традиционного народного творчества. Республиканские конкурсы «*Найдал*», «Студенческая весна», «Байкальские струны» пропагандируют национальный инструментарий и национальный репертуар.

Значительную роль в трансляции народной традиционной культуры играют фестивали и праздники. Широкой известностью пользуется международный фестиваль «Голос кочевников», организаторами которого стали Министерство культуры Бурятии и Бурятская государственная филармония. Появившись в 2009 г., как фестиваль этнической музыки, до 2015 г. он проходил как городское мероприятие. Стилевое расширение репертуара и круга участников потребовало и расширения пространства, и территорией многодневного фестиваля стал этнический комплекс «Степной Кочевник» в селе Ацагат.

В рамках международных встреч староверов (памятны встречи 2007 и 2015 гг.) проходит международный фестиваль-конкурс фольклора старообрядческих художественных коллективов «Раздайся, корогод!».

К сожалению, пандемия помешала систематическому (раз в 2 года) проведению Международного бурятского национального фестиваля «*Алтаргана*». Первые четыре фестиваля проходили с 1994 по 2000 гг. в разных аймаках Монголии, как праздники бурятской песни. Постепенно содержательная структура и география участников расширялись, включая конные скачки, борьбу и стрельбу из лука, конкурсы профессиональных певцов и композиторов, фольклорных коллективов, исполнителей бурятских народных песен, *улигершинов* (сказителей), исполнителей одической поэзии. Фестиваль стал кочевым, каждый раз меняя локацию. «Алтаргану» принимали Усть-Ордынский и Агинский национальные округа, Забайкальский край, Республика Бурятия [1, с. 73].

Работа по подготовке фестиваля начинается задолго до его проведения, что интенсифицирует процесс профессионального и самодеятельного творчества, усиливая мотивацию участников. В работу включаются все социокультурные учреждения всех районов республики. Национальной библиотекой объявлены конкурсы поэ-

зии, эссе, книг на бурятском языке по разным номинациям. Тематика конкурсов связана с бурятской культурой, языком, национальными традициями и современными ценностями, включает конкурс патриотических сочинений: «Гражданский долг», «Я и мое Отечество», «Герои нашего времени». При этом диапазон конкурсных номинаций постепенно расширяется. Так, например, в текущем году появилась номинация «Лучшая книга о бурятах и бурятской культуре на других языках», лауреатом в которой стало научно-популярное издание, посвященное 95-летию легендарной бурятской балерины, народной артистки СССР Ларисы Петровны Сахьяновой, созданное доцентами ВСГИК.

Художественным музеем им. Ц. С. Сампилова организована выставка-конкурс декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов традиционных бурятских жанров: живописи в стиле «*Буряад зураг*», резьбы и росписи по дереву минеральными красками, гобеленов из конского волоса, ювелирных украшений, лоскутного шитья в стиле аппликативной *танка*, художественной обработки мягких материалов (кожи, войлока), этнического костюма, сувениров в бурятском стиле.

Проект популяризации уникального танцевального наследия монголоязычных народов – кругового танца *Ёхор* – к 2008 г. постепенно вырос до фестивального формата «Ночь *Ёхора*». Теперь его фестивальная программа состоит из конкурсов, мастер-классов, викторин на знание традиции, обычаев, традиционной одежды и предметов быта народов Бурятии. В конкурсной программе участвуют самодеятельные и профессиональные коллективы республики, Иркутской области и Забайкальского края, бурятских землячеств из г. Нерюнгри (Якутия), г. Хух-Хото (Китай). Профессиональными танцовщиками для всех желающих проводятся мастер-классы по исполнению *Ёхора*. Заключительным «аккордом» становится общий Большой Ёхор, который танцуют вокруг костра все участники и гости фестиваля [4] .

Иную точку отсчета имеет межрегиональный этнокультурный фестиваль «Ёрдынские игры». Гора Ёрд возле озера Байкал издавна была местом проведения межплеменных многолюдных молебнов духам предков. В современных реалиях локация трансформировала функциональное предназначение, став местом народного

праздника с песенно-танцевальными и спортивными состязаниями. Первый праздник был проведён в Ольхонском районе в 2001 г., в 2013 г. Ёрдынские игры вошли в календарь мероприятий ЮНЕСКО, в 2016 г. фестиваль стал лауреатом Всероссийского конкурса событийного туризма – победителем в номинации «Народные традиции».

Основным содержанием Ёрдынских игр являются «Игры Баторов (богатырей) Срединного мира» – соревнования по бурятской борьбе (*бухэ барилдаан*), стрельбе из традиционного лука, метанию камня, масрестлингу (перетягиванию палки), а также забег вокруг горы Ёрд. Позже были добавлены бурятская традиционная игра «*һэер шаалган*» (турнир по разбиванию хребтовой кости) и соревнование на скорость и тщательность стрижки овец [3].

Большое внимание уделяется сохранению и развитию бурятского языка. Кроме учебной деятельности в школах и детских садах, выпуска учебников и рабочих тетрадей, методических семинаров для учителей начальных школ, реализуются различные социальные программы. Функционирует ряд республиканских телевизионных и радиоканалов, в программе которых ежедневно присутствует несколько передач на бурятском и эвенкийском языках. Запущено вещание первого круглосуточного телеканала на бурятском языке «Буряад ТВ», призванного содействовать созданию обширной языковой среды и повысить речевую и языковую культуру населения.

Ежегодно, вот уже 16 лет, в течение всего октября, в республике проводятся фестивали, конкурсы и диктанты, посвящённые Дню бурятского языка. Бурятский государственный университет проводит циклы публичных лекций ведущих профессоров и доцентов на бурятском языке. Большое количество участников привлекает межрегиональный чемпионат по чтению вслух. В конкурсе по созданию юмористических рассказов, стихотворений, видеороликов состязаются жители Бурятии, Забайкальского края, Иркутской области в возрасте от 5 до 88 лет [2].

Объединяют жителей республики, независимо от национальной принадлежности, национальные праздники: бурятские «*Сагаалган*» и «*Сурхарбан*», русская «Масленица», эвенкийский «*Балдер*». «*Сагаалган*» – празднование Нового года – получил раз-

витие в проекте «Сказочный Сагаалган в Бурятии», рабочая группа которого отмечена присуждением Премии Правительства России. Основными исполнителями этого проекта выступают участники театра анимации «Душа Байкала», созданного в Восточно-Сибирском государственном институте культуры в 2001 г., и успешно продолжающего изучать и пропагандировать этнокультурные традиции народов Бурятии.

Есть и нерешенные проблемы. Потеряны традиции протяжного пения. Причин этому несколько, и немаловажную роль при этом сыграли политические установки: традиционное считалось «буржуазным». Эта потеря в Бурятии осознается, что обусловило обращение за этой наукой в Монголию. Практика стажировок успешно осуществлялась, но помешала пандемия. Но дело в том, что и после оплаченных государством стажировок в Бурятии разливы протяжной песни слышны нечасто. Певцы, прошедшие стажировку, редко демонстрируют приобретенное мастерство и не делятся с земляками полученными «от республики» навыками. Исключением является, пожалуй, лишь творческая и педагогическая деятельность доцента ВСГИК С. Ц. Маншеевой. Понятно, что уметь петь и уметь научить пению – разные вещи, но какие-то подступы должны были бы уже проявиться.

Не прививается в Бурятии умение исполнять традиционный танец монголов и калмыков «биелhе», поражающий воображение одновременным движением отдельных частей тела. Но если в Монголии этому учат, значит и нашим танцовщикам можно привить этот навык.

Позитивные сдвиги демонстрирует деятельность творческих коллективов: театров народной песни и танца, фольклорных ансамблей – профессиональных, учебных, самодеятельных, пропагандирующих национальный репертуар и национальный инструментарий. Их руководители и участники не только репродуцируют фольклорные образцы, но и возрождают уникальное фольклорное наследие, изучая сохранившиеся письменные и аудиоисточники, осуществляя полевые записи и их практическое освоение. Нужно отметить подготовку бакалавров направления «Искусство народного пения» во ВСГИК: внедрены специальные учебные курсы, позволяющие сформировать современного носителя народной русской

и бурятской певческой культуры с высоким уровнем этнопевческих навыков.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в Республике Бурятия осуществляется деятельность по возрождению, сохранению и развитию лучших традиций народной культуры и самобытного народного художественного творчества, что способствует развитию российской культуры, взаимообогащению национальных культур и сохранению единого культурного пространства.

Примечания

1. Санжиева Е. Г. Роль праздника в культурном развитии монголоязычных народов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 72-75.

2. День бурятского языка. URL: https:// yandex.kz/news/instory / (дата обращения: 15.04.2024).

3. Ёрдынские игры. URL: https://yandex.ru/search/?text=ердынские+игры +на+ольхоне&lr= (дата обращения: 16.04.2024).

4. Ночь Ехора // Визит Бурятия. URL: http://www.visitburyatia.ru/holidays/item-1639/ (дата обращения: 20.04.2024).

5. Основы государственной культурной политики. URL: https://kkt.ryazan. gov.ru/osnovy-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki/ (дата обращения: 19.04.2024).

УДК 787(079.1)(571.54)

Иванова О. Д., г. Улан-Удэ, Россия

Ivanova O. D., Ulan-Ude, Russia

ПОДГОТОВКА СОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ЯТАГИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОНКУРСОВ И ФЕСТИВАЛЕЙ

TRAINING THE YATAGA PLAYERS' SOLO PROGRAM IN THE CONDITIONS OF HOLDING MUSICAL CONTESTS AND FESIVALS

В статье рассматривается вопрос составления программы для участия ятагистов на конкурсах по программным требованиям. Поднимается проблема подбора репертуара для ятаги на конкурсах и особо подчеркнуты конкретные примеры репертуара для ятаги.

The article considers the issue of making a program for the yataga palyers' participation in the contests according to the program requirements. The problem of selecting the repertoire for the yataga at the contests is raised and specific examples of the repertoire for yataga are emphasized.

Ключевые слова: музыкальный инструмент ятага, конкурс, оригинальный репертуар для ятаги, исполнительство.

Keywords: musical instrument yataga, contest, original repertoire for yataga, performing.

На сегодняшний день ятага – это усовершенствованный инструмент, соответствующий академическому уровню музицирования. Постепенно происходит расширение музыкального репертуара, для этого инструмента стали создавать музыку композиторы молодого поколения. Кроме этого, налажена система обучения ятагистов, руководствуясь которой подготовлены известные исполнители и педагоги ДШИ города Улан-Удэ и Республики Бурятия, а также Забайкальского края и Иркутской области.

В процессе обучения каждая школа в своей работе руководствуется созданным конкретно для данной специальности учебным планом. Педагогический репертуар составляется не только из народ-

ных мелодий и произведений, специально созданных для ятаги, в него включаются и обработанные для ятаги произведения, а также для гуслей, арфы и других родственных инструментов. При помощи разностороннего репертуара учащиеся обучаются исполнительской технике, расширяются и углубляются их интерпретационные навыки [1].

Проанализировав историю становления ятаги в Бурятии, можно утверждать, что именно такие цели ставили перед собой и первые учителя.

Следует отметить, что преподаватели и исполнители на ятаге в настоящее время объединены общей идеей: ятага должна звучать для широкой аудитории, поэтому на ятаге играют не только в Бурятии, но и далеко за ее пределами. Совершенствованию техники исполнительства и формированию нового исполнительского репертуара, созданию новых композиций и расширению репертуара, несомненно, сопутствует обоюдное творческое сотрудничество исполнителей и композиторов. Наряду со своими профессиональными обязанностями педагоги класса ятаги расширяют и художественную деятельность. Они заботятся о престиже своей специальности, никогда не прекращают совершенствовать своё исполнительское мастерство и стремятся к новым высотам.

Очевидно, что, руководствуясь данными принципами, они совершенствуют народную инструментальную музыку, добиваясь признания и достойного места в системе обучения этому жанру.

За многие десятилетия в России сложилась система воспитания и продвижения юных дарований, важно в наше непростое время уберечь эту систему, способствующую повышению культурного потенциала общества в целом, появлению новых музыкантов-исполнителей.

Конкурсы и фестивали предоставляют возможность для исполнителя познакомиться со спецификой искусства игры на родственных музыкальных инструментах, а также проникнуться новыми музыкальными произведениями. Право принимать участие в конкурсах и фестивалях получают учащиеся детских музыкальных школ, студенты училищ и колледжей, музыкальных академий, институтов культуры и искусства.

Особо следует отметить Международный музыкальный конкурс «Найдал» – масштабный проект в области поддержки юных

музыкантов, который проходит на базе Улан-Удэнского колледжа искусств имени П.И. Чайковского, учредителем является Министерство культуры Республики Бурятия. Конкурс проводится с периодичностью один раз в четыре года. История конкурса начинается с 1997 г. В 2005 г.конкурс приобрёл статус международного, получил широкую известность за пределами республики. Количество его участников с каждым годом увеличивается, исполнители соревнуются в разных возрастных категориях. Конкурс выгодно отличается высоким уровнем подготовки участников, имеет большой резонанс и способствует развитию и совершенствованию исполнительского и педагогического мастерства. Достаточно обширны и разнообразны программы конкурса.

По инициативе руководителей Восточно-Сибирского государственного института культуры Р.И. Пшеничниковой, В.И. Солодухина и заведующего кафедрой народных инструментов, профессора В.Ф. Мусихина в 2004 г. в г. Улан-Удэ прошёл I Международный конкурс исполнителей на струнных инструментах стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Кубок Байкала» [2]. Конкурсные состязания проходили по номинациям струнно-смычковые, струнно-плекторные, струнно-щипковые и струнно-ударные инструменты. География его участников включала в себя представителей Монголии, Узбекистана, Новосибирска, Иркутска, Читы, Улан-Удэ.

Динамика конкурсов «Найдал», «Кубок Бакала» разных лет говорит о том, что участниками приобретается исполнительский и концертный опыт, наставники конкурсантов неуклонно растут в работе со своими учениками в подборе конкурсных программ и их подаче, художественной и технической оснащённости, а также умении выдерживать концертное исполнение.

Благодаря конкурсным испытаниям исполнители на ятаге детально разбирают произведения с тонкостью их нюансировки. Репертуар для исполнителя на ятаге очень важен, так как путём анализа репертуара в различные периоды можно установить отдельные стадии в развитии музыканта. В репертуаре большое место занимают произведения композиторов Монголии, таких как Н. Жанцанноров, Б. Шарав, композиторов Бурятии Л. Санжиевой, П. Дамиранова, Е. Олёрской, а также композиторов России из репертуара для гуслей.

Ятагисты Бурятии успешно участвуют и занимают призовые

места на конкурсах, таких как Всероссийский конкурс музыкантов и художников им. А.А. Кенеля (г. Абакан), Всероссийский конкурс исполнителей на струнно-щипковых инструментах им. О. Павловой, Международный фестиваль-конкурс исполнителей на многострунных инструментах «Радуга юных дарований. Звените гусли над Кокшагой» (г. Йошкар-Ола) и т.д.

Конкурсы и фестивали исполнителей на национальных инструментах дают их участникам возможности осознания особенностей национальных традиций, сохранения культурного наследия, развития и популяризации культур народов, содействуют взаимообогащению исполнительских школ, укреплению международных культурных связей. За период проведения конкурсов подготовлено большое количество лауреатов и дипломантов. К сожалению, по финансовым причинам не удаётся участвовать в конкурсах за пределами республики. Основной проблемой для участия ятагистов в конкурсах является подбор музыкальных произведений, соответствующих программным требованиям конкурса. Изменения в репертуаре, манере и стиле исполнения подтверждают ятагисты на конкурсах.

Таким образом, конкурсная деятельность мотивирует исполнителей к профессиональному и карьерному росту. Положительная динамика студентов и учащихся, которые неоднократно принимали участие в конкурсах очевидна, роль музыкально-исполнительских конкурсов очень важна в самоориентации в деятельности студентов и учащихся ДШИ.

Конкурсы – неотъемлемая составляющая профессиональной жизни современного музыканта, выход на сцену дарит новые положительные эмоции, новые знания и признания.

Примечания

1. Иванова О. Д. История становления и перспективы развития национальных инструментов Бурятии – ятага // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. № 2(22). С. 41-49.

2. Цибудеева Н. Ц. Кубок Байкала: проблемы и перспективы конкурса // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4(4). С. 135-139.

УДК [378.016:39](571.54)

Чимитова И. З., г. Улан-Удэ, Россия

Chimitova I. Z., Ulan-Ude, Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ БУРЯТИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

USE OF TRADITIONS OF THE PEOPLES OF BURYATIA IN THE ACTIVITY OF HIGHER SCHOOL

Статья посвящена проблеме использования таких традиций и ценностей народов-старожилов Бурятии, бурятского и русского, как почтение младшего поколения к старшему, заботливость и ответственность родительского поведения, доброта и сочувствие к окружающим, а также уважение к природе, мужество, стойкость, независимость, солидарность, толерантность и другие качества, присущие сибирякам в системе высшего образования региона.

The article is devoted to the problem of using such traditions and values of the old-timer peoples of Buryatia − the Buryats and Russians as reverence of the younger generation to the older one, caring and responsible parenting, kindness and empathy for others, as well as respect for nature, courage, resilience, independence, solidarity, tolerance and other qualities inherent in the Siberians in the system of higher regional education.

Ключевые слова: традиция, ценность, культура, буряты, русские, сибиряки, высшее образование, гуманитарные дисциплины, Бурятия.

Keywords: tradition, value, culture, Buryats, Russians, Siberians, higher education, humanities, Buryatia.

Одним из важнейших социальных институтов, выполняющих широкий круг задач подготовки профессионалов в различных областях жизнедеятельности общества, а также функции социализации индивида, формирования духовно развитой личности, с разносторонними, в том числе культурными, компетенциями, является

высшая школа.

В соответствии с Федеральным законом об образовании к числу его основополагающих принципов относится единство образовательного пространства на всей территории Российской Федерации. Наряду с этим в законе подчеркивается значимость специфики культур всех населяющих ее народов, и важнейшими субъектами сохранения и развития этнокультурного многообразия регионов являются учреждения высшего образования.

В Республике Бурятия, как и в других субъектах нашей страны, за последние десятилетия наработан немалый опыт в этом направлении, в том числе и в системе высшего образования: введено преподавание такой дисциплины, как межкультурная коммуникация, регулярно осуществляется ряд международных научно-образовательных проектов вузов региона, включая учреждения буддийского образования, и др. [1, с. 330-331].

Наряду с изучением широкого круга социально-гуманитарных учебных дисциплин, включая организацию самостоятельной научной и учебной работы студентов, в сотрудничестве с учреждениями науки и культуры вузами проводится воспитательная работа. При этом особое внимание уделяется инициативе и творчеству обучающихся, деятельности студенческого самоуправления и других структур.

Необходимо учитывать, что сложившиеся у народов-старожилов республики, в первую очередь, у самых многочисленных из них, бурят и русских, ценности и традиции не только живы и давно стали общим достоянием на местном уровне, но и могут обогатить культуру многих других народов в стране и за ее пределами, с пользой применяться в образовательных и воспитательных целях.

Остановимся лишь на нескольких из них, имеющих не только внутриэтническое и региональное, но и общенациональное и общечеловеческое значение.

Как и у многих народов мира, у бурятского народа принято почтительное отношение младших к старшим, в котором выражается уважение к знаниям, мудрости, признание ценности свершений и накопленного старшими поколениями опыта, и изучение истории и культуры региона, курсов этики, этикета, этнографии, бурятской

литературы, фольклора и других учебных дисциплин дает возможность обучающимся познакомиться с бытованием этой традиции. Так, можно порекомендовать им, например, книги классиков этнографической науки, а также ученых советского периода Т. М. Михайлова, К. Д. Басаевой и др., в которых молодежь найдет также много интересных фактов и сведений, сможет оценить их значение в изменившихся обстоятельствах.

Актуальность такой нормы поведения в новых условиях подчеркивал в своих трудах Д. С. Лихачев, призывая подростков и молодежь к уважению к минувшему, истокам, святыням, сохранению памяти о дорогих нам людях, к почтительному отношению детей к родителям [2, с. 62-63, 82].

Заботливое, бережное отношение к детям характерно для традиционной бурятской культуры. Оно предполагает любовь, а также высокую степень ответственности родителей за их воспитание, которая проявляется, в частности, в предусмотрительности [3, с. 126-127], продуманности действий, сдержанности старших в проявлении эмоций, неприемлемости выражения чрезмерной привязанности к подрастающему поколению, в обязательном привлечении всех детей к посильному труду [4, с. 25, 87-88].

Многие моменты взаимодействия поколений в бурятской семье не потеряли своей значимости и сегодня, и педагог может привести соответствующие примеры и попросить сделать это аудиторию. Это убедит студентов, что обращение к опыту прошлого может помочь эффективно выстраивать отношения в современных семьях, поскольку в указанном опыте отражается сущность модели должного родительского поведения, от которого, как отмечают новейшие психологические исследования, во многом зависит становление детского характера [5, с. 13], дальнейшая успешная социализация и самореализация детей. Выход из ситуации, характеризуемой многими специалистами как кризис семьи, может быть связан с использованием многовекового опыта народной педагогики.

Отношения между родителями и детьми составляют лишь часть разветвленной системы родственных отношений, весьма значимых для бурятского этноса. Обсуждая с обучающимися этот аспект, преподавателю целесообразно обратить их внимание на замеченную Д. С. Лихачевым аналогичную черту, которую он назвал

очень русской.

Это характерное для русского фольклора и литературы обыкновение подчеркивать ласковость к человеку через связь с его родными, чаще всего с матерью и отцом, а также наличие множества слов русского языка с корнем «род», в том числе родник и природа [6, с. 6-8]. Местные студенты и сами могут вспомнить название одной из местных групп русского народа – семейских, обретших на земле Бурятии новую родину несколько веков назад.

В едином контексте с упомянутыми выше нормами следует рассматривать внимательное отношение бурят к социально уязвимым, слабым, немощным, которые всегда находили сочувствие, понимание и помощь у сородичей, о них заботился коллектив, а осиротевших детей в прошлом всегда воспитывали родственники. Можно порекомендовать обучающимся научную литературу, художественные произведения, обсудить актуальность этой традиции в современной России.

Как известно, одним из принципов буддизма, как религии бурятского народа, является сострадательное отношение ко всем живым существам, вполне отвечающее целям формирования экологической культуры человечества наших дней. Благодаря деятельности государственных структур, в том числе образовательных, широких кругов общественности уровень экологической культуры населения Бурятии постепенно меняется к лучшему, однако еще больше предстоит сделать для эффективной охраны природы и создания благоприятной в экологическом отношении среды обитания человека.

Обсуждение этих традиций логично совместить с обращением к основополагающим ценностям культуры русского народа, которые В. С. Соловьев квалифицировал как «первичные данные нравственности», и отнес к таковым чувства стыда, жалости и благоговения [7, с. 824].

В учебных курсах философии, этики, культурологии, религиоведения, истории русской литературы обучающиеся знакомятся с воззрениями отечественных мыслителей, и важно отметить, что их лейтмотивом были такие ценности, как ненасилие, доброта, сострадание. «Очень русскими чертами» социальной морали своих соотечественников Н. А. Бердяев назвал жалость к падшим, уни-

женным и оскорбленным [8, с. 122].

Не случайно многие западные интеллектуалы признают огромный вклад российской культуры с ее духовно-нравственной доминантой в общемировое гуманистическое наследие.

Народы-старожилы Бурятии в равной мере являются носителями сибирской ментальности, одним из атрибутов которой выступает уважительное и почтительное отношение человека к могучей и суровой природе, которая не терпит легкомыслия, заставляет считаться с собой, постоянно проверяет человека на мужество, стойкость и выдержку, благодаря чему формируется сильный, волевой, независимый тип сибиряка. Эта ментальность, как утверждает А. П. Серов, противостоит всему, что связывает инициативу и самостоятельность, что унифицирует людей [9, с. 302].

Объективные обстоятельства требуют от сибиряков, независимо от их этнической, религиозной и иной принадлежности, взаимовыручки, солидарности, умения трудиться сообща, искать и находить общий язык друг с другом, проявляя толерантность и взаимное уважение.

Среди качеств сибирского социума, важных для реализации модели устойчивого развития, специалисты выделяют контактность, солидарность и справедливость [1, с. 336].

Особенный склад сибиряков проявляется не только в их мужественности, закаленности, крепости, привычке к жизненным трудностям, деловитости, но и в приветливости, гостеприимстве, уверенном спокойствии, сдержанности, добросердечии, отсутствии корыстолюбия, самодовольства, их неотрывности от родных мест, внутренней силе и чистоте [10, с. 56-57].

Широкие возможности для осмысления обучающимися традиционных качеств сибирского социума открывает изучение философии, психологии, истории Сибири и ее культуры, сибирской литературы, искусства, фольклора, и в силу близости этого материала большинству студентов вызовет интерес и станет основой для дальнейшей их познавательной активности и одновременно реализации целей гуманистически ориентированного поликультурного отечественного образования.

Таким образом, вузы Бурятии выступают ключевыми акторами изучения, сохранения и трансляции традиций и ценностей

народов-старожилов региона, в том числе уважительного отношения младших к старшим, моделей ответственного родительского поведения, доброты и сострадания к окружающим, лучших качеств сибирской ментальности, которые заслуживают применение в образовательных учреждениях России и за ее пределами.

Примечания

1. Мантатов В. В., Болдонова И. С. Специфика образования в Республике Бурятия: от национально-локального к ноосферно-глобальному // Культура в условиях глобализации. Взгляд из России : монография / под ред. д-ра филос. наук, проф. А. Н Чумакова. М. : КНОРУС, 2017. С. 329-337.

2. Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М. : Советская Россия, 1988. 144 с.

3. Халхарова Л. Ц. Культ ребенка в бурятской художественной традиции // Бурятская литература в условиях современного социкультурного контекста: материалы региональной научной конференции, (27-28 ноября 2006 г.). Улан-Удэ : Буряад үнэн, 2006. Ч. 1. С. 126-130.

4. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

5. Алмазов Б. Н. Психологическая совместимость с детьми : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 124 с.

6. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М. : Советская Россия, 1981. 72 с.

7. История этики : учебник / под ред. А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2003. 911 с.

8. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 77-144.

9. Серов А. П. Менталитет сибиряков и будущее Сибири // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. СПб. : Астерион, 2007. С. 299-305.

10. Селиванов В. В. У истоков сибирской неповторимости // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. СПб. : Астерион, 2007. С. 56-70.

УДК 027.5(571.54-25)

Шаньгинова Г. А., г. Улан-Удэ, Россия

Shanginova G.A., Ulan-Ude, Russia

ПРОДВИЖЕНИЕ КНИГИ И ЧТЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ГОРОДА УЛАН-УДЭ

BOOK AND READING PROMOTION: FROM THE EXPERIENCE OF THE MUNICIPAL LIBRARIES OF ULAN-UDE CITY

В публикации рассмотрены основные направления деятельности муниципальных библиотек г. Улан-Удэ в области продвижения книги и чтения.

The publication considers the main activities of the municipal libraries of Ulan-Ude city in the field of book promotion and reading.

Ключевые слова: продвижение книги и чтения, муниципальные библиотеки, проекты, книжные клубы, культурно-просветительские мероприятия, читатели.

Keywords: book and reading promotion, municipal libraries, projects, book clubs, cultural and educational events, readers.

Продвижение книги и чтения – одна из актуальных проблем отечественного библиотековедения. Изучение профессиональной литературы демонстрирует исследование темы как в теоретическом аспекте, так и в практическом. Особо выделяются в этом направлении деятельности муниципальные библиотеки субъектов РФ, накопившие богатый опыт в области продвижения книги и чтения. В диссертациях тема раскрывается более узко, фрагментарно, как раздел исследования; кроме этого, данная тема рассматривается в конференциях различного уровня (международных и всероссийских), затрагивающих чтение взрослых и детей.

Несколько лет назад, в 2021 г., закончилась реализация ре-

гиональной программы поддержки и развития чтения в Республике Бурятия (2019-2021 гг.), в которой основное внимание было уделено детскому и молодёжному чтению. В другом документе – «Концепции развития библиотечного дела в Республике Бурятия на период до 2030 года» – поддержка детского и юношеского чтения предусмотрена как одно из направлений развития библиотечного дела [1].

Центральная городская библиотека (ЦГБ) с 1996 г. носит имя известного бурятского писателя Исая Калистратовича Калашникова. В ЦБС г. Улан-Удэ – 17 филиалов, из которых 6 именных библиотек: И. Калашникова, В. Липатова, Н. Нимбуева, Н. Дамдинова, Ц.-Б. Бадмаева, А. Гайдара и 4 модельных библиотеки: «Семейный меридиан», PRO100БИБЛИОТЕКА, «Терминал детский», «Гид времени» [2].

Работу муниципальных библиотек г. Улан-Удэ по продвижению книги и чтения можно разделить на несколько направлений, среди которых особое место занимают проекты. Интересен проект ЧИТАТЬPRO, где предлагаются книжные подборки по различным темам: к Дню защитника Отечества, празднованию Сагаалгана (Белого месяца), Сталинградской битве и многое другое. Не обошли вниманием и книги, посвящённые профессии библиотекаря. В рамках данного проекта существует подкаст «Книжный разговор», где каждый раз новые гости, которые делятся своим мнением о книгах, литературе.

Остановимся в данной публикации только на проектах 2023 г. Так, муниципальными библиотеками было заявлено 3 основных проекта: «К 100-летию РБ», к Году педагога и наставника, «Герои Бурятии. Подвиг продолжается», в каждом из которых предусмотрено значительное количество культурно-просветительских мероприятий, направленных на продвижение книги и чтения. В числе этих проектов представлены и сетевые, так в рамках 100-летия РБ были реализованы «Моя Бурятия», «Республика Бурятия СТОлица» (цикл мероприятий по истории республики с приглашёнными специалистами, известными людьми города и республики, деятелями культуры и искусства): встреча «Человек и природа», этнокультурный час «Эвенки – намады тайги», этнокультурный вечер «У истоков народной культуры», квест-игра «Удин-

ский острог» и др.

Среди проектов, освещающих культурную историю и современность Бурятии, выделяется, например, «[Искусство] внутри и снаружи» направлен на изучение современного искусства в городе и деятельности художников. Каждый месяц в библиотеке проходят встречи в формате «воркшоп» с приглашенным гостем и «Диалог с прошлым» (посвящён истории и современному культурному коду, предлагает посмотреть по-новому на привычные места столицы). Проект «Топонимы Улан-Удэ» представляет собой рассказ о городе, его официальной и неофициальной истории. В нем 57 названий различных мест города, каждый топоним содержит историческую информацию, данные о его местонахождении и расположении на интерактивной карте.

Учитывая то, что 2023 год прошел как Год педагога и наставника, отметим соответствующие проекты, приуроченные к данному событию: «Учитель в объективе», «Академия 17» (профориентационные встречи-диалоги между читателями-детьми и врачами, психологами, преподавателями школ и вузов), «Учитель – это призвание», «Учитель и писатель» (о бурятских писателях, которые не только имели педагогическое образование, но и преподавали). В данном проекте отмечается разнообразие форм и методов работы библиотек-филиалов с пользователями.

Заслуживает внимания информационно-образовательный проект, разработанный сотрудниками ЦГБ на средства гранта Министерства образования и науки РБ «Герои Бурятии. Подвиг продолжается». В структуре проекта интерактивный справочник «Герои Бурятии»: фактографическая, библиографическая информация о 43 Героях Советского Союза, 19 героях РФ, онлайн-карта «Имена Героев на карте Улан-Удэ»: информация о 30 мемориальных улицах, 40 памятниках истории, 6 школах имени Героев-участников Великой Отечественной войны, локальных войн и СВО, путеводитель «Улан-Удэ героический»: иллюстрированный путеводитель в формате pocket book, с которым можно совершить прогулки по районам нашего города, пройти по улицам, посетить парки и скверы, увидеть памятники, посвященные Героям Бурятии. Высока значимость этого проекта для подрастающего поколения, благодаря ему можно получить подробную информацию о героях республики,

внесших вклад в обеспечение безопасности нашей Родины. Кроме этого, важна ценность проекта для патриотического воспитания детей и подростков.

Интересны проекты отдельных библиотек, направленные на продвижение книги и чтения, например, «Читай-ка, Лайка» (филиал №16) сеансы канис-терапии с собаками; канис-терапия для пользователей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Другой проект «Читаем с бабушкой Долгор» (филиал № 24 им. Н. Дамдинова) знакомит с бурятскими сказками, что способствует поддержке чтения на родном (бурятском) языке [2]. Существенно повышают значимость проекта то, что произведения на бурятском языке читают заслуженные учителя, работники системы образования. Каждый проект своеобразен и по-своему уникален, отражает культурную жизнь горожан.

Второе направление муниципальных библиотек г. Улан-Удэ по продвижению книги и чтения – создание книжных клубов. В филиале № 13 им. Н. Нимбуева функционирует Просто книжный клуб (Улан-Удэ), участники которого обсуждают художественную литературу, в том числе и классику, проводят литературные встречи для заинтересованных людей. В процессе обсуждения происходит не только высказывание впечатлений, но и выбор новых книг для обсуждения. Тематика культурно-просветительских мероприятий клуба разнообразна: дискуссии, лекции, обсуждения, тематические, музыкальные и поэтические вечера, квартирники, экологические акции и т.д.

Участниками клуба «Книжный Хогвартс» (филиал № 24 им. Н.Г. Дамдинова) являются в основном женщины, что положительно повлияло на развитие семейного чтения. Привлекая детей к совместному чтению в семье, молодые мамы способствуют появлению у подрастающего поколения любви к книгам. Произведения предлагают сами клубчане, они обсуждали и разбирали книги известного скандинавского писателя Фредерика Бакмана, писательниц Наринэ Абгарян и Анджелы Нанетти. Примечательно, что некоторые клубы проводят совместные заседания, что способствует расширению тематики обсуждаемых книг, обмену мнений.

Цели книжного клуба «Территория чтения», который функционирует в модельной ПРО100 библиотеке с 2023 г., заключаются

в объединении читающей молодежи, раскрытии их творческих способностей и реализации потребности в общении.

Название книжного клуба «От корки до корки» (филиал № 4) говорит само за себя, ведь только прочитав книгу от начала до конца можно познать ее содержание. Формы работы клуба идентичны, как и у рассмотренных выше, однако есть и небольшое отличие: просмотр и дальнейшее обсуждение экранизаций литературных произведений.

У некоторых библиотек-филиалов МАУ ЦБС г. Улан-Удэ функционируют несколько книжных клубов. Так, в филиале № 5 представлены «Родник» (рекомендации, подборки и отзывы на книги для совместного семейного чтения родителей и детей) и «Феникс» для более взрослой аудитории [2].

Третье направление продвижения книги и чтения муниципальными библиотеками г. Улан-Удэ: культурно-просветительские мероприятия. Библиотеками проводятся разнообразные по форме мероприятия [2]:

- презентации книг «Буряад домогууд»/«Бурятские легенды,
- литературный час «В гости к дедушке Крылову»,
- краеведческий час «Традиции Сагаалгана»,
- литературное путешествие «Литературный альманах вокруг света»,
- литературный экскурс «Мир природы в книгах»,
- литературное путешествие по сказке «Старик Хоттабыч»,
- квартирники,
- квизы,
- музыкально-поэтические вечера,
- летний читальный зал «Читающая скамейка»,
- поэтические встречи (российские и зарубежные авторы, местные писатели) и т.д.

Традиционно муниципальными библиотеками проводится значительное количество мероприятий, приуроченных к юбилейным годовщинам известных писателей: литературный урок «Фантазёры Николая Носова»; литературный час «Классик русской прозы», посвященный 205-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева; вечер, посвященный 95-летию Чингиза Айтматова; в том числе и местных – творческий вечер, посвящённый юбилею

поэтессы и заслуженного учителя РБ Нины Ленхобоевой-Артугаевой и т.д.

Особое место среди культурно-просветительских мероприятий занимают те, что направлены на продвижение и сохранение бурятского языка, в частности в 2023 г. муниципальными библиотеками-филиалами МАУ ЦБС проведены разнообразные мероприятия: выставки, встречи, игры, конкурсы. Это «Эрхим диктант», урок-игра «Дэлгэрэг лэ, буряад хэлэмнай!», громкое чтение «Уран уншалга», конкурс эссе «Воспеваю родную землю», конкурс чтецов на бурятском языке «Минии буряад хэлэн» и др.

Таким образом, муниципальные библиотеки-филиалы МАУ ЦБС г. Улан-Удэ проводят огромную работу по продвижению книги и чтения среди различных категорий населения.

Примечания

1. Концепция развития библиотечного дела в Республике Бурятия на период до 2030 года : распоряжение от 18 авг. 2022 г. N 653-р г. Улан-Удэ // Кодекс - Профессиональные справочные системы. URL: https:// www.consultant.ru/ regbase/cgi/online.cgi?req =doc&base= RLAW355&n=7 5416 (дата обращения 14.10.2024).

2. Муниципальные библиотеки Улан-Удэ (МАУ ЦБС г. Улан-Удэ). URL: https://cbs-uu.ru/ (дата обращения 14.10.2024).

УДК 378.147:681.841

Григораш А. В., г. Барнаул, Россия

Grigorash A.V., Barnaul, Russia

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СОЗДАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА В ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ЗВУКОРЕЖИССЁРА

METHODICAL APPROACHES TO THE DIGITAL MUSIC CONTENT CREATION IN THE SOUND ENGINEER'S PRACTICAL WORK

В статье рассматривается авторский опыт применения методических подходов к организации создания музыкального цифрового контента в процессе подготовки звукорежиссёров в высшей школе. Автором предложены и проанализированы классические методические подходы, такие как репродуктивный, проектный, игровой, системный. Большое внимание уделяется авторскому референсному методическому подходу, который был создан и апробирован в результате практической работы с обучающимися. В этом заключается новизна данной статьи.

The article considers the author's experience of applying methodical approaches to the creation of digital music content in the process of training sound engineers at the higher school. The author suggests and analyzes the classical methodical approaches as reproductive, project, gaming, and systemic. Much attention is paid to the author's reference methodical approach that was created and tested as a result of the practical work with the students. This comprises the novelty of the article.

Ключевые слова: методические подходы, репродуктивный, проектный, игровой, системный, звукорежиссёр.

Keywords: methodical approaches, reproductive, project, gaming, systemic, sound engineer.

Современные технологические изменения, включая эволюцию оборудования, программного обеспечения и методов работы, существенно влияют на процессы создания и обработки звука. Структура звуковой индустрии претерпевает изменения: музыка распространяется через цифровые платформы, возрастает спрос на большое жанровое разнообразие аудиоконтента. Современные звукорежиссеры не только записывают музыку, занимаются обработкой, сведением, мастерингом, но зачастую и работают над её дистрибьюцией. При этом уделяется пристальное внимание качеству готового цифрового контента, это, пожалуй, один из главных запросов потребителя.

Опыт работы позволяет сформулировать основные методические подходы, которые подтвердили свою результативность в процессе обучения.

Прежде всего, необходимо выяснить, что мы имеем в виду, говоря о музыкально-цифровом контенте. К музыкально-цифровому контенту в широком смысле можно отнести весь контент, размещаемый в интернете, интернет-площадках, на сайтах, стриминговыми сервисами, который можно воспроизводить онлайн или загружать на свое устройство. К этому контенту можно отнести аудиопроекты, представляющие собой музыкальные материалы любых жанров и стилей, аудиокниги, аудиопостановки, подкасты, аудио-интервью, аудио- и видеорекламу, музыкальные клипы и т.д. По сути, все что находится в интернет-пространстве, на персональных устройствах в той или иной степени соотносится с понятием музыкально-цифровой контент.

Студенты специальности «Звукорежиссура культурно-массовых представлений и концертных программ» в практической деятельности работают над созданием такого контента. Более того, многие студенты создают подобный контент в рамках выполнения коммерческих заказов, а также реализуя свой собственный творческий потенциал. Задача же высшей школы научить, дать практический опыт. К классическим методическим подходам организации создания музыкально-цифрового контента можно отнести следующие:

- ✓ *Репродуктивный*
- ✓ *Проектный*

- ✓ *Игровой*
- ✓ *Системный*

Подход, возникший как практическое решение целого ряда задач, при создании музыкально-цифрового контента и организации практических занятий студентов условно назван как референсный (вне субъективных оценок). Проанализируем предлагаемые методы.

Репродуктивный методический **подход** – это фундаментальная основа любого процесса обучения, он предполагает усвоение базовых понятий, терминов, основных определений, получение практических навыков, закрепление в процессе выполнения практических заданий, понимание материала, выявление взаимосвязей между отдельными элементами. В силу того, что репродуктивный подход предполагает, в том числе работу с большими группами, данный подход требует универсальности и адаптированности материала для восприятия максимально большим числом студентов практически с первого прослушивания. На примере дисциплины «Основы звукорежиссуры», целью освоения которой является в ходе овладения базовыми понятиями физики и природы звука, рассмотрение закономерностей существования и взаимодействие волновых процессов, освоение базового понятийного аппарата, знакомство с приборами и оборудованием концертной площадки и студии звукозаписи, умение получить так называемый «готовый продукт». Этим продуктом может быть готовая аудиофонограмма, запись радиоспектакля, аудиокнига, запись концертного выступления – все то, что выше мы назвали ***музыкальным цифровым контентом.***

Данная дисциплина является одной из первых профильных дисциплин, по сути, студенты начинают знакомство со специальностью с «Основ звукорежиссуры», задача преподавателя в максимально доступной форме дать теоретический и практический материал довольно большого объёма, и репродуктивный подход здесь работает максимально хорошо. Опираясь на личный опыт, можно сказать, что лучший результат достигается при соединении репродуктивного и элементов продуктивного подхода. Так при разборе понятий и определений предлагаются студентам не только готовые определения авторитетных авторов (И.

Алдошиной, Б. Меерзона, А. Севашко), но и возможность найти и выписать определения и понятия максимально доступные для их собственного восприятия, и после разбора результата самостоятельных поисков какие-то определения отбрасываются, как некорректные, другие же остаются в багаже знаний студента. Основные же принципы репродуктивного подхода остаются неизменными: студент должен максимально быстро понять и усвоить суть понятия, легко воспроизвести определение, легко повторить практическое задание, приложенное преподавателем, получить прогнозируемый результат, как в теоретических, так и в практических работах.

Проектный подход предполагает самостоятельную деятельность студентов, индивидуальную или мелкогрупповую, ориентированную на формирование творческого потенциала, умение генерировать идеи, принимать самостоятельные решения; это работа, направленная на достижение чётко сформулированной задачи, результатом такой работы должно стать появление готового продукта. Ещё одна важная особенность такого подхода – четко обозначенные временные рамки реализации проекта. Из личного опыта могу сказать, что не всегда стоит считать «готовым продуктом» полностью реализованный проект. На примере аудиопроизводства «готовый продукт» появляется в результате завершения целого ряда «локальных» этапов: процесс звукозаписи, процесс монтажа, процесс предварительной обработки аудиоматериала, процесс сведения, процесс мастеринга, дистрибьюции и постпродакшн. В процессе обучения, конечно, необходимо реализовывать проекты так называемого полного цикла аудиопроизводства, требующие продолжительной включенности студентов в его реализацию, но необходимо умение педагога поставить задачу, реализуемую в рамках одного учебного занятия. К таким задачам можно отнести: реализацию музыкального баланса (изменение приоритетов инструментов или групп инструментов в миксе, выстраивание логичного или алогичного музыкального баланса), приведение динамического диапазона трека или фонограммы к заданным техническим параметрам, работу с тональным балансом (сделать звучание инструмента или трека темней, светлей, тяжелей, легче и т.д.), работу с

пространством (изменить размеры звучащего пространства, работа над проработкой звуковых планов, работа со стереобазой).

Игровой подход предполагает, прежде всего, элемент соревновательности, на практике это может выглядеть так: группа студентов в рандомном порядке делится на две или несколько подгрупп, количество подгрупп определяется наличием автономных рабочих мест, даётся проект и задание, реализуемое в рамках одного занятия, например, выполнить сведение фонограммы, оперируя только фейдерами громкости и панорамированием, или выполнить частотную обработку отдельных элементов микса, подгрупп и всей фонограммы, или выполнить динамическую обработку микса с целью проработать общую динамику микса, или выполнить динамическую обработку с целью воздействовать на огибающие сигналы компонентов микса с целью изменения характера звучания отдельных элементов фонограммы, или формирование заданного пространства микса и так далее.

Каждая подгруппа выполняет задание, затем каждая подгруппа оценивает работу «соперников», путем коллективного обсуждения выявляется победившая подгруппа, затем преподаватель, даёт свои комментарии и выносит своё решение. Данный подход формирует способность работать в команде, способность принимать коллегиальные решения, а также способность аргументированно оценивать практическую работу с развернутым анализом всех необходимых компонентов. Принцип соревновательности вносит дополнительный интерес, оживляет процесс выполнения практического задания.

Системный подход объединяет подходы, рассмотренные выше, выявляет взаимосвязи и иерархию, рассматривает педагогические явления и процессы как системы элементов взаимосвязанные и хорошо структурированные. Основные принципы системного подхода:

- отделить и изучить каждый элемент системы;
- проанализировать и сопоставить элементы, объединив их в целостную структуру;
- выявить сходства, различия, противоречия и связующие характеристики элементов;
- определить приоритет одних элементов по отношению к

другим [1].

В более узком смысле, применительно к практике создания музыкально-цифрового контента, данный подход можно рассматривать как приобретение навыка обобщенного системного восприятия каждого компонента готовой фонограммы, умение услышать каждый качественный параметр, их соотнесение в гармоничное целостное звучание.

Референсный (референс как целевое звучание вне субъективных оценок) без критической оценки применительно того или иного жанра.

Данный подход не относится к классическим методикам и носит скорее экспериментальный характер. Название данного подхода является рабочим и может быть со временем изменено. Что представляет собой данный методический подход? Каждому практикующему звукорежиссеру хорошо известно это понятие. Под референсом в звукорежиссуре принято понимать некое эталонное, показательно «правильное» звучание, некий трек или подборка треков, на звучание которых ориентируется звукорежиссер при работе над конкретным проектом. Не нужно объяснять, что слух человека довольно быстро «устает», в данном случае речь не физической усталости органов слуха, а в адаптации слухового восприятия к существующей в данный момент времени звуковой картине. Любой звукорежиссер хорошо знает, что для того, чтобы не терять перспективу, сохранять адекватность восприятия, необходимо постоянно возвращаться к прослушиванию референсных треков. Но есть и еще один аспект, не всегда учитываемый начинающими звукорежиссерами. Зачастую заказчик приходит с пожеланием получить звучание, сходное с тем или иным референсом, упростим задачу и не будем рассматривать ситуации, когда это сделать технически невозможно (например, из материала, который предоставил заказчик) и представим ситуацию, что, на наш взгляд, данный материал прозвучал бы намного интересней, если бы мы опирались на другие референсы. Еще раз упростим ситуацию: иногда, когда наш вкус лучше вкуса заказчика, при этом никто не запрещает нам сделать два микса и попытаться аргументировать свою правоту. Но речь о другом, профессиональный звукорежиссер обязан уметь реали-

зовывать все пожелания заказчика, как бы парадоксальны они ни были. Это и есть один из показателей профессионализма и мастерства. Найти средства и способы добиться звучания, которое соответствует конкретному запросу. Но уникальность данного подхода не только в этом.

Мы прекрасно понимаем, что восприятие человеком звукового контента весьма субъективно, каждый человек поразному воспринимает звучание одной и той же фонограммы, и разность этого восприятия обусловлена целым рядом факторов, среди которых: наличие или отсутствие музыкального образования, уровень образованности, общий уровень культуры, психотип человека, уровень интеллекта, круг общих интересов человека, уровень так называемой наслушанности и т.д. Именно поэтому возникла необходимость разработки перечня параметров субъективной оценки качества записи. Данные параметры были разработаны международной организацией радио и телевидения ОИРТ (англ. OIRT) [2]. Наверняка, многие коллеги сталкивались с такой ситуацией, когда решение, предложенное студентом, касающееся, например, тонального баланса, пространства фонограммы, звучание отдельных элементов микса аргументируется исключительно его (студента) представлениями о «правильности» или «неправильности» звучания именно в этом жанре. Иногда переубедить такого «специалиста» бывает практически невозможно, но, к счастью, в этом нет необходимости при использовании данного подхода. Студент должен научиться реализовывать поставленную задачу вне зависимости от того, уместно ли такое звучание в рамках того или иного жанра или подстиля или нет. Другими словами, обязан научиться делать звучание более агрессивным, менее агрессивным, мягким/жестким, светлым/темным, артикулированным, прозрачным/замутненным, добиваться абсолютной термальной достоверности или наоборот уходить от нее в независимости от жанровой принадлежности и вкусовых предпочтений, должен научиться выполнять поставленную задачу. Должен научиться, прежде всего, дифференцированно воспринимать каждый из вышеуказанных компонентов или параметров звука, научиться фокусироваться на нем и вносить необходимые изменения в несубъективной оценке необхо-

димости данных изменений в рамках того или иного жанра, выполнять изменения любого из параметров фонограммы по заданию преподавателя. И если на этом пути он преуспел и может любой компонент фонограммы менять в широких пределах, тогда при сформированном звукорежиссерском слухе и вкусе, он получит возможность максимального самовыражения и самореализации как творческая единица.

Примечания

1. Глухова Н. Н. Особенности применения системного подхода «Инновационные подходы и современная наука» : материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (13 фев. 2012 г.) / [под. ред. Я. А. Полонского]. Новосибирск : ЭКОР-книга, 2012. URL: https://cyberleninka. ru/article/n/osobennosti-primeneniya-sistemnogo podhoda?ysclid=m1vlr0uiet846915456 (дата обращения: 17.09.2024).

2. Дворко Н. И., Динов В. Г., Шугаль С. Г. Основы звукорежиссуры : Творческий практикум. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2005. 168 с. (Библиотека гуманитарного университета ; вып. 24).

УДК 655.413(470.47):398(=512.37)

Киричек Е. А., г. Москва, Россия,
Селеева Ц. Б., г. Элиста, Россия

Kirichek Ye. A., Moscow, Russia
Seleeva Ts. B., Elista, Russia

КАЛМЫЦКИЙ ФОЛЬКЛОР В ПРОЕКТАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА «БУМБА». УСТНЫЕ СКАЗАНИЯ КАЛМЫКОВ О ГЭСЭРЕ

KALMYK FOLKLORE IN THE PROJECTS OF THE PUBLISHING HOUSE «BUMBA». ORAL TALES OF THE KALMYKS ABOUT GESER

В настоящее время важным является актуализация и осмысление фольклора как самобытного явления культуры, несущего в себе ценности и смыслы, актуальные для современности. Актуализация, на наш взгляд, возможна посредством постоянного сбора, анализа, изучения и публикаций как древнего, так и современного фольклорного материала, донесения его до широкого круга читателей и всемерной популяризации. Именно в этом видит свою миссию коллектив издательства «Бумба». В статье говорится об издании калмыцких сибирских песен и сказок и о планах издательства «Бумба», проектах, связанных с эпической традицией калмыцкого народа. У калмыков, наряду с «Джангаром», бытовали устные сказания о Гэсэре.

Nowadays it is important to actualize and comprehend folklore as an original cultural phenomenon that has values and meanings relevant to modernity. From our point of view, actualization is possible through the constant collection, analysis, study and publication of both ancient and modern folklore material, making it known to a wide number of readers and comprehensive popularization. This is exactly the mission of the collective of the publishing house «Bumba». The article tells about the publication of the Kalmyk Siberian songs and

tales and the plans of the publishing house, the projects connected with the epic tradition of the Kalmyk people. The Kalmyks, alongside with «Dzhangar», had oral tales about Geser.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, Сибирские песни, издательство «Бумба», актуализация, сохранение и популяризация, фольклор народов России, устные сказания о Гэсэре.

Keywords: Kalmyk folklore, Siberian songs, «Bumba» publishing house, actualization, preservation and popularization, folklore of the peoples of Russia, oral tales about Geser.

В эпоху глобализации перед современным обществом встают вопросы трансформации и адаптации к новым социокультурным реалиям, сохранения идентичности. Приобщение к идеалам и ценностям культурного наследия своего народа дает человеку возможность гармоничной адаптации в современном социуме. Большая познавательная и аксиологическая ценность заложена в фольклоре, поэтому принципиально важным является актуализация и осмысление его как явления самобытной культуры, заключающего ценностные смыслы, актуальные в современном мире. Под актуализацией подразумевается «процесс и результат целенаправленных действий, заключающихся в переосмыслении роли и значимости традиционного фольклора в современных условиях, представлении его в культурном пространстве не в качестве реликта, а в статусе ценностно содержательного и потенциально действенного феномена» [1, с. 53-54].

Актуализация, на наш взгляд, возможна посредством сохранения и популяризации фольклорного наследия. Одно из основных направлений деятельности издательства «Бумба» заключается в отборе аутентичных образцов преданий и сказок народов России, дальнего и ближнего зарубежья и их литературной обработке. К слову, наиболее популярные образцы русских народных сказок известны в ряде «классических» версий. Так, сказка «Василиса Прекрасная» известна в авторских вариантах А. Толстого, А. Афанасьева, И. Карнауховой, которые знакомы читателю с детства и являются общепризнанными.

Всякий раз пересказывая сказку тот или иной рассказчик становится ее творцом, создавшим еще один вариант сказочного

текста. Как и художник, иллюстрирующий известную сказку, придает ей собственное видение через новые образы и тональность.

На современном этапе изначально заложенные смыслы и ценности фольклора теряют свою актуальность, они перекодируются сквозь призму представлений нового времени. Старые сказки несут новые смыслы. Так, образ Бабы-Яги возводится к архетипу мудрой матери. Тогда как происхождение образа связано с представлением о мире мертвых, недобром покойнике, поселившемся за пределами поселения людей, на окраине или в глубине леса. Образ Бабы-Яги претерпевает существенные трансформации от более ранних к более поздним сказочным сюжетам. Например, сравните образ Бабы-Яги в ранней сказке «Гуси-лебеди» и поздней «Василиса Прекрасная». Сказочные существа Змей-Горыныч, Баба-Яга, Кощей Бессмертный, несущие отрицательную коннотацию, в современном фольклоре становятся положительными и популярными героями. Трансформация в восприятии сказочных образов современным поколением свидетельствует о формировании новых смыслов и идей.

Одним из приоритетных направлений в своей работе издательство «Бумба» посвящает популяризации и сохранению фольклорного наследия народов России. Особое внимание в проектах издательства отводится калмыцкому фольклору. В декабре 2023 г. к памятной дате 80-летия депортации калмыцкого народа в издательстве «Бумба» (г. Москва) была издана книга «Калмыцкие песни о Сибири» (авторы Эльза-Баир Гучинова и Цаган Селеева) [2]. В книге представлен цикл калмыцких народных песен о депортации и жизни в Сибири, которые бытуют по настоящее время в Калмыкии. Корпус из 87 текстов на калмыцком языке и в переводе на русский язык включает песни, собранные авторами в ходе полевой работы в Калмыкии, также включены ранее опубликованные песни этого жанра. Каждая песня сопровождается сведениями об исполнителях и создателях. Более 40 песен снабжены QR-кодами, что дает возможность услышать, как звучат эти песни.

Сибирские песни начали создаваться в 1943 г., калмыки их поют и сейчас. Они описывают трагические события: 28 декабря

1943 г. все калмыки были высланы из своих мест проживания в Сибирь – Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Ссылке подверглись старики, женщины и дети, мужчины были на фронте. Первые песни были песнями-хрониками, с документальной достоверностью описывающие события того времени: внезапное выселение и сожаление об оставленном – родной земле, доме, скоте; долгая дорога и тяготы пути; жизнь в Сибири, полная лишений и бед; разлука с родными и их утрата; тоска по родине и робкие надежды на возвращение в родные степи.

В 1956 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении», а в 1957 г. восстановили Калмыцкую АССР. С возвращением в 1957 г. на родину появились песни-воспоминания. В них возникает тема памяти о Сибири: о том, что невозможно забыть. Современные песни созданы на основе известных песен раннего периода. Довольно часто эстрадные исполнители компонуют новый текст песни из куплетов разных песен или изменяют известную песню на свое усмотрение, сокращая, вводя припев. Сибирская песнь все еще бытует в настоящее время, о чем свидетельствуют полевые записи. Ее исполняют люди разных поколений, она сохраняется внутри семьи и рода.

Первое издание «Калмыцких песен о Сибири» вышло при поддержке мецената Олега Бартунова и в рамках благотворительной акции было роздано всем, пришедшим на презентацию книги в Центральный Хурул в Элисте. После авторы получили несколько новых песен «сибирского цикла», которые включили во второе издание книги, опубликованное в апреле 2024 г. в «Бумбе» [3].

В издательстве «Бумба» в серии «Родные сказки» публикуются иллюстрированные калмыцкие сказки в литературно-художественном пересказе Елены Киричек. На сегодняшний день опубликованы три сказки: «Сказка о хане Цецене и его мудрой невестке» [4], «Сказка о мудром юноше» [5], «Сказка о двух братьях» [6].

Иллюстрации к сказкам подготовлены известными калмыцкими художниками Тимуром Цонхлаевым и Олегом Чудуто-

вым. Сейчас готовится к изданию «Сказка о красавице Бадме» с иллюстрациями молодой талантливой художницы Герензел Богаевой. Иллюстрации к национальным сказкам рисуют лучшие художники того народа, который эти сказки создал. Такой подход позволяет быть уверенным, что в рисунках верно переданы особенности национального быта и колорита.

В планах издательства «Бумба» проекты, связанные с эпической традицией калмыцкого народа. Кроме «Джангара» в эпической традиции калмыков бытовал и эпос «Гэсэр» «в виде письменного свода и устных сказаний. Письменная версия памятника восходит к тибетским и монгольским письменным источникам, имевшим распространение в среде калмыков» [7, с. 232].

Относящийся к тибетской традиции и имеющий добуддийские корни, «Гэсэр» развился в литературе и фольклоре тибетобирманских и тюрко-монгольских народов (тибетцев, уйгуров, монголов, бурят, калмыков, ойратов, тувинцев, алтайцев и др.). Основными считаются три национальные версии эпоса – тибетская, бурятская и монгольская, живое бытование которых до сих пор наблюдается в Тибете, Бурятии и Монголии. «Гэсэр» бытует во множестве версий и сюжетов, в письменной и устной формах, в виде свода, отдельных глав и сказаний.

«Гэсэриада первоначально была письменным произведением, затем получила широкое распространение путем устной передачи и обросла фольклорными мотивами различных народов» [8, с. 164]. «Эпос повествует о героических деяниях Гэсэра, его противоборстве с демоническими существами и освобождением народов, сам он небесного происхождения и рожден в стране Линг, где становится правителем» [7, с. 232].

Культ Гэсэра, развитый у народов Центральной Азии, и распространение буддизма повлияли на бытование устных сказаний в фольклоре калмыков и хождение его письменного свода [9, с. 117]. Первые публикации VIII и IX глав свода памятника, записанные В. Бергманном у калмыков и изданные на немецком языке, датируются началом XIX в. [10]. Позднее IX главу с переводом на русский язык издал А. М. Позднеев [11]. В рукописном отделе ИВР РАН (ф 52, I 2 и C 9) хранятся ойратские рукописи памятника. Эти рукописи совпадают с пекинским изданием [8, с. 138].

Изучению калмыцкого устного и письменного «Гэсэра» посвящены работы исследователей Б. М. Нармаева [9], С. Ю. Неклюдов [12], Ц. Б. Селеевой [13; 14].

«Монгольское сказание о Гэсэре известно в виде пекинского ксилографического издания (1716 г.), состоящего из семи глав и множества рукописей, сформированных в отдельные списки или своды глав. Главы ксилографа выстроены в сюжетной последовательности согласно тибетской версии эпического свода» [12, с. 169]. Исследователи отмечают сходство книжной монгольской версии с устной тибетской (амдоской). Устная тибетская версия в сюжетном и мотивном планах сходна с пекинским ксилографом, повествует о рождении и детстве героя, о походе в демоническую страну, о нападении трех шарагольских ханов. Происхождение монгольской версии, по мнению С. Ю. Неклюдова, связано с тибетской версией: «Ядро монгольской Гэсэриады сформировалось в Северо-Восточном Тибете (район оз. Кукунор) свыше пяти столетий назад на основе устной амдоской версии памятника. Не исключено, что эта ранняя монгольская редакция Гэсэриады сложилась в фольклоре древнейших монголоязычных обитателей Амдо (джахоров, хоров, широнголов) до появления здесь более позднего монгольского и ойратского населения – до завоевания Кукунора тумэтским Алтан-ханом (1559 г.) и хошутским Гуши-ханом (1630-е гг.)» [12, с. 220]. Сложившийся свод вошел в ойратскую фольклорную традицию и распространился на западе Центральной Азии.

Устные сказания о Гэсэре, бытовавшие у калмыков, были записаны исследователями КНИИЯЛИ в 1960-1970-х гг., а позже опубликованы в серии собраний калмыцких сказок: «Гэсэр Богдо и Андулма-хан» [15, с. 203-205], «О женитьбе Гэсэра Богдо» [15, с. 190-198], «Гэсэр Богдо» [16, с. 114-118], «Гэсэр Богдо хан» [17, с. 175-181]. Сказания «Из преданий о Гэсэре Богдо» [18, с. 107-118] и «Гэсэр Богдо в наше время» [18, с. 118-119] записаны Э. Лиджиевым и опубликованы также в одном из сборников сказок.

Сказание «Гэсэр Богдо» повествует о чудесном рождении героя Гэсэра и его ранних героических подвигах. В зачине говорится о том, что в давние времена жил Гэсэр, который родившись

из утробы матери, сражался с алмасами и шулмусами. Основное повествование сюжета состоит из ряда самостоятельных частей: чудесное рождение героя Гэсэра, первые героические подвиги Гэсэра, сражение с мусом Андалмой, околдование Гэсэра шулмуской, Рождение Гэсэра предварялось непорочным зачатием его матери. Мать Гэсэра была женой старшего из трех братьев. После смерти мужа она внезапно понесла. Стыдясь своего положения, она удалилась из социума и отправилась в безлюдную степь. В степи она обнаруживает одинокую белую юрту, где чудесным образом от нее рождаются брат и сестры Гэсэра, а затем и сам он. Едва Гэсэру исполнилось три года, он стал охотиться, когда ему исполнилось семь лет, он вступил в сражение с мусом Андалмой и одержал победу над ним. После чего Гэсэра стали преследовать алмасы-шулмусы. Поддавшись чарам шулмуски, он стал жить с ней и у них родились сын и дочь. Гэсэра спасают его сестры, спустившиеся с небес. Он вспоминает о родине, расправляется с шулмуской и возвращается в родные кочевья.

Интересно устное сказание о Гэсэре поздней традиции «Гэсэр Богдо в наше время». Сюжет повествует о событиях Отечественной войны (1941-1945 гг.), когда война пришла в пределы Калмыкии. От грохота сражений и сотрясений земли пробудился Гэсэр. Он встает и вступает в сражение с немецкими танками, чем очень удивляет командира и воинов советского полка.

В калмыцких устных сказаниях имеются явные сходства с главами и основными эпизодами из тибетских и монгольских письменных сводов: чудесное рождение и ранние годы Гэсэра, женитьба героя, противостояние Гэсэра с черно-пестрым тигром, с Лобсога, с Андулмой-ханом. Типологически сходными являются мотивы, сцены, эпизоды, отдельные детали и элементы, представленные иногда фрагментарно и в краткой форме. Сюжеты устных сказаний, сходные генетически с монгольскими и тибетскими версиями, в калмыцкой традиции сказочно переосмыслились и видоизменились.

На современном этапе важно продолжать заниматься собиранием, исследованием и изданием фольклора, популяризировать и презентовать его для широкого круга читателей. В этом свое предназначение видит издательство «Бумба». Ведь в фольк-

лорных произведениях аккумулирована мудрость, традиционные представления и знания, историческая память и культурные коды народа, которые незримой нитью связывают прошлые и будущие поколения.

Примечания

1. Каминская Е. А. Актуализация традиционного фольклора в современной социокультурной среде на основе его имманентных характеристик // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 53-54.

2. Калмыцкие песни о Сибири / науч. ред., сост., пер.: Э.-Б. М. Гучинова, Ц. Б. Селеева ; вст. ст. Э.-Б. М. Гучиновой. М. : Бумба, 2023. 216 с.

3. Калмыцкие песни о Сибири / науч. ред., сост., пер.: Э.-Б. М. Гучинова, Ц. Б. Селеева ; вступ. ст. Э.-Б. М. Гучиновой. 2-е изд. М. : Бумба, 2024. 216 с.

4. Сказка о хане Цецене и его мудрой невестке : калмыцкая народная сказка в обработке Е. Киричек / худож. Т.Г. Цонхлаев. М. : Бумба, 2024. 24 с.: ил. (Родные сказки).

5. Сказка о мудром юноше / в обраб. Е. Киричек ; худож. Т. Г. Цонхлаев. М. : Бумба, 2024. 24 с.: ил. (Родные сказки).

6. Сказка о двух братьях : калмыцкая народная сказка в обработке Е. Киричек / худож. О. С. Чудутов. М. : Бумба, 2024. 24 с.: ил. (Родные сказки).

7. Селеева Ц. Б. Сказание «О Гэсэре богдо хане» в фольклоре калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 230-252.

8. Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.

9. Нармаев Б. М. Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 151 с.

10. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga, 1804. Vol. 3. P. 98-121.

11. Позднеев А. М. Калмыцкие сказки VII (Текст и перевод) // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1896. Т. IX. С. 41-58.

12. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М. : Наука, 1984. 310 с.

13. Селеева Ц. Б. Богатырские сказания о Джангаре и Гэсэре в калмыцкой сказочно-эпической традиции: к проблеме переходности фольклорного текста // Монголоведение. 2017. № 11. С. 120-131.

14. Хальмг туульс / запись и сост. А. Ц. Бембеевой. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1968. 268 с.

15. Хальмг туульс. Тематический сборник № 4. Сер. Фольклор. КНИИЯЛИ. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1974. 274 с.

16. Хальмг туульс. 3-гч боть / сост.: Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста : Респ. тип. Управления по печати при Совете министров Калмыцкой АССР, 1972. 251 х.

17. Алтн зүн темн / Лиҗин Эрнжән бичҗ авсн туульс. Элст : Хальмг дегтр haphач, 1995. 120 х.

18. Калмыцкие богатырские сказки = Хальмг баатрлг туульс / Рос. акад. наук, Калмыцкий науч. центр ; [подгот. текстов, перелож. калмыцких текстов, пер.: Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой]. М. : Калмыцкий науч. центр РАН, 2017. 560 с. (Свод калмыцкого фольклора).

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

УДК 78(4/5)(051)

Зенкин К. В., г. Москва, Россия

Zenkin K.V., Moscow, Russia

ЖУРНАЛ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК ПРОСТРАНСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

JOURNAL «MUSICAL ART OF EURASIA: TRADITIONS AND MODERNITY» AS SPACE OF REPRESENTATION OF MUSICAL CULTURES

В статье рассматривается публикационная деятельность сетевого журнала «Музыкальное искусство Евразии: Традиции и современность» как форма презентации и изучения музыкальных традиций всего множества этносов, населяющих континент, специфика предмета и методов издания. Специфика Азиатской части материка, в особенности, степной зоны, состоящая в историко-типологической многослойности бытового уклада и, соответственно, форм музицирования, получает разностороннее изучение в журнале.

The article considers the publication activity of the online journal «Musical Art of Eurasia: Traditions and Modernity» as a form of presentation and study of the musical traditions of plenty of ethnic groups inhabiting the continent, subject specifics and methods of publication. The specifics of the Asian part of the continent, especially of the steppe zone, consisting of the historical and typological multilayering of the householding and, therefore, of the forms of music playing, is studied comprehensively in the journal.

Ключевые слова: периодическое сетевое издание, фольк-

лор, устная профессиональная музыка, этническая музыка, музыка европейского типа, глобализация, азиатский музыкальный авангард.

Keywords: online periodical, folklore, oral professional music, ethnic music, music of the European type, globalization, Asian musical avant-garde.

Сетевой журнал «Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность» был учреждён в 2020 г. тремя консерваториями – Московской, Казанской и Уральской (Екатеринбург). Он изначально создавался как международный: помимо трех российских консерваторий-учредителей, партнерами издания стали консерватории и институты как России (консерватории в Астрахани, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саратове, университеты и институты в Барнауле, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Уфе), так и центральных городов зарубежных стран Азии, в основном входивших в состав России (Алматы, Астана, Баку, Бишкек, Душанбе, Ташкент, Осака, Улан-Батор). В состав редколлегии журнала входят специалисты из всех перечисленных городов, где расположены организации-учредители или партнеры, а также Красноярска, Кызыла, Майкопа, Чебоксар, Якутска.

Несмотря на недолгое время существования, журнал занял заметное место в ряду современных русскоязычных изданий по проблемам национальных и региональных музыкальных культур. В состав редколлегии входят главным образом представители организаций-учредителей и партнеров, а также специалисты по профилю журнала. Среди авторов, помимо представителей стран, в которых расположены партнерские организации, есть музыковеды из Белоруссии, Болгарии, Вьетнама, Китая, Румынии.

В первом выпуске журнала были опубликованы программные статьи главного и ответственного редакторов К.В. Зенкина и А.М. Лесовиченко [1], а также заместителя главного редактора – представителя Таджикистана Ф.А. Ульмасова [2], определившие принципы, специфику и важнейшие направления деятельности. Профиль издания сложился во многом естественным образом и связан с акцентом внимания на азиатских культурах. Конечно, с

одной стороны, название журнала обязывает относиться с равным вниманием ко всем музыкальным культурам обширного континента, и редакция эту обязанность выполняет. Сразу же подчеркну, что журнал не имеет никакой идеологической подоплеки, ни «евразийской» в понимании довольно популярного философского движения XX в., ни панмонголистской или пантюркистской. Но, с другой стороны, исторически сложился ряд обстоятельств, позволяющих особое внимание уделить азиатским музыкальным культурам. Во-первых, европейская культура гораздо больше изучена, на нее нацелено практически все музыкальное образование в России, и русские ученые изучают ее изнутри, поскольку сама русская музыкальная культура последних трех столетий в ее светской и профессиональной части органически входит в культуру общеевропейскую. Во-вторых, европейская музыкальная культура представляет собой непосредственно ощутимое единство, и даже различие конфессий внутри христианства не нарушило этого единства. Если сказать точнее, европейская музыка нового времени представляет собой одну музыкально-культурную традицию (термин Дж. К. Михайлова [3]), имеющую единый язык (национальная специфика, безусловно, присутствует, но проявляется, условно говоря, на уровне «диалекта», а не иного языка).

В музыкальных культурах Азии ситуация существенно иная. Почти каждая из них содержит различные исторически сложившиеся слои, сохранение которых обусловлено сохранением относительно архаических форм жизненного уклада, которые часто соседствуют с ультрасовременными. Одна из таких форм – кочевой уклад, сохранявшийся до недавнего времени на достаточно широком пространстве и в отдельных регионах существующий и поныне. Огромные пространства Азии, занятые степями, пустынями и тундрой, стали местом возникновения громадных империй (назовем лишь некоторые: империи гуннов и тюрков, Арабский халифат, Монгольский Великий улус, наконец, Османская Турецкая империя). Занимая колоссальные территории, все эти империи подчиняли себе, наряду с кочевыми соседями, и большое количество народов оседлых культур, что становилось дополнительным фактором межкультурного оплодотворяющего взаимодействия и роста всех цивилизационных составляющих. Эта специфика евразийских

культур отражена в публикации В.Н. Юнусовой [4] применительно к континенту в целом, а также во множестве публикаций, относящихся к его отдельным регионам, в частности, на материале Южного Поволжья [5]. Интервью с китайским композитором и этномузыкологом Ли Шисяном посвящено взаимодействию различных исторических пластов музыкальных культур Монголии и Китая [6].

В результате, в отличие от культур Европы (где архаические формы давно ушли в прошлое), Африки (где новые, европеизированные музыкальные традиции еще толком не укоренились), Америки (где на основе синтеза европейских, африканских и местных традиций возникли совершенно новые направления, стили и жанры, а архаические формы существуют у индейских аборигенов, живущих преимущественно изолированно и относительно мало влияющих на культуру стран в целом), в большинстве музыкальных культур Азии сохранилась многослойность, и каждый из слоев представлен мощно и выразительно. Это, во-первых, фольклор, объединяющий все исторические пласты – от архаических до самых новых; во-вторых, традиционное профессиональное искусство, еще не затронутое европейскими влияниями (это наиболее многосоставный и самобытный слой, именно он вместе с фольклором составляет золотой фонд нематериального культурного наследия); в-третьих, формы, сложившиеся в результате проникновения европейских музыкальных традиций, которые в каждой стране обретали свою этническую специфику (культуры, так сказать, «креольского», «колониального» типа); наконец, многочисленные проявления азиатского музыкального авангарда (особенно в Японии, Южной Корее, Китае, Грузии, Армении, Азербайджане, а в последние годы и в Казахстане, Узбекистане и других странах). Удивительно, но «традиционный» Восток образовал не менее, а часто и более органичный сплав с суперновейшими музыкальными стилями, нежели с европейской музыкой классического типа (хотя и в этом, последнем случае нередко достигались выдающиеся результаты – в музыке Хачатуряна, Гаджибейли, Сянь Синхая, Ма Сыцуна, Инь Чэнцзуна и многих других). Проблемы взаимодействия различных исторических традиций в пределах одного этноса – также одно из важнейших направлений работы журнала, отраженное в статьях Т. Гафурбекова [7] на материале Узбекистана, В. Недлиной [8],

Э. Абдурахмана и А. Даулбаева [9] на материале Казахстана, Р. Амановой на материале Кыргызстана [10] и других. В то же время перечисленными историческими слоями структура музыкальных культур этносов Азии не ограничивается. Возникают многочисленные последствия взаимодействия названных направлений.

Особого внимания и изучения требует музыкальный быт кочевого населения, который, в силу наступления современной цивилизации, подлежит достаточно скорому вытеснению. Только в последние десятилетия началась глубокая и детальная научная проработка музыкального наследия кочевников, что хорошо видно по публикациям в нашем журнале. У нас отражены материалы по конкретным культурам и теоретические обобщения, касающиеся народов Великой степи (Монголия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Россия) и тундры (как северного аналога степи) [11]. Большая часть статей касается вопросов традиционной культуры, но присутствуют и публикации о композиторском творчестве (таких примерно одна четверть).

Характерной особенностью издания является тщательная проработка текстов с многократным обсуждением с авторами всех аспектов построения статьи, формулирования ключевых положений, уточнения спорных моментов и других деталей. Для многих авторов, особенно аспирантов, не музыковедов по основному образованию, это является значимым как в научном, так и в учебном смысле.

Журнал участвует на правах организатора в научных форумах консерваторий – учредителей и партнеров. Одним из таких форумов стал Международный конкурс молодых учёных-музыковедов «Музыка стран Евразии в мировом контексте», второй тур которого состоялся в Ташкенте, в Национальной консерватории Узбекистана, в ноябре 2023 года (первый тур проходил заочно). И участники конкурса (студенты, аспиранты, ассистенты-стажеры и молодые ученые) и члены жюри представляли практически все страны, участвующие в работе журнала. И здесь есть повод сказать об очень важной миссии, которую возложил на себя журнал. По условию конкурса, все работы представлялись на русском языке: также и статьи в журнал могут представляться на русском или английском. Идея в том, чтобы поддержать, развивать и сохранить русскоязычную музыковедческую традицию в странах Центральной Азии, где сейчас, в силу объективных исторических обстоя-

тельств, русский язык постепенно исчезает из употребления. Это не может не вызывать тревогу. Уже сейчас не все студенты из Узбекистана или Таджикистана могут свободно говорить на русском, а это означает, что большой пласт научной литературы по проблемам музыки Центральной Азии, созданной в советский период, останется недоступным в тех самых странах, в которых он создавался и искусству которых посвящен. Несомненно, что такие конкурсы, которые мы собираемся проводить регулярно в разных городах и странах, преимущественно зарубежных, станут заметным стимулом как для поддержания русскоязычной традиции, так и для научного роста молодого музыковедческого поколения [12].

Другим заметным форумом, организованным журналом, стал круглый стол журнал «Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность» в свете актуальных тенденций современной музыкальной науки» в рамках международной научной конференции «Ладовые коммуникации в евразийском музыкальном пространстве» в Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова (ноябрь 2023 г.).

Наконец, в рамках состоявшегося в Екатеринбурге в апреле 2024 г. Пятого международного конгресса ОТМ (Общества теории музыки) «Генетические общности теории музыки: жанр, стиль, язык в динамике истории» редакцией журнала была организована специальная секция «Инвариант как исходный признак генетической общности музыкальных процессов». Плодотворные дискуссии, организованные руководителями секции К.В. Зенкиным (г. Москва) и Ф.А. Ульмасовым (г. Душанбе) наверняка станут импульсом для дальнейшего развития музыкально-теоретической мысли. Они уже выдвинули обсуждение фундаментальных теоретических проблем, общих для всех музыкально-культурных традиций, на передний план современной науки.

Примечания

1. Зенкин К. В., Лесовиченко А. М. Музыкальное искусство Евразии как предмет научного исследования // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2020. № 1. С. 14-17.

2. Ульмасов Ф. А. Новые возможности научного сотрудничества // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность.

2020. № 1. С. 18-19.

3. Михайлов Дж. К. К проблеме теории музыкально-культурной традиции // Музыкальные традиции стран Азии и Африки : сб. науч. трудов / ред. Т. Э. Цытович. М. : Моск. гос. консерватория, 1986. С. 3-20.

4. Юнусова В. Н. Взаимодействие культур как предпосылка формирования музыкально-культурного пространства Евразии // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2020. № 1. С. 20-27.

5. Усманова А. Р. Жанровые и стилевые параллели в музыкальном фольклоре казахов и ногайцев-карагашей Астраханской области // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2021. № 2. С. 45-54.

6. Ли Чжэхао. Композитор Ли Шисян о музыке и о себе (интервью) // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2023. № 4. С. 86-91.

7. Гафурбеков Т. Музыкальная палитра Узбекистана рубежа XX–XXI столетий в рамках времени // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2020. № 1. С. 44-51.

8. Недлина В. Е. Культурные детерминанты национального стиля (на примере казахской академической музыки) // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2021. № 3. С. 25-39.

9. Абдурахман Э., Даулбаева А. Героический эпос «Кобландыбатыр» в пространстве традиционной и современной казахской культуры (на примере одноименного произведения Ж. Тезенбаева) // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2022. № 1. С. 27-38.

10. Аманова Р. Традиции исполнительских состязаний Айтыш и Кроу Чартыш в музыкальном наследии кыргызов // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2022. № 3. С. 23-30.

11. Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э. Музыкальные культуры народов Арктики: проблемы и перспективы изучения // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2020. № 1. С. 52-54.

12. Зенкин К., Махмудова Т., Панкина Е. Результаты международного конкурса молодых ученых-музыковедов «Музыка стран Евразии в мировом контексте» // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. 2024. № 1. С. 14-18.

УДК [94+008](571.1/.5)

Полякова Е. А., г. Барнаул, Россия

Polyakova Ye. A., Barnaul, Russia

СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТНОГО ПОДХОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PRESERVATION AND TRANSMISSION OF CULTURAL HERITAGE THROUGH THE PRISM OF A PERSONAL APPROACH: HISTORY AND MODERNITY

Личностный подход является эффективным инструментом осуществления научных исследований, выявления роли отдельных исторических личностей в развитии различных сфер деятельности государства, в том числе и в сфере культурного наследия. Большая часть исследований, реализуемых через призму личностного подхода, связана с изучением достижений представителей светской интеллигенции. В настоящей статье приведены примеры деятельности церковной интеллигенции по сохранению, музеефикации и трансляции культурного наследия отдельных регионов Сибири в дореволюционный и современный периоды.

The personal approach is an effective instrument for carrying out scientific research, identifying the role of some historical figures in the development of various spheres of state activity, including the field of cultural heritage. Most of the research carried out through the prism of the personal approach is connected with the study of the achievements of the representatives of secular intelligentsia. The article gives the examples of the activities of the church intellectuals connected with preservation, museumification and transmission of the cultural heritage of certain regions of Siberia in the pre-revolutionary and modern periods.

Ключевые слова: личностный подход, историческая личность, историко-культурное наследие, Тобольское древлехранилище, А.И. Юрьевский, Усть-Чарышская Пристань, музей «Дом

священника», о. Никандр (Речкунов).

Keywords: personal approach, historical personality, historical and cultural heritage, Tobolsk ancient repository, A.I. Yuryevsky, Ust-Charyshskaya Pristan, museum «Priest's House», Father Nikander (Rechkunov).

Личностный подход является одним из востребованных в исторических и социокультурных исследованиях и не утрачивает популярность в течение нескольких веков. Использование личностного подхода требует определения понятия «историческая личность». С точки зрения автора настоящего исследования историческая личность – это личность, внесшая значительный вклад в развитие отдельных сфер государства (науки, политики, образования и пр.) в конкретный исторический период. Как отмечает Л. Е. Гринин, «роль личности заключается в том, что она своими решениями и организационной деятельностью помогает успешно решать задачи общественного развития, которые зачастую имеют стратегическое значение» [1].

Традиционно в исторической науке через призму личностного подхода «изучаются единоличные исторические индивидуальности (государственных, культурных и общественных деятелей прошлого) и коллективные исторические индивидуальности (отдельные общества или отдельные народы) в их эволюции или историческом развитии» [2]. Как правило личностный подход использовался при анализе событий цивилизационного масштаба: войн, разного рода революций (социальных, научных), великих открытий и изобретений и пр.

Начиная со второй половины XX в. происходят некоторые трансформации в понимании использования личностного подхода, и как следствие, существенное расширение его границ. Во-первых, субъектами личностного подхода становятся уже не только великие люди, но и простые граждане, которые оказали влияние на развитие социальных, исторических социокультурных и иных процессов. Во-вторых, сфера использования личностного подхода рассматривается уже не только на глобальном, но и на региональном уровне. В-третьих, происходит расширение сфер применения личностного подхода за счёт сфер ранее не попадавших в область исследователь-

ских интересов, например, сферы культурного наследия. Через призму личностного подхода начинается рассматриваться не только роль представителей научной и творческой элиты (художников, скульпторов, поэтов, писателей и пр.), но и вклад отдельных представителей гражданского общества в сохранение и трансляцию культурного наследия в отдельных регионах.

Изучение и сохранение культурного наследия Сибири связано с именами таких выдающихся исторических личностей дореволюционного периода истории, как А.М. Карамышев и Э. Лаксман, создавших Иркутский музей; Ф. И. Бальдауэр, Г. Б. Пранг и П. А. Весолапов, открывших Нерчинский музей; П. К. Фролов и Ф. В. Геблер, основавших Барнаульский горный музеум, Н. В. Мартьянов, инициировавший создание Минусинского музея. Их вклад в сохранение и музеефикацию историко-культурного наследия рассматривался в различных научных исследованиях историко-краеведческого характера.

Традиции сохранения и трансляции культурного наследия средствами музеефикации на сибирской земле были продолжены и в новейшем времени. Так, основателем первых сибирских историко-этнографических музеев-заповедников, расположенных на территории Кемеровской области («Томская писаница», «Тазгол», «Чолкой», «Тюльберский городок») в конце XX в., был В.М. Кимеев, а создателями ряда современных частных музеев в Алтайском крае являются С. В. Корепанов (музей «Мир времени»), С. И. Бергер (музей «Мир Камня»), С. А. Мухортов (музей «Горная аптека»). Их вклад в развитие музейного мира Сибири ещё предстоит изучить.

Рассуждая о роли личности в деле сохранения и трансляции культурного наследия, следует отметить, что вклад представителей светской научной и культурной интеллигенции является хорошо изученным. Однако в истории Сибири есть примеры памятнико-охранительной, музеефицирующей и культурно-просветительной деятельности представителей русской православной церкви (РПЦ). В качестве примера следует привести Александра Ивановича Юрьевского (1875-1935), кандидата богословия, священника, преподавателя Тобольского епархиального женского училища, первого хранителя Тобольского церковного древлехранилища, занимавшегося сохранением и изучением наследия на территории Тобольской губернии.

А.И. Юрьевский изучал «Тобольскую епархию в ее историческом прошлом», систематизировал «поступающие на хранение материалы» и составлял «хронологический каталог» [3, с. 313]. Он определял и координировал осуществление научных изысканий по темам «Историко-статистическое описание всех приходов Тобольской епархии», «Исторические исследования о существующих и упраздненных монастырях Тобольской епархии», «Биографии Тобольских архиереев и других духовных деятелей – миссионеров, проповедников, добрых пастырей, подвижников благочестия, настоятелей монастырей, местных духовных писателей, ректоров и наиболее видных преподавателей духовно-учебных заведений», «Распространение христианства среди инородцев Западной Сибири», «История духовно-учебных заведений Тобольской епархии», «История административных учреждений и должностей в Тобольской епархии», «История предметов религиозного почитания» [3, с. 314]. Начиная с 1902 г., им издавались отдельные труды и статьи в Тобольских епархиальных ведомостях. Также А.И. Юрьевским были организованы экспедиции по выявлению вещественных и письменных памятников церковной истории, осуществлялась памятникоохранительная и музеефицирующая деятельность, нацеленная на сохранение наиболее ценных объектов историко-культурного наследия и их трансляция в рамках экспозиционно-выставочной и просветительной функции церковного древлехранилища. Одним из сохранившихся до наших дней свидетельств вклада А.Т. Юрьевского в сохранение культурного наследия истории православия Тобольской епархии является «Указатель для обозрения вещественных памятников Тобольского епархиального древлехранилища» и часть экспонатов из фондов древлехранилища, хранящаяся ныне в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике [3, с. 316].

На современном этапе РПЦ также не лишена подвижников в области сохранения, музеефикации и трансляции историко-культурного наследия. Одним из выдающихся деятелей в этой сфере является иеромонах Никандр (Речкунов), настоятель православного храма во имя св. праведного Иоанна Кронштадского с. Усть-Чарышская Пристань Алтайского края. О. Никандр является организатором и руководителем многих историко-краеведческих проектов. По его инициативе в с. Усть-Чарышская Пристань был основан му-

зей «Дом священника». Предпосылкой основания стали обнаруженные в 2012 г. в чердачном помещении бывшего дома священника документы по истории маслоделия (начала XX в.) в Нижне-Чарышской волости [4, с. 122]. В 2017 г. началась реставрация здания бывшего «дома священника», и уже в 2018 г. оно начинает функционировать как частный музей с постоянной действующей экспозицией, в структуре которой представлена история маслоделия, крестьянская этнография и историко-бытовой комплекс сельского священника [4, с. 123]. О. Никандр является руководителем, научным сотрудником, экспозиционером и экскурсоводом музея.

Результаты краеведческой деятельности о. Никандра вводятся в научный оборот. Так, обнаруженный им архив был оцифрован в лаборатории «Культурное наследие Алтая» Алтайского государственного института культуры, а по его материалам была написана коллективная монография «Сибирский период русского маслоделия: «масляная лихорадка» в Нижне-Чарышской волости» [5], разработана серия музейных и сельских экскурсий.

О. Никандр (Речкунов) активно занимается не только воссозданием истории села, но и реконструкцией историко-культурных объектов. В 2022 г. его проект «Наследие волостного села. Дом на Миллионной», направленный на реконструкцию бывшего «Доходного дома» (гостиницы), получил финансирование из фонда грантов Президента. К текущему моменту все работы уже завершены.

По его инициативе сформировано объединение «Наследники», в которое входят любители-краеведы, школьники и жители села, заинтересованные в его развитии. Объединение занимается вопросами актуализации исторической памяти, организацией субботников на месте расстрела участников гражданской войны, бывшей пристани на реке Чарыш, установлением памятных досок на местах исторических событий и информационных таблиц на объектах наследия, проведением общественно-значимых и научных мероприятий. Одним из таких является районная конференция школьных музеев «Краеведение Усть-Пристанского района». Популяризация идеи сохранения историко-культурного наследия продвигается посредством духовно-просветительского канала «Усть-Пристань. Храм. Село. Люди». На канале размещены видеосюжеты, тексты, посвящённые деятельности музея, реконструкции памятников, праздникам право-

славного календаря [6]. О. Никандр активно занимается и работой с молодёжью, нацеленной на формирование региональной идентичности и формированию активного образа жизни.

Изучение отдельных фактов по сохранению и трансляции историко-культурного наследия в отдельных регионах Сибири в исторический и современный периоды отечественной истории показало, что значительный вклад в документирование, изучение, музеефикацию и культурное просветительство в сфере культурного наследия внесли энтузиасты из числа представителей светской и церковной региональной интеллигенции. Чертой региональной модели сохранения и трансляции культурного наследия является совместная деятельность энтузиастов и представителей широкой общественности по музеефикации, реконструкции объектов наследия, осуществлению исследовательской деятельности и популяризации её результатов.

Примечания

1. Гринин Л. Е. Лекция: роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lektsiya-rol-lichnosti-v-istorii-istoriya-i-teoriya-voprosa (дата обращения: 15.08.2024).

2. Рублёв Б. Е. Семь историографических подходов // «Изба читальня» : лит. портал. URL https://www.chitalnya.ru/work /3552557/ (дата обращения: 15.08.2024).

3. Полякова Е. А. Тобольское церковное древлехранилище: история становления и развития // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 3. С. 311-317.

4. Сухарева А. А. История создания музея «Дом священника» в селе Усть-Чарышская Пристань // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2022. № 1 (6). С. 121-123.

5. Куприянова И. В., Боговиева Р. Р., иеромонах Никандр (Речкунов). Сибирский период русского маслоделия: «масляная лихорадка» в Нижне-Чарышской волости : [коллективная моногр.]. Барнаул : Изд-во АГИК, 2023. 191 с.

6. Усть-Пристань. Храм. Село. Люди. URL: https://dzen.ru/id/600aa5ab6a20fd7f31123d87 (дата обращения: 15.08.2024).

УДК 811.512.1:39

Дубровина М. Э., г. Санкт-Петербург, Россия

Dubrovina M. E., Saint Petersburg, Russia

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА КОЧЕВОГО ЭТНОСА

LANGUAGE CATEGORIES OF THE TURKIC LANGUAGES AS THE MANIFESTATION OF THE WORLD PICTURE OF THE NOMADIC ETHNIC GROUP

В настоящей статье автор подвергает анализу две тюркские категория – категорию числа и категорию принадлежности. Эти категории входят в число специфических категорий любого тюркского языка, поскольку имеют отличное от европейских и славянских языков функционирование. Автор попытался найти параллели между грамматическим оформлением этих форм и внеязыковыми составляющими кочевого общества, к которому исторически причислялись все тюркские этносы.

The author of the article analyzes two Turkic categories − the category of number and the category of belonging. These categories are among the specific categories of any Turkic language as they function differently in comparison with the European and Slavic languages. The author has tried to find parallels between the grammatical structure of the forms and extra-linguistic components of the nomadic society, to which all Turkic ethnic groups historically referred to.

Ключевые слова: этнолингвистика, категория множественности, категория поссесивности, принадлежность, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков, тюркская картина мира.

Keywords: ethnolinguistics, category of plurality, category of possessiveness, belonging, category of number in the Turkic languages, grammar of the Turkic languages, Turkic picture of the world.

Длительные исследования, связанные с изучением строя тюркских языков, особенностей их морфологических форм и категорий, привели автора к убеждению, что многие тюркские языковые явления представляют собой уникальные средства, не встречающиеся в таком виде в европейских языках. Поиск причин такого положения дел приводил и к различным идеям, объясняющим особое грамматическое устройство тюркских языков через типологические различия – тюркские языки входят в отдельную группу агглютинативных языков [1; 2], и к концепции системной лингвистики, которая находит в этих языках некий общий принцип – принцип экономии служебных элементов [3]. Однако все эти причины, будучи справедливыми, могут дополняться еще одним немаловажным для большинства тюркских народов фактором – фактором кочевого образа жизни, тем, что древние тюркские этносы представляли собой кочевые народы, и это вполне могло найти свое отражение в тех или иных чертах языков, на которых они говорили. По мнению многих специалистов в области истории, социологии, социолингвистики и философии, хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства становится практическим фундаментом и культурообразующим фактором, на основе которого в древнейшие времена происходило развитие национального образа мира кочевника [4]. Кочевое скотоводство стало эффективным способом ведения хозяйства, надежным источником жизнеобеспечения, добывания продуктов, обусловило конструкцию орудий труда, строительства жилища, покроя одежды и т.д. Однако кочевничество следует рассматривать не только как тип хозяйственной деятельности, но и как социокультурные детерминанты, паттерны формирования идентичности этноса [5, с. 181].

Темой настоящего исследования являются две грамматические категории, которые встречаются практически во всех тюркских языках – категория множественного числа и категория принадлежности. Употребление форм этих категорий в тюркской речи можно назвать специфическим, поскольку форма множественности используется намного реже, чем в европейских языках, а аналогичная категория, передающая поссесивность морфологическим путем, и вовсе отсутствует в этих языках. Эти две категории неоднократно становились предметом отдельных изысканий, однако тюркологи

редко ставили себе задачей ответить на вопрос, почему эти языковые средства имеют такую форму и такое функционирование в тюркских языках, столь резко отличающееся от того, что наблюдается в языках других групп. Тюркская категория числа включает одну морфологическую форму – форму множественного числа и во всех тюркских языках, кроме чувашского, оформляется морфемой -lar. Форма единственного числа в тюркских языках не имеет отдельного аффикса и скорее всего на уровне морфологии просто не выражается, что, само по себе, отличает эти языки от языков индоевропейских. Отношения принадлежности, т.е. соотнесение одного предмета с другим предметом как объекта обладания с обладателем в тюркских языках выражается не привычным для европейца лексическим способом – посредством притяжательных местоимений, а морфологическим путем, с помощью специализированных грамматических форм. Последнее позволило исследователям выделить в тюркских языках самостоятельную словоизменительную категорию – категорию принадлежности. При этом отличительность этой категории заключается в том, что показатели принадлежности в живой тюркской речи употребляются намного чаще, нежели притяжательные местоимения в речи европейских и славянских языков. Кроме того, в тюркских языках присутствуют синтаксические конструкции (изафеты), которые выражают идею принадлежности между одним предметом и другим и также обслуживаются аффиксами принадлежности. Их частотность в речи также велика. Подобное положение вещей подтолкнуло известного тюрколога Н. К. Дмитриева высказать идею о том, что категория принадлежности «есть одна из основных категорий, на которых строится тюркская грамматика» [6, с. 23].

Все современные тюркские языки в большей или меньшей степени имеют аналогичные функции этих двух категорий. Однако анализ функционирования конкретных форм логичнее проводить на материале древних тюркских языков, среди которых первым письменным языком является язык древнетюркских рунических надписей – орхонских и енисейских памятников VII-IX вв. Этот язык представляется более показательным, чем языки современные, так как в структуре любого древнего языка, в большей мере, зафиксирован окружающий древние этнические группы исторический

контекст, который и мог найти свое отражение в тех или иных языковых формах.

Уже в рунических текстах аффиксы принадлежности употребляются довольно часто, на этом историческом этапе категория поссесивности представляет собой уже сформировавшееся языковое средство. Язык – это механизм, приспособленный для обеспечения коммуникации между людьми и необходимый для обмена информацией [7, с. 70-72; 8, с. 218]. Наличие грамматической категории в языковой системе сигнализирует о повышенной потребности коммуникантов в передаче данного мыслительного содержания, наличие же категории принадлежности может говорить о необходимости указывать на этот тип отношений чаще, чем на остальные. Помимо этого, тот факт, что категория, как морфологическая единица, присутствует в языке VII-VIII вв. также позволяет предполагать, что ее зарождение и отработка начались задолго до этого, еще в пратюркские времена. Это доказательно продемонстрировал коллектив ученых во главе с Э. Р. Тенишевым, который по результатам сравнительно-исторических исследований реконструировал аффиксы принадлежности, отнеся время их появления к пратюркскому периоду. При этом языковеды добавляют, что «система аффиксов принадлежности, сложившаяся … где-то на пути от праалтайского к пратюркскому, не подвергалась существенным изменениям на протяжении собственно тюркской истории» [9, с. 238].

В языке руники встречаются пять аффиксов принадлежности, аффикс 3 л. обслуживает и ед. ч. и мн. ч., выражая смыслы «его» и «их».

1. …t[oquz oγu]z mẹniŋ bodun**ym** ẹrti (Mh, 29) ‘…токуз-огузы были **моим** народом’.

2. Qaŋ**ymyz** ẹč**imiz** qazganmyš bodun aty küči joq bolmazyn tejin (Ktb) ‘Говоря: «Да не пропадет имя и сила народа, который завоевал **наш** отец и **наш** дядя»…’

3. Il**iŋiz** (E 26, 4) ‘**Ваша** страна (вотчина)’.

4. El**iŋ**in törü**ŋ**in kim artaty (Ktb, 11) ‘Кто погубил **твой** эль, **твой** закон’.

Категория количества также представляет собой одну из базовых семантических категорий [10, с. 263] и имеет свое проявление во всех языках мира. Вследствие чего и в этой теме попытки

найти параллели между языком и образом жизни данного народа выглядят обоснованными. Исследуя категорию числа и то, как она проявляется в данном языке, возможно описать те особенности восприятия мира тюрками, которые могли лечь в основу формирования этой языковой единицы. По нашему мнению, именно употребление или неупотребление аффикса множественного числа в тюркских письменных и устных текстах может быть напрямую связано с внеязыковыми представлениями, с какими-то особенностями мировосприятия или с определенной практической деятельностью.

Словоформы с аффиксом мн.ч. -lar также регистрируются в древнетюркских памятниках, написанных руническим письмом.

5. Ol sabyg asidip bäg**lär** kopyn janalym… tidi. (Tk, 36). ‘Услышав такие слова: «**беки** давайте вернемся», — он сказал’.

6. tört biŋ at**lar**ym jylkym (E 46, 3). ‘Приблизительно четыре тысячи моих **коней**’.

7. …är küdägü**lär**im kyz kälin**lär**im bökmädim (E 3, 1). ‘Я не насладился [жизнью] с моими **зятьями** и с моими **невестками**’.

Стоит заметить, что в надписях слова с морфом -lar встречаются довольно редко. Помимо этого, в большинстве случаев их употребление имеет семантическую избирательность, чаще мн.ч. указывается со словами, передающими людей; но не представителей простого народа, а тех, кто представляет собой важные, с точки зрения носителя языка, персоны: государственных деятелей и родственников. Кстати, в этих случаях употребляются и аффиксы принадлежности.

В тексах руники многочисленны примеры, когда речь явно идет о множестве предметов, однако такие слова аффиксом -lar не оформляются.

8. **At**yg(1) **y**ka(2) bajur ärtimiz. (Tk, 27).‘Мы привязали **лошадей**(1) к **деревьям**(2)’

9. …**oguz** tapa sülädim (Mh, 32) ‘Я пошел войной на **огузо**в’;

10. **tabgač**garu bardy (Mh, 35) ‘Он пошел на **табгачей**’.

11. **Kejik**(1) jiju, **tabyšgan**(2) jiju olurur ärtimiz. (Tk, 7). ‘Мы жили, поедая **оленей**(1), поедая **зайцев**(2)’.

Существует мнение, также пытающееся соотнести семантику этой категории с тюркской картиной мира [11, с. 115-116]. Согласно этой позиции в основе тюркского представления о множе-

ственности лежит противопоставление делимого и неделимого множества. Можно предположить, что именно представление о делимом, т.е. членимом на отдельные единицы, множестве и подверглось грамматикализации, став содержанием морфемы -lar. При этом при передаче информации о предметах, являющих собой множество однородных предметов, носителями данный морф не употребляется.

Однако для того, чтобы попытаться нащупать связь между языковыми категориями, их формами и значениями в тюркских языках, с одной стороны, и внеязыковыми сферами жизнедеятельности тюркских народов с другой, необходимо обратиться к древним периодам их существования, подробнее остановиться на том, что из себя представляли прототюрки, как жили и в какой местности обитали.

По справедливому утверждению С. Г. Кляшторного и Т. И. Султанова, тюркоязычные народы Евразии, также как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием [12, с. 73]. Бесспорен тот факт, что прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций принято считать этнополитические объединения тюркских народов Центральной и Средней Азии второй половины I тыс. н.э., о которых ученые имеют возможность узнать уже из древнетюркских письменных источников. Однако многие специалисты устанавливают некую преемственную связь этих тюркских племен с империей хунну. О времени возникновения прототюрок существуют различные гипотезы, среди которых позиция А. В. Дыбо, которая, предлагая опираться на лингвистические данные, предполагает, что тюркские языки выделились после распада алтайской семьи языков около 6 тыс. лет до н. э. Однако языки, которые уже можно было бы назвать непосредственными предками современных тюркских языков, учеными фиксируются приблизительно к III-II вв. до н.э. [13, с. 7].

Приблизительно к этому же времени историки и археологи относят окончательное формирование того племенного объединения, которое принято называть хунну. Сам термин (сюнну, хунну, гунны) взят из источника «Исторические записки» («Ши цзи»), который представляет собой собрание ранних рассказов о «северных

соседях», созданных китайским историографом по имени Сыма Цянь (135-67 гг. до н.э.) [12, с. 49]. По словам Сыма Цяня, к IV в. до н.э. происходит изменение общей ситуации в Центральной Азии, когда на смену предшествующих жунов приходят сильные объединения кочевых племен сюнну (хунну). Именно к этому времени китайцы начинают упоминать хунну (гуннов) среди своих противников. Благодаря археологическим раскопкам удается соотнести хунну с одной из культур скифского типа – культурой плиточных могил. Данные показывают, что эта культура существовала с 1300 г . до н.э. и, прежде всего, была распространена в Монголии, Южной Сибири и Внутренней Монголии. Однако идентичные памятники встречаются в южном Прибайкалье и Забайкалье от Саян до Маньчжурии, на Малом Хингане, в северо-западном Китае (Синьцзяне). Предполагается, что захоронения такого вида первоначально относились к народу дунху, но многочисленные погребальные комплексы VII-V вв. до н.э. несут все признаки, характерные для позднейших хуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии. Здесь, по мнению ученых, и была первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племен, ярко выраженного монголоидного облика, которые позже сместились к западу и, овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов [12, с. 52]. Как уже было упомянуто выше, этническая принадлежность хунну является спорной темой, однако, многие ученые, в том числе и известный востоковед С. Г. Кляшторный, склоняются к тому, что они были тюркоязычными [14, с. 153]. Стоит отметить, что тюркская теория происхождения хунну является на сегодняшний момент одной из самых популярных и более или менее доказанной в мировом научном сообществе. В число сторонников тюркской теории происхождения хуннов входят Э. Паркер, Жан-Пьер Абель-Ремюза, Ю. Клапорт, Г. Рамстедт, А. фон Габайн, О. Прицак, Л. Н. Гумилёв и другие. Китайские источники, которые на данный момент являются основными источниками информации о тюрках, также довольно тверды в утверждении, что тюрки были потомками хуннов. Таким образом, рассматривая устройство этнического образования хунну, можно смоделировать основные особенности жизни, уклада и хо-

зяйственной деятельности древнего тюркского племени.

Проведенный анализ культурной лексики тюркских языков дал возможность ученым реконструировать картину духовной и материальной жизни пратюрков, среди которых были и хунну, вследствие чего удалось установить то, что все пратюрки представляли собой номадические народы, занимающиеся скотоводством отгонного типа, с преобладающим значением коневодства. Анализ пратюркских вариантов слов для «дом» показывает, что у древних народов восстанавливается два типа жилища – стационарное зимнее и переносное летнее, что может говорить в пользу того, что кочевой этнос имел два вида поселений – стационарные зимние и кочевые летние [9, с. 469-471]. Не имея постоянного места жительства, кочевые народы и отдельные представители переходили с места на место, при этом было необходимо каким-то образом закреплять свое владение на пастбище, на свой дом, на свой скот. Как показывают источники, у номадов не было частной собственности, тем не менее, каждый кочевник, по всей видимости, чувствовал потребность в указании на то, что в действительности составляло его собственное имущество, а также указанию на родственников, которые также воспринимались не сами по себе, а как принадлежащие кому-то. По мнению исследователей, каждый представитель древних тюрков причислял себя к единой семье как началу общества, а затем – к роду, племени, народу, обществу, человечеству вообще [9, с. 536]. Институт родства играл большую роль в процессе выживания, самосохранения и развития древних тюрков. Это могло стать мотивом для появления особых средств в языке, которые указывали бы на отношения владения и указания на принадлежность к какому-то роду, семье.

Что представляло собой древнее кочевое этническое образование? По данным, которые предлагают исторические и археологические исследования, жизнь стандартного родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII-VI вв. до н.э. выглядела приблизительно следующим образом: «…переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку… От ста до тысячи юрт составляют общину…» [12, с. 50].

Как видно из описаний китайского историка, размер древнего тюркского племени был относительно небольшим, племя могло насчитывать «от ста до тысячи юрт». Если предполагать, что тысяча юрт – это максимум, который достигался в период объединения разных племен в племенной союз (иль), которое могло происходить периодически, то в среднем самое небольшое племя состояло из 500 человек (по пять человек в семье в одной юрте). Сезонное кочевье предполагало, что в отдельные периоды времени племя разбивалось на мелкие группы, кочующие отдельно друг от друга. Таким образом, и в периоды объединения, и в периоды отхода на отдельные пастбища кочевое общество по своим размерам было относительно невелико, кроме того, в рамках такого племени естественно предполагать, что его члены были достаточно хорошо знакомы друг с другом и, тем самым, достаточно хорошо осведомлены о жизни друг друга. По мнению Г. П. Мельникова [3], в условиях описанной жизни б**о**льшая часть информации проходит на глазах всего коллектива или отдельных представителей семьи (родственников, близких людей), многое известно всем членам коллектива и вследствие этого не требует передачи с помощью вербальных каналов. Именно к такой информации, на наш взгляд, можно отнести информацию о количестве предметов.

Ученые предполагают, что зоной первичного расселения древних тюрков были территории Ордоса и Саяно-Алтайского региона [9, с. 435]. С ландшафтной точки зрения, эти места представляют собой по большей части пустынное плато, т.е. равнинную зону с ровной или волнистой слабо разделённой поверхностью, ограниченной отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств, характеризующейся особой, слабо выраженной, флорой и специфической фауной. В таких условиях окружающая природа и ландшафт были словно на ладони, «на глазах» у коммуникантов. Говорящим людям было видно количество деревьев, гор, юрт, скота, т.е. всего того, что составляло основу повседневной жизни. При этом, можно предположить, говорящие чаще всего видели те предметы, о которых шла речь.

Таким образом, в языке, обслуживающем коммуникативное общество, проживающее в описанных природных и хозяйственных условиях, не возникало потребности в возникновении специального

грамматического средства – маркера количественной информации. Всю количественную информацию коммуниканты выводили из визуальных данных, фоновых знаний, а также полагаясь на естественную логику вещей. Тем не менее, при необходимости указать на конкретное количество предметов в языке образовались модели словосочетаний, в которых участвовали числительные. До настоящего времени в словосочетаниях с числительными существительные ставятся без аффикса множественного числа. Категория же принадлежности передавала особо важную для кочевого общества информацию – закрепление на словах собственного владения какого-то имущества, причем, языковым это закрепление стало в силу высокой его частности и повторяемости в речевой фразе, когда нужно было конкретный предмет постоянно соотносить с тем или иным его владельцем.

Примечания

1. Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. : Наука, 1965. С. 7-26.

2. Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2007. Т. 3, ч. 1. С. 109-117.

3. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М. : Наука, 2003. 395 с.

4. Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999. 368 с.

5. Бадмаев В. Н. Хозяйственная культура калмыцкого этноса: соотношение традиций и новаций // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7336-badmaev.html (дата обращения: 10.09.2024).

6. Дмитриев Н. К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2 : Морфология. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 22-37.

7. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

8. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Советское радио, 1978. 368 с.

9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М. : Наука, 2006. 908 с.

10. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1983. 840 с.

11. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. репр. воспроизведение изд. «Грамматика алтайского языка». Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 640 с.

12. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.

13. Дыбо А. В. Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М. : Вост. лит., 2008. 342 с.

14. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 503 с.

Список условных сокращений

E — енисейские памятники
KTm — Памятник в честь Кюль-Тегина малая надпись
KTb — Памятник в честь Кюль-Тегина большая надпись
Mh — Памятник Могилян-хану (Бильге-кагану)

УДК 94+008(470:510)

Амгаланова М. В., г. Улан-Удэ, Россия

Amgalanova M.V., Ulan-Ude, Russia

ЧАЙНЫЙ ПУТЬ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

TEA ROUTE AS A PHENOMENON OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Современную мировую культуру характеризует процесс межкультурной коммуникации, расширяющий взаимосвязи и взаимодействие различных государств и народов. В статье представлена история развития Великого чайного пути – одного из крупнейших торговых артерий, на протяжении нескольких веков соединявшей Азию и Европу и оказавшей огромное влияние на социокультурное развитие России, Монголии и Китая, через которые он проходил, на межкультурное взаимодействие народов. Также чайный путь сыграл ключевую роль в развитии сибирских городов.

The process of intercultural communication characterizes modern world culture which expands the interrelationships and interaction of various states and peoples. The article presents the history of the development of the Great Tea Route, one of the largest trade arteries that had connected Asia and Europe for several centuries and had a huge impact on the socio–cultural development of Russia, Mongolia and China through which it passed, on the intercultural interaction of the peoples. The Tea Route also played a key role in the development of the Siberian cities.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, торговые пути, Чайный путь, культура Бурятии.

Keywords: intercultural communication, trade routes, Tea Route, culture of Buryatia.

Межкультурная коммуникация как научная дисциплина возникла в середине XX в., но, несмотря на свою «молодость», заняла важное место в системе социально-гуманитарных наук. Ее появление

было обусловлено политическими и экономическими интересами, когда бизнесмены и политики осознали сложности в установлении контактов с представителями других культур. Представители разных культур взаимодействовали друг с другом, начиная с глубокой древности. Сведения о быте других народов сегодня можно найти в фольклоре, а также разного рода хрониках, летописях, описаниях. Изучение традиций и образа жизни представителей разных народов сопровождает в целом историю развития человечества, однако носило эпизодический характер. Эпоха Великих географических открытий положила начало системному изучению других культур, а эпоха Просвещения – научному объяснению роли географической и социальной среды в формировании различных культурных норм, особенностям культурного взаимодействия и преемственности. Так, Гердер первым предложил употреблять термин «культура» во множественном числе, подчеркивая тем самым уникальность различных национальных культур.

Несмотря на то, что понятие «межкультурная коммуникация» вошло в научный и публицистический дискурс относительно недавно, сам процесс межкультурных связей между народами и странами имеют давнюю историю, уходя в далекое прошлое человечества. Можно сказать, что «самые яркие проявления процесса межкультурной коммуникации в контексте развития человеческой цивилизации знакомы практически каждому более или менее образованному человеку: вавилонское столпотворение, появление и распад древних империй, возникновение основных мировых религий, открытие Америки, образование и распад колоний и многое другое» [3, с. 223].

Одной из важных областей межкультурной коммуникации стало формирование и развитие торговых путей. С глубокой древности торговые пути не только связали между собой страны и континенты, но и во многом предопределили экономическое освоение территорий, развитие производительных сил государств, способствовали укреплению межэтнических связей. Важная историко-культурная роль торговых путей заключалась в обмене опытом достижений материальной и духовной культуры народов.

Вся многовековая история России представляет собой плодотворный опыт межкультурного взаимодействия с разными народами,

где важное место занимали торговые пути. Одним из них был Великий чайный путь или Чайный путь протяженностью около 9 тысяч километров, объемы товарооборота которого практически не уступали более известному – Великому шелковому. Сравнение с Шелковым путем не фигура речи, оно определяется значимостью и влиянием на социокультурную жизнь народов Китая, Монголии и России. Отметим, что отношения России с Китаем на протяжении веков развивались неравномерно, в первую очередь, из-за дальности пути, а также политики изоляции, которую вела китайская империя. Кроме того, зачастую политические обострения были обусловлены существенными различиями в отправлении внешней политики, основанных на доктрине китаецентризма (Китай) и идее равенства суверенных государств (Россия). Но несмотря на разного рода издержки, прибыль обеих сторон была огромная. Отмечается, что в конце XVII в. она достигала 300 процентов [1]. Все это не только вызвало интерес к торговым контактам с Китаем со стороны российского правительства, но и то, что «в быт русского народа прочно вошли самовар и употребление чая. Во многих провинциях и губернских городах жители получили возможность не только покупать и обменивать товары, но и работать, обслуживая чайный путь» [2].

Чайная культура, зародившись в Китае, впоследствии вышла за его пределы, став неотъемлемой частью национальной культуры других стран и народов. Разного рода письменные источники, в первую очередь китайские исторические летописи, свидетельствуют о наличии древних маршрутов, по которым чай доставлялся в другие регионы. Например, известна древняя «Конная чайная дорога», связывавшая провинции Юньнань, Сычуань, Тибет, – «самая высотная и сложная в истории человеческой цивилизации крупнейшая торговая сеть, территория международных культурных обменов между Китаем, Южной и Юго-Восточной Азией» [5, с. 614].

Если говорить в целом о российско-китайских отношениях, то в фундаментальном труде «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений» приводятся достаточно подробные, интересные и малоизвестные факты широкой аудитории сведения. Отмечается, в частности, что они восходят к 1330 году к первому упоминанию о «русском полке» в составе столичной гвардии,

имеющихся в китайских хрониках [4]. При монгольской династии Юань был образован полк из захваченных русских пленных. В этот период китайцы узнали о русских. Такие сведения дает и представитель Русской православной миссии в Китае о. Палладий Кафаров – один из основоположников китаеведения в России. В русских летописях упоминания о Китае начинают появляться с XV в., причем как о государстве, который покорили монголы.

Первый торговый караван был отправлен в Китай в 1666 г. и уже первая полученная прибыль определила необходимость продолжения взаимовыгодного сотрудничества, что потребовало поиска более короткого и безопасного пути. Отметим, что и китайские императоры, несмотря на политику изоляции, были заинтересованы в отношениях с Россией и российских товарах, в первую очередь, в пушнине. Конец XVI – начало XVII вв. характеризуется значительным расширением территорий России в Восточной Сибири и Приамурье, что значительно сблизило, хоть пока и территориально, два государства. В 1689 г. состоялось знаменательное событие – подписание Ф.А. Головиным первого русско-китайского Нерчинского договора, согласно которому русские купцы получили право торговли в Китае.

В период правления Петра I торговля с Китаем стала государственной монополией, а организация караванов была возложена на Сибирский приказ. Начиная с 1706 г., находилась под запретом частная торговля. Торговый путь, по которому в Китай шли ценные породы пушнины, также объявленные государственной монополией, был проложен по Ангаре, Байкалу, Селенге до города Верхнеудинска, дальше – по Уде до Еравнинских озер, а оттуда по рекам Читинке и Шилке в Нерчинск, далее в Китай. В Пекине работала русская торговая фактория, где велись большие торги. Чайные караваны формировались в г. Калгане возле Великой Китайской стены. Здесь располагалось торговое предместье, где размещались торговые представительства русских чайных фирм. Как отмечает историк М.Н. Балдано, несмотря на стратегическую значимость, этот путь не получил ожидаемого развития, торговля была незначительной. «Торговля прерывалась из-за частых стычек с местным населением и противодействием маньчжурских властей. Основной маршрут был вскоре изменен, главным местом этой торговли стала Урга (Улан-Батор),

путь до которого из русского приграничного города Селенгинска занимал всего лишь 10-12 дней, вместо трех месяцев пути до Пекина» [1, с. 95]. Поясним, что Урга – это монгольский город.

Следующим этапом в развитии межкультурных контактов России и Китая стал Буринский договор 1727 г., подписанный Саввой Рагузинским. Данный договор провозглашал установление мирного порядка взаимодействия двух народов, в частности, режима перемещения через границу, но большая часть отводилась торговым отношениям. Население Сибири и Забайкалья постоянно росло, обусловив рост потребления товаров и расширения частной торговли. Это стало стимулом улучшения межкультурных взаимоотношений в целом, а не только торговых. Чайный путь из Китая до России (Москвы) проходил через Монголию, включал в себя как сухопутные, так и водные пути. В целом главными городами Чайного пути, а их было более ста пятидесяти, были Ухань, Пекин (Китай), Хух-Хото, Урга, Дархан (Монголия). На российской территории главным центром был приграничный Троицкосавск, позднее переименованный в Кяхту.

Для жителей Бурятии Чайный путь стал судьбоносным в определении границы, которая проходила по месту строительства будущего города Кяхты. Именно Кяхта, а не Верхнеудинск, был культурным центром региона. Начиная со второй половины XIX в., Кяхтинские торги получают мировую известность в наименованиях «Российская столица чая», «Золотые ворота России», «Москва на востоке». Развитие Чайного пути способствовало развитию культуры Бурятии. Территория, ранее населенная только кочевыми племенами, стала преобразовываться. Так, в Кяхте были сосредоточены и научные, востоковедные силы государства, где был открыт первый учебный центр по подготовке специалистов в области монгольского и китайского языков. Позднее такие центры были открыты в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. Появляются города, развиваются различные сферы художественной культуры, в первую очередь архитектура. Так, памятником историко-культурного наследия являются Гостиные ряды в Верхнеудинске. Помимо Кяхты и Верхнеудинска крупными культурными центрами становятся Селенгинск и Баргузин. Не можем не отметить и появление крупных купцов-миллионеров Немчиновых, Голдобиных, Фроловых и других

династий, ставших меценатами. Они вкладывали значительные средства в развитие городов, жертвовали на благотворительность.

В период «золотого века» Кяхты, продолжавшегося около 200 лет, московские, тюменские, казанские, томские, тобольские, енисейские купцы, представлявшие около ста торговых домов, осуществляли свою деятельность здесь. Межкультурный диалог, осуществлявшийся на всем протяжении Великого чайного пути, способствовал процветанию нашего региона, развивая и другие сферы жизнедеятельности человека: науку, искусство, воспитание молодежи. В истории города оставили яркий след многие известные деятели науки, культуры, общественной мысли.

Несмотря на то, что объемы торговли между Китаем и Россией значительно выросли, начиная со второй половины XIX в., Кяхта стала уступать свои позиции по ряду объективных причин. Во-первых, за счет использования морских путей через китайские порты Шанхая и Гуанчжоу и российские – Владивостока и Одессы, стоимость перевозки стала дешевле. Во-вторых, со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали исторический караванный путь ушел в небытие, в результате Кяхта потеряла политическое и социально-культурное значение. На передовые позиции вышел город Верхнеудинск. Транссиб многократно увеличил скорость товарооборота и обусловил снижение цен на чай. В-третьих, купцы Кяхты, имевшие большие капиталы, стали переезжать в центральные города, в Санкт-Петербург и Москву, переведя туда свои капиталы.

О специфике межкультурной коммуникации свидетельствуют лингвистические данные. Так, привычное нам слово «чай» восходит к китайскому слову «cha», подобное произношение любимого напитка имеется в турецком, арабском, хинди. Английское слово «tea» соотносится с формой произношения на Тайване. В рамках политкорректности говорят о различных путях: сухопутном и морском, но морской – это, по сути, контрабандный путь.

Современный мир в условиях глобального развития невозможен без взаимодействия культур, поэтому именно межкультурная коммуникация становится важнейшим условием прогресса и гармоничного развития стран. В условиях современных глобализационных процессов актуализируется исторический опыт торговых путей, повлиявших на различные аспекты социально-политического, эконо-

мического, творческого развития стран, через которые он проходил. Сегодня реализуются грандиозные проекты по созданию трансевразийских сетей сотрудничества, рассчитанных на долгосрочную перспективу. Одним из таких проектов стал «Один пояс – один путь», в рамках которого происходит возрождение и Великого чайного пути. В первую очередь, он должен способствовать укреплению российско-китайских отношений, в том числе и гуманитарных: наука, образование, туризм, творчество. Однако и сегодня остаются малоизученными не только маршруты Чайного пути, но различные аспекты его формирования и развития.

Примечания

1. Балдано М. Н. Великий чайный путь: история формирования и пути развития // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4 (34). С. 93-99.

2. Ермакова Е. И. Великий чайный путь – важнейшие социально-исторические и культурные перспективы развития российско-китайских отношений в контексте «Экономического пояса шелкового пути» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-chaynyy-put-vazhneyshie-sotsialno-istoricheskie-i-kulturnye-perspektivy-razvitiya-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-v-kontekste/viewer (дата обращения: 11.09.2024).

3. Пигулевская Н. В. Византия на пути в Индию. М. : Вост. лит., 1961. 246 с.

4. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М. : Весь мир, 2013. 704 с.

5. Чжан Ю. Древняя «Чайная конная дорога» - транспортные коммуникации и историко-культурное наследие провинции Юньнань // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство. Омск : Сиб. гос. автомобильно-дорожный ун-т (СибАДИ), 2020. С. 614-618.

УДК 821.512.36.09

Рагчаагийн Бигэрмаа, г. Улан-Батор, Монголия

Ragchaagiyn Bigermaa, UlaanBaatar, Mongolia

Рагчаагийн Бигэрмаа, Улаанбаатар, Монгол Улс

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[1]

CHARACTERISTICS OF REFLECTING MONGOLIAN TRADITIONS AND CUSTOMS IN MODERN LITERATURE

ОРЧИН ҮЕИЙН УРАН ЗОХИОЛД МОНГОЛЧУУДЫН ӨВ СОЁЛ, ЗАН ЗАНШЛЫГ ТУСГАСАН ОНЦЛОГ

Ученые полагают, что современная монгольская литература зародилась в 1921 г. С тех пор известные писатели и поэты Монголии создали произведения, отражающие наследие, культуру и обычаи народа, вобравшие в себя особенности общества, образ жизни и своеобразие того времени, и продолжают совершенствоваться и развиваться вплоть до наших дней.

В современном обществе, где наука и технологии развиваются, а мир становится все более глобализированным, каждая нация уделяет большое внимание сохранению и развитию своего наследия, культуры и обычаев, а также защите национального иммунитета.

В данной статье рассматривается одна из важных культурных традиций монгольского народа «Наадам» на примере истории о любви в стихотворении известного поэта и народного писателя Б. Лхагвасурэна «Дэлгэрхангайн наадам», свидетельствующей об уни-

[1] Библиографическое оформление статьи в авторской редакции

кальности национального наследия, культуры и обычаев, об особенностях монгольского мышления.

Scholars believe that modern Mongolian literature originated in 1921. Since then, famous Mongolian writers and poets have created the works that reflect people's heritage, culture and customs, and embody the features of the society, lifestyle, and distinctiveness of that time, and continue to refine and develop up to our days.

In modern society, where science and technology have developed and the world is becoming more globalized, each nation pays great attention to preserving and developing its own heritage, culture and customs, and also to protecting the national immunity.

The article considers one of the important cultural traditions of the Mongolian people «Naadam» on the example of the history of love in the poem «Delgerkhangain naadam» of the famous poet and people's writer B. Lkhagvasuren testifying the uniqueness of the national heritage, culture, customs, peculiarities of the Mongolian thinking.

Хураангуй. Эрдэмтэн судлаачид, Монголын орчин үеийн уран зохиолыг 1921 оноос эхэлсэн хэмээн үздэг. Энэ үеэс хойш Монголын нэрт зохиолч, яруу найрагчид ард түмнийхээ өв соёл, зан заншлыг тусгаж, тухайн цаг үеийнхээ нийгэм, аж төрөх ёс, онцлогийг шингээсэн уран бүтээлүүдийг туурвиж, тэдгээр нь бидний үе хүртэл улам боловсронгуй болон хөгжсөөр иржээ.

Эдүгээ шинжлэх ухаан, техник технологи хөгжин, дэлхий нийтээр даяаршиж буй өнөөгийн нийгэмд улс үндэстэн бүр өөрийн өв соёл, зан заншлыг эзэмшин, хөгжүүлэх, үндэстний дархлааг хамгаалахад ихээхэн анхаарч байна.

Энэхүү өгүүлэлдээ бид, нэрт яруу найрагч, Ардын уран зохиолч Б. Лхагвасүрэнгийн "Монгол" хэмээх давтагдашгүй өвөрмөц түүх соёл, зан заншилтай, бусад улс үндэстнээс ялгарах өвөрмөц онцлогтой ард түмэн болохыг илтгэдэг чухал өв соёл, зан заншлын нэг болох "Наадам"-ын тухай илэрхийлсэн "Дэлгэрхангайн наадам" шүлгийг жишээ болгон авч, монголчуудын сэтгэлгээний онцлог, ялангуяа хайр дурлалын тухай өгүүлэмж, тэрчлэн үндэсний өв соёл, зан заншлыг хэрхэн тусгасныг ажиглахыг хичээлээ.

Ключевые слова: национальный иммунитет, специфика культуры, отражение традиций и обычаев, особенности менталитета монголов.

Keywords: national immunity, specifics of culture, reflections of traditions and customs, peculiarities of the Mongolian mentality.

Түлхүүр үг: үндэстний дархлаа, соёлын онцлог, зан заншлыг тусгал, монголчуудын сэтгэлгээний онцлог.

Удиртгал

Улс үндэстнийхээ өвөрмөц зан заншил, түүх соёлоор бахархах, ард түмний сэтгэлгээний онцлогийг илэрхийлэхэд уран зохиол, түүний дотроос яруу найраг чухал үүрэг гүйцэтгэдэг. Улс үндэстний мөнхийн сэдэв болсон хайр сэтгэлийн сэдэвт уянга үе үеийн яруу найрагчдын туурвил зүйд бий. Хайр сэтгэлийн уянга нь хүн төрөлхний бүхий л түүхээр боловсорсон бичигдээгүй хууль юм. Яруу найрагч бүр энэ хуулийн олон талыг өөрийн авьяас билэг, ур чадвар, билгийн хараагаар олж нээж байдаг.

Монголын орчин үеийн яруу найргийг шинэчлэгч, Ардын уран зохиолч Б.Лхагвасүрэнгийн уран бүтээлд ч хайр сэтгэлийн уянга голлох байртай байдаг. Үүний нэг нь “Дэлгэрхангайн наадам” шүлэг юм. Яруу найрагчдын янаг амрагийн дуулал шүлгийг ажиглан үзвэл, хайр сэтгэлийн олон янз өнгө аяс, давтагдашгүй мэдрэхүй, хэн бүхэнд мэдрэгдэх авч нууцлаг нэгэн увидас, юутай ч үл зүйрлэх ариун нандин зүйлийг сэтгэлд шивнэн байхад, өөр нэг талдаа бүтэлгүй хайрын тухай түүний учир зүйг тайлсан, харамссан, бахархсан эсвэл гунин дурссан шинжээрээ эрс ялгарна.

Ийм шүлгийн нэг нь Ардын уран зохиолч Б.Лхагвасүрэнгийн “Дэлгэрхангайн наадам” шүлэг билээ. Энэхүү шүлэг нь монголчуудын үндэсний баяр наадмын тухай өгүүлэмжийг, залуучуудын хайр сэтгэлийн тухай дүрслэлтэй хослуулан дүрсэлж, үйл явдалтайгаар шүлэглэснээрээ сонирхолтой, өвөрмөц юм.

Үндсэн хэсэг

Шүлэгт Дэлгэрхангайн наадам дэнж хотойлгон, дээд тэнгэрийн нарыг газар дэвсэн зулж, түмний эхийн шуранхайд асрын цэцэг намирч, түмэн агтны туурайнаас нарны тоос босож буй торгон мэдрэмж, тод зураг, наадмын сайхныг өрнүүлэх хэдий ч сэтгэлтэй бүсгүйгээ өөр хүнтэй зогсож буйг харсан залуу эрийн харуусалт сэтгэлийн илэрхийллийг:

. . . *Гаргаж боломгүй гуниг*

Цээжин дотор хурж
Ганцад олддоггүй жаргал
Эмээл дээрээс хулжив
Энэ юусан билээ . . .[1] гэсэн бодол эргэцүүлэлд хөтлөн, халган байж харахад нь Тоорой Жамбын дунд хүү чихэр өгч, түүнд нь Цэцгээ хан тэнгэрийн нарны хэлтэрхийг атгасан юм шиг баярлаж буй тухай, тэр ч бүү хэл хоёр морь нь толгой хаялан, "Эрдэнийн хэлээр" үгээ ололцож байгаа атаархам нөхцөл байдал, дүр сэтгэл зүйг гүн атлаа маш нарийн мэдэрсний илэрхийлэл болж байна. Тэр нь улам гүнзгийрч, зүрхнийх нь чимэг болсон дурлалт хүнийхээ инээдэнд хүртэл багтах зайгүй боллоо гэх залуу эрийн сэтгэлийн халаглал улам лавширч:

. . . *Хожимдсон жаргалын дэргэд*
Тэсч чаддаггүйгээ харуулах гэж
Хосын сайхан заяанд
Тотгор тавихгүйгээ үзүүлэх гэж
Ардын сайхан цэнгэлийг ид дунд нь орхин, урмаа сэргээн гунигаа хөөх [2] гэж цэнгэг уст горхины хөвөөнөө очоод "Цэцгээ - Чи миний алганд хургасан наран" гэж нэрийг нь шивнэн шивнэн байж, уруулаа химлэн химлэн зогсож бичсэн сэтгэлийн хайллыг нэгэн шөнийн ойворгон салхи ус руу үйн урсгасныг ойлгох ухаарал цөмөөр цогцлон нэгдсэн нь маргашгүй.

Яруу найрагч энэ шүлгээ өмнөх үеийн хэн нэгэн найрагчийн дагавраар бус тэс өөр, шүлгийн үйл явдлыг кино зураг мэт хүний сэтгэлд шингэн уусахуй нэвчүүлэн холбож, тодоос тод, илээс ил зурж, сэтгэлийн нарийн хөдөлгөөнөөр бүтээсэн нь том нээлт юм.

Нөгөө талаас зохиолч бүтэлгүй хайрын тухай дууллаа **монгол ахуй амьдралтай гүн гүнзгий холбож**, монголчуудын үндэсний их баяр наадмын тухай өгүүлэмжийг монгол залуу эрийн хайрлан дурлах сэтгэлгээний онцлогтой холбож өгсөнд уг бүтээлийн үнэ цэн оршино. Тухайлбал: Түмэн агтын туурайнаас нарны тоос босож, хоёр морь нь толгой хаялан, хазаарын мөнгөн товрууд[1] нь харшин байх уран зураг хийгээд бэл[2]ийн цэцгийг мориндоо

[1] Товруу: Монгол эмээл дээр товойлгож хийсэн чимэг: *Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан тол ь*(2018).,303-р тал
[2] Бэл: Уулын : *Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан тол ь*(2018).,

гишгүүлэхгүй гэж хэц[1] дамжин мацаж, гунихгүй гэхдээ “Эр бор харцага[2]”-ыг эхлэн алдаад түгдэрч буй сэтгэл хөдлөл, ”Чи миний алганд хургасан[3] наран” хэмээн цулбуурынхаа үзүүрээр голын элсэн дээр бичиж буй халаглал туйлын тод илэрч буй зэрэг нь урлах эрдмийн ололт гэлтэй. Ийнхүү бүтээгүй ч догдолж дурлаж гутарсан хайрын нэгэн түүхийг уншигчдын сэтгэлийн гүнд тавихдаа хайр сэтгэл гэгч үзэгдлийн машид эмзэг нандин мэдрэхүйг монгол эр хүний сэтгэлийн дотоод зөрчлөөр дамжуулан оновчтой нээж чадсан юм.

Монголчуудын үндэсний их баяр наадмын үеэрх зан заншил, ёс жаяг нь тэдний түүх соёлын салшгүй хэсэг билээ. Эдгээрийг дүрслэн харуулснаар “Монголын уламжлалт соёл, зан заншил нь үеэс үед уламжлагдан ирсэн бөгөөд үүнийг хайрлах, хадгалах нь монгол үндэстний оршин байх үндэс” гэдгийг шүлгээрээ дамжуулан ойлгуулсан байна. Энэхүү шүлэгт монгол ахуйг дүрслэн харуулахын тулд үндэсний хувцас, эд зүйлсийг дүрсэлсэн байдаг. Эдгээр нь монголчуудын өвөрмөц соёл, зан заншил, өдөр тутмын амьдралыг илэрхийлдэг байдаг. Тухайлбал: Монголчууд баяр наадмаар гоёлын дээлээ өмсөнө. Монгол үндэсний дээл нь өвөрмөц хэв маяг, олон янзын гоёл чимэглэлтэй. Дээл нь Монголын нүүдэлчин соёлын онцлогийг илэрхийлэх бөгөөд урт удаан түүхтэй, монголчуудын ахуй амьдрал, аж төрөх хэв маягийг харуулдаг. Монгол үндэсний гоёлын дээл нь зөвхөн хувцас төдий биш, харин монголчуудын соёлын өв, түүх, зан заншлыг агуулжээ.

“Монгол наадам” нь морины уралдаан, сурын харваа, бөхийн барилдаанаас бүтдэг. Монголчуудын амьдралд морь чухал байр суурь эзэлнэ. Наадам, хурдан морины уралдаан, морьт харваа зэрэг уламжлалт баяр ёслолыг морьгүйгээр төсөөлшгүй. Эдгээр нь морь унах ур чадвар, хурд, тэвчээрийг шалгадаг бөгөөд морьтны соёлыг

61-р тал

[1] Хэц: Цавчим, бэрх өндөр газар: *Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь* (2018).,408-р тал

[2] Эр бор харцага: Монгол ардын дууны нэр: *Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь* (2018).,303-р тал

[3] Хургах: Эргэж буцах, хоргодох: *Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь* (2018).,394-р тал

хадгалж, хойч үедээ өвлүүлэх үүрэгтэй. Монголчуудын хувьд морь нь зөвхөн тээврийн хэрэгсэл, уналга унаа биш, харин нүүдэлчин амьдралын хэв маяг, соёл, түүхийн салшгүй нэг хэсэг юм. Морийг дээдлэх үзэл нь олон зууны туршид Монголын ард түмний амьдрал, ёс заншил, уран зохиол, урлагт тусгалаа олсон байдаг.

Эрийн гурван наадмын нэг нь сурын харваа юм. Монголын уламжлалт спортын нэг бөгөөд сур харвахад ашигладаг нум сум, зэв зэрэг нь монголчуудын ур чадвар, бэлтгэл сургуулилтыг харуулдаг. Үүнээс гадна бөхийн барилдаан бий. Наадмын салшгүй нэг хэсэг, монгол үндэстний бусдаас ялгарах өвөрмөц онцлог билээ.

Хэл найруулгын талаас ажиглаж үзвэл: Шүлгийн эхлэл нь:

Дэлгэрхангайн наадам

Дэнж хотойлгон эхлэв . .. гэсэн ахиуллын ур маягаар эхэлж,

... Тэр жилийн

Дэлгэрхангайн наадам . . .[1] гэсэн давталтаар төгсгөж буй нь шүлгийг эхлэл, төгсгөлөөр нь хаших холбоцын өвөрмөц туршилт болсон юм. “Дэлгэрхангайн наадам” шүлгийн эхний арван есөн мөрийг ердөө хоёрхон үгээр

.... Халган байж харвал

Чихэр өгч харагдана . . .[3] гэх мэтээр мөр тэгшлэн бичиж байснаа дараагийн мөрүүдийг 2,4,5,6 шадаар мөр даран бичсэн нь шүлгийн утга санааг алдагдуулсангүй, харин ч улам утга ялган холбож, мөр бүрийн үгийн тоог тэнцүүлэх зарчмыг баримталсан нь хуучин уламжлалыг аль болохоор эвдэх санаачилга болсон юм. Эндээс ажиглавал, шүлгийн айзмыг жигдрүүлэхийн тулд яруу найрагч эхний арван есөн мөрийг хоёр үг буюу өргөлтөөр холбож, харин дараагийн мөрүүдийг түүнд захируулалгүй, үг өргөлтөөр жигдрүүлэлгүй чөлөөт шүлгийн хэмжил зүйгээр тохируулсан нь цагтаа шинэ эрэл байв. Цааш нь:

... Инээдэнд нь хүртэл

Би багтах зай алга

Энэ юусан билээ . ..[2] уран асуулга, авиа ижилсүүлэн жигдлэх аргыг хэрэглэсэн нь шүлгийн айзам хэмнэл зүйг жигдрүүлж, уянгын өнгө аястай болгоход шийдвэрлэх нөлөө үзүүлснийг илэрхийлж

[1] Лхагвасүрэн.Б.,*“Хос уянга”* (1991).,32-р тал

[2] Лхагвасүрэн.Б.,*“Хос уянга”* (1991).,32-р тал

байна.

Монгол шүлгийн нэг гол ёс болох эн зэрэгцүүллийн аргыг шүлгийн зарим хэсэгт чадмаг хэрэглэжээ. Жишээ нь:

.. . *Бэлийн цэцгийг моринд гишгүүлэхгүй гэж*
Хэц дамжин гэлдрэв
Би иймхэн юманд гунихгүй гэж
Эр бор харцагыг эхлэн алдаад түгдрэв . . .[1] гэх мэтээр гол төлөв утгын зэрэгцүүллийн ёсыг хэрэглэсэн нь шүлгийн хэмжээ нарийсаж, уншиж тогтооход хялбар болжээ. Тийм ч учраас манай залуучууд уг шүлгийг тогтон уншиж, сонирхдог болжээ.

Шүлгийн үг сонголт өвөрмөц онцлогтой: "Дэлгэрхангай, дээд тэнгэр, алмай цэнхэр манан, ойворгон салхи, алтан тоос" гэх зэргээр тэмдэг нэрийг дүрслэлд өргөн хэрэглэхийн зэрэгцээ "хангайн, тэнгэрийн, түмний, эхийн, тоосны" гэх мэт харьяалахын тийн ялгалын нөхцөлүүдийг дүрслэлд зохистой ашигласан нь орчин цагийн яруу найрагт ихээхэн шинэ содон ажээ.

Тэрчлэн "үзүүлэх гэж, харуулах гэж, гишгүүлэх гэж, гунихгүй гэж" зэргээр үйл үгийг "-гэ" язгуурт үгээр холбосон нь шүлгийн айзам, аялгуулан хэлэх, ялгахад багагүй үүрэг гүйцэтгэхийг үгүйсгэх аргагүй. Мөн манай зарим яруу найрагчдын бүтээлд элбэг тохиолдох давталтын ур маягуудыг ховорхон хэрэглэж, "Тоос тоосны дундаас " гэж ганцхан удаа хэрэглэсэн нь зохиолчийн өөр нэг ур чадвар гэж үзнэ.

"Нарны тоос, намиа ногоон дэнж, алтан тоос, ойворгон салхи, урсгал цовоо горхи, алганд хургасан наран" гэх мэт өмнө нь яруу найрагт байгаагүй өвөрмөц сонин холбоо үгс цөөнгүй тохиолдож байгаа нь нарийн нандин гэмээр атлаа шинэ утгыг чөлөөтэй илтгэсэн нь түүний яруу найргийн нэг шинэ нээлт хэмээн үзэж болох юм.

Дээрх зүйлүүдээс дүгнэн үзвэл, яруу найрагч шүлэгтээ хүний сэтгэлийн нандин зүйлийн нэг болох хайр дурлалын тухай дурсамжийг хөдөлгөөнтэй, кино мэт авч үзэн, тэгэхдээ уран дүрслэлүүдийг монгол ахуйтай нягт холбон өгүүлж, залуу эрийн сэтгэлийн хөдөлгөөнийг илэрхийлсэн нь онцлог юм.

Дүгнэлт

[1] Лхагвасүрэн.Б.,*"Хос уянга"* (1991).,32-р тал

Дээрх зүйлүүдээс дүгнэн үзвэл:

1. Аливаа улс үндэстэн, ард түмний өв уламжлал, түүх соёлын салшгүй нэгэн үнэт зүйл, оюун санааны тусгал болж, үндэстний өвөрмөц онцлог, зан заншлыг хөгжүүлэн, түүх соёлоо хойч үедээ өвлүүлэн үлдээх арга замын нэг нь уран зохиол[1] юм. Уран зохиол нь хүний амьдралын хамгийн чухал урлаг юм. Учир нь улс үндэстэн бүр өөрийн төрөлх хэлээр гайхамшигт урлагийн бүтээлийг туурвиж, өөрийн болон бусад улс үндэстний түүх соёлыг мэддэг. Ямар ч улс үндэстэн бусад үндэстнээс ялгаатай хөгждөг, өөр өөр түүхэн замналтай байдаг. Монголчууд аман болон бичгийн соёлын асар их өв уламжлалтай ард түмэн бөгөөд аливаа улс үндэстний бичиг соёлын түүхэн хөгжил нь тухайн үндэстнийхээ түүх, нийгэм, эдийн засаг, соёлын хөгжил дэвшилтэй салшгүй холбоотой байдаг.

2. Үндэстэн бүр өөр өөр соёл, сэтгэлгээг бүтээж, үгийн урлагаар дамжуулан өвлөн уламжилж байдаг.

3. Ардын уран зохиолч Б.Лхагвасүрэн энэхүү шүлэгтээ монгол өв соёл, зан заншлыг дүрслэхдээ нэг талаас монголчуудын үндэсний их баяр наадам, нөгөө талаас, монгол залуу эрийн бүтэлгүй дурлалын тухай өгүүлэмжийг хөдөлгөөнтэйгөөр хослуулан дүрсэлж, дүрийн сэтгэл зүйг нарийн гаргаж өгснөөрөө өвөрмөц болжээ.

Ном зүй

1. Лхагвасүрэн Б. Бүрэн түүвэр. Бээжин, 2006.

2. Өлзийсайхан Ө., Н.Болдбаатар Н. Экологи, байгаль хамгаалал. УБ., 2006.

3. Рэгзэндорж С., Ганзориг Р. Монгол ёс заншил. УБ., 2008.

4. Санжид Ж. Гаднаас гал гуйдаггүй: Монголчуудын байгаль хамгаалах зан үйлээс. УБ., 1988.

5. Лхагвасүрэн Б. Хос уянга. Түүвэр. УБ., 1991.

6. Галбаатар Д. Уран зохиолын онолын ойлголт, нэр томьёоны тайлбар толь. Токио, 2002.

7. Цэнд Д. Яруу найраг ба шүүмжлэл. УБ, 2001.

8. Цэрэнсодном Д. Монгол шүлгийн онол түүхийн зарим асуудал. УБ., 1989.

[1] Бигэрмаа Р. XX зууны яруу найргийн шинэтгэл шинж. 2016. 25-26

УДК 069.5(510)

Ло Да, г. Хабаровск, Россия

Lo Da, Khabarovsk, Russia

МУЗЕЙ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КАК СОКРОВИЩНИЦА РЕЛИКВИЙ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ

MUSEUM OF INNER MONGOLIA AS A TREASURY OF RELICS OF THE STEPPE CULTURE

Статья посвящена одному из интереснейших национальных музеев Китая – музею Внутренней Монголии. В нем представлена обширная коллекция артефактов степной культуры, в том числе культуры древних кочевников (хунну, дунху, сяньбэй, кидани, дансян и др.). В статье приводится описание таких реликвий, как императорский портрет Чингисхана, золотая корона короля Хунну в форме орла, яшмовый дракон культуры Хуншань, курильница для благовоний в печи Цзюнь, погребальная бронзовая маска династии Ляо.

The article is devoted to one of the most interesting national museums in China – the Museum of Inner Mongolia. It presents the extensive collection of artifacts of the steppe culture, including the culture of ancient nomads (Xiongnu, Donghu, Xianbi, Khitan, Danxiang, etc.). The article describes such relics as the imperial portrait of Genghis Khan, the golden crown of king Xiongnu in the shape of an eagle, the jasper dragon of the Hungshan culture, the incense burner in the Jun furnace, the funerary bronze mask of the Liao dynasty.

Ключевые слова: Китай, Внутренняя Монголия, музей, коллекция реликвии, степная культура, культура кочевников.

Keywords: China, Inner Mongolia, museum, collection of relics, steppe culture, nomad culture.

«У реки Чилэй, под горами Иньшань, небо подобно куполу, накрывающему четыре поля. Небо серое, вокруг бескрайние просторы, ветер колышет траву, и можно увидеть коров и овец». Эта древняя «Чилэйская песня» изображает прекрасные пейзажи юж-

ных лугов Иньшаня (ныне равнина Тумэрт, Внутренняя Монголия), раскинувшиеся более 1500 лет назад. Сегодня на реке Чилэй уже давно построен город Хухэ Хото (что в переводе с монгольского означает «Чин город»). Рядом с садом, в центре города, находится белое классическое трехэтажное здание со статуей скачущей лошади на крыше, куда каждый день заходит множество туристов. Они приходят с радостью, возвращаются довольные и фотографируются на фоне элегантного белого здания. Это здание является музеем Внутренней Монголии, известным как сокровищница артефактов степной культуры (рис. 1).

Музей Внутренней Монголии, основанный 1 мая 1957 г., перестроенный и вновь официально и торжественно открытый 8 августа 2007 г., расположен на улице Синьхуа в районе Синьчэн города Хух-Хото автономного района Внутренняя Монголия. Это единственный комплексный музей во всем автономном районе и один из первых музеев, созданных в районах проживания этнических меньшинств в Китае. Площадь главного здания музея составляет 64 000 кв. м, а выставочная площадь – 15 000 кв. м. В настоящее время это первоклассный национальный музей Китая [1].

Рисунок 1 – Вход в музей Внутренней Монголии

Четыре основных выставочных зала («Окаменелости древнего мира», «Образцы лесных животных и растений плато», «Геологические образцы и образцы минералов Внутренней Монголии», «Китайская аэрокосмическая экспозиция во Внутренней Монголии») на втором этаже музея Внутренней Монголии рассказывают о происхождении степной культуры.

Четыре основные экспозиции на третьем этаже музея демонстрируют историческое развитие степной культуры с древнейших времен до наших дней. На четвертом этаже музея расположены шесть специальных экспозиций с культурными реликвиями, демонстрирующими степную культуру пастбищ.

В последние годы музей ежегодно посещает более 1,2 миллиона человек. Коллекция музея насчитывает более 150 000 культурных реликвий (наборов). Это не только главное учреждение по сбору культурных реликвий и образцов в автономном районе Внутренняя Монголия, но и важное академическое исследовательское учреждение в области музееведения, истории, этнологии, палеонтологии и других наук во Внутренней Монголии.

Бескрайние степи Внутренней Монголии – родина Чингисхана, «поколения Тяньцзяо». В 1206 г. н.э. Чингисхан взошел на трон Великого хана после завершения войны за объединение монгольских степей. После этого 200 000 монгольских кавалеристов двинулись на запад и юг, создав Монгольское ханство с самой большой территорией в мировой истории. Крупномасштабные военные операции Чингисхана вызвали бурю событий в мировой истории, но он объективно тесно связал Европу и Азию, значительно способствуя экономическому и культурному обмену между Востоком и Западом.

«Выставка исторических и культурных реликвий родного города Чингисхана», организованная музеем Внутренней Монголии, является крупнейшей выставкой древнекитайской культуры северных кочевников и культурных реликвий периода Чингисхана, которая впервые проводится международной музейной индустрией и привлекает аудиторию из многих стран. Эта выставка культурных реликвий была представлена более чем в десятке музеев Соединенных Штатов, Канады, Новой Зеландии и других стран, и ее посетили в общей сложности более миллиона человек. Императорский

портрет Чингисхана, предка династии Юань, представленный на выставке, был написан монгольским художником Лихуосуном из династии Юань в «Пятнадцатом году правления династии Юань» (1278) по личному распоряжению императора Хубилай-хана и завоевал премию «Золотой глобус» (рис. 2).

Рисунок 2 – Императорский портрет Чингисхана

Согласно исследованиям, существует еще один сохранившийся портрет Чингисхана, который является копией времен династии Мин и сейчас находится в коллекции Дворца-музея в Тайбэе. По обе стороны пролива хранятся ценные портреты истинных представителей поколения Тяньцзяо, которые показывают, что Чингисхан занимает очень важное место в истории развития древнекитайской цивилизации и поэтому пользуется уважением людей всех этнических групп Китая.

В музее Внутренней Монголии также представлено большое количество культурных реликвий древних северных кочевни-

ков, таких как хунну, дунху, сяньбэй, тюрки, кидани, ну чжэнь, дансян и монголы. Это такие культурные реликвии, как золотая корона короля Сюнну и яшмовый дракон культуры Хуншань, а также большая курильница для благовоний из печи Цзюнь династии Юань.

1. Золотая корона короля Хунну в форме орла (рис. 3)

Это корона некоего правителя племени сюнну, который активно действовал на юге Внутренней Монголии в период воюющих царств в районе пастбищ Ордос. Высота орла составляет 6,7 см, диаметр пояса с короной – 16,5-16,8 см, а вес – 1211,7 грамма. Основной формой этого набора золотых корон является орел, расправляющий крылья, стоящий на полусферическом корпусе с изображением кусающихся волков и овец и смотрящий на землю. Кольцо на лбу выполнено из трех полукруглых золотых слитков, скрепленных заклепками и вставленных друг в друга, с рельефными изображениями крадущегося тигра, овцы с рогами и лежащей лошади, а средняя часть украшена узором в виде веревки. Это единственное золотое украшение для короны знати хунну, найденное в Китае. Эта золотая корона имеет необычную форму, изысканную работу и необыкновенную ауру. Она отражает поклонение народа хунну орлам, тиграм и волкам, а также менталитет владычества над северным небом. Кроме того, это также чрезвычайно редкая корона Ху, которая довольно известна в международном сообществе культурных реликвий и археологов.

Рисунок 3 – Золотая корона короля Хунну

2. Яшмовый дракон. Культура Хуншань (рис. 4)

Это репрезентативная работа предков культуры Хуншань, живших 6000 лет назад. Высота всего корпуса составляет 26 см, а поперечное сечение – 2,3-2,9 см. Согласно исследованиям, это тотем кланового племени. Артефакт был обнаружен в 1971 г. в Саньсинтале, Вэнниу, город Чифэн, Внутренняя Монголия.

Рисунок 4 – Яшмовый дракон

Тело дракона гладкое, изогнутое в виде крючка, голова дра-

кона имеет форму свиной пасти, его глаза веретенообразные, а глаза дугообразные. Он смотрит вперед и чрезвычайно свиреп. На обратной стороне крючка видна жесткая щетина, загнутая вверх. Это самый крупный, утонченный и реалистичный яшмовый дракон культуры Хуншань, который был обнаружен на сегодняшний день.

3. Курильница для благовоний в печи Цзюнь (рис. 5)

Ее диаметр составляет 25,2 см, а высота – 42,7 см. Она была обнаружена на руинах древнего города Фэнчжоу времен династии Юань в деревне Байта города Хух-Хото.

Форма курильницы толстая и огромная, а весь корпус покрыт лазурной глазурью. Из-за обилия глазури она стекает вертикально и горизонтально по поверхности прибора, образуя ворс, который выглядит особенно внушительно. На горлышке курильницы расположены три единорога, а на лицевой стороне выгравирована квадратная надпись «Цзи Ю Нянь» (1309). Эта курильница для благовоний – самая большая, сложная и изысканная курильница для обжига благовоний в печи Цзюнь времен династии Юань, известная как «Сокровище страны».

Рисунок 5 – Курильница для благовоний

4. Китайская позолоченная бронзовая маска (рис. 6)

Это произведение искусства эпохи династии Ляо (11 век н.э.) длиной 26,5 см и шириной 25,7 см, найденное в Найманци, город Тунляо, Внутренняя Монголия. Маска изготовлена из позолоченной меди и является уникальным погребальным изделием народа киданей. Лицо покойного, изображенное на этой маске, – круглое, с изогнутыми бровями, опущенными ушами, прямым носом, слегка выступающими костями, слегка приоткрытым ртом, добрыми бровями и умиротворенным выражением. Это самая хорошо сохранившаяся маска династии Ляо во Внутренней Монголии.

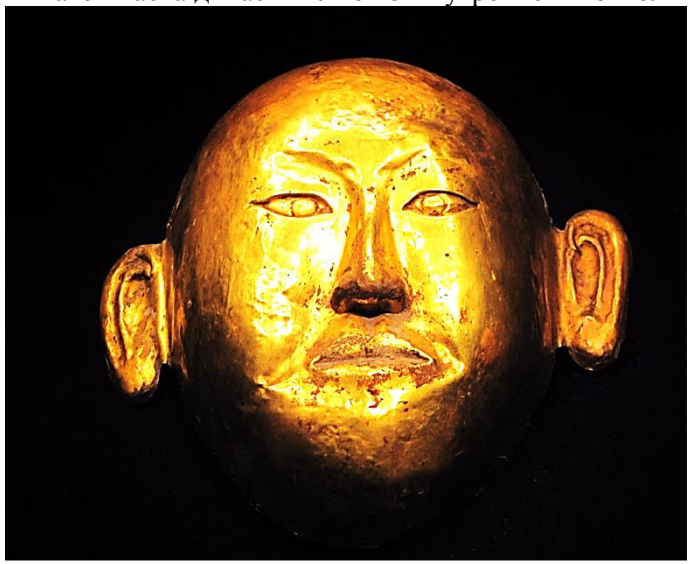

Рисунок 6 – Погребальная бронзовая маска

В настоящее время во Внутренней Монголии обнаружено более 30 масок династии Ляо, изготовленных из золота, серебра и позолоченной бронзы, которые соответствовали разным полам, возрасту и форме лица умерших. Погребальные обычаи с использованием масок восходят к первобытному шаманизму, а также находятся под влиянием буддийской культуры. Когда шаманы практикуют, они должны носить маски. Кроме того, в этом районе много песка. Чтобы защитить кожу, киданьские женщины наносят на лицо желтый крем, придающий ему золотистый оттенок. Это называ-

ется «Макияж Будды».

Вышеупомянутые культурные реликвии являются лишь небольшой частью коллекции музея Внутренней Монголии. Они имеют существенные местные особенности, благодаря которым зрители могут получить представление об особенностях реликвий степной культуры Внутренней Монголии. В будущем музей Внутренней Монголии планирует создать новый этнический музей Внутренней Монголии и музей культуры лошадей в соответствии с этническими особенностями пастбищного района, а также организует выставочный зал динозавров в районе щелочного озера Чаган Наоэр [2].

«Экстремальные горы и реки бесконечны, а ветер и дым продолжают течь. Там, где творение открывает мир, оно предназначено для того, чтобы отпустить лошадей и крупный рогатый скот». Культура кочевников, существующая на протяжении тысячелетий, укоренилась, расцвела и принесла свои плоды в степях Внутренней Монголии, внеся огромный вклад в мировую культуру. Достижения этой культуры в виде культурных реликвий бережно хранятся и исследуются в музее Внутренней Монголии.

Примечания

1. Музей автономного района Внутренняя Монголия официально открылся для публики 8 августа] // Информационное агентство Синьхуа «Внутренняя Монголия». 2007.08.01. URL: http://nm.cnr.cn/xwzx/jjnmg/200708/t20070801_504529840.html (дата обращения: 15.06.2024). (на кит. яз.).

2. Тара, президент музея Внутренней Монголии: Музей должен быть «энциклопедией» // Жэньминь Жибао. URL: http://culture. people.com.cn/n/2015/0126/c172318-26447776.html (дата обращения: 15.06.2024). (на кит. яз.).

УДК 39(=512.36):728

Оргийн Найманжаргал, г. Улан-Батор, Монголия

Orgiyn Naimanjargal, Ulaanbaatar, Mongolia

Оргийн Найманжаргал, Улаанбаатар, Монгол Улс

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОШЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ МОНГОЛИИ[1]

CULTURAL HERITAGE OF THE PAST GENERATIONS IN MODERN ART OF MONGOLIA

ӨЕИЙН ӨЕД УЛАМЖЛАГДАН ҮЛДСЭН СОЁЛЫН ӨВ МОНГОЛЫН ОРЧИН ЦАГИЙН СОЁЛ УРЛАГТ

Статья посвящена определению значимости культурного наследия народа в современных условиях глобализации, рассмотрению вопросов сохранения национальной культуры на примере традиционного жилища монголов – юрты. В статье выделяются типы монгольской юрты, раскрываются особенности ее структуры и цветовой символики интерьера традиционного жилища.

The article defines the significance of people's cultural heritage in modern conditions of globalization, considers the issues of preserving the national culture on the example of traditional dwelling of the Mongols – yurt. The article differentiates types of the Mongolian yurt, reveals the peculiarities of its structure and color symbolism of the traditional dwelling interior.

Хураангуй. Энэхүү илтгэл нь даяаршлын орчин үеийн нөхцөлд ард түмний соёлын өвийн ач холбогдлыг тодорхойлоход зориулагдсан бөгөөд монголчуудын уламжлалт орон байр болох өргөөний жишээн дээр үндэсний соёлыг хадгалах асуудлыг авч үзэх

[1] Библиографическое оформление статьи в авторской редакции

болно. Уг илтгэлд монгол гэрийн төрлүүдийг онцолж, түүний бүтцийн онцлог, уламжлалт гэрийн дотоод өнгөний бэлгэдлийг харуулсан болно.

Ключевые слова: культурное наследие, глобализация, монголы, юрта, типы, структура жилища, цвет, символика.

Ключевые слова: cultural heritage, globalization, Mongols, yurt, types, structure of the dwelling, color, symbolics.

Түлхүүр үг: соёлын өв, даяаршил, монголчууд, монгол гэр, төрөл, орон сууцны бүтэц, өнгө, бэлгэдэл.

Дэлхийн хүн төрөлхтөний хэдэн мянган жилийн турш бүтээсээр ирсэн гайхамшигт нэгэн үйл хэрэг бол соёлын олон төрөл зүйл юм. Орчин үед "даяаршил, дэлхийжилт" гэж бидний нэрлэж байгаа үйл явц орчин цагийн нийтийн соёл, залуусын соёлын төрөл зүйлүүд, урлагийн олон урсгалд хүч түрэн орж ирж уламжлалт соёлыг амьдралаас шахаж, оршин тогтнож хөгжих орон зайг нь улам хумьсаар" байгаа тухай судлаачид бичиж байна.

2019 оны 02-р сарын 20-ны өдөр Соёл урлагийн үндэсний зөвлөлийн анхны хуралдааны нээлт дээр МУ-ын ерөнхий сайд асан Монгол улсын одоогийн ерөнхийлөгч Ухнаагийн Хүрэлсүх «Улс орон, өвөг дээдсийнхээ түүх, уламжлалт өв соёл, зан заншил, урлагаа үл тоох, умартах, бүр үгүйсгэх хандлага хүртэл цухалзаж, гадны кино, урлагаар дамжсан үзэл суртал, соёл ахуйд их автаж байгаа нь илт анзаарагдах боллоо» хэмээн хэлж байсан нь Төр засгийн анхааралыг татсан чухал асуудал болж байсан.

Соёлын даяаршлын үед үндэсний соёл өөрийн хэв маягаар оршин тогтнох гол хөшүүрэг бол соёлын дархлаа буюу үндэсний соёлоор бахархах үзэл мөн.

1990 оноос ардчилал, чөлөөт зах зээлийн нийгэмд шилжин орох үеэс өөрийн өв соёлоо бараг мартсан монголчуудад гадны соёлын бүхий л хэлбэрүүд онцгой сайхан зүйл мэт санагдаж тэдгээрээс эмх замбараагүй өөр өөрийн дур зоргоор хэрэглэх сэтгэлгээнд шилжсэн, ардчилал, чөлөөт зах зээлийн нийгэмд шилжсэн хугацаанд "Соёлын тухай", "Соёлын өвийг хамгаалах тухай" Монгол Улсын хуулиудыг бий болгосон. Уламжлалт соёлын өв бол гагцхүү гэр бүл, бүх шатны боловсролын байгууллагаар дамжиж үр удамдаа өвлөгддөг жам ёсны хуультай.

Өнөөдөр XXI-дүгээр зуун. Монголчууд бид эртний уламжлалт ахуй, соёл, ёс заншил, хэл яриа, урлаг урлал, уран зохиол, дуу хуур, бие биелэгээ, хөгжмийн аялгуу, хувцас, амьдралын дэг жаяг ёс зүй, хүндлэл, хүн байх мөн чанараа алдаад байна. Иймээс бид энэ тухай ярихын тулд эхлээд эрт дээр үеэс нүүдэлчин Монголчуудын орчин нөхцөл болох орон гэр, ахуй амьдралаас эхлэн ярих нь зөв болов уу. Монголчууд бид эртнээс эсгий гэрт амьдарч ирсэн нүүдэлчин улсууд. Гэр бол нүүдэлчин монголчуудын малын билчээр даган малаа өсгөхөд их амар төсөр орон сууц байсан.

Монгол гэр ахуй

Эртнээс монголчуудын аж төрж амьдарч байсан нүүдэлчин ард түмний уламжлалт гэр сууц бол эсгий гэр. Нүүж суухад хөнгөн, барихад хялбар, эдэлгээ удаан, дотоод дулаанаа хадгалж чаддаг, халууцахад сэрүүцэж болдог, агаарын солилцоо сайтай, уналаг ачлагт гэрийг ачихад хялбар авсаархан.

Монгол гэрийг хийц хэлбэрээр нь Монгол гэр, Түрэг гэр гэсэн хоёр ангилалд хуваадаг. Монгол гэрт халх, буриад, ойрад гэр багтдаг.

Монгол гэрийн бүтэц, хээ угалз

Монгол гэр нь эсгий туурга, дээвэр, модон эдлэл тооно, хана, унь, шал, хаалга зэргээс бүрдэнэ. Монгол гэрийн хээ угалз гоёл чимэглэл эрт үеэс уламжлагдан ирсэн ба тухайн гэр бүлийн гал голомт тулга өвлөгдөн үе хойчдоо үлддэг жамтай. Гэрийн модыг будгаар будсан ямар ч чимэггүй гэр, хээ угалзаар чимэн будсан гэр, гар аргаар сийлсэн сийлбэр хээтэй гэр гэж ангилдаг.

Эрт дээр үеэс Монголчууд тэнгэр хангай, нар сар, газар ус, байгалийн өнгийг эрхэмлэн дээдэлдэг улаан, улбар шар, ногоон, цэнхэр өнгүүдийг үндэслэн гэрийн дотор өнгийг бүрдүүлдэг байв. Гэрийн тооныг улаан өнгө нарны гэрэл сүлэлдсэн өнгө, унины дээд хэсгийг ногоон өнгөөр, унины доод хэсгийг улаан шаргал өнгөөр буддаг. Цагаан өнгийн даавуугаар гэрийн дотуур бүрээс оёж, цагаан цэнхэр эмжээрээр / цэлмэг тэнгэрийн өнгө/ цагаан даавууг эмжин өрх оёж бүтээх, тооно, багана, унь, хаалга ихэвчлэн улаан хүрэн, улаан шар өнгөөр цаад дэвсгэр өнгийг будаж дээр нь хээ угалз гарган буддаг.

Монгол хээ маш олон янз байдаг. Ер нь бол эртний Монголчууд аргаль, хандгай, бугын угалзарсан эврийн хээнээс санаа авч

угалзлах, тасралтгүй үргэлжлэх хоёр зураас нь монгол хээний дүрслэлийн үндсэн шинж юм. Эвэр угалз, дан угалз, давхар угалз, хамар угалз, эдгээрийг буга эвэр, аргаль эвэр, сүлжээ угалз гэх мэт маш олон ангилалд хуваадаг. Байгалийн юмс, уул, ус, үүл, амьтан зэргийг угалзруулан дүрсэлж, үүлэн хээ, гэх мэт олон хээг бий болгосон байдаг. Мөн өнцөгт хэлбэрээр дүрслэгддэг хээнүүд олон байна. Монгол хээ дүрслэлийн том хэсэг бол өнцөгт хээ юм. Монголын алдартай өлзий хээ,алхан хээ, хатан сүйх зэрэг хээнүүд үүнд орно. Эдгээрээс гадна дүрслэл, бэлгэдэл, шашин зэрэгтэй холбоотой олон зуу мянган монгол хээ байна.

Монгол гэрийн бүтэц

Гэр нь яс мод, бүрээс гэсэн хоёр үндэсэн хэсгээс бүрдэнэ. Эрт үед гэр сууцаа дан модоор хийж байсны улмаас модон гэр гэж нэрлэх болсон. Хожим мод, эсгий бүрээс зэргээс бүтсэн гэр үүсэхэд эсгий гэр буюу эсгий туургатнууд хэмээн гэр сууцаар нь онцгойлон нэрлэсэн түүхтэй билээ.

Гэрийн мод нь унь, тооно, хана, хаалганаас бүрдэнэ. Эсгийгээр битүү тойруулан эсгий бүрээс, малын хялгасаар хийсэн /томсон/ дээсээр оосор, бүч, бүслүүр, хошлон хийдэг бөгөөд хаяавч, шалтай эсвэл эсгий дэвсгэртэй байна. Эсгий бүрээс нь өрх, дээвэр, туурга, үүд зэрэгт хэрэгтэй байдаг. Монгол гэрийн модон эдүүдийг угсардаг, бүгд нэг нэгнээсээ салдаг, барьж явахад хөнгөн, нүүж суухад маш тохиромжтэй хийгддэг.

Ямар ч орон сууцны босоо тэнхлэг дэх зай багтаамж хананаас хамааралтай. Монгол гэрийн ханыг байшингийнх шиг бүхэлд нь хавтгай хийвэл нүүдэл хийхэд тохиромжгуй. Нүүдэл хийх үед жижэгхэн болчихдог, харин гэрийн хана босгоход хэд дахин том болдгыг эртний хүмүүс эрж хайж бий болгосон. Үүнээс эвхдэг сараалж шиг аргаар гэрийн ханыг бий болгож цаашид уеийн уед уламжилжлагдан улдсэн. Гэрийн хэмжээ том, жижиг байхаас шалтгаалан бүтцийн хэмжээнүүд өөрчилөгддог жирийн гэрийн хэдхэн минутанд барьж болно. Харин хаад ноёдын том гэрийг нэгээс хоёр цагийн дотор барьдаг байсан байна. Монгол гэрийн бүтэц нь гэрийн мод ба бүрж битүүлэх зөөлөн эд бүрээс гэсэн хоёр хэсгээс бурддэг. Үүнээс гадна эдгээр хэсэгүүдийг хооронднь уяж бэхэлдэг бүдийн нарийн, урт богино оосор бичнүүд нэмэгдэнэ. Гэрийн бүтэц дэх хэсгүүд хоорондоо угсралтын нарийн дүрэмтэй. Энэ

хэмжээгээр хийгдсэн хэсгүүдийг хооронд зөв угсарч гэрийг барьж босгоно.

Гэрийн мод. 1.хана; 2. хаалга; 3. тооно; 4. багана; 5. унь; 6. шал /гол төлөв суурин газруудад хэргэлдэг.

*Гэрийн бүрээс.*1. цаваг; 2. дээвэр; 3. туурга; 4. гэрийн гадуур цагаан бүрээс; 5. өрх; 6. хананы хөшиг.

Монголын соёл урлагт монгол гэрийн ёс заншил тэр болгон зөв хийгдэхгүй байна. Залуу хүмүүс түүхийг мэдэхгүйгээс алдаж байна.

НОМ ЗҮЙ

1. Арьяасүрэн Ч. Монгол ёс заншлын дунд тайлбар толь. Уб.: “Сүүлэнхүү” хүүхдийн хэвлэлийн газар, 1991.
2. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй-1: Тооны бэлгэдэл зүй. Уб.: Бит пресс ХХК, 2007.

УДК 271.2-526.62(571.54-21)

Решетникова Т. М., г. Улан-Удэ, Россия

Reshetnikova T.M., Ulan-Ude, Russia

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИКОНОСТАСА ХРАМА В ЧЕСТЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА ГОРОДА ГУСИНООЗЕРСК

ARTISTIC PECULIARITIES OF THE CHURCH ICONOSTASIS ON BEHALF OF ST. GEORGE THE VICTORIUS OF GUSINOOZERSK TOWN

Статья посвящена анализу иконостаса храма в честь Георгия Победоносца города Гусиноозерск Республики Бурятия, в ней выявляются его структурные и художественные особенности, особое внимание уделено соединению исторического и вневременного аспектов.

The article analyses the church iconostasis in honor of St. George the Victorius of Gusinoozersk town of the Republic of Buryatia, reveals its structural and artistic peculiarities paying special attention to the unity of historical and timeless aspects.

Ключевые слова: православие, соборность, православный храм, иконостас.

Keywords: Orthodoxy, conciliarity, Orthodox church, iconostasis.

Общеизвестно, что в освоении российской части Евразии и особенно необъятных просторов Сибири, а также в формировании ее культурного ландшафта крайне важную роль сыграло православие. Считалось, что продвижение казаков-землепроходцев и служилых государевых людей в Сибирь подчинялось божественной воле, а присоединение восточных территорий к России способствовало тому, что «многое множество людей обратилось в православную веру» [1, с. 41]. В 1620 г. была учреждена Сибирская епархия,

важнейшими направлениями деятельности которой были: обоснование и поддержка политики правительства в Сибири, присоединение земель к Русскому государству, адаптация русского населения в инонациональной культуре, изучение нравов и обычаев аборигенов, создание местных святынь.

Укрепление православной церкви в Сибири связано, прежде всего, со строительством острогов, впоследствии ставших городами. При этом «важную роль играл священнослужитель, который, прежде всего, освящал место становления острога, определял, согласно церковным канонам место не только сооружения часовни или церкви, а всего крепостного сооружения. Подтверждение вышесказанному – традиция установления деревянного православного креста на месте основания острога, являющегося символом освящения места, сущностным сакральным центром локального социокультурного пространства» [1, с. 44]. Церковь с колокольней, вначале деревянная, а впоследствии и каменная, возвышающаяся над всеми другими постройками на фоне природного (гор, лесов, рек), а затем и урбанистического ландшафта, также обозначала сакрализацию пространства и была высотной доминантой, композиционным центром острога, затем города.

И само здание храма, и иконостас, находящийся в нем, зримо воплощают идеал соборного единства – не только и не столько физического, сколько духовного единения людей («множества, собранного силой любви»), потребность в котором возрастает в условиях нестабильности, попытках освоить чужое пространство, сделать его своим, особенно при движении от центра к периферии, при различных внешних и внутренних угрозах. «Организационное значение храмов в Сибири состояло в структурировании осваиваемого пространства, перекраивании языческого космоса в православный. С точки зрения русских, сибирская земля представлялась хаосом, который необходимо было упорядочить для комфортного существования. В этом смысле храм выступал в качестве маркера национально-религиозного самосознания русских…» [2, с. 195].

В постсоветский период после длительного периода разрушения и забвения начинается сложный процесс восстановления материальных и духовных основ русского православия. Храм вновь становится центром притяжения, одной из ключевых доминант

культурного ландшафта.

Город Гусиноозерск, расположенный в 110 км к юго-западу от г. Улан-Удэ на берегу Гусиного озера, является административным центром Селенгинского района Республики Бурятия. Население составляет около двадцати четырех с половиной тысячи человек. В Гусиноозерске и его окрестностях имеется ряд культовых объектов, таких как Загустайский и Тамчинский дацаны, ступа, армянский Хачкар, молельный дом Христиан Веры Евангельской и православный храм.

Строительство храма-часовни в честь Святого Георгия Победоносца было начато в 1994 г. по инициативе общественности. 8-9 мая 1995 г. состоялось торжественное открытие часовни и панихида по усопшим воинам, павшим в Великой Отечественной войне. Во второй половине 1998 г. был завершен пристрой алтаря и притвора, и часовне был присвоен статус однопредельной церкви. В 1999-2003 гг. в храме выполнены работы по изготовлению иконостаса. Для этого были специально приглашены из Алтайского края художники-мастера супруги Карташевы – Владимир Николаевич и Варвара Петровна. При выполнении резных работ применялись благородные породы древесины, такие как сибирский кедр, липа.

Храм в честь Георгия Победоносца расположен на территории общественного парка г. Гусиноозерск. Основная часть сооружения представляет собой простой призматический объем, увенчанный одной луковичной главой на высоком барабане. С западной стороны к нему примыкает невысокий притвор, перекрытый двускатной кровлей, с восточной – пятигранная апсида, имеющая шатровое завершение. Поверхности стен основного массива здания четко структурированы – разделены на лопатки при помощи простых пилястр и имеют завершение в виде полукруглых арок, напоминающих закомары. Небольшие окна вторят им. Арки центральных лопаток каждой стены выше боковых. В верхней части полукруглых завершений западного фасада размещены декоративные изображения Святого Георгия, поражающего змея (в центре) и архангелов (справа и слева). Таким образом, композиция архитектурно-декоративного обрамления храма отличается центрально-осевой симметрией, простотой, строгостью, лаконичностью. Все это явственно отсылает нас к лучшим образцам древнерусской архитек-

туры.

Иконостас храма в честь Георгия Победоносца г. Гусиноозерск состоит из трех чинов, расположенных в четыре ряда. Он вполне соразмерен масштабу храма, сообразуется как с экстерьером, так и с интерьером сооружения. Также он гармоничен в пропорциональном соотношении иконных рядов и размеров отдельных икон. Местный ряд, как и положено, наиболее высокий, праздничный, приблизительно раза в три меньше местного, а двухрядный деисусный равен по высоте местному.

В резном убранстве иконостаса храма в честь Георгия Победоносца преобладают мотивы вьющейся виноградной лозы с гроздьями и креста. Также присутствуют аканфы, розетки, плетеные узоры. Иконы отделены друг от друга деревянными рамами, пилястрами и витыми колонками. Рамы икон верхнего яруса имеют завершения в виде полукруглых арок со стрельчатым окончанием и увенчаны изображениями крестоцветов и херувимов.

Структура и содержание иконостаса вполне соответствуют традиции, но при этом есть ряд нюансов, связанных, прежде всего, с малыми размерами храма и невозможностью вместить большее количество элементов и иконных образов. Так, диаконских врат в местном ряду нет, крайние иконы местного и праздничного рядов переходят на боковые стены, деисусный чин расположен в два ряда, а пророческий и праотеческий отсутствуют. Тем не менее, мастера, на наш взгляд, приняли правильное решение, так как деисус является смысловым и композиционным ядром иконостаса. Известны случаи, когда он вовсе отсутствует, даже при больших размерах храмового пространства и возможности вместить 7-8 рядов.

Местный и праздничный ряды иконостаса включают по восемь икон, симметрично размещенных с двух сторон от центра, то есть от Царских врат. Таким образом, Царские врата композиционно объединяют два нижних яруса, а икона «Спас в Силах» – средник деисуса – два верхних.

Верхнюю часть створок Царских врат занимают полнофигурные изображения Богоматери и архангела Гавриила («Благовещение»), нижнюю – поясные фигуры евангелистов, заключенных в рамки, напоминающие сдвоенные окошки с полукруглыми арочными завершениями. Все остальные фигуры выполнены в полный

рост: Христос и Богоматерь, «Споручница грешных», архангелы Гавриил и Михаил, местночтимые святые Иннокентий Иркутский и Софроний Иркутский, Святые воины Георгий Победоносец и Иоанн.

Иконы праздничного ряда в целом (за исключением двух крайних справа) соотносятся последовательно с евангельскими событиями: «Рождество Богородицы», «Рождество Христово», «Сретенье Господне», «Крещение Господне», «Преображение Господне», «Успение Богоматери», «Снятие с креста».

Как уже было сказано выше, главный смыслообразующий чин иконостаса – деисусный. Он представляет собой моление Церкви, воссоединяющее святых и людей с Иисусом Христом, приобщая к этому и находящихся в храме. В классический состав деисусного чина входят следующие иконы: «Спас» (в центре), Богородица и Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, мученики (Георгий и Дмитрий), святители (Василий Великий и Иоанн Златоуст). К ним в зависимости от размеров и других факторов могут присоединяться образы других святых. Деисус иконостаса православного храма г. Гусиноозерск в целом не противоречит этой схеме, но есть ряд особенностей. Средник соответствует канону, за исключением того, что Иоанн Предтеча изображен не в милоти, а в хитоне. Фигуры архангелов Михаила и Гавриила перемещены в местный ряд. Место Петра и Павла заняли иконы равноапостольных крестителей Руси княгини Ольги и князя Владимира, мученики представлены образами Святого Пантелеймона и Святой Варвары, а также, на что следует обратить особое внимание, образом новомученика патриарха Московского и Всея Руси Тихона, который был призван к служению в крайне тяжелый и переломный момент отечественной истории (1917-1925 гг.). Также здесь присутствуют иконы Сергия Радонежского и Серафима Саровского, наиболее любимых на Руси Преподобных, показавших яркий пример духовного подвижничества. В местном ряду выделяются почитаемые в Сибири святые Иннокентий Иркутский и Софроний Иркутский.

По нашему мнению, несмотря на небольшой размер, иконостас православного храма г. Гусиноозерск удивительно целостен и монументален по своей смысловой глубине и мощи. Храм посвя-

щен Святому Георгию, покровителю воинов и земледельцев, защитнику Москвы и всего Отечества, символу величия России, олицетворяющему неизбежность победы добра над злом. Образ его традиционно присутствует в местном ряду иконостаса, и ему вторит симметрично расположенная икона Святого воина Иоанна. Подвиг духовный и воинский является лейтмотивом данного иконостаса. Такие ключевые события отечественной истории, как становление Руси, Куликовская битва, революция 1917 г., преломляются через призму христианского служения и переходят в другое измерение, все временные пласты сплавляются с вечностью.

Это торжественное Предстояние святых перед Богом подчеркивается всей совокупностью характерных для традиционной иконописи художественных средств: золотистый фон с поземом, преимущественная плоскостность изображения, использование обратной перспективы, строгость рисунка, четкость линий и контуров, преимущественная локальность цвета, гармоничное сочетание статики и динамики с преобладанием первой, архитектоничность, аскетичность, истонченность плоти. Иконные образы лишены экспрессии, сдержанны, исполнены спокойствия, отрешенности от мирской суеты и/или скорби. Стоит отметить также ритмическую и колористическую согласованность данного иконостаса. Изображения во всех рядах полнофигурные, даже образ Богоматери, «Споручницы грешных», который обычно является поясным (изначально и во всех списках). Чаще такой прием применяется в иконостасах значительных по своим размерам. Строго фронтальное расположение персонажей нижнего яруса деисусного чина уравновешивается легкими наклонами верхней части корпусов и голов персонажей верхнего яруса. Колорит отличается разнообразием, но при этом сдержанностью и преимущественно приглушенным характером. Лейтмотивом служит красный цвет, который, «расходясь» от центрального образа, присутствует в одеяниях персонажей почти всех ярусов, особенно нижнего ряда деисусного чина, и особенно «звучно» в княжеских.

Обратим внимание на главную икону деисусного чина и иконостаса в целом. Это «Спас в Силах», разновидность образа «Спас на престоле». Христос восседает на троне в полный рост, что указывает на его царственную власть и функцию Судии на послед-

нем Страшном суде. Фигура его заключена в алый ромб, символизирующий энергию творения, и находящийся, в свою очередь, внутри овала (кристалла), обозначающего Вселенную. У подножия престола находятся «небесные силы». Данное изображение соответствует канону, однако трактовка образа имеет и отличительные особенности. Лик Христа строг, здесь именно он выступает как грозный Судия, а не как исполненный сострадания и всепрощения Отец. По мироощущению этот образ ближе к стилистике Феофана Грека, нежели Андрея Рублева. Это подчеркивается и при помощи колорита. Овал вселенной традиционно изображается как полупрозрачный кристалл голубого, синего или зеленого цвета. В данном случае так же, как и гиматий Христа, он окрашен в черный цвет, возможно, в сине-зеленый, но настолько приглушенный, что, кажется, почти черным. Алый цвет тоже сильно приглушен, лишен радостного звучания. Такое сочетание производит довольно сильное впечатление: эта темная бездна вселенной с выходящими из нее алыми всполохами есть одновременно и бездна человеческих страданий, в том числе выпавших на долю живших и живущих в нашем отечестве. В связи с этим подчеркнем, что не случайно мастера включили в состав деисуса образ патриарха Тихона, в своих посланиях обличающего и предающего анафеме советскую власть.

«…гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани. Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём не повинных и даже на одре болезни лежащих людей…» [3].

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной. Властью, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас…» [3].

Итак, небольшой по размерам, но удивительно гармоничный по своей структуре, согласованности в содержательном и в

формальном отношении, иконостас храма в честь Святого Георгия Победоносца города Гусиноозерск, по нашему мнению, в полной мере воплощает идеал соборности и производит сильное впечатление, особенно благодаря органичному сочетанию исторического и вневременного звучания.

Примечания

1. Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии / М-во культуры и массовых коммуникаций РБ, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ : Респ. тип., 2005. 231 с.

2. Оболкин Е. С. Храмовая архитектура Сибири как часть сакральной православной культуры России в XVI-XVIII вв. // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2016. № 1 (16). 189-197. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/hramovaya-arhitektura-sibiri-kak-chast-sakralnoy-pravoslavnoy-kultury-rossii-v-xvi-xviii-vv. (дата обращения: 16.09.2024).

3. Тихон (патриарх Московский). URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Тихон_(патриарх_Московский) (дата обращения: 30.09.2024).

УДК 94(571.5)“19”

Ткачев В. В., г. Иркутск, Россия

Tkachev V.V., Irkutsk, Russia

ВКЛЮЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНЫЕ ПРОСТРАНСТВА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

INCLUSION OF ARTISTIC HERITAGE INTO MUSEUM SPACES OF BAIKAL SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Проводится исследования процесса включения художественного наследия в музейные пространства Байкальской Сибири второй половины XIX в. Представлены материалы, которые подтверждают деятельность мастеров в рамках формирования собраний произведений искусства в городах Иркутской губернии и Забайкалья. Художественное наследие в музеях знакомит посетителей с историческими событиями, природными и культурными памятниками, повседневной жизнью коренных народов и городских жителей.

The research of the process of including artistic heritage in the museum spaces of Baikal Siberia in the second half of the XIX century is done. The materials that confirm the masters’ activities in forming the collections of the works of art in the cities of the Irkutsk province and Transbaikalia are presented. The visitors of the museums get acquainted with the artistic heritage, historical events, natural and cultural monuments, daily life of the indigenous peoples and urban residents.

Ключевые слова: история Сибири, художественное наследие, городская культура, художественная жизнь, выставки, музеи.

Keywords: history of Siberia, artistic heritage, urban culture, artistic life, exhibitions, museums.

Деятельность научного и творческого сообщества последне-

го времени направлена на сохранение и изучение истории отечественных живописных школ и художественного наследия, которое передалось современному поколению от известных сибирских мастеров второй половины XIX в. Благодаря доступности живописных полотен, скульптур, графических работ и художественных альбомов, возможно узнать, как общество проявляло интерес к разным направлениям в искусстве, процессу представления картин в выставочных пространствах и размещению в музейных экспозициях. В музеях появляются места, где материалы занимают особое место среди предметов быта, которые воссоздают период создания и выявления изобразительных источников.

Стоит понимать, что художественное наследие важно не только как собрание произведений искусства художественной интеллигенции второй половины XIX в., но и как совокупность разнообразных документальных свидетельств о прошедшем времени. Они дают возможность продемонстрировать подробно сюжеты, которые связаны с возникновением очагов интереса к искусству, творчеству мастеров и музеям. Рассматривая комплексы архивных документов по истории художественной жизни Байкальской Сибири, стоит обозначит, что основными центрами сосредоточения материалов являются такие города Иркутск и Улан-Удэ. В большей части материалов по истории развития городской музейной и выставочной деятельности творческого и научного сообщества второй половины XIX в. было сформировано и систематизировано в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачёва [1].

Исследователи обращаются к художественному наследию как источнику для связи с прошедшими поколениями и знакомства с действующими живописными школами [2, с. 239; 3, с. 54; 4, с. 32]. В рамках изучения художественных событий историки отмечали важную роль музеев и музейного дела в сборе материалов по истории создания картин и скульптур отечественными мастерами [5, с. 26; 6]. Изучая труды историков, стоит заметить, что необходимо рассмотреть художественное наследие как собрание произведений, которое влияло на развитие городского культурного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX в.

Музейное дело в период модернизации городской среды развивается и приобретает особую форму и значимость, как важная

составляющая городской культуры, так как многие жители обращались в учреждения по вопросам изучения происхождения разных явлений. Так в результате просветительской и музейной работы таких деятелей, как представителей научного и творческого сообщества, к которому можно отнести В. П. Сукачёва, Г. Н. Потанина, А. П. Богословского, Е. Е. Мейера, Н. И. Верхотурова, С. Е. Вронского и многих других, происходит процесс изменения отношения общественности к отечественным мастерам. В. П. Сукачёв изучал Иркутск как центр для развития предпочтений в приобретении работ художников, появления первых выставочных пространств. Иркутский купец, городской голова, коллекционер так писал о том, как в городе появился интерес к искусству и произведениям, музыкальной культуре: «Кроме театральных представлений, в Иркутске несколько раз в зиму бывают музыкальные и литературно-музыкальные вечера, устраиваемые обществом любителей музыки и литературы. Общество это существует с конца семидесятых годов и в последние года концерты его, благодаря участию в них хороших музыкантов-любителей, были удачны и охотно посещались. Кроме того, в Иркутске есть ещё хор любителей, также участвующий во многих музыкальных вечерах и хорошо исполняющий малороссийские хоровые песни. Музыкальные знаменитости Иркутск до сего времени почти не посещали» [7].

Развитие исторических исследований по истории художественной жизни предполагает выявление и подробный анализ документальных свидетельств о том, как организовывались отношения общества и власти. Для учёного важно знать, на каком этапе находились участники данного процесса. Трудности при составлении планов по совместной работе в разных культурных учреждениях влияли на принятие решений сотрудников. При рассмотрении исторических событий и деятельности сотрудников организаций, художников необходимо понимать, как складывалось сотрудничество в результате реализации идей, проектов. В последнее десятилетие можно наблюдать возросший интерес к изучению жизни и деятельности специалистов музеев, которые занимались описанием художественных собраний.

В работе по созданию музейных коллекций участвовали такие художники, как Н. И. Верхотуров, С. Е. Вронский, Е. Е. Мейер

и многие другие. В 1857 г. Е. Е. Мейер побывал в селе Тыр, расположенном напротив устья реки Амгуни при впадении её в реку Амур. В данной местности Егор Егорович сохранял живописные виды, за которыми на протяжении долгого времени наблюдал. Из всех известных работ мастера стоит обратить внимание на пейзаж «Селение Тыр на правом берегу реки Амур» [7]. По историческим сведениям, известно то, что картина была подарена Его превосходительству г-ну попечителю Сибирского отдела Императорского русского географического общества от членов Сибирского отдела, 21 февраля 1858 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву.

На ней изображено гиляцкое стойбище, лодка с гребцами, скользящая по переливающейся в лучах вечерней зари глади Амура. Над ними высятся как бы три яруса громадных скал – Тырский утес. Глаза сведущего в истории памятников исследователя ищут и не находят на ней известную большую памятную колонну, и это озадачивает, ведь известно, что она была возведена на утесе. На втором ярусе скал угадываются другие памятники: плиты, фрагмент лежащей колонны и ее пьедестал. Третий ярус почти не виден и зарос зеленью. Это именно то место, где сейчас стоит памятник-пушка, придающий утесу некоторый исторический колорит. Но в XV в. здесь располагался китайский буддийский храм, и все исследователи считали, что перед ним находились и памятные плиты с текстами, и малая колонна. Но, как показано на картине, эти памятники располагались значительно ниже вершины утеса. Большой колонны на этой картине вообще не оказалось, хотя Мейер в это же время изобразил ее на другой картине под названием «Памятник близ деревни Тыр на Нижнем Амуре». Авторство этой картины до сих пор было неизвестно. Да и сохранилась не сама картина, а гравюра с нее, обнаруженная в XII томе красочного издания «Живописная Россия». В правом углу её достаточно четко прочитывается автограф художника: «Мейеръ» [8].

В собраниях документов сохранились сведения о том, как были организованы выставочные проекты во второй половине XIX в. при взаимодействии со многими представителями художественной интеллигенции Байкальской Сибири. Материалы дают возможность познакомиться с основными приёмами и технологиями пуб-

личного показа живописных полотен и альбомов в Иркутске, в которых принимали участие томские, иркутские, верхнеудинские мастера: «В страну холода и ссылки стали проникать лучи чистого искусства. За последние тридцать лет в Иркутске было около десяти художественных выставок. В первой половине 1880 гг. В. П. Сукачёву в здании музея устроил выставку картин русских художников. Тут были произведения Суцковского, Айвазовского, Маковского, Максимова, Орловского и других. Из сибирских художников на этой выставке фигурировал покойный С. Е. Вронский со своими видами Тунки, писанными красками и карандашом. Под кистью С. Е. Вронского суровая сибирская природа дышала мягкими тонами благодатного юга. На этой выставке хотя и не было картин на сибирские темы, за исключением Вронского, но зато иркутяне познакомились с некоторыми из корифеев русской живописи. Затем через шесть лет В. П. Сукачёв повторял эту выставку, дополнив её целой серией новых картин – Верещагина, Трутовского, Вельца, Семирадского и других» [8].

Таким образом, выявление и изучение художественного наследия Байкальской Сибири второй половины XIX в. раскрывает многие стороны отношения общества к произведениям искусства. В письмах и статейных заметках передаются общие сведения о том, как посетители знакомились с картинами, скульптурами и художественными альбомами, которые создавались в период становления центров работы творческого и научного сообщества. Документы поднимают такие важные темы, как экономическое положение и сопровождение выставочных проектов, влияние деятельности мастеров на понимание общественности содержательных сторон произведений, приёмы представления живописных и графических работ в музеях.

Художественное наследие Байкальской Сибири второй половины XIX в. необходимо продолжать изучать, так как по многим авторам произведений отсутствуют сведения о том, как было создано живописное полотно, на каких материалах был основан сюжет и какие дополнительные возможности были представлены в рамках общественного показа. Для полного раскрытия художественных событий в архивных собраниях музеев находятся материалы, которые не только дополняют, но и расширяют знания о твор-

честве отечественных мастеров дореволюционного периода.

Примечания

1. Шелегина О. Н. Взаимодействие государства и общества в процессе развития музейного пространства Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 4. С. 31-36.

2. Иркутский край. Четыре века : история Иркутской губернии (области) XVII-XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : ВостСибкнига, 2012. 880 с.

3. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2008. 446 с.

4. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск : АЭМ «Тальцы», 2002. 336 с.

5. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

6. Ткачев В. В. Работа деятелей искусства в процессе распространения знаний о художественном наследии Иркутской губернии на рубеже XIX – XX вв. (по материалам творческих и научных организаций) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2023. № 1(25). С. 19-30.

7. Дело по истории художественной жизни в Иркутской губернии // Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Л. 15.

8. Дело Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества // ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 603. Л. 8.

УДК 069.02:37(091)(571.14)

Шуплецов А. С., г. Новосибирск, Россия

Shupletsov A. S., Novosibirsk, Russia

МУЗЕЙ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

MUSEUM OF EDUCATION HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE NOVOSIBIRSK REGION: HISTORY OF CREATION AND MODERN CONDITION

В статье автор освещает причины и начальный этап деятельности музея истории развития образования Новосибирской области; характеризует вклад первого директора В.А. Орловой в его развитие; характеризует состояние экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музея на начальном и современном этапах; освещает опыт продвижения музея в социальной сети ВКонтакте.

The author of the article highlights the reasons and initial stage of the activities of the Museum of education history and development of the Novosibirsk region; characterizes the contribution of the first director V.A. Orlova to its development and the condition of exposition and exhibition, cultural and educational activities of the museum in the initial and modern stages; highlights the experience of promoting the museum in the social network VKontakte.

Ключевые слова: музей, народное образование, Новосибирская область, Орлова В.И., экспозиционно-выставочная деятельность, культурно-образовательная деятельность.

Keywords: museum, public education, Novosibirsk region, Orlova V.I., exposition and exhibition activities, cultural and educational activities.

Музеи истории образования являются образовательной фор-

мой культуры и решают социально значимые задачи по сохранению, изучению и трансляции педагогического наследия. Периодом их массового появления является вторая половина XX в. Их предшественниками были научно-педагогические музеи и музеи наглядных пособий XIX в., трансформировавшиеся в 30-х гг. XX в. в музейно-выставочные отделы при институтах усовершенствования учителей.

Хронология появления музеев истории народного образования в Сибири охватывает период с 70-х гг. XX в. до первого десятилетия XXI в.: музей истории народного образования им. А.Н. Антипина Иркутского областного института (1970), музей истории народного образования Томска и Томской области школы №41 (1977), музей истории и развития образования Алтайского края (1978), музей народного образования Тюменской области (1987), музей истории развития образования Новосибирской области[1] (1992), музей истории развития образования города Барнаула (2008) [1].

Одним из наименее изученных является музей истории развития образования в городе Новосибирск и Новосибирской области (далее – МИРОННО), открытый по инициативе учителей – ветеранов педагогического труда. Идея об открытии музея появилась в 1979 г., когда приказом Новосибирского областного отдела народного образования (далее –ОБЛОНО) был создан Совет по подготовке к организации музея по народному образованию Новосибирской области, в который вошли представители ОБЛОНО, института усовершенствования учителей, профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, областного дома учителя, инспекторы школ ГОРОНО, пенсионеры – всего 14 человек [2]. Однако приказ об открытии музея на базе Областного института усовершенствования учителей был издан лишь через 13 лет, в феврале 1992 г. На современном этапе не сохранилось сведений о причинах столь длительного подготовительного периода, предшествующего открытию музея.

Целью создания музея стало «сохранение и систематизация материалов по истории развития народного образования в области, пропаганда передового педагогического опыта» [3, с. 1]. На момент

[1] Музей истории развития образования Новосибирской области претерпевал смены названий, но на современном этапе ему возвращено историческое название.

своего открытия музей взял на себя обязанности по выполнению функций «научно-методического центра в области музееведения и музейной педагогики для работников образования»; «центра повышения квалификации и переподготовки педагогов и руководителей образовательных учреждений»; «центра сопровождения опытно-экспериментальной деятельности в области музееведения и музейной педагогики в образовательных учреждениях»; «центра работы с молодыми начинающими специалистами, творческими учителями, ищущими новые формы и методы работы и с педагогами – ветеранами педагогического труда» [4, с. 2].

Директором музея[1] была назначена Орлова Валентина Александровна, Заслуженный работник культуры РФ, Отличник просвещения РФ, которая руководила музеем 28 лет, вплоть до 2020 г. [5]. В течение последующих двух лет осуществлялось комплектование фондов, преимущественно за счёт переданных в дар коллекций от учителей Новосибирской области, налаживание системы учёта, разработка концепции экспозиции и ее создание.

Комплектование и научно-исследовательская деятельность музея осуществлялась в сфере всех уровней образования от дошкольного до высшего, включая внешкольное и систему подготовки и переподготовки кадров [6, с. 2]. В результате этого музейное собрание к моменту открытия насчитывало около 10 000 ед. хр., из которых 5 000 – основной фонд [6, с. 4]. Первоначальный состав основного фонда музея был разделён на тематические коллекции, соответствующие направлениям НИР (история дошкольного и школьного, среднего специального и высшего образования, а также музыкального и художественного образования Новосибирской области; персональные коллекции педагогов). Уже на начальном этапе работы музей обладал рядом уникальных экспонатов, среди которых «Новый устав сухопутного кадетского корпуса» (1766), летописи Колыванского церковно-приходского училища с 1898 по 1928 гг., трехтомная педагогическая энциклопедия 1929 г., довоенные учебники, издававшиеся в Сибири, журналы «Просвещение в Сибири» за 1931-1932 гг., архивы заслуженных учителей РФ Т. Комаровой, П. Варфо-

[1] В штате музея также числились младший научный сотрудник, смотритель и уборщик.

ломеевой, К. Воронцовой, В. Никулиной» [7].

Публичное открытие музея было приурочено к празднованию Всемирного дня музеев и состоялось 18 мая 1994 г. На начальном этапе деятельности музея его экспозиция была представлена тремя разделами, в которых было выставлено 2 500 экспонатов. Первый раздел назывался «История развития системы образования в городе Новосибирск и Новосибирской области» и освещал историю развития всех уровней образования. Второй раздел «Мастера педагогического труда» транслировал информацию о выдающихся педагогах, учительских династиях и учителях-новаторах. Третий раздел был посвящён работникам просвещения – участникам Великой Отечественной войны [6, с. 3-4].

На современном этапе экспозиции музея разместились в пяти залах. В первом зале представлены основные вехи развития образования в дореволюционной России (появление славянской азбуки, петровские образовательные реформы, екатерининские образовательные реформы, вклад декабристов в развитие образования в Сибири, первые школы и просветительские общества Новониколаевска, деятельность А.Д. Крячкова). Второй зал посвящён истории развития образования в Новосибирской области в XX в. В зале представлены фотографические материалы, школьная форма и школьные принадлежности, персональные тематические комплексы ветеранов педагогического труда. В третьем зале представлена история профсоюзного движения, история развития дополнительного образования и школьных музеев Новосибирска. В четвертом зале представлена история самого музея в фотографиях, документах, вещественных источниках. Последний, пятый зал, рассказывает, как развивалось образование в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Всего в экспозиции представлено около 4 тысяч экспонатов основного и научно-вспомогательного фондов [8].

Помимо экспозиций в музее проводятся временные выставки, посвящённые отдельным образовательным учреждениям, этапам развития образования, персоналиям и самодеятельному творчеству.

С момента своего открытия музей был научно-методическим центром для работников образования. Одним из направлений его работы стала опытно-экспериментальная деятельность в области музееведения и музейной педагогики на базе творческой лаборатории

«Музей», а также взаимодействие с ветеранами педагогического труда Новосибирской области. В рамках этой работы организовывались круглые столы, мастер-классы по передаче педагогического мастерства, существовали и досуговые формы, такие как клуб ветеранов и тематические праздники. Валентина Александровна Орлова, начиная с 2004 г., стала инициатором проведения межрегиональной научно-практической конференции «Развитие музейной педагогики в образовательном пространстве Новосибирской области» и издания её трудов [9]. Также она выступила инициатором объединения и обучения на базе музея руководителей школьных музеев г. Новосибирск и Новосибирской области, решая тем самым стратегические для развития музейного мира региона задачи по оказанию поддержки возрождавшимся после упадка в перестроечный период и вновь создававшимся школьным музеям.

За годы существования музей сформировал обширный арсенал форм культурно-образовательной деятельности, например, тематические экскурсии и семинары, конференции, вечера встреч для ветеранов, интерклуб, музыкальная и поэтическая гостиная, тематические музыкальные вечера, празднование государственных и профессиональных праздников. Долгие годы в музее действовал лекторий по темам «История образования», «Педагоги в годы ВОВ», «Профтехучилища г. Новосибирск – фронту», «Педуниверситет – прошлое и настоящее» [10].

В первом десятилетии XXI в. в музее стартовала цикловая интерактивная программа «Уроки в старой школе», в которую входили тематические уроки «Проказница ручка» (эволюция прибора для письма), «АЗ… ГЛАГОЛЬ, ДОБРО» (урок чистописания в земской школе XIX века), «Учить цифири…» (урок математики в XIX веке по уникальному Сборнику задач на старинных амбарных счетах). С 2021 года началась реализация проекта «Виртуальные экскурсии». Проект нацелен на создание цикла IT-экскурсий по музею и привлечение всех заинтересованных лиц к истории развития образования в г. Новосибирск и Новосибирской области, к совершенствованию деятельности в области музейной педагогики [10].

После выхода на пенсию В.А. Орловой музей пережил смену ряда директоров, работу в условиях пандемии, что не способствовало его эффективной деятельности. С 2023 г. музеем руководит Нику-

лина Светлана Семёновна, которая ставит своей задачей при сохранении лучших традиций деятельности музея осуществить трансформацию в контексте задач, поставленных нацпроектом «Культура», и условий новой информационной парадигмы общества [10]. На современном этапе музей осуществляет свое продвижение в социальной сети ВКонтакте – сотрудниками музея создано сообщество «Музей истории развития образования НСО» [11], которое освещает прошедшие события и анонсирует новые программы и мероприятия, которые состоятся на базе музея.

Таким образом, музей истории развития образования Новосибирской области, основанный в конце 70-х гг. XX в., продолжает сохранять сложившиеся традиции документирующей и коммуникативной деятельности. Приоритетными направлениями дальнейшего развития музея является расширение сферы его взаимодействия с профессиональным педагогическим сообществом, трансформация отдельных направлений музейной коммуникации за счёт использования иммерсионных и цифровых технологий, продвижение музея с целью увеличение состава как реальной, так и потенциальной аудитории.

Примечания

1. Шуплецов А. С Музей народного образования: история, современность и векторы развития (по материалам Internet) // «XIII Педагогические чтения им. В. И. Верещагина» : материалы Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., (г. Барнаул, 11 дек. 2023 г.). Барнаул : АКЦДОТК «Алтай», 2024. С. 63-65.

2. О совете по подготовке организации музея по народному образованию Новосибирской области : приказ Новосиб. област. отдела народ. образов. №34 от 20 января 1979 г. // МИРОННО (Музей истории развития образования в г. Новосибирске и Новосибирской области). 1979. 1 с.

3. Об открытии областного музея народного образования : приказ Гл. управл. народ. образов. № 7 от 01.02.1992 // МИРОННО (Музей истории развития образования в г. Новосибирске и Новосибирской области). 1992. 1 с.

4. Устав Музея истории народного образования Новосибирской области // МИРОННО. 1992. 7 с.

5. Орлова Валентина Александровна : [видео-интервью] / Интервью с директором Музея истории развития образования ТВ г. Новосибирске и Новосибирской области // Новосибирь : [сайт]. URL: https://85.nso.ru/people/valentina-aleksandrovna-orlova/ (дата обращения: 13.08.2024).

6. Научная концепция музея истории народного образования Новосибирской области // МИРОННО. 1993. 6 с.

7. Музей истории народного образования Новосибирской области // Туристический портал Новосибирской области : [офиц. сайт]. URL: https://turizmnso.ru/infrastructure/dostoprimechatelnosti/muzey-istorii-narodnogo-obrazovaniya-novosibirskoy-oblasti/ (дата обращения: 10.09.2024)

8. Экспозиции Музея истории развития образования в городе Новосибирске и Новосибирской области // МИРОННО. 2024 г.

9. Развитие музейной педагогики в образовательном пространстве Новосибирской области // Издания НИПКиПРО : сайт. URL: https://sibknigi.ru/node/61 (дата обращения: 13.08.2024).

10. Никулина С. С. : [Интервью] / Интервью с директором Музея истории развития образования в г. Новосибирске и Новосибирской области 16 июня 2024 г. вёл А. С. Шуплецов // Личный архив А. С. Шуплецова.

11. Музей истории развития образования НСО // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/miiro54?w=wall-221099043_7 (дата обращения: 13.08.2024).

УДК 338.48(571.12)

Пахомчик С. А., г. Тюмень, Россия,
Путрик Ю. С., г. Москва, Россия

Pakhomchik S. A., Tyumen, Russia
Putrik Yu. S., Moscow, Russia

ТУРИЗМ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

TOURISM IN THE SPHERE OF CULTURAL INTEGRATIONS AS A PRIORITY DIRECTION IN THE REGIONAL ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN REGION)

В статье рассмотрено место туристической отрасли в структуре региональной экономики и тенденции ее развития на среднесрочную перспективу. Приведены основные тренды и направления индустрии гостеприимства в последние годы с акцентом на расширение вовлечения в состав туристского продукта региональных историко-культурных и этнокультурных ценностей. Предпринята попытка прогнозирования векторов развития внутреннего туризма в Тюменской области.

The article considers the place of the tourism industry in the structure of the regional economy and trends in its development in the medium term. The main trends and directions of the hospitality industry in recent years with the emphasis on expansion of inclusion regional historical and cultural and ethnocultural values into the tourist product are given. The attempt has been made to predict the vectors of the internal tourism development in the Tyumen region.

Ключевые слова: туризм, Тюменская область, индустрия гостеприимства, бренд, продвижение, термальная столица, перспектива.

Keywords: tourism, Tyumen region, hospitality industry, brand, promotion, thermal capital, perspective.

В последние годы туризм, как отрасль экономики, переживает непрерывный рост и глубокую диверсификацию. Это превращает отрасль в один из самых быстрорастущих секторов экономики мира. Туризм не только приносит значительный доход, но и стимулирует социально-экономическое развитие, способствует диверсификации экономической базы. Отрасль создает новые рабочие места в гостиничном бизнесе, транспортном секторе, ремесленной и сувенирной сферах деятельности населения, экскурсионном и музейном секторах и пр. Одновременно он поощряет инвестиции в инфраструктуру территорий: дороги, аэропорты, коммунальный сектор и т.д., что приносит дополнительный доход местному населению, наращивает налогооблагаемую базу территорий. Следовательно, туризм является не только самостоятельным видом экономической деятельности, но и дополняет и развивает другие смежные с ним секторы не только экономики, но и культуры, демонстрируя свою способность стимулировать экономический рост и улучшать качество жизни местных сообществ, сохранять и улучшать культурную среду как ресурс туризма и, соответственно, экономического развития.

В современных условиях резкого сокращения выездного туризма в страны Европы и Северной Америки, и переориентации туристских потоков во внутренний контур страны, существенно возрастает интерес отдельно взятых регионов России к развитию индустрии гостеприимства, в т.ч. на базе более широкого вовлечения в туристский процесс историко-культурных ценностей. Многие субъекты федерации разрабатывают и успешно реализовывают региональные программы по развитию внутреннего туризма.

Тюменская область также активно развивает индустрию гостеприимства и продвигает свой туристический бренд на федеральный и международный уровень. В декабре 2018 г. было принято Постановление Правительства Тюменской области «Об утверждении государственной Программы Тюменской области «Развитие внутреннего и въездного туризма»» [1]. Она была рассчитана на период 2018-2025 гг. В ней содержался развернутый план действий

региона по наращиванию туристического потенциала на среднесрочную перспективу.

Среди ключевых целей развития индустрии гостеприимства отмечены такие как: увеличение туристического потока к 2025 г. по сравнению с 2018 г. на 57,5 процентов, более чем в полтора раза (с 2,6 млн чел. до 4,1 млн. чел.); рост объема платных услуг в сфере внутреннего и въездного туризма (туристских, санаторно-оздоровительных услуг, услуг гостиниц и аналогичных средств размещения) к 2025 г. довести до 8441,5 млн. руб., т.е. увеличить на 35 процентов. При этом основными действиями и мероприятиями, которые должны обеспечить достижение этих целей выступают:

- техническое и организационное обеспечение событийных мероприятий;
- субсидирование Агентства туризма и продвижения Тюменской области;
- комплексное продвижение туристического потенциала посредством современных информационных технологий;
- изготовление брошюр, путеводителей, справочников и иной полиграфической продукции;
- организация проведения курсов повышения квалификации для специалистов в сфере туристской индустрии;
- мероприятия по презентации туристических ресурсов Тюменской области на внутреннем и внешнем рынках;
- организация мобильных туристско-информационных центров;
- продвижение национального туристического проекта «Императорский маршрут»;
- разработка и изготовление имиджевой и сувенирной продукции;
- разработка стратегии развития туризма в Тюменской области до 2035 г. и другие [1].

Учитывая приоритетность туристической отрасли, Правительство региона, не дожидаясь окончания срока действия этой программы, принимает решение о ее корректировке и продлении планового горизонта до 2030 г. В результате текущего мониторинга выполнения данной программы было заявлено на основании данных региональных органов статистики, что к окончанию 2022 г.

сформировалась инфраструктурная сеть индустрии гостеприимства, включающая более 300 коллективных средств размещения туристов, в т.ч. 200 гостиниц. Отельерская сеть включает в себя разнообразные формы размещения: хостелы, апартаменты, региональные гостиницы (3-х и 4-хзвездочные), отели международных сетей и т.д. Среди туристических ресурсов: музеи, выставочные комплексы, музеефицированные пространства, театры, филармония и другие объекты сферы культуры. Туристические ресурсы представлены также 16-ю санаторно-курортными учреждениями, 20-ю специализированными детскими лагерями, более 50-ю базами отдыха и пр. Экономическая отдача от использования созданных объектов стабильна. Объем платных услуг, оказываемых ими в 2022 г. составил по данным статистики 10,83 млрд. руб. (в 21015 он составлял 5,3 млрд. руб.). Так же органами статистики зафиксировано, что туристический поток в 2022 г. достиг цифры 3,37 млн туристов и возрос по сравнению с 2015 г. в 2,4 раза.

С позиций государственной поддержки приоритетными видами туризма в регионе признаны: историко-культурный; санаторно-курортный; деловой; промышленный; событийный; медицинский; экологический; спортивный; охотничье-рыболовный; самодеятельный, религиозно-познавательный. Как видим, значительны роль и место видов и форм туризма гуманитарного направления для формирования цивилизационной идентичности и цивилизационного сознания населения, что в период новой глобальной повестки в условиях межцивилизационного противостояния все более актуализируется. Имеют перспективы с учетом последних трендов и событий: сельский, этнографический, гастрономический туризм и их комбинации с этнокультурной составляющей [2, с. 108-111].

С начала 2024 г. вступила в силу новая Программа, утвержденная Постановлением Правительства Тюменской области №847-п от 15.12.2023, которая явилась логическим продолжением ранее действующей [3]. Она предусматривает повышение качества и конкурентоспособности региональных турпродуктов на российском и международном рынках и увеличение туристического потока в регион к 2030 г. до 7 млн. туристов. Общий объем платных услуг до 2030 г. определен в размере 18786,1 млн. руб.

Финансирование программы на весь период ее реализации

установлен в размере 1 млрд. 318 млн. 156 тыс. руб. (см. там же).

Принятые решения на региональном уровне вселяют надежду для туроператоров, представителям туристического бизнеса и других участников индустрии гостеприимства в неплохих перспективах развития туризма в Тюменской области. По данным, опубликованным Ассоциацией туроператоров России по итогам 5 месяцев 2024 г., в Тюменскую область за январь-февраль текущего 2024 г. зафиксировано 300 тыс. поездок.

С вступлением в действие с начала 2022 г. ФЗ-318 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» в правовое поле вошел сельский туризм как особый его вид и направление. Этим нормативно-правовым актом было введено легитимное понятие «сельский туризм» – как туризм, который предусматривает посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до 30 тыс. чел. в целях отдыха, приобщению к традиционному укладу жизни, ознакомление с деятельностью и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды [4].

Сельский туризм стал трендом во всем мире, особенно в ковидные и постковидные годы. Им активно занимаются и продвигают его в подавляющем большинстве страны Европы, не говоря уже об азиатских и африканских странах. Весьма существенно продвинулась в развитии сельского туризма Республика Беларусь, где агроусадьбы, как форма сельского туризма, получили широкое распространение.

В Тюменской области этот вид туризма становится все более популярным. В регионе проводится конкурс на звание самой красивой деревни Тюменской области. В последние годы победителями признавались старинные сибирские деревни: село Суерка (Упоровского района), деревня Черная речка (Тюменского района). Победители получают гранты на свое развитие, наращивание своего туристического потенциала. Получает свое развитие такая форма сельского экологического туризма, как глемпинги. В последнее время организуются новые интересные сельские музеи, в том числе частные.

Среди них можно особо отметить музеи с этнографической, эколо-

гической и гастрономической направленностью. Такими примерами может служить музей истории сельского быта в деревне Насекина, музей Мир северных людей (Ивас Мир Хот) в деревне Кыштырла, этнопарк «Юрибей» в деревне Черная речка (все в Тюменском районе), музей староверов в селе Упорово, музей «Пионерия» вблизи поселка Винзили, Музей Покровской Божьей Матери в селе Покровское, этнографический музей в деревне Маранка (оба в Ярковском районе) и др.

Также получила распространение такая форма как мемориальные сельские музеи, посвященные знаменитым уроженцам края. Среди них можно назвать: музей «На родине Менделеева» в селе Верхние Аремзяны Тобольского района; музеи на родине сказочника, автора сказки «Конек-горбунок» Петра Ершова в селе Ершово Ишимского района «Камиссариатский дом» и музей Иванушки Д., музей Г.Е. Распутина на его родине в селе Покровское Ярковского района и т.п.

Вносят разнообразие в музейный ландшафт сельской местности такие формы организации туризма как лосефермы, страусиные фермы, пчелофермы, рыбные хозяйства, мини-зоопарки и пр. Пользуются популярностью термальные источники, расположенные в сельской местности: «Аван» – в с. Каменка, Сосновый бор – пос. Винзили, Советский – на 33 км Салаирского тракта, Дубровное (Ярковский район), Спа-курорт «Ингала» вблизи Заводоуковска и др. Казачьи подворья, организованные во многих сельских районах области (Исетский, Ялуторовский, Нижне-Тавдинский, Тюменский и др.), также вызывают неподдельный интерес туристов.

Получают распространение музеи и музейно-туристические комплексы с комплексной направленностью, в которых можно активно отдыхать, знакомиться с природными достопримечательностями, общаться с животными, отдыхать в естественных природных условиях: Кулига-парк, Ива парк (Тюменский район), туркомплекс «Южный» (Исетский район), Кучумово городище, Ермаково поле, Абалакский туристический комплекс (Тобольский район) и другие интересные для посещения туристов места.

В сельской местности проводится масса интересных событийных мероприятий. Гастрономические фестивали: «Картофан Кримыч» в селе Упорово; «Маслиничная неделя», «Капуста-

барыня» в г. Ялуторовск; «Сибирский баурсак» в Тобольском районе; «Колмаковский пряник» в г. Заводоуковск; «Уха-царица» в селе Абалак Тобольского района; Шорохинский культурно-песенный фестиваль в поселке Голышманово и многие другие. Разнообразный набор предложений туристам делает палитру туристической привлекательности более полной и насыщенной.

Признание Тюмени на федеральном уровне – термальной столицей России, благодаря наличию более полутора десятков обустроенных термальных источников создает хорошую основу для привлечения широкого потока туристов из многих регионов страны и стран зарубежья.

Серьезное внимание придается транспортной логистике. В Тюменской области функционируют два международных аэропорта: Рощино имени Д.И. Менделеева в Тюмени и недавно построенный, но уже получивший статус международного аэропорт имени С.У. Ремезова в Тобольске. Развитие автомобильных дорог, включая скоростную автомагистраль, которая вскоре свяжет Тюмень с Екатеринбургом и соответственно с Казанью, Нижним Новгородом и Москвой создаст еще более привлекательные возможности для посещения туристами Тюменской области. Развито железнодорожное сообщение по северной ветке Транссиба и северной меридиональной железнодорожной ветке Тюмень – Новый Уренгой; Тюмень – Сургут – Нижневартовск.

Признание туристической отрасли в качестве приоритетной, наряду с топливно-энергетической, нефтехимической, строительной, лесной, агропромышленной создает хорошую основу для ее развития на среднесрочную перспективу в региональной экономике Тюменской области. При этом становится все более заметной и ощутимой интегративная роль туризма по отношению к сопутствующим сферам деятельности: культуре, образованию, сельскому хозяйству, транспорту и другим как составным компонентам тюменского туристского продукта.

Примечания

1. Постановление Правительства Тюменской области от 14.12.2018 № 489-п «Об утверждении государственной программы Тюменской области «Развитие внутреннего и въездного туризма» и

признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов» // Официальное опубликование правовых актов : офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://publication. pravo.gov.ru/ Document/View/7200201812200001 (дата обращения: 10.10.2024).

2. Пахомчик С. А. §2. Туристические бренды Тюменского региона: культурно-исторический аспект // Актуальные вопросы брендинга: компания - отрасль - территория : монография. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2022. С. 115-122. URL: https://elibrary.ru/rdurjp (дата обращения: 15.10.2024).

3. О внесении изменения в постановление от 14.12.2018 № 489-п : Постановление Правительства Тюменской области от 15.12.2023 № 847-п // Официальный интернет-портал правовой информации Правительства РФ. URL: http://publication. pravo.gov.ru/ document/ 7200202312210036 (дата обращения: 10.10.2024).

4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» : Федер. закон от 02.07.2021 № 318-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication. pravo.gov.ru/ Document/ View/0001202107020026 (дата обращения: 14.10.2024).

УДК 338.48:004.738.5

Проминская О. И., г. Барнаул, Россия

Prominskaya O. I., Barnaul, Russia

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРИСТСКО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

ANALYSIS OF THE TELEGRAM MESSENGER USE IN THE ACTIVITIES OF THE TOURIST INFORMATION CENTERS OF THE SIBERIAN FEDERAL OKRUG AND THE REPUBLIC OF BURYATIA

В статье приводятся результаты общего анализа состояния цифрового информационного обслуживания, предоставляемого туристско-информационными центрами Сибирского федерального округа и Республики Бурятия. Подробно рассматривается контент официальных телеграм-каналов сибирских туристско-информационных центров. Эффективность работы центров в мессенджере Telegram анализируется с точки зрения численности аудитории, видов контента и вовлеченности подписчиков. Выявляются примеры успешной деятельности по созданию и распространению сибирского тревел-контента.

The article presents the results of the general analysis of the digital information servicing provided by the tourist information centers of the Siberian Federal Okrug and the Republic of Buryatia. The content of the official Telegram channels of the Siberian tourist information centers is considered in detail. The effectiveness of the centers in the Telegram messenger is analyzed in terms of the audience size, types of content and engagement of the subscribers. The examples of the successful activities for creating and distributing the Siberian travel content are identified.

Ключевые слова: цифровой информационный контент,

Евразийский регион, мессенджер Telegram, ТИЦ, Сибирский федеральный округ, Республика Бурятия, SMM, контент-маркетинг в туризме, контент-менеджмент.

Keywords: digital information content, Eurasian region, Telegram messenger, Tourist Information Centers (TIC), Siberian federal okrug, Republic of Buryatia, SMM, content marketing in tourism, content management.

Усиление интеграционных отношений в пределах евразийского пространства происходит во многих сферах деятельности. Туризм играет одну их ключевых ролей в процессах, происходящих на территории Евразии. Мегарегион Степной Евразии обладает богатыми туристскими ресурсами и потенциалом для развития различных видов туризма. Увеличение туристских потоков и рост привлекательности российских евразийских регионов обуславливает актуальность изучения их репрезентации в цифровом пространстве. Цифровой информационный контент Степной Евразии становится объектом исследования ученых, интернет-маркетологов, контент-менеджеров. Остановимся на изучении существующего туристического цифрового информационного поля части Евразии, территориально относящегося к Сибирскому федеральному округу (СФО) и Республике Бурятия. Выбор данных регионов обусловлен ростом популярности так называемого «сибирского туризма». На сегодняшний день наиболее часто посещаемыми дестинациями среди туристов являются Алтай (Алтайский край и Республика Алтай) и Байкал (Республика Бурятия и Иркутская область). Озеро Байкал является своеобразной точкой притяжения и зоной паломничества для российских и зарубежных туристов. Поскольку озеро расположено на границе Иркутской области и Республики Бурятия. Республика Бурятия, входящая в состав Дальневосточного федерального округа, также становится неотъемлемой частью исследования цифрового пространства «сибирского туризма».

Туристические дестинации СФО и Республики Бурятия планомерно наращивают информационное присутствие в сети Интернет. С каждым годом все больше туристов интересуются посещением макрорегиона «Сибирь», богатого природными красотами, культурным наследием и возможностями для активного отдыха.

Анализ состояния цифровых информационных ресурсов приобретает особую значимость. Сибирский федеральный округ включает территории десяти федеральных субъектов РФ: Томской области, Новосибирской области, Омской области, Алтайского края, Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия, Красноярского края, Кемеровской области и Иркутской области. Федеральной целевой программой по развитию внутреннего и въездного туризма в РФ предусмотрено создание единой системы туристско-информационных центров (ТИЦ). ТИЦ призваны стать эффективными инструментами для предоставления туристической информации, формирования привлекательного имиджа регионов России и продвижения страны на внешние рынки, в том числе и в цифровой среде.

Анализ цифровой деятельности ТИЦ, находящихся в Реестре туристско-информационных центров Российской Федерации, выявил общий уровень развития цифрового информационного обслуживания туристов, качество информационных материалов на официальных сайтах, наличие версий на английском или другом языке и количество каналов для размещения контента. Данные, полученные в ходе исследования, дают возможность оценить степень «присутствия» того или иного ТИЦ в сети Интернет, определить уровень сформированности имиджа региона, сравнить развитость сервисов и степень привлечения целевой аудитории, в том числе и иностранной. Сравнение количества официальных цифровых каналов выявляет лидеров в области медиа-активности и освещения региональных туристских ресурсов. Так, по уровню представленности в сети лидирует ТИЦ Алтайского края (6 официальных источников) и ТИЦ Красноярского края (4 официальных источника). Наличие на сайтах ТИЦ информации на иностранных языках является важным критерием для оценки цифровой деятельности регионов. По этому показателю лидирует сайт ТИЦ Республики Бурятия (5 языков), сайт ТИЦ г. Иркутск и ТИЦ Алтайского края (2 языка). Необходимо отметить, что все ТИЦ (кроме ТИЦ Республики Алтай) имеют страницу в социальной сети ВКонтакте и свой телеграм-канал (данные по состоянию на июнь 2024 года).

На данный момент Telegram – одна из самых популярных социальных платформ в России. Каждый месяц мессенджером

пользуются больше 75 миллионов человек, за два года аудитория выросла в два раза [1]. Причины популярности данного мессенджера в том, что Telegram довольно многогранная социальная сеть и помимо стандартного набора функций как обмен сообщениями в группах и диалогах, мессенджер дает возможность сохранять неограниченное количество файлов и документов, создавать и вести свои каналы (микроблоги), разрабатывать и использовать ботов [2]. Ведение каналов в Telegram предоставляет туристско-информационным центрам большие возможности для коммуникации с туристами. ТИЦ может размещать сведения о достопримечательностях, работе отелей и транспорта, экскурсионных маршрутах и другую необходимую в путешествии информацию. В каналах публикуются графические изображения, текстовые данные, ссылки и файлы, местоположение, контакты. Обратную связь о сообщении пользователи могут оставить при условии функционирования специальных ботов [3]. Боты отвечают на часто задаваемые вопросы, предлагают пользователю интересные маршруты или помогают с навигацией. Также каналы в Telegram позволяют установить двустороннюю коммуникацию. Пользователи могут задавать вопросы о поездке, оперативно получать информацию об экскурсиях и местных событиях, а также делиться своими отзывами и рекомендациями.

Приведем результаты анализа использования мессенджера Telegram в деятельности туристско-информационных центров СФО и Республики Бурятия. Телеграм-канал ТИЦ Алтайского края называется *ТИЦ Алтайского края | Visit Altai*. Канал был создан в феврале 2022 года. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 1212. В канале 758 фото, 95 видео, 414 ссылок, 12 голосовых сообщений. Используются видеокружочки, прямые трансляции, хэштеги и закрепленное сообщение с чек-листом для туристов. Тематика контента: подборки мероприятий, weekend гид, анонсы экскурсии, афиши, подборки по типу «Топ-5 локаций», новости, розыгрыши билетов, фотоконкурсы. Вовлеченность подписчиков: есть возможность комментировать публикации и ставить реакции.

Телеграм-канал *ТИЦ Томска Экскурсионный марафон* был создан в апреле 2022 г. На момент написания статьи количество

подписчиков канала – 298. В канале 82 фото, 1 видео, 81 ссылка. Тематика контента: канал используется как источник информации о пешеходных экскурсиях по Томску, городских мероприятиях и еженедельных событиях. Вовлеченность подписчиков: нет возможности комментировать публикации и ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Красноярского края называется *Visitsiberia*. Канал был создан в марте 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 1924. В канале 697 фото, 31 видео, 4 файла, 14 аудиофайлов, 182 ссылки. В канале используется закрепленное сообщение и небольшое количество хэштегов. Тематика контента: подборки мероприятий, анонсы экскурсии, идеи о том, как провести выходные, полезные советы путешественникам, новости. Вовлеченность подписчиков: нет возможности комментировать публикации, но есть возможность ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Омской области называется *GO TO OMSK*. Канал был создан в июне 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 2301. В канале 2532 фото, 120 видео, 6 файлов, 459 ссылок, 94 голосовых сообщения. В канале используется закрепленное сообщение «Все, что нужно туристу в Омске!». Активно используются хэштеги #чемзанятьсянавыходных, #открывайомскуюобласть. Тематика контента: опросы, карточки, репосты с полезной информацией, видеокружочки, афиша на выходные, розыгрыши, чек-листы, викторины и ответы на них. Вовлеченность подписчиков: есть возможность комментировать публикации и ставить реакции. В шапке канала есть ссылка на Тревелбота (проводник в путешествии по Омской области) @TravelOmskBot.

Телеграм-канал ТИЦ Кемеровской области *Visit Kuzbass* был создан в марте 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 1059. В канале 2290 фото, 197 видео, 715 ссылок, 4 голосовых сообщения и 1 GIF. В шапке канала дается ссылка на скачивание чек-листа «42 идеи для путешествия по Кузбассу». Используются рубрики с хэштегами #промтуризм_кузбасс, #откройКузбасс_направления, #МультиКузбасс, #откройКузбасс_афиша, #юныйтуристКузбасса. Тематика контента: видеокружочки, афиша на выходные, викторины, розыгрыш семейной экскурсии и др. В закрепленном сообщении находятся фирменные

стикеры с изображением кабарги сибирской (туристического маскота региона). Стикеры можно скачать и использовать как эмодзи и реакции. Вовлеченность подписчиков: есть возможность комментировать публикации и ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Новосибирской области *СИБИРЬ ЗДЕСЬ* был создан в марте 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 12082. В канале 3918 фото, 346 видео, 2 файла и 443 ссылки. В канале используются рубрики с хэштегами #путешествия_здесь, #вкусно_здесь, #фотолокации #природа_здесь, #развлечения_здесь, #карта_гостя, #выходные_здесь. Тематика контента: новости, афиша на выходные, анонсы, карточки, видео-загадки по типу «Угадайте место за 15 секунд», подборки по типу «Топ-10 заведений», координаты лучших фотозон в городе и места для прогулок, посты с просьбой прислать фотографии в комментарии, конкурсы и розыгрыши среди подписчиков с призами (подарочными наборами с брендом региона), рубрика «Мифы» и др. Вовлеченность подписчиков: есть возможность комментировать публикации и ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Республики Тыва *Отдых и туризм в Туве* был создан в марте 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 460. В канале 804 фото, 80 видео, 2 файла и 193 ссылки и 6 голосовых сообщений. Наиболее часто используется рубрика с хэштегом #культуратувы. Тематика контента: новости сферы туризма, карточки, информация о турах, справочник туриста, информация и погоде на выходные и праздники, репосты на соцсеть ВКонтакте и видеохостинг YouTube. Вовлеченность подписчиков: нет возможности комментировать публикации, но есть возможность ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Республики Хакасия называется *Отдых и Туризм в Хакасии*. Канал был создан в апреле 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 1510. В канале 1534 фото, 54 видео, 47 файлов, 1 аудиофайл, 343 ссылки. В канале используется закрепленное сообщение, небольшое количество хэштегов. Тематика контента: новости, подборки мероприятий, приглашения на экскурсии, описания маршрутов путешествий по Хакасии. В канале выложен эксклюзивный контент – аудиофайл с хакасской национальной песней. Вовлеченность подписчиков:

есть возможность комментировать публикации и ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ г. Иркутска *Байкал начинается с Иркутска* был создан в марте 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 173. В канале 62 фото, 20 видео, 26 ссылок и 2 файла. Часто используемый хэштег #ГородИркутск. Тематика контента: приглашение на мероприятия, пересылаемые новости, анонсы и др. Вовлеченность подписчиков: нет возможности комментировать публикации, но есть возможность ставить реакции.

Телеграм-канал ТИЦ Республики Бурятия *Baikal Travel/Туристский информационный центр* был создан в апреле 2022 г. На момент написания статьи количество подписчиков канала – 809. В канале 3773 фото, 672 видео, 12 файлов, 952 ссылки, 7 голосовых сообщений, 5 GIF. Активно используются хэштеги #бурятскаякухня, #национальныеблюда, #экскурсоводснуля, #прокачкагидов, #гостиниц, #БурятияМагия, #вднхбурятия, #ТурмаршрутыБурятии. Тематика контента: новости, афиша на выходные, репосты, анонсы, карточки, опросы, приглашения на мероприятия, фото с экскурсий, приглашения на бесплатные экскурсии с начинающими гидами, фото с гостями ТИЦ. Вовлеченность подписчиков: есть возможность комментировать публикации и ставить реакции.

ТИЦ Республики Алтай, состоящий в реестре Туристско-Информационных Центров, на момент написания статьи не имел официальных цифровых каналов, поэтому репрезентация Республики Алтай в сети не изучена.

Проведённый анализ использования мессенджера Telegram в деятельности туристско-информационных центров Сибирского федерального округа и Республики Бурятия дает общее представление об уровне развития контент-менеджмента туристско-информационных центров сибирских регионов. По результатам исследования телеграм-каналы Алтайского края, Новосибирской и Омской области занимают первые позиции по эффективности работы. Исследование аудитории каналов, видов контента и вовлеченности подписчиков выявило примеры успешной деятельности ТИЦ по распространению тревел-контента и использованию возможностей мессенджера Telegram в целях продвижения локальных брендов и повышения привлекательности регионов Сибири. Развитость

официальных телеграм-каналов сибирских ТИЦ положительно влияет на степень доверия, репутацию и узнаваемость регионов у отечественных туристов. Между тем, все еще существует проблема повышения качества публикуемого контента, привлечения целевой аудитории и построения доверительных взаимоотношений с подписчиками. Официальные региональные ТИЦ обладают несомненным преимуществом в борьбе за внимание туристов, поскольку в отличии от авторских тревел-блогов, отвечают за достоверность и объективность публикуемого контента, поэтому работа над развитием телеграм-каналов региональных ТИЦ должна продолжаться.

Примечания

1. Исследование аудитории Telegram // TGStat. URL: https://tgstat.ru/research-2023?ref=vc.ru (дата обращения: 10.06.2024).

2. Вевюрко В. А., Телепченкова И. А. Анализ социальной сети Telegram как средства массовой информации и коммуникации // Материалы Афанасьевских чтений. 2020. № 2(31). С. 46-51.

3. Андриянова С. С., Веретено А. А. Использование мессенджера Telegram для продвижения бренда // Economics. 2018. № 3(35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-messendzhera-telegram-dlya-prodvizheniya-brenda (дата обращения: 11.06.2024).

УДК 811.512.36’35

Лхамжавын Мядаг, г. Улан-Батор, Монголия

Lkhamzhavyn Myadag, Ulaanbaatar, Mongolia

Лхамжавын Мядаг, Улаанбаатар, Монгол Улс

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ ПРАВОПИСАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА[1]

TO THE ISSUE OF USING THE RULES OF SPELLING IN THE MONGOLIAN LANGUAGE

МОНГОЛ ХЭЛНИЙ ЗӨВ БИЧИХ ДҮРМИЙН ХЭРЭГЛЭЭНИЙ АСУУДАЛД

В данной статье рассматриваются особенности использования суффикса «-лт» для образования существительных от монгольских глаголов в онлайн-среде современного общества. В статье объясняется значение указанного суффикса в монгольском языке, уточняется его роль в правописании, а также приводятся примеры, демонстрирующие влияние и важность данного суффикса для правил монгольского правописания.

The article considers the peculiarities of using the the suffix «-lt» to form nouns from the Mongolian verbs in the online environment of modern society. The article explains the meaning of this suffix in the Mongolian language, clarifies its role in spelling and gives the examples illustrating its influence and importance for the rules of spelling.

Хураангуй. Энэхүү өгүүлэлд өнөөгийн нийгэмд монгол хэлний үйлээс нэр үг үүсгэх “-лт” дагаврыг цахим орчинд хэрхэн хэрэглэж буй хэрэглээг авч үзэв. Тэгэхдээ энэхүү дагаврын монгол хэлэн дэх утга, найруулгын үүргийг товч тодруулан, зөв бичих дүрэм, найруулгад үзүүлж байгаа нөлөө, ач холбогдлыг жишээгээр

[1] Библиогафическое оформление статьи в авторской редакции

баталж, найруулгын зөв буруу хэрэглээг тодруулахыг хичээлээ.

Ключевые слова: монгольское правописание, правила правописания, глобализация, суффиксы для образования существительных от глаголов, ошибки в правописании.

Keywords: Mongolian spelling, rules of spelling, globalization, suffixes for forming nouns from verbs, mistakes in spelling.

Түлхүүр үгс: Монгол хэлний найруулга, зөв бичих дүрэм, даяаршил, үйлээс нэр үг үүсгэх дагавар, найруулгын алдаа.

Үндсэн хэсэг

Энэ зуун нь техник технологи, мэдээллийн зуун, мэдлэгт суурилсан нийгэм, эдийн засгийг бүтээн байгуулах эрин үе юм. Энэ үед шинжлэх ухаан, техник технологи эрчимтэй хөгжиж, үүнтэй уялдан, хүмүүсийн цахим орчны хэрэглээ ихэнх хувийг эзэлж байна. Тэрчлэн албан баримт бичиг боловсруулах, цахимаар харилцах, ярианы найруулгад монгол хэлний дагавар, нөхцөлийг зөв болон буруу хэрэглэх, түүнээс болж хэлний хэм хэмжээ алдагдах явдал гарч байна.

Сүүлийн жилүүдэд зөв бичих дүрмийг төдийлөн анхаарахгүй байгаагаас оюутан сурагч, албан хаагч, иргэд хөдөлмөрчид алдаатай бичих, ярих нь түгээмэл үзэгдэл болсноос гадна бичгийн хэл, ялангуяа цахим орчин дахь зөв бичих зүйн асуудал хэм хэмжээнээсээ хэтэрч, бичихдээ зөв бичгийн дүрэм баримтлахгүй бичих нь түгээмэл болжээ.

Өнөөдөр монголын нийт хүн амын 80 орчим хувь нь цахим сүлжээ ашиглаж байна гэсэн судалгаа байдаг. Тэдний 80 гаруй хувь нь 10-35 насныхан байна. Гэтэл цахим сүлжээнд бичгээр харилцаж буй хүмүүсийн ихэнх хувь нь хэлний дуудлагаар бичих, үг товчлох, гадаад үг хэрэглэх, хэл ярианы соёлд харшлах үг хэллэг хэрэглэх зэрэг түгээмэл алдааг гаргадаг. Иймд энэхүү асуудлыг хөндөж, монгол хэлний найруулгад түгээмэл хэрэглэж буй үйлээс нэр үг үүсгэх “-лт” дагавар, түүний хэрэглээг ажиглаж үзэв. Үүнд:

Гадаад, дотоодын олон эрдэмтэд монгол хэлний нэр үг бүтээх дагаврыг судалж сонирхолтой дүгнэлт хийсэн боловч ганц дагаврыг тусгайлан судалсан судалгаа бараг үгүй. Орчин цагийн монгол хэлэн дэх үйлээс нэр үг бүтээх “-лт (-lta, -lte)”

дагаврыг Яков Шмидт[1] Г.Б. Барадин, Б.Х. Тодаева, Н.Н. Поппе, Т.А. Бертагаев, Е.М. Орловская, У.-Ж.Ш. Дондуков, Ш. Цэцэнцогт, Д. Бадамдорж, Л. Болд, Ш. Лувсанвандан, Ш. Чоймаа, Д. Отгонсүрэн зэрэг олон судлаачид судалж, өөрсдийн дүгнэлтийг хэвлүүлжээ. Тухайлбал: Н.Н. Поппе "...Үйл явц заасан нэр үг үүсгэнэ. Жишээлбэл: хасалт, буцалт, эргэлт...[2], Ш. Цэцэнцогт "...тухайн үйлийн явц, үр дүнг буюу эсвэл тухайн үйлтэй харилцаа холбоотой хэрэг бүтээх, үйлийг гүйцэтгэх хэрэгсэл, юмсыг нэрлэсэн нэр үг үүсгэнэ. Жишээ нь: шалга-шалгалт, дар-даралт, байгуул-байгуулалт, зорь-зорилт...[3], М.Н. Орловская "...үйл үгийн үндсээр илэрсэн, үйлдлийн үйл явц: өсөлт-өсөх, ухралт-ухрах гэх мэт. Мөн үйлдлийн үр дүн:ялалт-ял, амжилт-амж..., цөөн тохиолдолд аливаа үйлийг хийхээр хэрэглэгддэг эд юмсыг заана: дар-даралт, ороо-ороолт..."[4], Д. Бадамдорж "...үйлийн явц шинж болцыг үзүүлсэн утга:явалт, дагалт...[5], Л. Болд "...Үйлийн явц байдлыг харуулсан нэр үг үүснэ: Өсөлт, торнилт... Үйлийн үр дүнг харуулсан: ялалт, амжилт...Тухайн үйлийн нэрийг заадаг: Гэрлэлт, туршилт...Уул дагавраас үүссэн үгийн зарим нь тухайн үйлд хэрэглэгдэх юмсын нэрийг үүсгэдэг: Баглалт, ороолт...[6] гэх мэтээр тус дагаврын утгыг тодорхойлсон байна.

Бид энэхүү өгүүлэлдээ бүх судалгааг бүрэн дурдах боломжгүй бөгөөд эрдэмтдийн судалгааг нэгтгэн харвал, "-лт (-lta, -lte)" дагавар нь: 1. Үйлийн үйл явц:Буцаалт, тархалт, уналт, хувиралт... 2. Үйлийн үр дүн:Давалт, ахилт, давталт, эргэлт... 3. Үйлийн хэрэглэгдэхүүн заасан: Наалт, ороолт, боолт... 4. Тухайн үйлийн нэр: Сунгалт, уулзалт, буулт, харайлт... 5. Үйлийн дүр байдлыг заасан: Исэлт, хөөлт, зүсэлт, босголт гэсэн 5 үндсэн утгыг илэрхийлдэг ажээ. Гэхдээ үг бүтээх дагавар дангаараа байхдаа үгийн сангийн утга илтгэхгүй, харин үгийн сангийн цөм утга илэрхийлнэ гэж тодорхойлдог.

[1] Яков Шмидт. (1871). *Монгол хэлний зүй*. Герман.
[2] Поппе Н. Н. (2012). *Монгол бичгийн хэлний зүй.* 69-р тал.
[3] Цэцэнцогт. Ш. (1988). *Монгол үгсийн язгуурын толь.* Хөх хот.
[4] Орловская М.Н. (1961). *Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке"* Москва
[5] Бадамдорж Д. (2018). *Монгол хэлний үгийн сан, утга зүй.* Уб.
[6] Болд Л. (1986). *Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Уб*.

Монгол хэлний үүрэгт найруулгын төрлийг: Баримт бичгийн, шинжлэх ухааны зохиолын, сонин нийтлэлийн, уран зохиолын найруулга хэмээн ангилах бөгөөд найруулгын эдгээр төрөлд их, бага хэмжээгээр "-лт" дагавар заавал хэрэглэгдэж байна. Мөн найруулгад дангаараа бие даасан утга илэрхийлэхгүй, үгийн үндсэнд шинэ утга оруулж, үгсийн хоорондын харьцааг илтгэх үүрэгтэй орж байгаа нь судалгаанаас харахад тодорхой байна.

Судалгааны үр дүнд бид олон нийтийн дунд хэрэглэж буй "-лт" дагавар бүхий үгс орсон өгүүлбэр, зар сурталчилгаа, цахим орчинд тус дагавар орсон өгүүлбэрийн хэрэглээ зэргийг түүвэрлэн авч дүгнэлт хийлээ. Үүнд: Орчин цагийн монгол хэлэнд техник технологи, хөдөө аж ахуй, шинжлэх ухаан, боловсрол зэрэг бүхий л салбарт төрөл бүрийн нэр томьёо үүсэж, түүнээс уламжлан, "-лт" дагавар бүхий үгс элбэг хэрэглэгдэх болжээ.

Гэхдээ ажиглалтаас харахад, энэхүү дагаврыг залгах шаардлагагүй үгэнд залгаж, буруу хэрэглэж байгаа нь түгээмэл байна. Жишээлбэл: *Уран зохиолын найруулгад:* "...Энэ бол бүх л талаараа элбэг дэлбэг, сайхан хүлээн ава**лт** байлаа... (Адам Жексон "Хуриман дээрх зочин" өгүүллэг)","Хүн бүр хайрыг хүртэх эрхтэй. Гэхдээ сонго**лт** хийх хэрэгтэй. Энэ хоёр хайр сэтгэлд ала**лт** байгуулахаас маргаанд ялахыг илүүд үзжээ.. (Адам Жексон "Уулзалт" өгүүллэг)","Энэ нь нэмэлт ажил хийхэд төсөв хөрөнгө зардал бага гарах магадлалтай. (Говьсүмбэр аймгийн танилцуулга)... гэх мэт. *Сонин нийтлэлийн найруулгад:* "Монгол хүний цусан дахь зарим үзүүлэ**лт**ийн харьцуулсан судалгаа..., хүнсний бүтээгдэхүүний эрэ**лт** хэрэгцээ..., байгалийн уламжла**лт** бүтээгдэхүүн..., бүтээгдэхүүний түгээ**лт**..., олон улсын хяна**лт**ын гарал үүслийн баталгаажуула**лт**..., чанар, стандартын мөрдө**лт**..., хүрээлэн буй орчны бохирдо**лт**..., орчны дуу чимээ тоосжи**лт**..., анхны ба давтан төрө**лт**....., хурууны судасны лугши**лт**ын дохио...найман ширхэг тоон оро**лт**, гара**лт**ын шугамтай... гэх мэт. *Баримт бичгийн найруулгад:* Энэ дагуу станцын барилга байгуула**лт**ын архитектур төлөвлөлт, зургийн даалгаврыг боловсруулах..., Төсвийн биелэ**лт**, бодлогын реформ..., Цалин нэмэх биш, хэмнэ**лт**ийн горимд шилжих явдал чухал. УИХ-ын болон "Сонгуулийн тухай хууль"-д нэмэлт, өөрчлө**лт** оруулах төсөл...Хөгжлийн банк, орон нутгийн сангаас хөгжлийн сангаас

санхүүжүүлж буй хөрөнгө оруула**лт**тай уялдуулан оновчтой тогтоох... *Шинжлэх ухааны зохиолын найруулгад:* Байгаль дээр байгаа бүх л элементүүд үргэлж л эргэ**лтэн**д оршдог. Барилгажуулалт, тохижуулалт, олборлолт, цахилгаанжилт, хотжуулалт, соёололт, элсжилт, зүлэгжилт, сүлжилт гэх мэт олон үгс таарч байна. *Зар сурталчилгааны найруулгад:* Нүдний буда**лт**ад зориулав. Тайлан баланс гарга**лт**, шивэ**лт**, тулга**лт**, тушаа**лт** гэх мэтээр бичиж байнгаа нь буруу хэрэглээ юм.

Ингэж тухайн найруулгад буруу хэрэглэж заншсанаас гадна бичгийн хэлэнд эсвэл цахим орчинд тус дагавраар төгссөн үгэнд ямар нэг нөхцөл залган бичихдээ “н” жийрэглэж, буруу бичих нь их байна. Монгол хэлний зөв бичих дүрмээр: “-лт” дагавраар төгссөн үгэнд нөхцөл залгахдаа “н” жийрэглэхгүй бичдэг. Гэтэл, “ТА бүхний санал эхнээсээ зохион байгуула**лтан**д тусгагдаагүй. “Монгол хэлний хууль” -ийн хэрэгжи**лтэн**д хяналт тавих... Багшийн асуу**лтан**д 5 сурагч хариулсан. Шалга**лтан**д орох нь тодорхой юм. Олон барилга шинээр ашигла**лтан**д орсон байна...” гэх мэтээр “н” жийрэглэж, буруу бичих болжээ.

Монгол хэлний зөв бичих дүрэмд уг дагаврыг залгахдаа дараах дүрмийг баримтална. 1. Эгшгээр төгссөн үгэнд шууд залгана: буу-лт (буулт), боо-лт (боолт) 2. Гийгүүлэгчээр төгссөн үгэнд залгахдаа зохих эгшиг: хүс-лт (хүсэлт), сурга-лт (сургалт), зөөлөрсөн гийгүүлэгчээр төгссөн үгэнд залгахдаа “и” жийрэглэнэ: цохь-лт (цохилт), барь-лт (барилт) гэх мэтээс харж болно. Энэ бүхнээс харахад, монгол хэлний үйлээс нэр үг үүсгэх “-лт” дагаврыг бичгийн болон ярианы мөн цахим харилцаанд буруу хэрэглэснээс үүдэн, найруулгын алдаа гарч, олон нийтийн дунд буруу хэрэглээ үүссэн байна.

ДҮГНЭЛТ

Шинжлэх ухаан, техник технологийн хөгжил, тухайн нийгмийн дэвшил нь аливаа хэлний үгийн санг баяжуулж, улам боловсронгуй болгодог. Өөрөөр хэлбэл, үгийн сан баяжиж хөгжих үндсэн аргын нэг нь үг бүтэх ёс билээ. Алтай язгуурын залгамал бүтэцтэй монгол хэлний үг бүтэх арга хэрэглүүрийн нэг бол дагаврын арга бөгөөд энэхүү үйлээс нэр үг бүтээх “-лт” дагаврыг ажиглахад, утга найруулгын хувьд хэрхэн бүтэж, яаж хэрэглэгдэж

байгааг дээрх жишээнүүдээс харж болохоор байна.

Судалгаанаас харахад, үйлээс нэр үг бүтээх “-лт” дагавар нь нэр ба үйл язгуурын дараа үйлийн явц, үйлийн үр дүн, үйлийн хэрэглэгдэхүүн, үйлийн нэр, үйлийн дүр байдлыг заасан утгыг илэрхийлж байгаа нь харагдаж байна.

Мөн дангаараа бие даасан утга илтгэхгүй, тухайн үгэнд шинэ утга оруулж, үгсийн хоорондын харьцааг илтгэж байна.

Монгол хэлний бичгийн найруулгын бүхий л төрөл зүйлд хэрэглэгдэж байгаа боловч шаардлагагүй газар хэрэглэх, зөв бичих дүрмийг зөрчин, “н” жийрэглэх зэргээр буруу хэрэглэх нь элбэг болжээ. Иймд эрдэмтэн мэргэд, судлаачид энэ тухайд анхаарал хандуулах цаг аль хэдийн болсон байна.

НОМ ЗҮЙ

1. Монгол хэлний зөв бичих дүрмийн журамласан толь. Уб., 2018., 4 дэх тал.
2. Бадамдорж Д. Монгол хэлний үгийн сан, утга зүй. Уб., 2018.
3. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Уб., 1986.
4. Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.

УДК 338.48(571.1/.5)

Андреянова Е. Л., г. Иркутск, Россия

Andreyanova Ye. L., Irkutsk, Russia

МЕСТО МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

PLACE OF LOCAL COMMUNITIES IN ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF THE REGIONAL TOURISM

В работе на основе рэнкинга устойчивости развития туризма в субъектах России представлена степень сформированности позиций устойчивого развития туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа) и определено место местных сообществ в оценке этих позиций. Основные результаты работы определили недостаточную проработанность теоретико-методологических положений данной концепции, а также их реализацию в прикладном региональном масштабе. Необходимо комплексное внедрение принципов устойчивого развития туризма с целью не только теоретического изучения, но и эмпирического воплощения.

On the basis of the ranking of tourism development sustainability in the constituent entities of Russia the article presents the formation degree of tourism positioning on the regional scale (on the example of the Siberian federal okrug) and determines the place of local communities in its assessing. As the main results of the work we have found out the insufficient elaboration of the theoretical and methodological provisions of this conception, as well as their implementation on the applied regional scale. It is necessary to implement the principles of comprehensive sustainable tourism development for the purpose of not only theoretical study but empirical implementation.

Ключевые слова: регион, Сибирский федеральный округ, устойчивое развитие туризма, рэнкинг.

Keywords: region, Siberian federal okrug, sustainable development of tourism, ranking.

Введение. В 2010-е гг. международными организациями (Всемирная туристская организация ООН (UNWTO) и Программа ООН по окружающей среде (UNEP), Глобальный совет по устойчивому туризму (GSTC)) были представлены и утверждены документы, выделившие принципы и критерии устойчивого туризма. Разработанная повестка на период до 2030 г. была принята всеми странами-членами ООН и стала отправной точкой для стран и регионов для представления своих локальных документов и стандартов по данному вопросу [1]. Сегодня в России подготовлены два новых ГОСТа в сфере туризма: «Туризм и сопутствующие услуги. Система управления устойчивым развитием гостиничных комплексов» и «Туризм и сопутствующие услуги. Устойчивый туризм. Общие требования», которые дополнят федеральную систему стандартизации, учитывающую специфику регионального развития туризма.

Некоторые из 17 целей устойчивого развития, выработанные мировым сообществом, распространяются и на сферу туризма. В этой связи необходимо сформировать модель, применимую в нашей стране, способную дать обратную связь из практики реального функционирования туризма. Существующие теоретические представления о сущности устойчивого развития туризма и места в нем социальной составляющей требуют определения измеримых и качественных оценок в национальном и региональном пространстве. В настоящее время происходит поиск инструментов таких оценок для формирования целостной концепции устойчивого развития в сфере отечественного туризма и представления действенных управленческих рекомендаций.

В работе поставлена цель определить степень сформированности позиций устойчивого развития туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа) с акцентом на социальную составляющую. Под «устойчивым развитием туризма будет пониматься такое развитие туризма, которое ориентировано на долгосрочный период, при котором достигается баланс в реализации экономических, экологических, социальных и культурных целей развития, учитываются интересы всех заинтересованных сторон (туристов, принимающих и направляющих дестинаций, местного населения), на основе рационального использования

туристских ресурсов и всестороннего партнерства» [2].

Современные исследователи понимают под устойчивым туризмом «явление, которое влияет на природную среду, экономику, культуру и людей, как туристов, так и местные сообщества» [1, P. 145]. Анализ отечественной литературы позволяет сделать вывод, что основные акценты в исследованиях делаются на обсуждении реализации «зеленой» экономики, инноваций, развития территорий и защиты природы, т.е. на экологической и экономико-технологической составляющих устойчивого развития. При этом, как отмечают некоторые авторы, в этом процессе недостаточно полно представлены социальные аспекты. А.В. Кучумов и Е.В. Печерица считают, что «под социокультурным или социальным аспектом устойчивости понимается то, как индустрия туризма влияет на местное сообщество туристской дестинации» [3, с. 116]. Зарубежные авторы также считают, что подход оценки или участие местных сообществ в выборе управленческого решения один из самых важных [4]. Islam M. S., Lovelock B., & Coetzee W. J. L. говорят о необходимости в политике туризма учитывать ценность сообщества. Используя инклюзивное исследование в Бангладеш, авторы приходят к выводу, что все институциональные участники туризма осознали значимость и необходимость включенности каждого в управленческий процесс. И функции контроля за процессом целесообразно отдавать в том числе местным сообществам [5]. Еще одной альтернативной группой в проектировании устойчивого туризма (кроме местных жителей и региональных политиков) является группа экспертов. C. Foronda Robles, Luis G. P. de Azpillaga and Alfonso F. Tabales в своей работе используют группу экспертов для составления системы из 30 индикаторов для дестинаций. Они приходят к заключению, что политики вносят свой вклад в процесс разработки показателей, понимая стратегический и тактический процесс разработки политики в сфере туризма. Авторы подчеркивают растущую потребность в таких процессах участия, чтобы иметь возможность достичь более широкого, междисциплинарного подхода к изучению устойчивого туризма [Цит. по: 4, P. 1487].

На наш взгляд, данный аспект множественного участия сторон необходимо держать в фокусе управленческой политики, поскольку именно он может отразить результативность стратегиче-

ского развития туризма в РФ [6]:

достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;

комфортная и безопасная среда для жизни;

сохранение населения, здоровье и благополучие людей;

увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства [7].

На мировом уровне ЮНВТО в документе «Туризм для обсуждения» предлагает к рассмотрению в качестве основных направлений:

устойчивый экономический рост;

социальная инклюзивность, занятость и сокращение бедности;

эффективность использования ресурсов, защита природной и климатической стабильности;

культурные ценности, разнообразие и наследие;

взаимопонимание и безопасность [1, P. 146].

Представленные направления показывают не только социально-экономические, экологические индикаторы, но также мероприятия, направленные на сохранение культурного многообразия территории. Поэтому, «устойчивый туризм – это больше, чем просто сохранение красивого ландшафта туристического направления. Это означает, например, в том числе уважение менталитета деревенских жителей, соблюдение обычаев в местах отправления культа, не нанесение вреда сельскохозяйственным угодьям, всего, что необходимо для сохранения местной культурной самобытности» [3, с. 117]. Прикладные решения должны постоянно сопровождаться вопросом «А принесет ли это решение благо для местных жителей и не нанесет ли ущерб местному сообществу»? Выявление этих аспектов и ответов на поставленные вопросы дает представление о том, как строится концепция социальной устойчивости в туристской дестинации.

В то же время национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» напрямую не акцентирует внимание к социальному аспекту туризма с позиций местного сообщества дестинации (рис. 1).

Рис. 1 – Структура национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»

В связи с осмыслением и более полной характеристикой устойчивого развития туризма, предлагается определить степень сформированности позиций устойчивого развития туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа, СФО) с акцентом на социальную составляющую.

Как отмечают многие зарубежные исследователи, в концептуальном исполнении практик устойчивого туризма остается не до конца проработанным вопрос об оценке его сформированности на разных уровнях реализации: кто должен проводить оценку? Привели ли обозначенные индикаторы к изменению в политике и практике и т.п.? Как считают Graham Miller and Anna Torres-Delgado, «общепринятым ответом, почему надо измерять устойчивость туризма является то, что полученные данные позволяют лучше управлять отраслью и направлениями» [4]. Традиционно в нашей стране оценка развития туризма в национальном и региональном значении, как правило, производится путем использования экономических показателей и расчета социально-экономического эффекта. Исполь-

зование новейших инструментов оценки позволит комплексно и в соответствии с современными тенденциями рассмотреть сферу туризма, претерпевающую изменения вследствие вызовов биотехнологического, политического и экономического характера. Ориентация России на внутренний туризм актуализирует региональный срез исследований.

Материалы и методы. В работе использовалась источниковая база, характеризующая сферу устойчивого развития туризма в международном и национальном аспектах. В качестве основного материала исследования применялся аналитический отчет «Рэнкинг устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства в субъектах Российской Федерации» по реализации принципов устойчивого развития в сфере. Для территориального сравнения использованы данные по Сибирскому федеральному округу. Рэнкинг регионов в сфере туризма разработан Национальным Рейтинговым Агентством и ESC-лабораторией МГУ им. Ломоносова при поддержке Комитета Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры, Ростуризма, Русского географического общества, Общенационального союза индустрии гостеприимства.

Рэнкинг составлен для 85 субъектов РФ, с использованием 33 показателей, сгруппированных по 4 ключевым блокам:

IE – Infrastrukture and Economy – инфраструктурно-экономический блок (интенсивность туризма);

SC – Society and Culture – социально-культурный (культурное наследие; безбарьерная среда; безопасность туризма);

EC – Ecology and Climate – эколого-климатический блок (воздействие на ОС; сохранение природных ресурсов);

IG – Institutions and Governance – институционально-управленческий блок (стандарты устойчивого развития; господдержка туризма; эффективность управления устойчивым развитием).

Ранжирование регионов осуществлялось на основе значений итогового индикатора (индекса), в виде среднеарифметического значения отдельных показателей. Более высокое итоговое значение сводного индекса (см. табл.), означает более высокое место в рэнкинге занимает регион [8].

Использование данной методики, позволило авторам получить следующие результаты. Во-первых, в соответствии с ранжированием по уровню устойчивого развития туризма субъектов РФ в 2022 г. регионы России разделены на пять уровней, от начального до продвинутого (рис. 2).

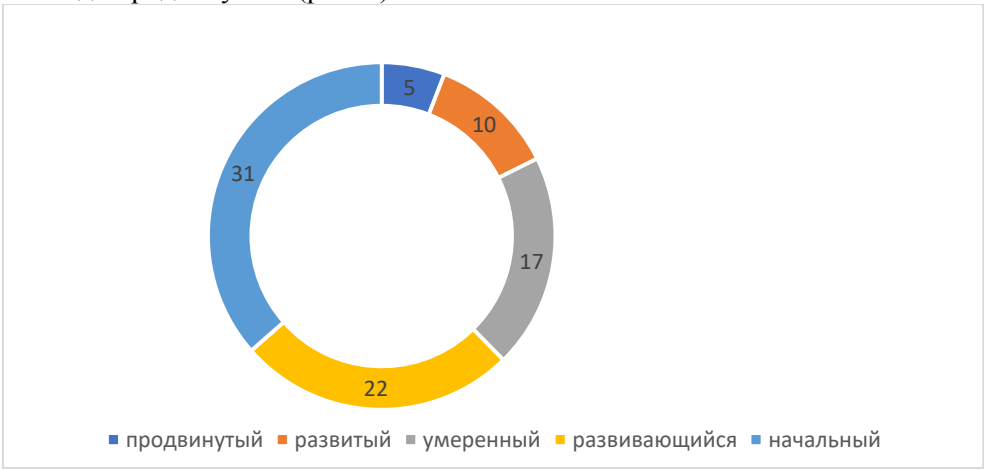

Рис. 2 – Распределение российских регионов соответствии с ранжированием

Так, пять субъектов России имеет уровень «продвинутый» (это традиционно развитые туристские территории г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и др.), 10 регионов находятся в статусе «развитый», 17 субъектов имеют «умеренный» уровень, 22 развивающиеся в туристском плане территории и 31 в начальном развитии. Это деление характеризует темпы и территориальный вектор формирования туристских дестинаций России, выраженные, в первую очередь, в более традиционную для страны инфраструктурную включенность туристских потоков.

Во-вторых, ранжирование сибирских регионов по четырем блокам, отражающих уровень устойчивого туризма и гостеприимства позволило представить значения по каждому субъекту для сравнительного анализа (табл.).

Таблица – Рэнкинг регионов Сибирского федерального округа по уровню устойчивого развития туризма и гостеприимства

Регион	Блок IE	Блок SC	Блок EC	Блок IG	ST (сводный индекс)	Место по ST	Уровень
Красноярский край	0,375	0,500	0,643	0,300	0,454	30	умеренный
Томская область	0,313	0,750	0,500	0,200	0,441	34	развивающийся
Республика Алтай	0,625	0,375	0,571	0,150	0,430	41	развивающийся
Кемеровская область	0,500	0,500	0,429	0,250	0,420	46	развивающийся
Республика Тыва	0,313	0,375	0,643	0,200	0,383	61	начальный
Республика Хакасия	0,250	0,438	0,571	0,250	0,377	63	начальный
Иркутская область	0,375	0,375	0,500	0,250	0,375	64	начальный
Новосибирская область	0,500	0,500	0,214	0,150	0,341	73	начальный
Алтайский край	0,375	0,188	0,429	0,300	0,323	79	начальный
Омская область	0,125	0,438	0,357	0,150	0,267	85	начальный

Согласно таблице, чем выше место по ST региона, тем более он удален от лидирующих позиций. Соответственно, получается, что Красноярский край относится к умеренному уровню, а к «развивающемуся» уровню относятся Томская, Кемеровская области и Республика Алтай. Все остальные регионы Сибирского федерального округа относятся к начальному уровню (табл.). Таким образом, по данным за 2022 г. регионы СФО не имеют уровней «продвинутый» и «развитый» в соответствии с концепцией устойчивого развития туризма.

Результаты и обсуждения. Ранжирование субъектов СФО

позволило нам сравнить регионы, сделать следующие выводы:

1. Мы выделили две группы регионов. Первая группа, была выделена на основании специализации характера ресурсных регионов (сырьевые, добывающая промышленность) на основании классификации Бозо Н.В. (рис. 3) [9].

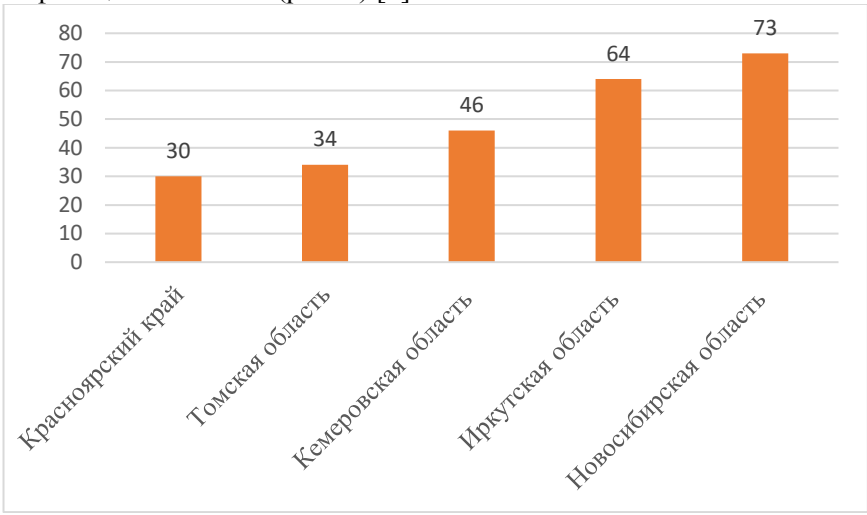

Рис. 3 – Место ресурсных (сырьевых) регионов СФО в рэнкинге сферы туризма

Здесь лидерами явились: Красноярский край, Томская область, Кемеровская область; Иркутская и Новосибирская области замкнули этот список. Новосибирская область, обладая высокими показателями по инфраструктурно-экономическому и социально-культурному блокам, имеет 73 место в рэнкинге из-за малой доли экологической составляющей.

Вывод: сочетание инфраструктурно-экономического и социально-культурного блоков примерно в равной пропорции позволяет регионам выйти на лидирующие позиции в рэнкинге. Устойчивость туризма в регионе определяется и значительной реализацией экологической защиты.

2. Вторая группа регионов была сформирована по национальному образованию и несырьевому характеру специализации экономики (рис. 4).

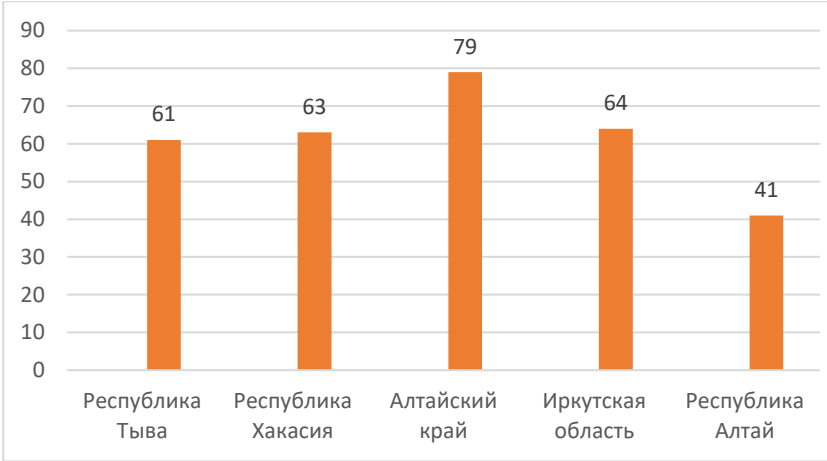

Рис. 4 – Место несырьевых регионов СФО в рэнкинге сферы туризма

Рисунок 4 отражает лидирующие позиции Алтайского края, далее идут Республики Тыва и Хакасия. Особое место занимает Республика Алтай (41 место), имея такие же оценки социально-культурного уровня, как, например, у Республики Тыва и Иркутская область (Иркутская область в данном рисунке для сравнения), но выигрывая по инфраструктурно-экономическому и экологическому уровню, она снизила свой рейтинг из-за недостаточно развитого инфраструктурно-управленческого по сравнению с лидерами.

Вывод: у данной группы показатель социально-культурного блока (уровня) выше, чем инфраструктурно-экономического. Но при сравнении с тем же социально-культурным блоком первой группы он ниже.

Особое место в рэнкинге занимает Омская область (85). Ее особенностью является то, что при высоком социально-культурном уровне, но низком инфраструктурно-экономическом и институционально-управленческом блоке регион занимает последнее место в рэнкинге сферы туризма СФО.

Также недооценка институционально-управленческого блока при высоких показателях инфраструктурно-экономического блока не позволяет регионам выйти в лидеры списка (как, например,

Новосибирская область и Республика Алтай). Три региона из СФО: Республика Алтай, Новосибирская область и Омская область имеют самые низкие показатели по управленческому уровню.

Лидерами Сибирского федерального округа в соответствии с рэнкингом являются: Красноярский край, Томская область, Алтайский край.

Выводы:

1. Социально-культурный блок в позициях рэнкинга устойчивого развития туризма в Сибирском федеральном округе является лидирующим (после экологического).

2. Инфраструктурно-экономический блок является определяющим фактором в развитии туризма каждого региона. Социально-культурный блок может существенно определять приоритет в устойчивом развитии туризма, но без инфраструктурно-экономического блока его позиции не будут лидирующими.

3. Недостаточное внимание к экологической защите (как, например, в Новосибирской области) и также институционально-управленческому механизму (Республика Алтай, Новосибирская область, Омская область) может отбросить регион в рэнкинге на более низкую позицию.

4. Для устойчивого развития туризма необходимо развивать все его составляющие (экологическую, экономическую, социальную, управленческую).

Заключение. Представленные данные по регионам Сибирского федерального округа отражают динамику устойчивого развития туризма в целом по стране. То, что большинство регионов России, и в частности, СФО, находятся на двух нижних уровнях рэнкинга (начальный и развивающийся), говорит о том, что устойчивое развитие в сфере туризма и гостеприимства является для нашей страны во многом не доиспользованной концепцией, требующей теоретического осмысления, и главным образом, институционально-методологического и потом уже управленческого. Наш вывод перекликается с рядом исследований по проблемам устойчивого туризма в мировом масштабе: «Повестка дня на период до 2030 г. выступает скорее «этическим ориентиром», чем основой стратегии для руководства оперативной деятельностью» [1]. Как показал наш анализ, отдачу от внедрения устойчивого развития досуга и отдыха

в регионах и стране в целом для местного сообщества трудно ощутить. Комплексного, современного инструмента по реализации социального блока устойчивого развития туризма, затрагивающего интересы не только местных сообществ, но и других участников мы пока не имеем, что определяет дальнейшую перспективу научного поиска.

Новизной работы является комплексная оценка позиций туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа), которая выразилась в недостаточной сформированности теоретико-методологических положений рассматриваемой концепции в отечественной источниковедческой базе, а также их реализации в прикладном региональном масштабе.

Примечания

1. Krzysztof Berbeka, Wieslaw Alejziak & Jadwiga Berbeka. Sustainable development goals of Agenda 2030 in the declarations and aims of international tourism organisations // Journal of Travel & Tourism Marketing. 2024. № 41:1. P. 142-153. DOI: 10.1080/10548408.2023.2239862

2. Карпова Г. А., Максарова Е. М., Белоногов А. Г. Формирование системы обеспечения экономической безопасности сферы туризма. СПб : Изд-во С-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2011. 140 с.

3. Кучумов А. В., Печерица Е. В., Управление развитием устойчивого туризма: социальные аспекты // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. 9 (1). С. 111-122. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-1-0.

4. Graham Miller & Anna Torres-Delgado. Measuring sustainable tourism: a state of the art review of sustainable tourism indicators // Journal of Sustainable Tourism 2023. № 31:7. P. 1483-1496. DOI: 10.1080/09669582.2023.2213859.

5. Islam M. S., Lovelock B., & Coetzee W. J. L. Liberating sustainability indicators: Developing and implementing a community-operated tourism sustainability indicator system in Boga Lake, Bangladesh // Journal of Sustainable Tourism. 2021. P. 1–21. https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1928147

6. [Об утверждении Стратегии развития туризма в Россий-

ской Федерации на период до 2035 года] : распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технической документации. URL: https://docs.cntd.ru/document/561260503 (дата обращения: 14.04.2024).

7. Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» (в ред. от 10.11.2021). URL: https://base.garant.ru/403085286/ (дата обращения: 14.04.2024).

8. Рэнкинг устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства в субъектах Российской Федерации : аналит. отчет / рук. проекта Христофор Константиниди. М., 2022. 33 с.

9. Бозо Н. В. Диверсификация сырьевых регионов на инновационный путь развития (на примере Сибирского федерального округа // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. Т. 2, № 3. С. 14-23.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-20197, https://rscf.ru/project/24-28-20197/

УДК 338.48(571.13)

Хилько Н. Ф., г. Омск, Россия

Khilko N. F., Omsk, Russia

ВКЛЮЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В БРЕНДИНГ ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

INCLUSION OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE CITIES AND RURAL SETTLEMENTS IN BRANDING OF THE TOURIST ROUTES OF THE OMSK REGION

В статье рассматриваются точки соприкосновения культурного наследия и брендинга территории и туристических маршрутов в культурном пространстве Омской области. Выявляются значимые виды туризма: этнокультурный, религиозный, рекреационно-оздоровительный, культурно-исторический, событийный в пространстве четырёх локаций. Особо отмечается развитие в регионе пяти направлений туристской инфраструктуры.

The article considers common grounds between cultural heritage and branding of the territory and tourist routes in the cultural space of the Omsk region. Significant types of tourism are revealed: ethnocultural, religious, recreational, cultural and historical, event in the space of four locations. The development of five directions of tourist infrastructure in the region is especially noted.

Ключевые слова: включение культурно-исторического наследия, городская культура, брендинг туристических маршрутов, интеграция культуры, локации, виды туризма, туристская инфраструктура.

Keywords: inclusion of cultural and historical heritage, urban culture, branding of tourist routes, culture integration, locations, types of tourism, tourist infrastructure.

Интеграция культуры Омской области в сопредельные сферы социально-культурного и экономического развития позволяет усилить брендирование ключевых территорий основных локаций, входящих в туристскую инфраструктуру Омской области. Об этом говорилось в резолюции «Актуальные формы и методы использования объектов культурного наследия в туристской сфере как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов» [1, с. 21].

Взаимная интеграция культурного и природного наследия Омской области включает особо охраняемые территории, парковые зоны, заказники, дендропарки, места отдыха, оздоровления, экскурсионного общения с природой. В этом пространстве развиваются творческие кластеры с использованием культурных брендов и духовно-нравственных традиций регионов. Модели развития использования культурно-исторического наследия связывают туристскую инфраструктуру с различными направлениями преобразованного культурного пространства региона, в котором сосредоточены традиции: фольклора, изобразительного и декоративного искусства, архитектуры, иконописи и народных ремесел.

В связи с этим можно говорить о развитии в регионе *пяти направлений* туристской инфраструктуры: этнокультурного, религиозного, рекреационно-оздоровительного, культурно-исторического (познавательного) и событийного туризма.

Этнокультурный туризм развивается в различного рода этнокультурных центрах, мастерских, школах ремесел, музейно-экспозиционных площадках, таких как Сибирский культурный центр, школа ремесел в п. Муромцево, музей сказки «Васин хутор» в поселении Политотдел Любинского района, в процессе проведения фестивалей «Душа России» в Омске, мастер-классах и театрализованных экскурсиях в п. Большеречье. Посещение туристами данных экскурсионных объектов включает в себя погружение в атмосферу народной культуры, предполагающее различные ее виды: народное музыкальное исполнительство, народные игротеки, реконструкцию обрядов, этностилевые флешмобы, фотосессии и выставки этнокультурных перевоплощений в народных костюмах. Особое значение приобретает показ и работа школ народных реме-

сел, мастерских по пошиву народной одежды. Презентации и показы музейных коллекций народного быта, посещение экскурсий, например, в музее казачьей деревни Захламино, бывшей на территории современного городка Нефтяников, показывает традиционные особенности купеческого быта начала XX в., которые вписываются в современный культурный ландшафт сибирской усадьбы.

Немалую роль для развития этнокультурного туризма приобретают элементы мастер-классов по народному, историческому и классическому танцам во время проведения экскурсионно-показательных программ, вечерок, посиделок, дискотек для населения, участия во всевозможных клубах, на танцевальных площадках. Эти формы экскурсионной деятельности интегрируются в процессе реконструкции народного досуга, что возвращает нас к этнокультурному наследию в ценностях народной культуры.

В плане культурно-исторического (познавательного) туризма становится важным культурно-исторического зонирование территорий. При этом актуализируется не только создание электронных книг и карт памяти, но и разработка моделей взаимодействия историко-культурных ценностей и форм культуроохранных и природоохранных мероприятий. Актуализации духовно-нравственного наследия в регионе способствует показ памятников, памятных знаков, мемориальных досок, плит. Эффективно использование баннеров, сенсорных экранов в процессе посещения различных мемориалов (Парка Победы, Бульвара Победы в Омске, мемориалов, некрополей в малых городах, поселках и поселениях), посвященных Героям Великой Отечественной войны, Героям России, жертвам Чернобыля, вооруженных конфликтов.

Религиозный туризм (паломничество) характеризует культурную среду различных направлений, в которые интегрируются различные места поклонения людей. Наряду с посещением действующих монастырей (Ачаирский, Свято-Никольский, Большекулачинский) существуют экскурсии по отдельным храмам (Розовка, Крутая горка, Новотроицкое). Популярен также аквапарк в зоне отдыха «Политотдел» Любинского района, находящийся недалеко от города в п. Политотдел. Популярен в г. Омск дендропарк им. Г.И. Гензе, Подгородский реликтовый дендрарий. Здесь имеет место интеграция оздоровительной, образовательной и воспитатель-

ной функций. Связующей нитью в религиозном туризме является посещение ряда брендовых объектов, сосредоточенных по «Золотому кольцу Сибири», входящее в познавательные экскурсии. В этом пространстве смыкаются краеведческий, этнокультурный и событийный туризм. Сближению с деятельностью Епархии способствует посещение храмов как архитектурных доминант, участие в совершении религиозных обрядов, песнопениях, беседах со священниками. К религиозному туризму в омском регионе примыкают следующие три проекта: «Святые места омского пригорода», «Паломничество по малым городам и селам Степного края».

Рекреационно-оздоровительный туризм (экотуризм) распространяется с запада на юг и затем – на северо-восток и север. Два своеобразных разворота концентрируются вокруг Омского пригорода. Наиболее популярны далеко за пределами Омской области туристское пространство «Пять озер», включающее озера Линево, Данилово, Окунево, Шайтан-озеро, входящие в проекты «Тайны Омской области», «Окуневский ковчег».

Пригородная зона представлена оздоровительными территориями Чернолучья и Красноярки, дендропарком П.С. Комиссарова. За пределами пригорода расширяются возможности общения туристов с растительным миром и животными Омского Прииртышья. Актуальны следующие экскурсионно-оздоровительные объекты: заказники в Любинском районе, Мангутский природный заказник, реликтовый водоем лечебного озера Ульжай («Черлакский форпост»), зоологический объект «Урочище Бекишево», где представлено разведение верблюдов в Тюкалинском районе, колония розовых пеликанов на озере Тунис (п. Крутигнка, Большереченский зоопарк им. В.Д. Соломатина в пойме р. Большая, Саргатский дендрарий.

Таким образом, культурно-оздоровительный туризм располагает широким рекреативным потенциалом, включающим в себя: рекреативные зоны таежной лесостепи, озер с сохраненной флорой и фауной, места с наличием лечебно-оздоровительных факторов (минеральная вода, лечебные грязи), показом животных, условиями для охраны и рыболовства, экскурсии по природным объектам.

Культурно-исторический (познавательный) туризм Омской области связан с прохождением через Омскую область Московско-

Сибирского тракта, по которому шли в Сибирь переселенцы, ссыльные, каторжане. Геолокации данного направления располагаются вокруг территории бывшего тракта, объединяя купеческие центры старинные города Тару, Тюкалинск, поселки Большеречье, Большие Уки, малый город Калачинск. На Западе – к данному маршруту примыкают места строительства Транссиба в Любино, куда приезжала царская семья и Николай II, места, связанные с Отечественной войной 1812 г. (укрепления, места расположения крепостей). В число достопримечательностей входят: музей истории Московско-Сибирского тракта (п. Больше Уки), раскопки и особняки, купеческая деревянная и каменная архитектура XVIII-XIX вв. Показательно посещение почтовой ветви Московско-Сибирского тракта в месте расположения верстового столба в Калачинском районе на пересечении дорог по направлению к селу Воскресенка. Посещение этого экскурсионного объекта входило в состав межрегиональной акции «Маршрутом А.П. Чехова по Сибири на Сахалин». В п. Любино открыт для посещения мемориальный комплекс Николаю II. В рамках культурно-патриотической экспедиции Сибирского войскового казачьего общества «Знамя Ермака» туристы проходят путь следования знамени в г. Омск.

В составе *событийного туризма* активизирующую роль для региона играют брендовые события вокруг значимых экскурсионных объектов. Локации событийного туризма выстраиваются вокруг маршрута: Полтавский район – г. Калачинск – п. Муромцево – п. Большеречье – г. Тюкалинск – г. Тара – г. Омск.

Первая локация проекта связана с республиканским фестивалем молодежной культуры Полтавского района «Молодёжный проспект» и межреспубликанским фестивалем Калача в г. Калачинск, фестивалем «Солнцеворот» в Окунево. Во *второй локации* – распространяется для событийного туризма квест в историко-краеведческом музее «Один день в Ширванском полку» в г. Калачинск. Для *третьей локации* важно использование мотивов народных искусств Севера Омской области: театрализованные экскурсии в Историко-культурном комплексе «Старина Сибирская» в п. Большеречье. Интересен уездный праздник «На тракте Тюкалинском», межрегиональный кинофестиваль «Моя Родина – Сибирь», театрализованное действо «Традиции народов Тарского Прииртышья».

Четвертая локация распространяется на областной центр. Это следующие мероприятия: «Покровская ярмарка» в г. Омск, Дни города, гуляния на Лабинском проспекте в День России в Омске, проведение квестов и мастер-классов в ИКК «Омская крепость» и др.

Итак, как справедливо отмечают Н.Н. Каштанов и И.А. Курьяков, Омская область реально обладает огромным неиспользованным природным потенциалом, сопоставимым по своим привлекательным, оздоровительным, культурным качествам, а также по другим показателям с известными классическими направлениями туризма мирового значения [2]. В пространстве представленных выше многочисленных брендов Омской области, заключённых в различных локациях и их функционировании, возникает устойчивая привлекательность данных территорий. Это лишний раз подтверждает мысль Ф. Котлера о том, что «бренд символизирует не только стабильность характеристик и свойств туристской услуги, но и уровень обслуживания клиентов. Благодаря активному продвижению своих брендов данные туроператоры имеют устойчивую клиентскую базу» [3, с. 23].

Примечания

1. Опубликована резолюция конференции «Актуальные формы и методы использования объектов культурного наследия в туристской сфере как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов» // Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_events=opublikovana-rezolyucziya-konferenczii-aktualnye-formy-i-metody-ispolzovaniya-obektov-kulturnogo-naslediya-v-turistskoj-sfere-kak-sredstva-ukrepleniya-czivilizaczionnoj-identichnosti-rossijskih (дата обращения: 19.06.2024).

2. Каштанов Н. Н., Курьяков И. А. Туризм в Омском регионе: состояние, проблемы и перспективы развития // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 2(12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-v-omskom-regione-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 19.06.2024).

3. Котлер Ф., Боуэн Д., Мейкенз Д. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм : учеб. для студ. вузов. 2-е изд. М. : ЮНИТИ, 2002. 624 с.

УДК 338.48(571.54)«1920/50»

Бадмаева Д. Д., г. Улан-Удэ, Россия

Badmaeva D. D., Ulan-Ude, Russia

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В БУРЯТИИ В 1920-1950-е ГОДЫ

FEATURES OF TOURISM DEVELOPMENT IN BURYATIA IN THE 1920s-1950s

Туризм в Бурятии в советский период развивался медленно, однако предпосылки к нему были еще в начале образования республики. Туристско-экскурсионная деятельность в Бурятии, как и во всей стране, началась с экскурсий в образовательных учреждениях. Только к 1950-м годам туризм во всех его направлениях активно развивается, начиная с детско-юношеского туризма, неразрывно связанного со взрослым самодеятельным туризмом и экскурсиями, заканчивая спортивным туризмом.

The tourism in Buryatia developed slowly during the Soviet period, but there were the prerequisites at the beginning of the republic formation. The tourist and excursion activities in Buryatia, as in the whole country, started from the excursions in the educational institutions. Only by the 1950s tourism had actively developed in all its directions, starting from the tourism of children and youth inextricably connected with adult amateur tourism and excursions, and finishing with the sports tourism.

Ключевые слова: туризм, история, Бурятия, детско-юношеский туризм, экскурсии.

Keywords: tourism, history, Buryatia, tourism of children and youth, excursions.

В последние годы развитие туризма в Республике Бурятия является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития. Поэтому для определения возможностей туристского потенциала региона с научной и практической точки

зрения, необходимо изучить исторический опыт развития туризма в республике. В связи с этим является актуальным исследование истории туризма в регионе. История туристско-экскурсионного дела способна показать оптимальные пути использования современного туристского потенциала Бурятии и способствовать его более динамичному развитию.

В то время как развитие туристско-экскурсионной деятельности в СССР в первые годы создания нового государства шло полным ходом, на территории Бурятии большинство населения было даже безграмотным. Ко времени образования республики, в 1923 году, народное хозяйство находилось в состоянии большого упадка и о развитии туризма никто не говорил.

В конце 20-х-30-х гг. начался процесс социалистической реконструкции народного хозяйства – коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, культурной революции. Строились колхозные центры с жилыми и хозяйственными постройками, учреждениями образования, культуры и здравоохранения. Именно в учреждениях образования и началось зарождение туристско-экскурсионной деятельности.

Точкой отчета начала туризма в Бурят-Монгольской АССР можно считать май 1924 года, когда открывается экскурсионное бюро при Наркомпросе Бурят-Монгольской АССР [3].

Бюро было создано для организации встреч прибывающих в город Верхнеудинск экскурсантов сельских школ. Бюро выполняло функции современной туристской фирмы, оно занималось организацией размещения, питания и досуга для экскурсантов. Досугом было проведение производственных, образовательных и культурных экскурсий. Размещение и питание экскурсантов оплачивалось силами самих учащихся. Главной задачей бюро на момент образования было – объединение города с деревней. Укрепление союза городской промышленности с деревенским хозяйством входило в работу трудовой школы как предмет изучения. Эта задача в трудовой школе осуществлялась, в первую очередь, через установление шефства городских школ над сельскими. Шефство выражалось в материальной помощи подшефным школам за счет самих учащихся, путем переписки отдельных учеников, ученических организаций, обменами письменными докладами о деятельности, взаимного

посещения школ и полного содействия шефов по организации экскурсий в город.

Силами бюро проводились не только экскурсии для прибывающих в Верхнеудинск учащихся сельских школ, но организовывались выезды в город Иркутск. Впервые о такой экскурсии заговорили в начале 20-х гг., но по неимению средств, каждый раз откладывали на следующий год. В 1925 г. в конце учебного года была организована 7-8-дневная экскурсия в город Иркутск для учащихся педагогического техникума, с остановкой на 2 дня на ст. Слюдянка.

Помимо экскурсионного бюро в школах были и учебные организации, занимавшиеся «околотуристской» деятельностью: кружки краеведения, обществоведения и словесности и т.д. В деятельности этих организаций были, помимо проведения лекториев по направленности, природоведческие экскурсии.

29 мая 1929 г. при горкоме ВЛКСМ Верхнеудинска было создано Бюро туристов [2]. На совещании по организации бюро присутствовали туристы города и представители общественных организаций, заинтересованных в развитии туризма.

В советское время туризм был прерогативой физической культуры. Туризм и экскурсии были разными видами деятельности и относились к разным ведомствам. Вся работа по физической культуре и туризм в том числе, находилась в ведении профсоюзных организаций, он плохо развивался. К туризму было несерьезное отношение и для того, чтобы переломить отрицательное чувство населения к этой деятельности и начать ее развитие, создали Бюро туристов. Оно давало консультации по вопросам туризма, согласовывало маршруты, организовывало разную помощь неопытным туристам. Новое учреждение предлагало туристам и организациям, устраивающим экскурсии, согласовывать их с бюро туризма. Однако не сохранилось ни одного архивного документа о деятельности этого Бюро на территории Бурят-Монгольской АССР, о количестве проведенных консультаций, о разработанных маршрутах и т.д.

К 30-м годам физическая культура становится достоянием широких масс, начиная с малого. Физкультурная работа в деревне сводилась к привитию гигиенических и санитарных навыков. Имеющиеся физкультурные кружки на местах повседневно пропагандировали правильное распределение труда и отдыха, правильное

питание, борьбу с самогонокурением и алкоголем, а также организовывали массовые игры, здоровые разумные развлечения, используя бытовые спортивные возможности, национальные виды спорта. Особое внимание стало уделять использованию естественных возможностей природы, солнца, воздуха и воды. Кружки физкультуры в деревнях и городе проводили однодневные походы.

В конце 20-х – в начале 30-х гг. прошлого века в Советском Союзе стали очень популярны различные рекордные мероприятия под идеологическими лозунгами. Пешие и лыжные переходы, заплывы, веломарафоны и т.д. были спортивной деятельностью, но и к туризму относились не в меньшей степени. Эти мероприятия проходили в разных частях страны и Бурятия не стала исключением. Молодежь и комсомольцы далекой окраины России мечтали о подвигах. В эти годы в Улан-Удэ строили завод-гигант ПВРЗ (паровозовагоноремонтный завод, 1932-1934), на строительство которого приехали рабочие-добровольцы со всех концов страны, пришла местная молодежь. Молодежь из дальних улусов приходила на стройку, возводила первые стены цехов завода, а вечером садились за парты и учились грамоте, впоследствии вставали к станку и радовались первому отремонтированному паровозу. В эти годы строился мясокомбинат (1937), механизированный стекольный (1930-1935) и судоремонтный (1934) заводы, металлургическое предприятие завод «Механлит» (1928-1932), осваивались месторождения вольфрама и молибдена в нынешнем городе Закаменск (Городок), заработали шахты нынешнего г. Гусиноозерск (Шахты). В Улан-Удэ строились школы, училища, техникумы, вузы, театры, музеи, строились благоустроенные дома, построена ТЭЦ, в дома пришло электричество. Молодежь проходила курсы ликбезов и рабфаков, ФЗУ (фабрично-заводского ученичества), училась у станка. Именно тогда было решено провести небывалый в истории страны и Бурятии пешелыжный переход девушек-комсомолок от Улан-Удэ до Москвы. Поход состоялся и это стало мощным толчком к развитию туризма в Бурятии.

Претенденток на участие в мероприятии было много и в процессе тщательной подготовки отсеялись многие. Не только сам знаменательный пешелыжный поход стал сильным толчком в развитии туризма в республике, но и его подготовительные мероприя-

тия.

Первым серьезным испытанием явился 100-километровый пеший поход Улан-Удэ – Кабанск. Через полтора месяца, в канун 1936 года, команда отправилась в первый лыжный тренировочный поход по маршруту Улан-Удэ – Кяхта – Улан-Удэ, вернулись 10 января и было пройдено 560 км. Через месяц девушки прошли сложный маршрут Улан-Удэ – Посольск – Иркутск – Усть-Орда – Бохан – Кутулик, равный 800 км. Преодолевая расстояния по сложной пересеченной местности, огибая байкальские сопки с крутыми спусками и подъемами, бездорожью, команда в среднем за сутки проходила 70 км.

Летний тренировочный цикл у команды был не легче зимнего. В летнюю подготовку входили пешие походы на 20-25 километров, велосипедные гонки, тренировки на водных лыжах, гребля и спортивные игры.

На этот неповторимый поход команда потратила 4 месяца и торжественно финишировала переход «Улан-Удэ – Москва» длиной 6045 км в количестве семи человек 6 марта в Москве, на стадионе «Динамо». Руководство страны по достоинству оценило подвиг и наградило всех участников орденами «Знак Почета».

Поход этот стал не только спортивным рекордом, но и важным агитационным мероприятием. Победный финиш бурятских девушек в Москве в марте 1937 г. послужил точкой отрыва для становления туризма как одного из важных направлений в физической подготовке советских граждан.

В 1930-е гг. в районах Бурятии стали проводиться спортивные мероприятия: туристские походы, лыжные переходы.

Все что создавалось в республике для развития туризма на союзном уровне, не имело никакого отклика в детском туризме. Об этом можно судить по отчету директора Республиканской детской экскурсионно-туристской станции Давида Львовича Алашкевича. На заседании Бюро Бурят-Монгольского Обкома ВЛКСМ 11 февраля 1941 г. было отмечено, что экскурсионно-туристская работа в школах Бурят-Монголии организована плохо: «До сих пор ни в одной из школ сельских районов нет кружков юных туристов. Райкомы ВЛКСМ и районо никакой работы в школах по туризму не проводят» [4]. Таким образом, можно говорить о том, что за 20-летие

существования республики туризм в регионе имел крайне медленное развитие и тем более не стал массовым. Однако говорить о том, что работы по развитию и попытки внедрения в массы туризма не проводились неправильно, хотя бы по тому, что экскурсионная деятельность, которая в современном мире относится к туризму, развивалась быстрыми темпами.

Дальнейшему развитию туризма в регионе помешала Великая Отечественная война.

Туризм в годы Великой Отечественной войны дал выносливых тренированных бойцов и командиров: разведчики, прекрасно ориентирующиеся на местности в любых условиях, снайперы, выносливые лыжники, скалолазы и альпинисты. Их умения и навыки помогли спасти многие жизни в экстремальных ситуациях на фронте, в партизанском тылу, в условиях фашистского плена и на длительных марш-бросках.

В непростое военное время в регионе, отдаленном от основных боевых действий, продолжалось туристское движение. По архивным данным Совета Народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР и Бюро Обкома ВКП(б) осуществлялись агитационно-туристские походы с учащимися школ и училищ. Туристские агитбригады в период с 1942 по 1943 гг., посетили Окинский, Закаменский, Тункинский и Джидинский аймаки и Байкало-Кударинский районы. За время проведения похода участники проводили мероприятия по художественной самодеятельности и массовой политической работе колхозников, рабочих и служащих МТС (машинно-тракторная станция), золотых приисков и рыбных промыслов.

Новое развитие получает туризм в послевоенные годы и начало было положено в школьном образовании. Учителя-фронтовики пошли с ребятами в походы по родному краю, изучать его природные богатства, историю, памятники, историю сел и городов.

Заметный рост сети туристско-краеведческих учреждений, возникновение новых молодежных туристских организаций, массовых походов наблюдается в начале 50-х годов, когда власть правильно оценила возможности туризма и краеведения в деле воспитания подрастающего поколения.

Большое значение стало уделяться познавательной стороне

туризма в республике. Целью стала не только туристская техника, но изучение природных богатств, истории родного края, историко-революционных памятников, мест боев гражданской войны, воспитание чувства патриотизма и высокой гражданственности, воспитание на революционных боевых и трудовых традициях партии и народа. Повсеместно на собранном материале стали создаваться народные и школьные краеведческие музеи, уголки боевой и трудовой славы. Торжественно проводились сборы, слеты, встречи разных поколений.

Туристские экспедиции с исследовательскими целями среди учащихся школ стали нормой и поддерживались правительственными организациями. Создавались экспедиционные отряды, намечались маршруты, выполнялись задания различных хозяйственных и общественных организаций. Геологи давали задания по розыску месторождений полезных ископаемых.

Широкое распространение получили геологические походы школьников под руководством А.А. Гаськова, А.Ж. Доноевой, А.Ф. Большакова, которые по заданию министерства сельского хозяйства изучали пастбища и искали удобные пути перегона скота на высокогорные пастбища. Естествоведческие экспедиции Эриха Эдуардовича Пильмана в природной среде были очень популярны среди школьников.

В 1954 г. была образована Республиканская станция юных натуралистов, техников и туристов при Министерстве образования Бурятской АССР в г. Улан-Удэ. Это был методический и координирующий центр природоисследовательской, опытнической и природоохранной деятельности подростков [1]. Именно в это время стали проводиться первые туристские слеты.

В 1956 г. была открыта Республиканская детская экскурсионно-туристская станция Министерства просвещения Бурят-Монгольской АССР, которая стала организующим и направляющим центром туристской работы со школьниками и учительскими кадрами. Поисковая, краеведческая работа в школах стала не эпизодической, а постоянной. Походы – летом, в каникулярное время, туристские слеты – осенью, семинары учителей–турорганизаторов, создание школьных музеев, выставок, кружковая работа по туризму и краеведению стали привычной формой работы.

К концу 50-х гг. прошлого века на территории республики уже было проведено 30 туристских слетов школьников-краеведов, также проводились учительские слеты и слеты юных геологов.

В 50-е гг. при областном совете профсоюзов была создана Федерация туризма Бурят-Монгольской АССР. Федерация проводила работу по организации массового спортивно-оздоровительного туризма в республике.

К этому времени туристская работа в Бурят-Монгольской АССР принимает плановый характер. Период 50-х гг. можно назвать периодом становления туризма на территории республики. Туризм во всех его направлениях в этот период активно развивается, начиная с детско-юношеского туризма, неразрывно связанного с взрослым самодеятельным туризмом и экскурсиями, заканчивая спортивным туризмом с его достижениями.

Примечания

1. «О кружке юных натуралистов на севере республики» // Бурят-Монгольский Комсомолец. 1955. № 18, 07 сент.

2. «Организовано бюро туристов» // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1929. № 123 (1723), 2 июня. С. 4.

3. Смычка городской школы с сельской // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1924. № 103 (201), 10 мая. С. 2.

4. Отчет директора Республиканской детской экскурсионно-туристской станции // ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). ФР-36. Оп.1. Д. 1632.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Адам Юлия Игоревна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этнологии человека ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

2. Амгаланова Мария Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

3. Амиргалина Гульмира Темирболатовна, магистр истории, научный сотрудник Кызылординского университета им. Коркыт Ата (г. Кызылорда, Казахстан)

4. Андреянова Елена Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия)

5. Асалханова Екатерина Владимировна, кандидат искусствоведения, преподаватель, заведующая художественным отделением МУДО «Усть-Ордынская детская школа искусств, главный художник ОГБУК «Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов» (п. Усть-Орда, Иркутская область, Россия)

6. Бадмаева Дарима Дмитриевна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

7. Босхолова Светлана Васильевна, магистрант ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

8. Бояк Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

9. Буркова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

10. Бутовская Марина Львовна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этнологии человека

ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

12. Галимханов Азат Булатович, кандидат юридических наук, доцент, проректор по образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа, Россия)

13. Григораш Александр Владимирович, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры» (г. Барнаул, Россия)

14. Грот Лидия Павловна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Лулео, Швеция)

15. Дашиева Надежда Базаржаповна, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

16. Добрынин Сергей Александрович, профессор, заведующий кафедрой режиссуры эстрады и театрализованных представлений ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

17. Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

18. Дылгырова Аюна Санжижаповна, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

19. Егорова Аида Июньевна, кандидат психологических наук, директор Института психологии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

20. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

21. Жанатаев Диас Кумырбаевич, магистрант ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)/Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

22. Зенкин Константин Владимирович, доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной и воспитательной работе ФГБОУ ВО «Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского» (г. Москва, Россия)

23. Зинурова Раушания Ильшатовна, доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Казань, Россия)

24. Иванова Ольга Дондоковна, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

25. Киричек Елена Александровна, кандидат физико-математических наук, генеральный директор издательства «Бумба», член Союза российских писателей (г. Москва, Россия)

26. Кучмурукова Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, декан гуманитарно-информационного факультета ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

27. Ло Да, аспирант ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный институт культуры» (г. Хабаровск, Россия)

28. Лхамжавын Мядаг, докторант Монгольского университета науки (Mongolian university of science, Монгол Улсын Эрдмийн их сургууль) (г. Улан-Батор, Монголия)

29. Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

30. Махачкеева Галина Виссарионовна, независимый исследователь (г. Улан-Удэ, Россия)

31. Мезенцева Анна Александровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

32. Назаров Виктор Кузьмич, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

33. Николаева Дарима Анатольевна, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

34. Оргийн Найманжаргал, директор, главный режиссер Частного театра-студии «ONTS-AZ» (Private theatre-studio «ONTS-AZ», «ONTS-AZ» хувийн театр-студи), (г. Улан-Батор, Монголия)

35. Пахомчик Сергей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)

36. Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор, проректор по научной работе и международным связям ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры» (г. Барнаул, Россия)

37. Перова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ректор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

38. Проминская Ольга Ивановна, старший преподаватель, специалист по медиакоммуникациям Центра прототипирования «Центр цифрового контента» ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры» (г. Барнаул, Россия)

39. Путрик Юрий Степанович, доктор исторических наук, кандидат географических наук, руководитель отдела нематериального наследия ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» (г. Москва, Россия)

40. Рагчаагийн Бигэрмаа, доктор (Ph.D.), доцент Монгольского университета науки и технологии (Mongolian university of science and technology, Монгол Улсын Шинжлэх ухаан, технологийн их сургууль), (г. Улан-Батор, Монголия)

41. Решетникова Татьяна Михайловна, магистр искусствоведения, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

42. Ростовцева Виктория Викторовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

43. Руденко Алла Ивановна, кандидат искусствоведения, ведущий методист МБУК «Тигильская центральная межпоселенческая библиотека» (с. Тигиль, Камчатский край, Россия)

44. Русинова Ольга Артемовна, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

45. Савелова Евгения Валерьевна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор, проректор по учебной, научной и международной деятельности ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный институт культуры» (г. Хабаровск, Россия)

46. Селеева Цаган Бадмаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Элиста, Россия)

47. Семенова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

48. Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

49. Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения буддологии и тибетологии» СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия)

50. Стручкова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, декан исторического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

51. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

52. Ткачев Виталий Викторович, руководитель Научно-исследовательского центра «Иркутская историческая школа» ГАУ-ДО Иркутской области «Центр развития дополнительного образования детей (г. Иркутск, Россия)

53. Хилько Николай Федорович, доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Сибирского филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» (г. Омск, Россия)

54. Чимитова Ирина Зоригтоевна, кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова» (г. Улан-Удэ, Россия)

55. Шаньгинова Галина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ, Россия)

56. Шуплецов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры музеологии и туризма ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры» (г. Барнаул, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА **10**

Буркова В. Н., Семенова О. В., Бутовская М. Л., Амиргалина Г. Т., Галимханов А. Б., Егорова А. И., Зинурова Р. И.
МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ РОЛИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (БАШКИРЫ, КАЗАХИ, ТАТАРЫ И ЯКУТЫ) 10

Бутовская М. Л., Адам Ю.И.
ПАЛЬЦЕВОЙ ИНДЕКС КАК МАРКЕР ПРЕНАТАЛЬНОЙ АНДРОГЕНИЗАЦИИ И ЕГО СВЯЗЬ С ВОЗРАСТОМ МЕНАРХЕ У ДЕВОЧЕК-ТУВИНОК СЕГОДНЯ 20

Мезенцева А. А.
ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОВ: ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРАХ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 28

Ростовцева В. В., Бутовская М. Л., Мезенцева А. А., Дашиева Н. Б., Стручкова Н. А.
ПОПУЛЯЦИОННЫЕ И ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ БУРЯТ, ЯКУТОВ И ТУВИНЦЕВ 34

Семенова О. В., Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Амиргалина Г. Т., Галимханов А.Б., Егорова А. И., Зинурова Р. И.
ОТЦОВСКАЯ ЗАБОТА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (БАШКИРЫ, КАЗАХИ, ТАТАРЫ И ЯКУТЫ) 43

Грот Л. П.
НЕФРИТОВЫЙ ПУТЬ И ПОДСОЛНЕЧНОЕ ЦАРСТВО В ЕВРАЗИЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ 53

Босхолова С. В.
ОСОБЕННОСТИ ШАМАНИЗМА ПРАВОБЕРЕЖНЫХ БУРЯТ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДЕЛЬТЕ РЕКИ СЕЛЕНГИ 64

Асалханова Е. В.
СВАДЕБНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ 75

Серебрякова З. А.
ЛАНДШАФТ В РОМАНЕ И. КАЛАШНИКОВА «ЖЕСТОКИЙ ВЕК» 81

Матвеева Е. В.
ДРАМАТУРГИЯ ДЕТСКИХ ИГР С КУКЛОЙ 87

Жанатаев Д. К.
СРАВНИТЕЛЬНО–ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОГО СЕДЛА В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ И ЯКУТОВ (САХА) XVIII–XX ВВ. 96

Махачкеева Г. В.
БУРЯТСКОЕ КОВРОТКАЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ 101

Руденко А. И.
РИТУАЛЬНАЯ КУКЛА «ГИЧГИЙ», ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В ОБРЯДАХ ОЛЕННЫХ КОРЯКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТИГИЛЬСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 2012-2019 ГОДОВ) 109

Дылгырова А. С.
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ ДАШИНИМЫ САНЖИЕВИЧА ДУГАРОВА 116

Николаева Д. А., Содномпилова М. М.
Г. Р. ГАЛДАНОВА – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ 125

Савелова Е. В.
ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ О КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА 135

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ТЕОРИИ И СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИКАХ 142

Перова Е. Ю.
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 142

Бояк Т. Н.
ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ 151

Назаров В. К., Добрынин С. А.
ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ 157

Татарова С. П.
РИТУАЛЫ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 168

Езова С. А.
ЭТИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 175

Кучмурукова Е. А.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕК БУРЯТИИ) 181

Николаева Д. А.
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ 188

Русинова О. А.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ 195

Иванова О. Д.
ПОДГОТОВКА СОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ЯТАГИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОНКУРСОВ И ФЕСТИВАЛЕЙ 204

Чимитова И. З.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ БУРЯТИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ _____ 208

Шаньгинова Г. А.
ПРОДВИЖЕНИЕ КНИГИ И ЧТЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА
МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ГОРОДА УЛАН-УДЭ _____ 214

Григораш А. В.
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СОЗДАНИЯ
МУЗЫКАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА
В ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ЗВУКОРЕЖИССЁРА _____ 220

Киричек Е. А., Селеева Ц. Б.
КАЛМЫЦКИЙ ФОЛЬКЛОР В ПРОЕКТАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«БУМБА». УСТНЫЕ СКАЗАНИЯ КАЛМЫКОВ О ГЭСЭРЕ _____ 228

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ _____ 237

Зенкин К. В.
ЖУРНАЛ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК ПРОСТРАНСТВО
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР _____ 237

Полякова Е. А.
СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТНОГО ПОДХОДА: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ _____ 244

Дубровина М. Э.
ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ КАК
ПРОЯВЛЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА КОЧЕВОГО ЭТНОСА _____ 250

Амгаланова М. В.
ЧАЙНЫЙ ПУТЬ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ _____ 261

Рагчаагийн Бигэрмаа
ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ
И ОБЫЧАЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ _____ 268

Ло Да
МУЗЕЙ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КАК СОКРОВИЩНИЦА РЕЛИКВИЙ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ _____276

Оргийн Найманжаргал
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОШЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ МОНГОЛИИ _____285

Решетникова Т. М.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИКОНОСТАСА ХРАМА В ЧЕСТЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА ГОРОДА ГУСИНООЗЕРСК _____290

Ткачев В. В.
ВКЛЮЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНЫЕ ПРОСТРАНСТВА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. _____298

Шуплецов А. С.
МУЗЕЙ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ _____304

Пахомчик С. А., Путрик Ю. С.
ТУРИЗМ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) _____311

Проминская О. И.
АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРИСТСКО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ _____319

Лхамжавын Мядаг
К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ ПРАВОПИСАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА _____327

Андреянова Е. Л.
МЕСТО МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА _____333

Хилько Н. Ф.
ВКЛЮЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В БРЕНДИНГ ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ _____ 346

Бадмаева Д. Д.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В БУРЯТИИ В 1920-1950-е ГОДЫ _____ 352

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____ 360

БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – XIII

СТЕПНАЯ ЕВРАЗИЯ:
КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

Материалы международной научно-практической конференции
(20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ)

Научное издание

ISBN 978-5-89610-347-9

Корректор – Д. Ц. Цыденова

Библиографические редакторы
С. Ю. Астраханцева,
Ю. А. Перемитина

Подписано в печать 28.12.2024. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 2690. Цена договорная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.